

ВОНДЕЛ
✦✦✦
ТРАГЕДИИ

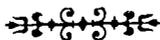
JOOST
VAN DEN
VONDEL

TREURSPLEN

ЙОСТ
ВАН ДЕН
ВОНДЕЛ

ТРАГЕДИИ

Издание подготовили:
Е. ВИТКОВСКИЙ, В. ОШИС,
Ю. ШИЧАЛИН

МОСКВА
«НАУКА»
1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин, Д. А. Ольдерогге,
И. Г. Птушкина (ученый секретарь), Б. И. Пуришев
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Н. И. БАЛАШОВ

В 4703000060-275 без объявления © Издательство «Наука»
042 (02)-88 перевод, статьи,
примечания

ISBN 5—02—012705—1

ЛЮЦИФЕР

трагедия

Præcipitemque immani turbine adegit¹.

*Непобедимейшему князю и государю,
господину Фердинанду Третьему²,
коронованному императору
Священной Римской империи,
все более возвышающему славу государства.*

Подобно тому, как Божественное Величие восседает в неприступном сиянии, восседает также и Светское Могущество, черпающее свое сияние в отражении божественных лучей, блистая преславно и неприкосновенно; но, как Божество, или, лучше сказать, Верховная Добродетель, милует благосклонно тех, кто приступает к наивысочайшему трону смиренно умалившись, — так да удостоит современное Могущество также и наималейшего дозволением почтительно склониться пред высочайшими стопами. В таковой надежде отваживается моя муза из дальнего края преподнести Вашему Императорскому Величию эту трагедию о Люцифере, слог коей взыскует быть весьма возвышенным и торжественным:

Omne genus scripti gravitate Tragoedia vincit³:

Сиять над высшей вышней
Дано Трагедии одной,

— все же ежели между тем в чем-либо здесь и недостает предполагающейся возвышенности стиля, то пусть возместят таковую содержание драмы, титул, имя и светлость того, кто предстает здесь зеркалом всех честолюбцев в небесной трагедии; того, кто занимал высокое положение в Небесах, кто призван был восседать по Божью сторону и быть Богу подобным, но от каковой участи отрекся и по справедливости обречен за то на вечный мрак. Сему злосчастному примеру Люцифера, архангела, некогда владычествовавшего над всеми ангелами, следовали с тех пор почти во все столетия различные строптивые тираны, о чем свидетельствует как древняя, так и новая история, показывая, как насилие, подлость и коварно учиняемые удары неправедных, замаскированные под блеск и сияние законности, бесполезны и бессильны, поскольку Божие предвидение оказывает поддержку изначально освященным Властям и Родам, во имя спокойствия и безопасности саморазличных государств, кои, не обладая законным верховным главой, лишаются возможности образовать гражданское сообщество; именно поэтому Господень провозвеститель на пользу человеческому роду сию Державу утвердил как свою собственную, повелевая воздавать Богу и Кесарю соответственно Богово и Кесарево. Христианская империя пребывает подобно кораблю в бурном море, со всех сторон осажденная в паше время турками и татарами, и, ввиду угрозы кораблекрушения, требуется в высшей степени единодушное почитание Императорского дома, дабы сдержать общего наследственного врага племени Христова и обезопасить императорские земли вместе с их границами от ущерба, чинимого дикими народами; посему возблагодарим же Бога за то, что Ему было угодно на последнем рейх-

стаге закрепить власть и корону Священной Римской Империи в руках наследника, Фердинанда Четвертого⁴, в то время как его отец пребывает в добром здравии; мы усматриваем в этом благословение, прослышав о коем, столь многие народы воспрянут духом, и сценическая труба пашей нижнемецкой музыки отважнее, чем когда-либо, выведет Люцифера, триумфально побеждаемого Михаилом, на подмостки перед троном властителя державы Верхних Немцев.

Вашего Императорского Величества
Всепокорнейший слуга
И. ван Вондел.

К ПОРТРЕТУ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
ФЕРДИНАНДА ТРЕТЬЕГО

*в час, когда Иоакимус Сандрарт⁵ из Стокау, из Вены
в Австрии, меня почтил изображением Его Величества,
изукрашенным трофеями и венками.*

Deus nobis haec otia fecit⁶.

Светилом Австрии, внесенным столь высоко,
Послать лучи Земле сегодня решено:
С престола горнего благоволит оно
К искусствам обратить взыскательное око.

О третий Фердинанд, ты словно Август новый,
Наследуешь ему, как верный сын отцу:
Ты знаешь бранный путь к небесному дворцу,
Внося в тревожный мир спокойствия основы⁷.

Блаженный властелин блаженного парода,
¹⁰ Всевышний да блюдет тебя, твой век продлив,
И суд весов твоих да будет справедлив!

Орел доставил меч и скипетр с пелобсвода,
Корону возложил на славное чело, —
Начало дней золотых на земли низшло.

ОБРАЩЕНИЕ
КО ВСЕМ ДРУЗЬЯМ ИСКУССТВА
И ЦЕНИТЕЛЯМ СЦЕНИЧЕСКОГО ДЕЙСТВА

Здесь преподносятся вам, дабы сызнова воспламенить ваше рвение к искусству и дабы вместе с тем напитать ваши души подкреплением и поучением, священная Трагедия, имеющая местом действия Небеса. Великие Архангелы — Люцифер и Михаил, каждый поддерживаемый приверженцами, взявшими их сторону, — выходят здесь на подмостки, чтоб сыграть свои роли. Сцены и персонажи столь ясны и столь величественны, что им подобал бы более возвышенный стиль, более высокие котурны, нежели я умею для них измыслить. Никто из тех, кому понятен язык непогрешимых пророков божественного Духа, не станет трактовать, что мы излагаем историю Салмоная³, воспротивившегося Юпитеру среди Элиды, подражавшего при помощи металлических брусьев своей колесницы грому и молниям, громом же и убитого; никоим образом не пытаемся мы заново поведать древний сюжет о битве Исполинов, — каковыми примерами пытается Поэзия отвратить внимлющих ей от высокомерия и безбожного подрывания основ церкви, вдохновляя взамен того к познанию природы; именно вихри и поветрия, замкнутые в чутре земли, в ее заполненной серными испарениями полости, порою ищут возможности исторгнуться, востопорщивая каменные скалы, творя дым, чад, пламя, трясение почвы и ужасающий шум, — разразившись же сими производными и поднявшись в небесную высь, бьют они вновь низвергнуты в основание суши и моря, и завалены пеплом и камнями. Среди пророков свидетельствуют нам о падении Архангелов и их

приверженцев Исайя и Иезекииль; также и Христов Евангелист дал нам наиболее истинное для нашего понимания богодухновенное известие, наконец, о том же говорит Иуда Фаддей, верный Его апостол, изречения коего достойны быть запечатлены в вечном диаманте, и еще более того — в наших сердцах. Исайя восклицает: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих взнесу престол мой и сяду на горе в сонме богов на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней»⁹. Бог речет через Иезекииля так: «Ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты. Ты находился в Эдеме в саду Божием, твои одежды были украшены всякими драгоценными камнями: рубин, топаз и алмаз, хризолит, опикс, яспис, сапфир, карбункул и изумруд и золото, все, искусно усаженное у тебя в гнездышках и папизашное на тебе, приготовлено было в день сотворения твоего. Ты был помазанным херувимом, чтобы осеять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией, ходил среди огнистых камней. Ты был совершен в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония»¹⁰. Оба эти изречения следует понимать в буквальном смысле относящимися: одно — к царю Вавилона, другое — к царю Тира, которые, подобные Люциферу величием и высокомерию, были наказаны и преданы карам. Иисус Христос также наблюдает падение строптивого Люцифера. Он речет по этому поводу: «Я видел Сатану, спавшего с неба, как молнию»¹¹. Фаддей описывает картину падения ангелов, их проступок и впоследствии последовавшее наказание, без какой-либо таинственности, кратко,

так: «И ангелов, не сохранивших своего достоинства, соблюдает в вечных узах, под мраком, на суд великого дня»¹². Мы обороняемся этими золотыми изречениями, особенно словами Иуды Фаддея, ученика и посланника Небесного Учителя и Царя всех царей, от стрел всех маловеров, кои стремятся поставить под сомнение истинность падения Духов. Кроме того, в том же убеждает нас изобилие достойных уважения, большей частью единоподушных в данном вопросе высказываний отцов церкви; все же, чтобы не злоупотреблять вниманием со товарищей по искусству, удовольствуемся мы тремя выдержками; первая — из Св. Киприана¹³, епископа и мученика Карфагенского, — он пишет: «Сей, дотоле сподобленный сапа ангельского величия, удостоенный быть приятным Богу, узрел человек, сотворенный по образу и подобию Божию, проникся злоторной завистью¹⁴ и пал благодаря оной, дотоле его не обуревавшей, пал, низринутый, пойманный прежде, нежели сам поймал, испорченный прежде, нежели сам испортил; тем временем он, снова возбуждаемый завистью, похитил людей из дарованного им милосердного освобождения от смерти, но и сам также потерял то, что имел прежде». Григорий Великий¹⁵ даст нам второе речение: «Этот падший ангел, созданный для того, чтобы выше других ангельских сопмов сверкать, низвергнут так за свое высокомерие, и поныне остается подчиненным господству непоколебленных ангелов». Третье и последнее указание обретаем мы в поучениях медоточивого Бернарда¹⁶: «Бойся высокомерия, я молю тебя, все же бойся его! Источником всех преступлений является высокомерие, которое самого Люцифера, сверкающего яснее всех звезд, затемнило вечным мраком. Оно не просто одного из ангелов, но высшего

Ангела обратило в Дявола». Высокомерие и Зависть — две побудительные причины ужасающих вспышек раздоров и войн, когда над нами властвует упряжка из двух созвездий-зверей, Льва и Дракона, которые впряжены впереди боевой колесницы Люцифера, увлекая его в бой против Бога и Михаила; следует приять во внимание то, что оба эти зверя символизируют данные умопомрачения, ибо Лев, царь зверей, воодушевленный своей мощью, в своей надменности не числит никого высшим себя; зависть же язвит своим языком тех, к кому она обращена, на расстоянии. Блаженный Августин¹⁷, описывая эти два умопомрачения, присущие Люциферу, характеризует нам его и говорит, что Высокомерие — это любовь к своему собственному величию, но Зависть — самое ненавистное среди всех прочих несчастий; здесь явно прослеживается взаимосвязь, ибо каждый подобный — говорит Августин, — тот, кто собственное величие возлюбил, завидует подобным же себе, и завидует меньшим себя потому, что они не стали равными ему, завидует большим себя потому, что они стоят выше его. По той же причине даже и сами звери одержимы проклятыми Духами и употребляемы ими во зло, подобно тому, как случилось это в начале времен со Змеем, а в священный век — со стадом свиней, которые с превеликим шумом бросились в море¹⁸; поскольку же созвездия в небесах сами обозначены символами, также упоминаемыми Пророками¹⁹, например, Плеяды, они же Семизвездие, Арктур, Орцион и Люцифер, то да будет вам угодно извинить изобильность и назидательность драматической поэзии, которая, преображая подобным образом нагубных Духов в нашей трагедии, вооружает их и позволяет им противоборствовать, ибо адским чудовищам ничто так не

свойственно, как принимать обманные обличья и злоупотреблять стихиями и тварями во вред славе и имени Всевышнего, заходя столь далеко, сколь Он им позволяет; Св. Иоанн в своем Откровении изображает Небесные Тайны и борьбу в Небесах, говоря о Драконе, чей хвост, утащивший третью часть звезд²⁰, толкуем теологами как образ падения низверженных ангелов; в поэзии к тому же вошло в традицию не осуждать цветистость изложения и не предписывать строгости школьных уроков. Так же должны мы относиться к второстепенным персонажам, появляющимся в этой Трагедии, именно к злым и добрым Ангелам, из коих каждый играет свою особую, от других отличную роль; подобно тому, как сам Цицерон и его последователи учат нас изображать каждый персонаж согласно его происхождению и положению. Между тем мы не находим никакого резона в том, чтобы драматург весьма строго следовал тексту Св. Писания и таковым ограничивался, отлично от случаев, когда дело касается до мировой истории или же до языческих измышлений, и пренебрегал бы древними и преславными законоустановлениями поэзии, что изложено Горацием Флакком в его «Науке поэзии» следующими словами²¹:

Имеют власть решать художник и поэт,
Что на потребу им, а в чем потребности нет.

Здесь в особенности следует уделить внимание тому, как мы, дабы сильнее распалить ревность высокомерных и завистливых Духов, приоткрываем им в некоторой мере — устами глашатая Тайн Господних, Божьего Посла Архангела Гавриила — таинство грядущего воплощения Слова; мы следуем в данном случае мыслим по большинству, но лишь некоторых тео-

люгов, поскольку более скорбная картина предоставляет больше богатого материала и сценического блеска; однако в этом пункте, как и в других обстоятельствах причинности, времени, места и образа действий — мы, воспользовавшись таковым, лишь имели целью провести трагедию сильнее, пышнее, последовательнее, поучительнее, и лишь хотели осветить несомненную истину, а не измыслить что-либо по нашему разумению или счесть возможным что-либо твердо установить. Святой Апостол Павел, провозвеститель Тайн Господних Евреям, возвещает сам весьма достохвально — к повреждению царства лживых и совращенных Духов — господство, власть и божественность вочеловеченного Слова, благодаря Его вступлению превыше всех ангелов в имя, сан и наследование, в почитание ангелами, в помазание, в восседание одесную Бога, в вечность Своего господства как Царя Грядущего Мира, источник и окончание всего сущего и венчанного главы человека и ангелов, Ему подвластных, Божьих вестников и Духов, посланных на службу человекам, наследникам блаженства, природа которого — Сын Божий, Ангелами предшествуемый, в роду Авраамовом заветанный²². Считаясь с этой несомненностью, я не почитал здесь уместным без разумения повторять в точности каждое слово Библии, поскольку безупречные свидетели, устами коих таковые слова проречены, так же порой могли быть подвержены переменчивости, подобно тому, как у простых правдивых людей чувственное восприятие не всегда сходно и одинаково. Все достойные уважения искусства и учения имеют своих приверженцев и противников, так же, как налицо и справедливое использование оных, и злоупотребление ими. Поэты и Драматурги, трактующие Свя-

щенное Писание, ведут свое родословие от древних евреев, среди коих поэт Иезекииль²³ оставил по себе в греческой словесности описание исхода двенадцати колен из Египта; среди досточтимых отцов церкви есть у них также великий светоч, сияющий с Востока — Григорий Назианзин²⁴, драматически изобразивший в греческой поэме распятие Спасителя, точно также остаемся мы в долгу перед королевским послом Гуго Гроцием²⁵, этим великим пламенником учености и благочестия нашего века, пошедшим по стопам Св. Григория в своей трагедии о Распятии, написанной на латинском языке: этой непреходящей по достоинствам работе воздаем мы честь и благодарность. Среди английских протестантов ученое перо Ричарда Бейкера²⁶ также достаточно вольно в перифразованной форме развернуло образ Люцифера и всю историю мятежа Духов. Отцы древней церкви имели обыкновение отлучать от церкви лицедеи, принявших крещение, и сильно порицали драматическое искусство того времени, но мы будем держаться в стороне от этого факта, — время и обстоятельства тогда были совершенно иные, нежели теперь. Мир тогда еще лежал во многих отношениях погруженным в языческое безбожие. Возникновение христианства было тогда еще свежо в памяти людской; драматическое же искусство, посвященное Кибеле, танцеванной матери богов, великому идолу, существовало и поддерживалось в качестве вспомогательного средства, имеющего целью отвести от народа поварьные бедствия. Блаженный Августин свидетельствует, что языческий первосвященник, служитель установлений Нумы и идолопоклонства, учредил в Риме драматические действия и закрепил их своею властью, дабы тем самым отвратить свирепствовавшее тогда черное моровое по-

ветры. Скальгер²¹ при драматические действия были учреждены древним Риме по внушению Сивиллы во имя народного здоровья; из этого следует, что таковые игры служили укрепляющей пищей слепому идолопоклонству языческого мира и возвышению идолов; растущее отвращение, с которым христианские подвижники и продолжительно борвавшаяся церковь относились к лицедейству, оное искореняя, обошлось во множество крови и пота, но теперь от древних культов в Европе не осталось никаких следов. Поэтому необходимо и похвально поступали Св. Отцы древности, наказуя драматическое искусство и равным образом порчу нравов, выражавшиеся в злоупотреблении показом обнаженных юношей, девушек и женщин, воистину не долженствующего иметь места. Теперь все это преодолено, пусть на пользу нам и приличеству послужат поучительные и занимательные представления. Священные и достойные примеры служат зеркалами, чтобы исповедывать добродетель и благочестие; чтобы избегать несчастий и бедствий, кои также бывают показываемы на сцене. Целью и памереннем узаконенной Трагедии является смягчение нравов посредством устрашения, а также возбуждения в душах сострадания. Обучающаяся молодежь, в расцвете лет своих может упражняться благодаря лицемерию драматических действий в знании языка, в красноречии, в мудрости, воспитанности, добрых нравах и манерах; таковое же упражнение установит в их чутких душах и мыслях черты послушания и обходительности, которые останутся им присущи и в зрелом возрасте и сохраняются до старости: случается ведь порою и так, что незаурядные умы, не откликаясь и не ответствуя ничему обыденному, бывают затронуты и подвигнуты к еще более высо-

дам умышлениям благодаря остроумному и возвышенному драматическому стиху; в точности так благородный лютнист производит соответственные звуки, чуть лишь только другой, ему подобный, и на такой же лад настроивший лютню, тронет струны одухотворенной рукой, каковая имеет возможность развеять угнетенное настроение владетельного и законсего Саула. История древней церкви подкрепляет сие достопамятными примерами Генезия и Ардалиона²⁸, двух театральных лицедеев, посвященных и обращенных Св. Духом: в то время, как они по ходу лицедейства желали унижить христианское богослужение, они прониклись истиной, постигли ее, следуя возвышенным театральным ролям, в каковых ядро мудрости можно бывает преподать более достойно изукрашенным, чем при посредстве неблаговозвышенных проповедей, часами бросаемых на ветер и скорее неприятных, чем поучительных. Нас также упрекают касательно до содержания Библии, что никакой игры, связанной со священными предметами, не следует играть; сие может еще показаться сколько-то обоснованным на нашем родном наречии, в котором слово «игра» имеет также и неблагородное значение; однако же кто хотя бы слово — другое в состоянии связать на наречии греческом, тот хорошо знает, что греки и латиняне подобного употребления одного слова не знавали; *Τραγῳδία* представляет собою сложное слово и обозначает собственно «козлиная песнь», в память о соревновательных пастушеских песнях, в каковом соревновании победивший получал в награду козла; отсюда возник обычай трагического пения, и драматическое искусство обрело свое основное название; если же будут нас и долее все так же немилосердно заушаты за самое слово «игра», как быть нам

тогда с игрою органа, или же с игрою на арфе и пением Давидовым, и с игрой десятиструнного псалтериона²⁹, и с другими видами игры на духовых и струнных инструментах, различным образом введенными протестантами в свои собрания? Кто способен постичь смысл и узреть разницу здесь, тот не будет немилосердно хулить справедливое использование сценического искусства и не отнесется недоброжелательно к этому прекрасному, даже божественному изобретению, достойному уважения виду отдохновения, сладостному, словно мед, утешению в жизненных трудностях для молодежи и благосклонного к искусству бюргерства; посему мы, воодушевленные зрительским одобрением, выводим в трагедии Люцифера, каковой, настигаемый Господней молнией, испровергается во Ад как несомненное зеркало всех неблагодарных честолюбцев, упрямо смеющих восставать против освященных властей, величеств и законоустановленного начальства.

СОДЕРЖАНИЕ

Люцифер, Архангел, высший и светлейший среди всех Ангелов, высокомерный и властолюбивый, уязвленный слепую любовью к самому себе, позавидовал Божьему безграничному величию, а также Человеку, созданному по образу и подобию Божию и в роскошном Эдеме одаренному господством надо всем земным паделом. Он позавидовал Богу и Человеку еще более пылко, когда Гавриил, Глашатай Господних Тайн, объявил всех Ангелов Духами, призванными нести службу, и раскрыл им тайну грядущего Господнего вочеловечения, однако же, обойдя Ангельский собор окончательным раскрытием подлинной человеческой природы, имеющей в будущем соединиться с божественной, коим будут предустановлены равные Власть и Величие; в ответ на сие гордый и завистливый Дух, пытающийся самого себя поставить равным Богу и удержать Человека вне пределов Небес, становится предводителем своих приверженцев, неисчислимых Ангелов, дымящихся злобою и вооружившихся, несмотря на предупреждение Рафаила, указывающее на безрассудность войны с небесным Архистратигом Михаилом и его воинством; пораженный в бою, после проигранной битвы, мстит он первому Человеку и с ним всем его потомкам, после чего злонравный Дух низвергается окончательно вместе со всеми своими строптивыми сторонниками во Ад, где и обречен пребывать проклятым во веки веков.

Драма имеет местом действия Небеса.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Велиал	}	военачальники восставших
Вельзевул		
Аполлион		
Гавриил, Божий Глашатай		
Хор Ангелов		
Люцифер, Наместник		
Люциферисты, мятежные Духи		
Михаил, Архистратиг		
Рафаил, Ангел-хранитель		
Уриил, оруженщик Михаила.		

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вельзевул, Велиал, Аполлион

Вельзевул

Мой Велиал ушел в пространства для дозора;
Возвратный путь стремится достаточно ли скоро
Наш друг Аполлион, — владыка Люцифер
Тому препоручил сойти с небесных сфер³⁰
Затем, чтобы визизу удел Адама, Землю,
Обследовать вполне. Вестям заране внемлю:
Сей Дух, от нижнего вернувшись рубежа,
Все точно сообщит, владыке послужа,
Как и положено достойному клеврету.

Велиал

¹⁰ О да, князь Вельзевул: исполнив службу эту,
Сейчас Аполлион уже в просторе зрим:
Он мчит быстрее ветров, и яркий след за ним
Простерт, — он облака взрывает и бичует

Концами крыл, -- уже он воздух Неба чувствует,
Сюда при свете дня спешить благоволя,
Где твердь удвоена лазурью хрустала³¹.
Планеты смотрят, как, величественно рея,
Стремится он превыспрь, к вершине Эмпирея;
Не Ангел — слышится в их пылкой похвале, —
²⁰ Се огонь, ширяющий могучие крыле!
Вот он приблизился быстрее звезды летучей,
Смотри: прервал полет, восстал над горней кручей,
Златую ветвь держа.

Вельзевул

Аполлион, реки.

Аполлион

Князь Вельзевул, сады Эдема далеки,
Но я усердствовал как должно, уповаю:
Теперь сей плод прими, с ним совокупно — вайю³²;
Их созерцая, ты судить можешь сам,
Сколь вертоград земной угоден Небесам
И взыскал Господом.

Вельзевул

Я вижу листьев злато, —
³⁰ Сколь перлами росы земная ветвь богата!
Сколь многокрасочен, сколь духовит сей лист!
Сколь плод пленителен, пунцов и золотист!
Сколь сотворен умно, притом — благообразно!
Коснуться ли его? Великого соблазна
Предмет исполнен сей! Отведавший плода —
Про манну позабыть захочет навсегда!
Отныне жребий наш мы числить горшним будем:
Дано блаженствовать не Ангелам, но людям.

Аполлион

О да, князь Вельзевул: кто правит вышиной,
⁴⁰ Тот нынче ниже всех. Увиденное мной
Повелевает мне лишь восхищаться немо:
Наш Рай, увы, ничто перед красой Эдема.

Вельзевул

Теперь насыть наш слух не менее, чем зрак.

Аполлион

К чему повествовать велеречиво, как
Я девять сфер пронзил хрустальных, на которых
Светила виждутся и движутся в просторах.
Не можно б и мигнуть в тот краткий миг, пока
Я, миновав Луну, слетел под облака,
Несомый крыльями однако столь высоко,
⁵⁰ Чтоб разом обозреть блаженный край Востока ³³,
Земную выпуклость, в чей берег волны бьют
Над межусобицей глубинноводных чуд.
Гора великая в том первенствует мире,
С которой водопад, в струи дробясь четыре,
К равнинам рушится. Роскошный сей предел
Спеша обследовать, я круто низлетел
На маковку горы, и со вниманьем вящим
Взор обратил к садам и нивам прилежащим.

Вельзевул

Неведенье о них скорее в нас рассей.

Аполлион

⁶⁰ Мироподобие нам дол являет сей,
Среди него гора стоит, весьма большая,
Струями четырьмя равнины орошая ³⁴, —
На ней источник бьет: в полях любой ручей

Столь чист, что, как хрусталь, не явствен для очей;
По берегам ручьев тучнеют илом доли,
А в почве ониксы и каменные смолы ³⁵
Горят созвездьями, — в глубинах опых недр
Природы женственной посев настолько щедр,
Что затмевает все, узор волшебный выткав
⁷⁰ Из самоцветных друз и корольковых слитков.

Вельзевул

А что за воздух там? Ответствовать изволь.

Аполлион:

Дыханье Ангелов не сладостно настоль,
Насколь приятен ветер в краю людского рода, —
Он жизнедатеи там, как, впрочем, вся природа;
Там грудь полей цветет преизобильем трав,
Росистых поутру. Среди долов и дубрав —
Тысячецветие побегов и бутонов;
И солнце, поровну лучами зелья тронув,
Разумно светит столь над миром, что в садах
⁸⁰ Заметной сколь-нибудь нет убыли в плодах.

Вельзевул

Теперь — самих людей изобрази подробно.

Аполлион

Создание сие настолько бесподобно,
Что нам ли, Ангелам, вещать о существе,
Которое стоит всех прочих во главе?
Там, на Земле, я зрил великий бестиарий:
Тьмы водных, луговых, воздухолетных тварей
Передо мной прошли, — тут всех не назову,
Кто в воздухе, в воде, согласно естеству,
В Эдеме дивно длит часы существованья

- ⁹⁰ И коим даровал Адам имепованья.
Пред сим властителем простерт падменный лев,
Хвостом виляющий, — и тигр, запечатлев
Почтенье к старшему, ему ложится в ноги,
А с ним — медведь, и слон, и бык тяжелорогий;
И поступают так, как властелин велит,
Орел, грифон, дракон, и бегемот, и кит.
К чему повествовать, что возвели в обычай
Адама чествовать вожди когорты птичьей;
Легко журчат ручьи, лепечут деревца,
¹⁰⁰ И в сердце — музыка, которой нет конца;
Когда б Аполлион не поспешал с докладом —
С Адамом быть навек он захотел бы рядом.

Вельзевул

Супружескую нам опишешь ли чету?

Аполлион

- Зреть здесь, на Небесах, такую лепоту
Я не сподобился. Кто мог бы столь умело
Слить и персть и кость, водвинуть душу в тело,
Когда не сам Господь? То — Ангелы вдвойне,
И, коль оценку дать чете сей должно мне,
Уместно пребывать во славе и почете
¹¹⁰ Сим душам, лики чьи отражены во плоти,
Где отражения божественных лучей
Приумножаемы зеркалами очей.
Разумность ясных лиц дана сей славной паре:
Речей лишённые, в том мире дольшем твари
Все только вниз вглядят; не опустив лица,
Умеет человек один хвалить Творца.

Вельзевул

Предлог для похвалы имеет он, бесспорно.

Аполлион'

Он — господин Земли, где все ему покорно,
Бессмертная душа в нем искони блага,
¹²⁰ Не склонна тлению. Рассудок — ей слуга.
Непостижимой сей владычицы безмерны
Уменья избежать и пагубы, и скверны,
Затем, что воля ей дарована судьбой.
Немотствовать пред ней Дух обречен любовью.
Сколь днесь ни мал посев — година урожая
Грядет, людей число в миру приумножая:
Мужчине женщина для этого дана.

Вельзевул

Что есть Адамово ребро, его жена?

Аполлион

Прикрыть концами крыл пришлось мне поневоле
¹³⁰ И очи и лицо свое, Адам поколе
Ее вдоль сада вел супружеской рукой,
Без торопливости, по временам такой
Ей посылая взор, — как могут только люди, —
Что пламень тек святой в ее нагие груди.
Затем лобзанья их мне зреть пришлось не раз,
Затем, желанный столь, настал и свадьбы час ³⁶:
Блаженство человек в супружестве изведаль,
Какого Бог сынам Небес от века не дал.
О одиночество! Горька твоя стезя,
¹⁴⁰ На коей трепета нам ощутить нельзя,
Затем, что волею Господнего глагола
Нет женщины в Небесах и нет различий пола.

Ре

Так, значит, будет вся заселена Земля?

Аполлион

Восторг взаимности друг с другом разделя,
Сия сопряжена любовной страстью пара,
Алчною красоты. Во умноженьи жара
Любви — смысл жизни их. Живим людской удел
Неутоленностью влеченья душ и тел.

Вельзевул

И впрямь черты жены настолько превосходны?

Аполлион.

¹⁵⁰ Чтоб описать ее, все краски непригодны.
Мужчина с женщиной — прекрасная чета
От головы до ног. При этом неспроста,
Но только следуя наследственному праву,
Земную получил под власть Адам державу;
Однако Евина для жениха краса
Всего желаннее: ланиты, очеса,
Стан восхитительный, атлас нежнейшей кожи,
Уста, чьи речи столь звучанием пригожи,
Слоновой кости два живительных ключа, —
¹⁶⁰ Здесь я останавлиюсь, о прочем умолча.
Не благолепны сколь суть Ангелы — в итоге,
В сравненьи с девою — и жалки, и убоги.

Вельзевул

Зверь пола женского пленил тебя вполне ³⁷.

Аполлион

Я перья опалил в приятном сем огне,
Важнейшие в крылах, и мне признаться надо,
Что тяжек был полет до ангельского града.
Я трижды взор кидал, ее красой маня,

Уже с высот Небес, средь коих Серафим
Не блещет ни один, как сладким дышит жаром
⁷⁰ Убор ее волос, спадающих муаром
На спину с головы. Сей светоносный вид
Она являет всем, и все вокруг живит.
Жемчуг и перламутр светлы, как солнце утра, —
Ее светлее лик любого перламутра!

Вельзевул

Прикрасой брэнною прельщаться ли в миру:
Что пычке расцвело — то свянет поутру.

Аполлион.

Не исплодился сад пока в земной округе,
Под сенью яблони возмогут жить супруги,
Растущей в том саду, где бьет родник, поя
¹⁸⁰ Ствол и листву ее. А яблоня сия
За Древо Жизни там слывет небеспричинно, —
С женой бессмертною бессмертен и мужчина,
Подобна ангельской его благая часть, —
Но нас он превзойдет, распространивши власть
Свою повсюду. Кто ему перечить сможет?
Потомством ни один Дух Неба не умножит
Небесных Ангелов конечное число.
Предвидеть следствия — премудро не зело.

Вельзевул

Быть унижаему — для Духа нетерпимо!

Аполлион

¹⁹⁰ Могущество людей возрастет неизмеримо.
Владыка человек днесь только под Луной,
Но призван властвовать и горней вышиной.
Воссядет, может быть, на Божием престоле:

Что воля Ангелов, коль то — по Божьей воле?
Дал человеку Бог высокую судьбу.

Вельзевул

Что слышу я вдали? Мне кажется, трубу.
Мы обождем, — взгляни, кто кличет нас на форум.

Аполлион

Архангел Гавриил грядет с небесным хором,
От трона Божия торжественно сейчас
²⁰⁰ Герольдом шествует, чтоб нам прочесть приказ.

Вельзевул

Слова Архангела нам небезытресны.

Гавриил, Хор Ангелов.

Гавриил

Внемлите, Ангелы, насельники небесны,
Всемилосердию Подателя Добра,
Длань благодатная настолько чья щедра,
Что тщетно постигать любому пониманью
Дары, несомые сей полновластной дланью;
Днесь человеку Он дал вечный образ свэй,
Как прежде Ангелам на тверди мировой
Дал облики, решив во милосердьи многом
²¹⁰ Позволить им блистать единоместно с Богом;
Он гармонически созиждил все, что есть,
Чтоб в мире человек мог свой удел обрести,
Где обретался бы и где плодился паки,
Где все являло бы ему почтенья знаки,
И, приумножа блеск, недолгий срок спустя,
Вошел бы в Эмпирей, блаженство обрета.
Чин Духов, мнится вам, превыше всех прославлен,

Но человек над ним — в хозяева поставлен;
Ко свегу горнему над Ангелами он
220 Едино с Господом пребудет вознесен.
Он, в Слово воплотясь, предстанет господином,
На власть помазанным, судьей присоединным,
Стоящим выше всех, кому судить равно
Да будет и людей и Ангелов дано.
Ему готов престол, и пусть он вечно правит,
В молитвах Ангелы владыку да восславят, —
Всеусто Духами поются пусть псалмы
Тому, по сути кто блаженнее, чем мы.
Блеск Серафимов пусть померкнет в небосводе
230 Пред благолешием во человеческом роде;
Собой Природа днесь должна явить рабу
Пред тем, кто людям дал блаженную судьбу.

Хор

Как Богом решено — пребудет так вовеки.

Гавриил

Вам должно в Господе зреть власть и в человеке:
В Адаме явлен Вам свет Божия лица,
Адама чтящий — чтит Адамова отца.
И Ангел, и Адам — творенья суть Господни,
Единогое ствола достойные отводни,
Блюдущие любовь святую испокон,
240 Что им ниспослана во благо и в закон.
Мир Ангелов — тройк, верней, девятисложен ³⁸:
Престолы — первый чин, равняться с ним возможен
Лишь серафимский чин, иль херувимский: се
Совет Божественный во славе и красе.
В срединном хоре зрим когорту сановиту:
Властей, Господств и Сил — совета Божья свиту,
Что благо общее рачительно хранят;

Начал, Архангелов являет третий ряд,
А также Ангелов сиятельных, которым
⁵⁰ Склоняться следует перед срединным хором,
По воле оною спеша послушно чрез
Любые поприща хрустальных сих небес.
Как раз из этого ответственного ряда
Местоблюстители страны, удела, града
Да будут призваны в грядущие года,
Умножится в миру число людей когда.
Грядите, Верные, к Господнему подножью,
Покорствуй, Люцифер³⁹, приемли волю Божью.
Род чествуя людской, обязанность свою
²⁶⁰ Уместно каждому теперь блюсти в Раю;
Такой да будет труд днесь некоторым задач:
Да воскурят они для человека ладан
В сем приснорадостном сияющем дворце,
Да вознесут хвалу пред Божие лице.
Иным — небесный свод вращать рукой могучей,
То обнажать его, то застить влажной тучей,
Чтоб возмогли ниспасть, покинув небеса,
Свет солнца благостный и свежая роса
На горы и на дол, — конечно же, и манна
²⁷⁰ Эдема гражданам да будет богоданна.
Иные, меж собой бразды распределя,
Пусть ревностно следят, чтоб воздух, и земля,
И влага, и огонь не буйствовали доле,
Но подлежали бы Адама грозной воле⁴⁰;
В телохранители — идти еще иным:
Адама каждый шаг да будет охраним,
И волосок его беречь любой возжаждай,
Посланец Господа, небесный Ангел каждый:
Адаму пребывай бестрепетным слугой.
²⁸⁰ Господь пожаловал нам жребий сей благой.

Хор Ангелов

Песнь:

Кто сей, воссевший столь высоко,
Безмерным светом осияв,
Вместить кого ни слух, ни око
От безначалия времен
Не могут способом никоим;
Кто, мир из бездны изнеся,
Вовеки сам в себе покоим;
Создавший все и всех и вся;
Чья непоколебемая сила
²⁹⁰ Владычит, правя и верша;
Жизнь жизни и светил светило;
Первопричинная душа
Всего, что ум постигнуть может
И что нельзя постичь уму;
Родник, который благо множит
По милосердию своему;
Кто, как венец деяньям славным,
Не высшей мудростью ужель
Воздвиг своим твореньем главным
³⁰⁰ Небес Небесных цитадель ⁴¹;
Пред кем чела крылами застим,
Дабы не опалить зениц,
Пред кем, исполнясь высшим счастьем,
Смирненно упадаем ниц;
Кому собранием крылатым
Пером не все похвала
Начертана да будет, взятым
Из серафимова крыла ⁴²?

Ответная песнь:

Се — Бог, всего первоначало,

³¹⁰ Кем суть вещей воплощена,
Кому достойно не звучала
Хвала от века ни одна, —
Тебе свою поем, однако
За дерзость нас не побрани,
Посколь ни речи нет, ни знака,
Где б Ты вместился искони;
Лишь восхищения избыток
Нам повод подает сейчас
Для бесполезных сих попыток;
³²⁰ Есть имена у всех у нас —
Не у Тебя. За святотатца
Почли б того, кто в похвальбе
Дерзнул Твоим провидцем зваться;
Ты — ведом одному Себе,
Единый более, чем сущий,
Живущего исток живой,
Владыка ветхий и грядущий;
Чей блеск мы зрим, когда не Твой
Светлейший блеск над горней твердью?
³³⁰ Столь благо велико сие,
Что даже Божью милосердию
В конечном нашем бытие ⁴³
Не уместить сего залога;
• Все распадется, все преждёт,
Но вечен Ты. Восславим Бога,
Твердыню нашу, наш оплот!

З а к л ю ч и т е л ь н а я п е с н ь :

Святы́й, святы́й троекратно,
Нам иной опоры нет:
Все переменно, все превратно,
³⁴⁰ Вечен — Господа завет;
В нем — незыблемая сила;

Все отпято у нас, все человеком взято
370 До первородства в плоть; наш блеск пришел
к концу;

Сей сын шестого дня, подобный столь Отцу,
Возводится на трон. Пред словом боговещим
Мы, первородные, да сникнем, да встретим.
Что пользы возражать? О сем провозвестил
У Неба врат златых Архангел Гавриил.

Вельзевул

Вельможный Люцифер, наместник высшей власти,
Все нами слышано, — хотя звучит отчасти
Фальшивость некая в молебных торжествах.
Увы, Архангела не таковы слова,
380 Чтоб каждый толковать их мог по произволу.
Впустую твой клевет летал к земному долу,
К простертым под Луной равнинам и садам,
И узнавал, к чему определен Адам:
Не скупо дал Господь Адаму благостыни,
Драбантов тысячи к нему приставил ныне,
Творцу, как видно, он всех наипаче мил,
Коль Божьих первенцев в очах отца затмил.
Он ко вратам грядет небесной цитадели,
Презренный выползок из грязи и скудели,
390 Владыка новый наш. Узрим в недалний час,
Как всходит он на трон, поправ, ничтожных, нас,
А мы, смиренностью охвачены великой,
Лишь сможем лепетать хвалу перед владыкой.
Неведома досель, явилась к нам напасть.
С одним лишь Господом делить он станет власть,
Его взнесение опасностью чревато:
Ничто не ускользнет из-под его диктата, —
Он, вечность раздробив на ряд годов и дней,
Им повелит бежать. Что может быть ясней,

400 Чем то, что в Небе мы главенством днесь не
первы?

Нам человек — тиун, мы человеку — сервы
Послушные. Твой скиптр, наместник, посрамлен:
Из низших в вышние занять небесный трон
Властодержатель мчит иной. Отбрось далече
Блеск утренней звезды и приготовься к встрече,
Пой сладкую хвалу грядущему с Земли.
Порядки новые на Небеса пришли:
Смирились Звезды все, склоняются глубоко
И новому ярму покорны прежде срока.

Люцифер

410 Достанет власти мне сему пойти вразрез.

Вельзевул

Так Люцифер гласит, тот, кто с лица Небес
Сметает ночь, — его вернейшая примета —
Великолепного явления рассвета.
Лишь Богу уступив, он в Небесах первой-
Всех Ангелов, иных Господних сыновей.
Его слова приять законом — достохвально,
Его божественность по праву изначальна,
Он дымом ладана почтен, — над Духом сим
Почто червяк земной теперь превозносим?
420 Тому ничтожеству дать власть неизмерну —
Не слишком щедро ли? То навело бы скверну
На сан наместника, на первоестество!
Нет равного тебе близ Бога никого.
Мы — Божьи первенцы, поэтому бесспорно:
Пред человеком нам лежать в пыли зазорно.
Все Духи, как один, очей не опустив,
Обидчика сего пойдут насупротив!

Люцифер

Ты мыслишь правильно: речь о правах коль скоро,
То первородство — суть начавшегося спора,
430 Владык перемещать во званьях зане
Для Неба — пагубно. Коль Свет доверен мне,
И сам я — Света сын, то кто не счел бы странным,
Что вдруг склонился б я перед любым тираном?
Кто хочет — пусть падет. Наместник — никогда
Своих не кипет чад. Ни лютая беда
Не устрашит меня, ни всех проклятий сила;
Презрев опасности, мы вознесем встрела.
Иль я верну права, иль, ежели паду,
Не посрамлю свою корону и звезду.
440 Иль мощный скипетр наш — не верная защита?
Иль не тьмотысячна стоит за нами свита?
Пусть сгинем — нас повеет певянуца хвала.
Достойней властелин ничтожного села,
Чем Неба властелин второй, иль даже мене.
Теперь сомненья нет во мне ни малой тени.
Глашатай Господа, однако, впжу я,
Со книгой Божьих тайн грядет в сии края;
Благорассудно бы его послушать речи.
Что ж, с колесницы я сойду для этой встречи.

Гавриил, Люцифер.

Гавриил

450 Наместник Люцифер! Кого взыскуешь ты?

Люцифер

Тебя, глашатая верховной правоты.

Гавриил

Мы озабоченность твою не зрить не можем.

Люцифер

Ты, толкователем кто служишь тайнам Божьим,
На таковые свет живительный лия,
Его и мне яви.

Гавриил

Забота в чем твоя?

Люцифер

Экстракт божественный тобою нам зачитан:
Почтение Земле великое сулит он,
А Небу — только вред: лишатся Духа прав,
Первослужительство пред Богом утеряв.
⁴⁶⁰ До рабства сверженный, людского блага ради,
Мир Духов, мнится мне, останется в накладе;
Владычество людей теперь установя,
Почто вознес Господь над Духами — червя,
Из глины взятого, — почто обрек придворных
Вовеки пребывать во кандалах позорных?
Столь тягостный к чему назначен нам удел
Внезапно? В чем и кто из нас не преуспел?
Возможно ль, чтоб Господь свою снял природу
С людской? Ничтожеству позднейшему в угоду
⁷⁰ Отринул Ангелов? К чему, Голец, открой,
Порушен вечности первоначальный строй?
Как стала низью высь? Тварь во Творцы попала?
Осмысленное где в законе сем начало?
Отныне вышней Свет сокрыт ли в бездны тьмы
Безвидной? Наконец, теперь должны ли мы,
Небес наместники, в смиренье гнуть колена?
Бесплотным Ангелам, не ведающим тлена,
Стихиим взаимной — уместно ль присягнуть?
В ней Бог свои ль явил величие и суть?
⁴⁸⁰ Мы, Духи грубые, в сомненье чрезвычайном.

Ты, вверен ключ кому к Господним **высше**
тайна

Коль воле Божией сие не вопреки,
Эдикт означенный подробней прорекни.

Г а в р и л

Что можно знать тебе — то знай из книги Бога.
Во **многознании** — не слишком пользы много.
Господь решает сам, кому что ведать след.
Слепит и Ангелов **сверх меры сильный свет**.
Премудрость высшая открыта лишь частично,
Сокрыта в **остальном**. Покорствоваться прилично
490 **Законам** таковым, без пеней на судьбу,
Боголюбивому и верному рабу.
Разумно ждать тому, кто склонен Божьей воле,
На Божием пиру — наследствующей доли;
Господь, представший нам как Человек и Бог,
Всемерно милостив и беспощадно строг,
Свой скипетр вознесет над мраком и над светом.
Ты смысл еще узришь во предреченьи этом,
А выне — будь смирен, покорствуй и внемли.

Л ю ц и ф е р

Так значит всё-таки ничтожный червь земли
500 **Первонасельнику Небес владыкой** станет?
Закон диктуя свой, неужто он воспрянет
Превыше Господа?

Г а в р и л

Тебе от Бога дан
Наиверховнейший для Духов Неба сан;
Но надо всеми ты превознесен столь круто
Не для того, чтоб стал завидовать кому-то.
Безжалостно падут корона и глава

Того, восстанет кто на волю Божества.
Сам светозарен ты по Божью лишь закону.

Л ю ц и ф е р

Лишь перед Богом я склонял поднесь корону.

Г а в р и л

⁶¹⁰ Корону преклони тогда на этот раз
Пред волею Того, Кто дал нам сей приказ, —
Ему, Кто виждит мир, мы только служаем.

Л ю ц и ф е р

Зреть можно ль, как Творец твореньем унижаем,
Как место Господа спешит занять Адам,
Как воскуряется прищельцу фимиам
И гром ему звучит согласного хорала;
Денница блеск пред ним алмазный утеряла,
Великолепная погашена звезда,
И радость от Небес отъята навсегда.

Г а в р и л

⁶²⁰ Блаженство состоит в покое — совокушно
С тем, чтоб Господа величить неотступно.

Л ю ц и ф е р

Величью Господа содеется урон,
Когда с Адамом он сольет Себя, и трон
С ним разделит когда. Но, сущие во свете,
Мы ближе к Господу, его родные дети,
К тому же первенцы. О, как в уме сомкну
Непостижимости сии во стать одну,
Как бесконечное объединить с конечным?
Бессилье с силою? Зрю, как в движенье вечном
⁶²⁰ Светило горнее скитается во мгле,

Из дыма черного не светит — ни Земле,
Ни Небесам; сиять вовек не станет боле;
Сам род людской — и тот не взвидит лучшей доли.
Блеск солнца потускнел, бледнеет небосвод,
Планеты мечутся и во звездах разброд,
Миродержавие склоняется в упадок,
Первоначальный свет повергся в беспорядок,
В болото и во гроб. Прости, о Гавриил;
Наперекор тому, что ты провозвестил,
540 Здесь нечто речено, — но лишь о свете истик,
О чести Господа ревную, бескорыстен
Во рвении благом, — ведь, может быть, пусты
Мои сомнения?

Г а в р и и л

Ревнуешь мощно ты
О чем лишь самому Творцу радеть пристало;
О Божьих помыслах, прикинь, сколь ведать мало
Возможно Ангелам, — сей грозной тайны темь
Господь отверзает Сам, — сорвав печатей сечь,
Сойдет в людскую плоть. Постигни: ты не можешь
Сей раскусить орех — лишь скорлупу обглокешь.
550 Когда настанет срок, запомни, без помех
Его деяний смысл откроется для всех
• Навсвященнейший. Что Божия десница
Дарует — перед тем и надлежит склониться
Во благодарствии, и все сомненья прочь
Немедля отогнать, как днем гонима ночь.
Господню мудрость наш осваивает разум
Многоступенную — ее не должно разом
Пытаться превзойти: кто ей бы ни внимал,
Ничтожеп перед ней и бескопечно мал.
560 Наместник, примиришь, в смирении — порука.
Я далее спешу.

Люцифер

Ну что же, впредь наука.

Вельзевул, Люцифер.

Вельзевул

Наместник, ясен ли эдикт Небес тебе,
Признателен ли ты Архангела трубе,
Прорекшей лишний раз, что Бог — в исконном
праве,
И крылья обломать решил твоей державе?

Люцифер

Нисколько ясности не внес его ответ.
Потребно действовать — в мечтаньях нужды нет.

Вельзевул

Он вдребезги разбить решил твою корону.

Люцифер

Клянусь короною, я с места дело строю,
570 Над всеми сферами, над звездами вздыму⁴⁴
Свой трон столь высоко, сколь следует ему.
Небес Небесных крепь, мне двери распечатай
И стань моим дворцом; стань кровлей, свод
звездчатый,
Престолом — радуга; убогий шар земной —
Подстилкой под ноги; из облак взята мной
Повозка будет пусть по воздуху несомая
Во блесках молнии, во грохотанье грома;
Архивонителей низвергнет сей полет;
Коль все же мы падем — небес хрустальный свод
580 Со всеми арками, со всем лазурным полем,

Насколько ни прочен он — на иверни расколом;
Земля явит собой издробленный скелет,
Вернутся к хаосу и тьма, и белый свет:
Грядущее — для нас, и да наступит эра
Самодержавия владыки Люцифера!
Где мой Аполлион?

Вельзевул

Он будет сей же час.

Аполлион, Люцифер, Вельзевул.

Аполлион

Наместник, трепещи, жду твой услышать глас:
Провидец, коему вся власть дана Господня,
И я служу кому, — почто пришла сегодня
⁵⁹⁰ Нужда Правителю в послушливом рабе?

Люцифер

Нам хочется узнать, не кажется ль тебе,
Что слишком тяжело эдиктов новых иго?
Архангел Михаил взведен в архистратига
И должен возглавлять небесные войска,
Однако власть его не слишком велика.
Столь много Божьих слов нанесено от века
На вечный диамант: вот, ныне, человека
Неведомо зачем возводят в Божий град, —
Сей, глянув под ноги, богатырей навряд
⁶⁰⁰ Во Божьем воинстве узрит — скорей пигмеев.
Противостать сему позорищу затеяв,
Мню, должно в бой идти — иль сгинут со стыда
Мой царственный престол, корона и звезда.

Аполлион

Затея она, заведомо благая,
Короне во хвалу. Я, честью полагая
Быть призванным в совет, считаю данный путь
Единственным из всех уместных сколь-нибудь.
Похвален шаг — пускай в успехе нет гарантий.
Но, если в бой идти при такте и таланте
⁶¹⁰ Дипломатическом, — всего важней для нас
Решить, как обойти божественный указ.

Люцифер

Свой собственный указ друзья напишут наши.

Аполлион

Разумно; вот весы, где зрим на каждой чаше
Его эдикт и наш. Чей побеждает вес?
Корону придержи, мы падаем с небес.

Вельзевул

Низринется не вмиг, быть может, коромысло.

Аполлион

Кто, где и как пойдет в сей мысли долю смысла?
Безумство — Божью мощь поставить под вопрос.

Люцифер

⁶²⁰ Ужели храброму не разрешит колосс
Меж скал и пропастей пройти по узкой тропке?
Победа — в храбрости, рабом пребудет робкий.

Аполлион

Так всемогущества добиться мудрено:
В удел достанется раскаянье одно.
Сильнейший — победит, и нет закона прощя.

Люцифер

Из равенства давай, а не из Божьей мощи
В расчетах исходить. Реши, чей меч тяжелъ?
Зрю павшими — врагов, пустою — цитадель
Небесную; в моей меж тем когорте смелой
Порядок прежний зрю. Суди и вывод сделай.

Аполлион

⁶³⁰ Военачальником Архангел Михаил,
Ты знаешь, во главе поставлен Божьих сил.
Ему доверена оружья кладовая;
Он неуспынно бдит, вовек не уставая,
Над Божьим воинством, где ни одна звезда
Ему противиться не смеет никогда,
И к строю нашему примкнуть навряд ли сможет
Внезапный наш порыв сих войск не уничтожит,
Самих ослабит нас и к тягостной беде
Послужит поводом. Скажи, оружие где,
⁶⁴⁰ Которое крестить с Господним бы уместно?
Сквозь вещей диамант Зеница зрит Небесна
Любую западню, измену или ков.

Вельзевул

• Однако наш эдикт помножь на мощь клинков,
Денницу усмотри на нашем гордом стяге —
Где Божью воинству такой запясть отваги?

Аполлион

Не зря воинствовать поставлен Михаил —
Бог именем Своим его хоругвь почтил.
Не так ли?

Люцифер

Пользы что во начертанном титле?
К победе главный ключ в названиях лежит ли?
⁶⁵⁰ Возможной кажется победа мне весьма:
И в дерзости она, и в доблести ума.
Ты — мастер в ремесле своем многообразном
Морочить, подстрекать и ослеплять соблазном;
Сомнений столько ты любому преподашь,
Что восколеблется вернейший Божий страж.
Провижу Божью рать разъятой на две части:
Спор крыл и разумов во ярости и страсти,
Власть наивысшая слепа и чуть жива,
Собранием яростно взыскуется глава.
⁷⁰ Коль часть четвертую ты в нашу сеть заманишь —
Стократ приближен к нам и награжден ты станешь.
Тебе в напарники дан Велиал. Ему
Привычно наводить на свет — туман и тьму,
Сей верный лицемер, спуг меж ратью Божьей,
Обманет хоть кого лоснящуюся рожей.
Обдумайте вдвоем план действий. Решено!
В собраньи Ангелы вас ждут уже давно.
Летите же туда — вас впустят без доклада.
Полковник, ваш отряд расставьте вдоль фасада.

Велиал, Аполлион.

Велиал

⁶⁷⁰ Наместник Господа нам посулил хвалу.

Аполлион

Он в битву нас метнул, как мечет лук стрелу.

Велиал

И все же мы летим, и цель настигнем яро.

Аполлион

Держись: небесный свод не выдержит удара.

Велиал

И пусть не выдержит; чтоб строить, должно жечь.

Аполлион

Как наибольшую нам выгоду извлечь?

Велиал

Опору обрести в небесном должно войске.

Аполлион

И предводителя суметь избрать по-свойски.

Велиал

Да, сильной над собой востребуем руки.

Аполлион:

Во всеуслышанье владыку нареки!

Велиал

⁶⁸⁰ Законную блюди честь ангельского чина,
Достойного избрать нам должно господина!

Аполлион.

Ты прав, отличный ход: итак, я нахожу,
Что Ангелов толпа готова к мятежу, —
Мы, Неба граждане, заботимся и рощем
О чести собственной и о законе общем,
Что даровал Господь всем ангельским родам
Задолго до того, как создан был Адам.
Дворец хрустальный сей даи вечным майоратом
Небесным Ангелам, бесплотным и крылатым,

⁶⁹⁰ Липен воздушности Адама вялый род,
Не должно отдавать ему лазурный свод.
Мы — жить ниспосланы в небесные просторы,
Приход рассвета здесь сразит людские взоры,
Ослепнет человек, светилам предстан;
Да пребывает он внизу, среди зверья ⁴⁵,
В стихии собственной. Восходы и заходы
Он числить может там, и месяцы, и годы,
Созвездий наблюдать путь вечный, круговой;
Пусть радуется, зрит удел богатый свой,
⁷⁰⁰ Вдыхает запах трав, обходит пусть округу,
К Востоку, к Западу, и к Северу, и к Югу
Стремит свои стопы. Земля — ему дана.
Власть Ангелам над ней вовеки не нужна.
Лишь кратко изложить ты все сие обязан.

В е л и а л

Адаму в Небеса да будет путь заказан!

А п о л л и о н

Такую должно мысль за истину почесть.
Подобно пламени, помчится эта весть
Чрез девять ангельских ступеней и сословий.

В е л и а л

⁷¹⁰ Быть наша мысль должна всечасно наготове:
Спасенье — в быстроте, пути иного нет.

А п о л л и о н

Но твердая рука и смелость — не во вред.

В е л и а л

Возреют знамена, воспрянет полк за полком!

Аполлион

Сомнения поселять мы станем тихомолком
И сеять плевелы раздоров и тревог.

Велиал

Князь Вельзевул тогда, великой власти бог⁴⁶,
Наш подкрепит протест своим авторитетом.

Аполлион

Как бы печаяшно в совет придя при этом.

Велиал

Наместник, позже всех явившись во дворец,
Нам руку сильную предложит, наконец.

Аполлион.

⁷²⁰ Он возразит сперва, откажется, заспорит,
Засомневается — и лишь затем прищпорит
Мятежные полки, пад ними став главой.

Велиал

Все дело — во главе. В порядок боевой
Не выстроить войска, пока они безглавы.

Аполлион

Что толку выступать, позать не чая славы?
В ком честь уязвлена всех боле — тот иди
Мятежных воинов небесных впереди
И первым в бой вступи!

Велиал

Наместнику во благо
Сей план, но ранее решительного шага

⁷³⁰ Себя не должно нам открыто уличать:
Поставит пусть Совет сперва свою печать.

Хор Ангелов.

Песнь:

Зачем небесного портала
Касается багровый луч?
Зачем, сквозя из туч,
Священный свет сияет ало?
Зачем во мгле исчез
Живой сафир Небес,
Затмилась вышина?
Иль это пламена
⁷⁴⁰ Верховного светила?
Сей кровавиный жар в дыму,
Угрюмо брезжащий сквозь тьму,
Оно ли нам явило,
Едва взойдя на Небеса?
Зачем так часто, так упрямо
Небесных Духов голоса
Хулят восшествие Адама?
Чем растревожен эмпирей?
Почто средь зал и галерей,
⁷⁵⁰ В пригворах и во средокрестье
Дворца — о некоем печестье
Твердят, злосердья не тая?
Откуда нам печаль сия?

Ответная песнь:

Когда по слову Гавриила
Мы нели Господу хвалу
В восторженном пылу,
Когда роса животворила
Сады небесных роз,

И хор, чистоголос,
760 Смиренно пел псалмы,
Из неизвестной тьмы,
Поживу здесь уюхав,
Явилась Зависти змея 47.
Сошлись, недобро воюя,
Толпы скорбящих Духов.
В них пламень радости зачах;
Взопла сомнений неуместных
Завеса мглы на их очах;
Смутилось Ангелов небесных,
770 Увы, немалое число.
Иль Небо сделалось мало
Тем, что обрел Адам корону?
Подверг ли Духов он урону?
Объяла скорбь наставший миг.
Печалью полн Господень лик.
Мы жаждем мир внести в мятежную
середину,
Отпавших воротить во благодать едину.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Люциферисты, Хор.

• Люциферисты

О злополучие, о неблагоприятство!
Неправосудный рок! В ущербе наше братство.
780 Дни умаления, дни бедствия пришли,
Понеже при любых достоинствах Земли
Надел небесный наш досель был выше в чине.
Когда глашатаем Верховной Благостыни
Был странный возвещен от врат золотых приказ,
Устой Ангельства он тягостно сотряс:
Мы, те, кого Господь почтил первоначальем,

Теперь низложены и преданы печалям;
Сиянья нашего уташен горний свет,
Все Иерархии клянут годину бед;
790 Увенчан человек почетом небывалым,
Мы, как рабы, дрожим перед его стрекалом.
О незаслуженный, о тягостный недуг!
Печальные друзья, грядите в скорбный круг,
На жальбище теперь взрыдаем наипаче,
Одежды разорвем, пребудем в вечном плаче:
Скорбеть запретно ли, коль тяготу не снести?
Нет радости теперь, одно лишь горе есть.
Увы, увы, увы, умножьте наши стоны,
О хоры Ангелов, — нарядные хитоны
800 Окрасьте трауром, — не поднимая глаз,
Грядите в скорбный мрак, объявший ныне нас.
Нам должно пребывать в стенаниях угрюмых,
Во пениях горестных и во тягчайших думах,
Таить не должно скорбь, об оной умолча,
Стенания целят надежнее врача, —
Рыдайте горестней, печальтесь безнадежней:
Увы, увы, увы! О, где удел наш прежний!

Х о р

Кто смеет здесь роптать? Несообразный зык,
Не вместный Небесам! Сей воздух не привык
810 К рыданиям — они грубы, негармоничны:
Молитвословия сему дворцу приличны,
Звон триумфальный арф, и вайи, и венки.
Кто смеет здесь скорбеть, резону вопреки,
На Господа пения и пестовать кручину?
Кто может указать томления причину?
Немедленно узнать потребно: почему
Печалователи погружены во тьму
Скорбей, которые на Небесах излишни

Уж тем одним, что блеск собой туманят вы
 820 Чертог небесный сей от века никогда
 Не ведал траура, и скорбь ему чужда.
 Обычаю вредить возможно ли мятежней?

Л ю ц и ф е р и с т ы

Увы, увы, увы! О, где удел наш прежний!

Х о р

Друзья во радостях, к чему печаль сия?
 Зачем скорбите так, о света сыновья?
 Ко счастью придти ужель не стало мочи?
 Вам возвести горе немедля должно очи,
 И блеска Божия исполниться вполне, —
 Скользя чрез Небеса, снись в Господнем дни
 860 От сферы к сфере мчат, блаженствовать
 петленно,
 Неомрачаемо и жизнеутоленно,
 Стремиться празднично к Верховному Добру
 В утешном обществе, в Божественном пиру
 Питаться манною. Печаль — удел тяжелый,
 Его да не вкусят Господства и Престолы, —
 Не должен подпадать ей ни единый Дух.
 Печаль вкушающий, ващ строй и слеп и гл
 Все ваши горести, сколь нам они ни странн
 Откройте: врачевать мы станем эти раны.

Л ю ц и ф е р и с т ы

780 Возможно ль ваш покой нам; братья, оберег
 Вы сами слышали Архангелову речь,
 По коей орден наш небесный уничтожен,
 Вернее — в рабское достоинство низложен,
 Чтоб племя новое над нами возросло?
 Какое в нас нашлось угрюмство или зло,

О
 Н
 780 Д
 П
 Н
 К
 Б:
 У
 М

Что вдул ветра Господь в Адамово черёво,
И Ангелов потряс величьем такового?
Бастарда сотворил, взяв брэнную скудель!
Столпами Божия престола мы досель
⁸⁶⁰ Могли считать себя, по вмиг верховной властью
Мы лишены всего, что было нашей частью, —
Отрешены, увы, первоначальных прав!
Ископный истреблен Божественный устав,
Величья нашего и память скоро канет;
Адам, возвысившись, победу править станет.
Не ограниченный в величии своем.
Да, Солнце Духов днесь ушло за окоём.
О братья, наша скорбь не может стать безбрежной.
Увы, увы, увы! О, где удел наш прежний!

Хор

⁸⁶⁰ Слеса Архангела суть Божии слова.
Вы в поменательстве. О воле Божества
Судить возможно ли? Ее хулить свирепо?
Должны мы Господу повиноваться слепо,
Блюсти Его закон. Вступать возможно ль в спор
С решением Господа? И жест Его, и взор
Мерилом нам даны — вот правило святое.
Кто не согласен, тот решил сломать устой.
Послушность более угодна Небесам,
Чем даже музыка, чем даже фиммиам.
⁸⁷⁰ А вы — гордыней ли добиться превосходства? —
Скорее слуги, чем носители господства.
Утишьтесь, брати! и скромно, сообща,
Под иго Божие склонитесь, не ропща.

Люциферисты

Реките то, что есть: под иго мерзких мравий!

Хор

Когда решил Господь — ты возражать не вправе.

Люциферисты

За что такой урон? Подайте нам ответ.

Хор

Урон? Вы Господу чинить решили вред.

Люциферисты

Мы разрешить сой спор хотели в диалоге.

Хор

Не спорить следует, но ревновать о Боге.

Люциферисты

⁸⁸⁰ Взыскуем мы, степя, восстановления прав.

Хор

Покорство Господу — единственный устав.

Люциферисты

Как можно высшее под низшее поставить?

Хор

Богопокорствовать — как раз и значит править.

Люциферисты

Пусть правит человек внизу, в земном краю.

Хор

Он скромную легко судьбу принял свою.

Люциферисты

Великую судьбу обрящет он во свете.

Хор

Дорога к ней лежит чрез множество столетий.

Люциферисты

Столетие внизу — на Небе краткий миг.

Хор

Верховной волею и здесь Господь велик.

Люциферисты

⁸⁹⁰ Полезней было б нам о сей не ведать тайне.

Хор

К вам милостив Господь во благодати бескрайней.

Люциферисты

В утодности Ему нас люди превзошли.

Хор

Богопокорствует род, сущий на земли.

Люциферисты

О Ангельство, тебя Господь ужель отринул?

Хор

Своей судьбы никто на свете сем не минул.

Люциферисты

Почто к Адаму Бог так беспредельно благ?

Хор

Что Богом взыскано — на том блаженства знак.

Люциферисты

Корону человек над Ангельством поднимет!

Хор

Бог во плоти хвалу небесных Духов примет.

Люциферисты

⁹⁰⁰ Пред грязью грубою ужель склоняться вам?

Хор

Господню имени — хвала и фимиами.

Люциферисты

Каждя, смирим ли дрожь во ангельских десницах?

Аполлон, Велиал, Хор.

Аполлон:

Уж ропот слышится, боренье во языцех.

Велиал

Почто блаженный клир теперь объяла мгла?

Укрыты трауром одежды и крыла;

Откуда чувств наплыв, столь Ангелам враждебных,

На вас, кто в праздниках и радостных молебнах

Назначеп коротать бесскорбные год:

Не зная горести? Отколь сия беда,

⁹¹⁰ Кто нанести посмел обиду неприкрыту

Небесным Ангелам? Вам должно дать защиту.

Все ваши горести скорее да прейдут.

Хор

Здесь ропщут некие, что земнородный люд
Обрел во Эмпирей широкую дорогу,
Что с сущностью людей угодно слиться Богу,
Над Духами возвесть новейший род владык, —
Вот повод к ропоту, который здесь возник.

Аполлион

Коль так воистину — то скорбь сия не ложна.

Велиал

Перенести сие едва ли нам возможно.

Хор

⁹²⁰ Уладим все же спор — во славу Божества.

Аполлион

Утешить ли того, кто утерян права?

Хор

Права? На Божью власть вы ищите закона?

Аполлион

Могла ль неправоту дать Благодать исконна?

Хор

Вы Господу давать дерзаете совет!

Велиал

Отец велит сынам ступать себе вослед.

Хор

Грядет вослед за Ним, кто умприл свой норов.

Аполлион

Премена в Господе — источник этих споров.

Хор

Смотря в грядущее, Бог ведает один,
Какой любезнее отцову сердцу сын.

Велиал

⁹³⁰ Подобные должны наследовать подобным.
Свет поглотила мгла теперь в порыве злбном,
На мир питомцы тьмы простерли свой покров.

Хор

Живущее должно Создателю миров
Благодаренья слать, служить ему в угоду,
Затем, что обращать он волен землю в воду,
И в воздух, и в огонь: во праве он Своем,
Твердь — перстью делая, иль Ангелов — зверьем,
Адама — Ангелом иль неизвестным дивом,
Всему, что есть, служа мерилом справедливым.
⁹⁴⁰ Всѣ — в милости Его: пытаться ни к чему
Его даяния осознавать уму:
Во бесподобии суть Божия величья!
Сравни со светом тьму — обряцешь их различья,
Со цветом цвет легко сравнить умеет глаз,
Со слабым — сильный блеск, со бирюзой — алмаз,
Звезду — со звездами; ища ключи загадок,
Сравненьем суету несем в миропорядок
И не способствуем гармонии никак;
Творению творить — несообразный шаг,
⁹⁵⁰ Вконец безумный. Вас сомненье да не гложет:
Господь без Ангелов владычествовать может,
Утрата ни одна Ему не тяжела, —

Ему ни фимиам, ни вечная хвала
Не впрок, ни музыки звон самый преискусный, —
Неблагодарные, уймите ропот гнусный,
Примите жребий ваш, покорствуйте вовек
Тому, что Гавриил от Господа прорек.

Аполлион

Во званьи Духа Дух уже неправомочен.
Мы низши — следственно, и жребий наш непрочен.

Хор

⁹⁶⁰ Пусть брату меньшему Господь окажет честь,
Для нас премены нет: что были, то и есть.

Велиал

Стал для людей Господь опорой и другом.
Нижайший вознесен, — возможно, по заслугам.

Хор

Другим завидовать — воистину грешно,
Гордыня здесь видна ⁴⁸. Подобное пятно
Со ангельских одежд пускай сойдет послушно.
Друг друга почитать велит великодушно
В миру создавый все для всевозможных нужд.

Велиал

Богопокорный строй был Ангельству не чужд,
⁹⁷⁰ Но людям услужать — едва ль не святотатство.

Хор

Непослушание губительно для братства,
Сверкает золотом небесных войск броня,
Всечасно бдит оно, спокойствие храня;
Ярчайшая звезда заходит — но взгляните,

Другая вознеслась и царствует в зените;
Светило каждое спешит на свой манер,
Различны скорости движенья горних сфер,
Меж тем не видно вам малейшего разлада:
Вовеки ни одна не выбьется из ряда,
⁹⁸⁰ И в зависть не впадет, — один Господень взор
Блюдет во Небесах весь этот чуткий хор.

В е л и а л

Бог ценит во звездах спокойствие такое;
Когда б и Ангелов оставил он в покое,
Они, конечно бы, не стали без конца
Терзаться в жалобах среди сего дворца.

Х о р

Уарите, как легко меж вас раздор посеять.

А п о л л и о н

И все же эту тьму хотелось бы развеять,
Не то на Небеса огнем взойдет вражда.
Кто водворит покой? Кто низойдет сюда?

Л ю ц и ф е р и с т ы, В е л ь з е в у л, Х о р.

• Л ю ц и ф е р и с т ы

⁹⁹⁰ Увы, увы, увы! О, где удел наш прежний?

В е л ь з е в у л

Исполнить замысел возможно ли прилежней?
Печалеп, вижу я, блаженных братий вид.
Кто крепость Ангельства степањями язвит,
Ей вред чиня? Иль кто прискучил лучшей долей?
Покой дарован всем, кто взыскан Божьей волей:
Не благодарствовать возможно ль сей судьбе?

Во откровенности вредите вы себе.
Сколь ваши помыслы по сущности ни благи,
Утпшите жалобы, не разделйте стяги.
¹⁰⁰⁰ И не безумствуйте: Владыке предстоя,
Печаль сотрите с лиц, о света сыновья!
Кто хвалит Господа с великою охотой —
Не зря возмущены: ведь вы фальшивой нотой
Злодейски портите божественный распев.
Во царстве Божием на вас накоплен гнев;
Рыдает небосвод; крыл ваших скорбный шорох
Печально множится во сферах и просторах,
Но попусту скорбеть — не стоит и труда:
Вам славе Божией не учинить вреда.

Люциферисты

¹⁰¹⁰ Полковник доблестный, ты служишь командиром
Бесчисленным войскам: нам посочувствуй, сирым,
И миром нас помажь; покрой, по мере сил,
Злосчастье Ангелов. Неужто Гавриил
Корону Ангельства отдаст земному роду?
Господни первенцы утратят ли свободу?
Мы были созданы, как видно, ни к чему —
Задолго до того, как свет рассеял тьму.
Нам, видимо, Господь для вящего позора
Доверил Эмпирей, противится коль скоро
¹⁰²⁰ Оп сохр: нью достоинства сылов,
Чья столь безмерна скорбь, чей жребий столь
суров.

Дрож., внимали мы Господнему глаголу,
Жгли в чапах фимнам, чела склоняли долу,
Ликуя всякий час. Сливались голоса
В единый стройный хор, лаская Небеса
Хвалой неложною, — когда внезапно, ярым
Труба Архангела нас потрясла ударом;

Он небожителей во скорбь жестоко вверг,
Свет вечной радости безжалостно померк.
¹⁰³⁰ Молчанью обречен, кто ликовал по праву;
Новейший властелин взял скипетр и державу,
Перворожденный же, испив печаль до дна,
Приял тавро, как раб. Невелика цена
Любви, заложеной в сокровищницу Божью.
Мы, гневом праведным вспылав пред этой ложью,
Адама поразить желаем наповал,
Покуда Ангельства он цепью не сковал,
Небесножителей не придавил колодкой,
В рабов не обратил, стонающих под плеткой;
¹⁰⁴⁰ Как тварей, коим он — законный господин.
Полковник, можешь ты противостоять один
Беде, — нас осени защитой и заботой,
Под славный твой штандарт мы встанем твердой
рогой.
Другую, третью — нам худо без вождя,
Так стань же таковым, к моленью низойдя!

Вельзевул

Сию неправоту смирить, о Боже, надо:
Тем лучше, чем скорей. К чему зерно разлада?
Сей следует раздор немедленно разъясть.
Но как? Склоню ли вас опять под Божью власть?

Люциферисты

¹⁰⁵⁰ Отымщик права Он, исконного, святого!

Вельзевул

Обида, вижу, вас воспламенить готова,
На Небеса пожар вы жаждете возвесть.
Награда горькая за верность и за честь!
Что из подобного испить возможно кубка?

Люциферисты

Спасенье лишь в одном — во дерзости поступка!

Вельзевул

На кротость, верую, надежда велика.

Люциферисты

Важны порыв, и месть, и сильная рука!

Вельзевул

Конфликта избежать — великая отрада.

Люциферисты

Во промедлении таится ретирада!

Вельзевул

¹⁰⁶⁰ Обиду умерять в себе должны умы.

Люциферисты

Умеренность вредна, когда в бесчестье мы.

Вельзевул

За слезную мольбу Всевышний не осудит.

Люциферисты

Мы обнаружены, спасения не будет.

Вельзевул

Возможно утаить беседу нам сию.

Люциферисты

Мы силою полны, один исход — в бою.

Вельзевул

Резонна ли борьба с Архистратигом Божьим?

Люциферисты

От страха весть отсчет мы, в бой идя, не можем.

Вельзевул

О, где Аполлион, где Велиал сейчас!

Люциферисты

Как тот, так и другой уже давно среди нас.

Вельзевул

1070 Как выйти так могло? И вправду нет возврата.

Люциферисты

К нам поспешит примкнуть все воинство крылато!

Вельзевул

Но кто колеблется — от тех добра не жди.

Люциферисты

• Мы видим лишь одну победу впереди.

Вельзевул

Кто слепо рвется в бой — приобретет немного.

Люциферисты

Судить возможно ли, не осязав итога?

Нам нужен только вождь — приемли эту роль,
Возглавь наш мощный строй.

Вельзевул

Безумен кто настоль,
Чтоб, возглавляя вас и не жалея прыти,
Восстать на Божью рать? Рассудку да внемлите!
¹⁰⁸⁰ Я сторону принять не в силах здесь ничью ⁴⁹.
Найдите компромисс, резона нет в бою.

Хор

Внемлите, братья, не будьте столь предвзяты!
Пошлите к Господу посредников: дебаты
Надежней мятежа, примите сей совет,
Сокрыт в горячности для вас великий вред.
Лишаться должно ли с утратой прав — рассудка?
Короне Господа Господ грозить — не шутка.

Люциферисты

Законы косные — безжалостно долой!
Им боле не внимай, полковник удалой,
¹⁰⁹⁰ И ставь владыкою над мощью наших ратей.

Вельзевул

К порядку ревностных я призываю братьей.
К престолу вышнему я вас хочу вести,
Взыскупя мирного, законного пути:
Нам дипломатия пайти его позволит.

Хор

Звниманье! Михаил тебе сейчас глаголет.

Михаил, Вельзевул, Люциферисты.

Михаил

Что за собрание и что за спор промеж
Небесных Ангелов, — откуда сей мятеж

И противление? Не князя ль Вельзевула
Зрю в качестве главы злонравного разгула,
1100 Дерзнувшего явить собой противовес
Решенью твердому Зиждителя Небес?

В е л ь з е в у л

Могучий Михаил, внимаем нас порадуй;
Быть может, сам же ты к нам спойдешь
с пощад
Во славу Божию. Услышь собранья глас.

М и х а и л

Со всем вниманием я выслушаю вас.

В е л ь з е в у л

Отрядов тысячи объединились разом,
Чуть ознакомились с божественным приказом,
Решили, что для них пути иного нет,
Как воспротестовать, — и я на сей предмет
1110 Посмел придти сюда, чтоб их обиду люту
Попробовать смягчить, утихомирить смуту;
Однако бешенством объятые полки,
Увы, грозят восстать, рассудку вопреки,
На власть виновную⁵⁰. Узрев сию плачевность
(Пусть Ангелы мою свидетельствуют ревности
• Я Богу передать их пени был готов,
Но рвение мое не принесло плодов:
Смирить хулителей небесного экстракта
Невмочь, им несть числа, — но, может быть, хо
как-

1120 Сумеет разрешить сей спор Архистратиг?

М и х а и л

Как против Господа они хотя на миг
Дерзают восставать? Уж не к войне готов ли

Приспоблаженный соим? Иль хочешь ты в торговле
С твоим Создателем пайти благой исход?
Иль вы отступите — иль, знайте наперед,
В стремительном бою вы будете разбиты.

Люциферисты

Дерзнешь ли меч поднять на ищущих защиты?
Архангел, что нашел в смиренных ты словах?
О справедливости мы рощем, о правах!

Михаил

¹¹³⁰ Перечит Богу кто — несправедлив подавно!

Люциферисты

Мы служим Господу, Он ведает, исправно,
Однако не должна, считаем, Благодать
В Небесной Отчине хозяев насаждать
Зовущихся людьми, — лишатся превосходства
В противном случае Престолы и Господства:
Окончить данный спор хотели бы добром
И низшие чины: иначе гром во гром
Ударит, и полки сойдутся, груди в груди:
Да не главенствуют над Ангелами люди!

Михаил

¹¹⁴⁰ Смиритесь быстро все, кто склонен к мятежу,
Не то безжалостно я меру приложу
К вам, как к преступникам. Сложите ваши стяги,
Пребудьте верными закону и присяге
Небесной. Что найти вы жаждете в бою?
Кто стать осмелится не под хоругвь мою —
Врагом становится непримиримым Божьим.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Пред грубой силою оружия мы не сложим,
Правами древними потребно дорожить.

М и х а и л

Повелеваю вам оружие сложить.
¹¹⁵⁰ Вы позабыли честь и впали во злодейство.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Природа узами единого семейства
Связала Ангелов, и раз уж так сошлось,
Знай: мы обижены все вместе, а не врозь.

М и х а и л

Оружьем Небеса тревожить ли дерзнете?
У Бога, мнится мне, безумцы не в почете.
Побойтесь: власть Его вас обратит во прах.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Его наместнику едва ли ведом страх.
Он спешно зван сюда, как верная подмога
И как защита нам. Мы Бога против Бога
¹¹⁶⁰ Восставим, чтобы он недрогнувшей рукой
Нам возвратил права.

М и х а и л

Я дерзости такой
В наместнике Небес никак пайти не чаял.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Кто ныне в дерзость впал: не тот ли, кто охаял
Господних первенцев и вверг во произвол;
Кто ангельску в себе природу поборол,

И братьям кто грозит расправою позорной
За слабый ропот их, — тот дерзостник бесспорный.

М и х а и л

О непокорный род, не Света вы сыны,
Бастарды жалкие! Вы Небу не нужны.
¹¹⁷⁰ Вам станет молний блеск довольно скоро ведом,
Вы обрekli себя падению и бедам,
К советам вы глухи, ну что ж, да будет скор
И беспощаден к вам Господень приговор.
Повелеваю вам, о верных братьев хоры,
Покинуть сборище нечистой этой своры.

Л ю ц и ф е р и с т ы

От наших отпадут немногие знамён.

М и х а и л

Собратья верные, за мной.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Ступайте вон.

В е л ь з е в у л, Л ю ц и ф е р, Л ю ц и ф е р и с т ы.

В е л ь з е в у л

Архангел к Господу мчит с ябедой бесславной.
Мужайтесь: Люцифер, ваш повелитель главный,
¹¹⁸⁰ Уж скоро будет здесь. Скорей решайте вы:
Не можно воинству сражаться без главы.
Для плеч моих, увы, подобный груз не впору.

Л ю ц и ф е р

Все внемлют Небеса растущему раздору,
Оцепенившему отборные войска,

Их надвое деля. Возможность есть пока,
Потребно этот спор скорее кончить миром.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Длань помощи простри своим питомцам сиры
Наместник, стань главой для горестной толпы!
Мним, нас не обратишь в подстилку под стопы
1190 Адамовым сынам, подобно Михайлу,
Что первенцам швырнул сию судьбу унылу;
Не втопчешь наши в грязь законные права
Внесеньем грубого, земного существа.
Куреньем сладостным и многим прочим благом
Почто насытиться дано земным червям,
Которым мы должны смиренно слать мольбы?
Неужто Ангелы — природные рабы,
Пред этой отступить обязаны обидой?
Наместник, свизойди, позору нас не выдай,
1200 Ни малой пет на нас пред Господом вины,
Чтоб человек попрад все Ангельски чины,
И блеск обрел такой, пред коим Серафимы
Во страхе призваны истаять, словно думы;
Коль изничтожишь ты безлепицу сию,
Унять неправого сумеешь судию,
Тебе клянемся мы служить со всей любовью:
Секиру восприми, верни права сословью.
Тебе клянемся мы, что будешь возведен
На уготованный сынам Адама трон.
1210 Тебе клянемся мы всей честью, всей любовью
Секиру восприми! Верни права сословью!

Л ю ц и ф е р

Сыны, присяга чья испытана не раз,
Что повелел Господь — то благостно для нас.
Иного права нет, все — Господу подсудно,

Ваш созерцать раздор мне, верьте, многотрудно.
Сей скипетр, коим я вершу над вами власть,
Кто, как не Сам Господь мне дал в десную пясть,
Тем самым положив, что нас в любимцы прочит.
Когда ж Адама оп вознесть всех выше хочет,
¹²²⁰ Первоначальный план тем самым изменя,
Затмив не только вас, но также и меня,
Как можем возражать хотя малейшим жестом?
Кто восколеблется? Кто выступит с протестом?
Какую помощь вам, скажите, я подам,
Коль выше Ангелов теперь взнесен Адам,
А Духи лишены природы благородной?
Лишь можно пребывать во ярости бесплодной,
Проклятья посылать позорному ярму.
Но в ненависть впадать не должно никому,
¹²³⁰ Чтоб в Небе не кипеть богопротивным битвам, —
Надеюсь, ненависть Господь сию простит вам.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Воспрянь, о Люцифер, с секирой боевой.
В защиту прав святых ⁵¹ — повстанцам стань
главой,
И первым ринься в бой — мы выступим по следу:
Мы или пасть хотим, иль обрести победу.

Л ю ц и ф е р

Присяге выступать позорно вперекор.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Над Господом — Адам: иль это не позор?

Л ю ц и ф е р

О чести Божией радеть — во Божьей воле.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Мы о твоём радеть хотели бы престоле,
1240 Чтоб, восторжествовав, ты твердо произрек:
Да не возносится над Духом человек!

Л ю ц и ф е р

Архангел Михаил, воитель споровистый,
Уже готовит рать, — пред ней попробуй выстой.
Ужасно — бранный строй лицом к лицу узрет.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Ты зришь перед собой небесных ратей треть,
Мы только ждем, что нас возглавить соизволиши

Л ю ц и ф е р

Мы возвратим права — утратим же всего лиш
Благополучие.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Дерзание и честь,
Обида и порыв, отчаянье и месть —
1250 Другого нет пути, но сей — благой и спорый,
Коль скоро станешь ты главою и опорой.

В е л ь з е в у л

Пред нами воссиял борьбы священный свет.
Оружьем утвердим все, что решил совет.
Нетвердых — укрепим, концы умело спрятав.
Тем больше пользы нам, чем более дебатов.

Л ю ц и ф е р

На силу — силой паш ответит ратный строй.

Вельзевул

Теперь займи свой трон, о доблестный герой,
Чтоб воинство тебе на верность присягнуло.

Люцифер

В свидетели зову я князя Вельзевула,
¹²⁶⁰ Признай, князь Велиал, признай, Аполлион,
Что против воли я к сей роли принужден,
Чтоб Небеса спасти от торжества порока.

Вельзевул

Штабдарт с Деяницею внесем пред Божье око:
На должный присягнем хоругви сей манер.

Люциферисты

Равно клянемся вам, Господь и Люцифер⁵².

Вельзевул

Зажгите же теперь сосуды фимиама
Пред Люцифером, вы, кто не ушли из храма,
Сверканьем факелов мы почесть воздадим
Тому, кто должен стать вовек непобедим,
¹²⁷⁰ Неоспоримым быть владыкою над миром.
Теперь — черед звучать фанфарам и стихирам:
Возвышенный псалом
Герою пропоем.

Люциферисты

Встаньте, все ряды люциферистов,
К полку — полк.
Каждый пусть блюдет, в бою неистов,
Ратный долг:
Посредством боевого мастерства

Да отстоим свои права.
1280 Божье войско пусть выходит строем —
Не беда.
Для Адама дверь Небес закроем
Навсегда.
Нас ожидают ратные труды
Во славу Утренней Звезды.
Озаряет нашу цель Денница —
Сила, власть.
Михаилу суждено склониться,
В бездну пасть,
1290 Чтоб фимиамом наслаждаться мог
Наш Люцифер, великий Бог!

Хор Ангелов.

Песнь:

О, для чего так злобно
Разросся грозный ков:
И тысячи полков
Войною междусобной
Повергнуты во тьму;
К чему мечи поднимают,
И долгу своему
Они зачем не внемлют?
1300 Какой они успех
Снискать мечтают бранью?
И знают ли, что всех
Присудит Бог к изгнанию?
Безжалостно жесток
К сим отщепенцам рок.

Ответная песнь:

Увы! Зачем в расколе
Решать подобный спор?
К чему они раздор
Чинят по доброй воле?
1310 Чему идут вразрез,
Остря для боя жало?
Роскошество Небес
Для них чрезмерно стало:
Неужто не дано
Войти потоку в русло?
Не завистью ль хмельно
Сего разброда сусло?
О верные сыны,
Как избежим войны?

Заключительная песнь:

1320 Если пламя не потушит
Беспощадная рука,
В мире все наверняка
Властолюбие порушит⁵³.
Сгинут, пламенем горя,
Небо, земли и моря.
Бич властолюбивой страсти
Прочит гибель для всего.
Неизвестны жажде власти
Ни законы, ни родство.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гавриил, Михаил.

Гавриил

1330 Весь небосвод огнем безжалостным объят,
Изменой и войной. Я, Господа легат,

В сей грозный час тебе повелеваю внятно:
Железом и огнем сотри позорны пятна
И славы Божией яви апофеоз:
Князь Люцифер восстал и свой штандарт возп

М и х а и л

Ужели изменил он долгу и законам?

Г а в р и и л

Треть воинства Небес ушла к его знаменам.
Сейчас изменник сей ярит в себе кураж:
Он обоняет дым из фимиамных чаш,
¹³⁴⁰ Бряцает в честь его безбожная музыка,
Его сообщники разнузданно и дико
Пытаются взломать ворота в арсенал
И в них тараном бьют. Непстошествует шквал,
Дрожа, колеблются небесны окоемы,
Безумствует гроза. То молнии, то громы
Клокочут яростью, что всюду верх взяла,
И серафимская немотствует хвала.
Во мгле, низлившейся на Божии просторы,
То ляжет тишина, то вдруг восплачут хоры,
¹³⁵⁰ Во сострадании моля смиренно за
Собратий, мраком чьи заволоклись глаза,
В безумстве кто отпал от Ангельского рода.
Так обнажи свой меч, Господень воевода,
На грани молнии ⁵⁴ принесена тобой
Присяга Господу. Гряди!

М и х а и л

К чему сей бой
Наместнику Небес? К чему он долг отринул,
Встал бунта во главе и меч из ножен вынул?

Г а в р и и л

Лишь Богу ведомо, сколь мне ужасно несть
Известья горькие. Заслуженная месть
¹³⁶⁰ Сих отщепенцев ждет. Помочь уже не можно
Слепцам злосчастным сим, что возгордились
ложно,
Презрели долг, в себе копя злоторный пыл.
Я радость Божию объяту скорбью зрил.
Поскольку, прежде чем обречь неверных карам,
Отвечив на удар решительным ударом
И высшей силою остановить раздор,
Меж Милосердием и Правосудьем спор,
Я слышал, в вышних шел; повсюду были зримы
Склонившиеся ниц благие Херувимы,
¹³⁷⁰ Его молившие: безумцев пощади,
Виновных не карай! Казалось, позади
Раздор, Господь простит мятущихся упрямо;
Однако вятен стал дымок от фимиама,
Хвала безбожная, бряцание музык
Перед наместником. И Бог сокрыл Свой лик
От неразумных, тех, кем сей воздвигнут идол,
И головою их тебе, Архангел, выдал.
Нет милосердия. Да совершится суд
Для тех, что на Творца в безумстве восстают,
¹³⁸⁰ Да уготовят казнь твои войска, воспрянув,
Для Бегемотов сих, для сих Левиафанов.

М и х а и л

Где молния моя? Да вострепещет враг!
Мой верный Уриил, неси Господень стяг,
Поддай кирасу, щит и шлем. От сей напасти
Очистим небосвод! Престолы, Силы, Власти —
Смелей к оружию — и, верные, вперед!

По зову Неба, зрю, за рядом ряд встает.
Чу! Слышен барабан! Пусть вражья рать
бессчетна —

Диаволов к суду востребую поротно
1390 Вооруженными, чтоб казни их обречь.
За Божью честь борясь, я обнажаю меч.

Г а в р и л

Дождался Божий стег решительного часа.
Непробиваема твоя да будь кираса,
Ты солнцем сияя, — тебе, я вижу, шлют
Десятки тысяцких свой боевой салют, —
Под Божьим знаменем стоят бойцы геройски,
Смелей, князь Михаил, ты — первый в Божьем
войске!

М и х а и л

Итак, бойцы, вперед за боевой трубой!

Г а в р и л

Молитвою тебя мы провожаем в бой.

Люцифер, Вельзевул, Люциферисты.

Л ю ц и ф е р

1400 Насколько велика готовность боевая?

В е л ь з е в у л

На мудрость гордого владыки уповая,
Войска сигнала ждут: настал великий час.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Едва лишь Люцифер нам ниспошлет приказ,
Мы, развернув крыла, рвануться в бой готовы,

Чтоб окружить врага и заковать в оковы,
Как только дрогнет он, как только он падет.

Люцифер

Надеюсь, наших войск произведен подсчет?

Вельзевул

Они бесчисленны: подобно грозной лаве
Стекаются бойцы к твоей, владыка, славе.
¹⁴¹⁰ Считаю, что третья часть примкнула к нам
бойцов ⁵⁵,
Всех, что на небе суть, — и, мню, в конце концов
Нас будет поровну: из армий Михаила
Уходит, что ни миг, воительская сила;
Из Иерархий всех, из Горних Орденов
Нам лучших отдают они своих сынов:
К нам Херувимы мчат, Архангелы, Господства;
Штандарты множатся: небесный сад в сиротство
Впадает, зелень в нем утрачивает цвет,
Повсюду знаменья неотвратимых бед,
¹⁴²⁰ Все ярче молнии, все тяжелее тучи —
Предуказание победы неминуемой.
Венец Небес готов твое чело облечь.

Люцифер

Весть эта радостней, чем Гавриила речь.
Я говорю сейчас и воинству, и свите:
Внемлите, рыцари, полковники, внемлите.
Задачи главные я кратко изложу:
К последнему пришли мы ныне рубежу,
Ждет проигравшего жестокая расплата —
Война объявлена, и к миру нет возврата;
¹⁴³⁰ Раздора нашего уже не смыть пятно,
Пощады никому найти не суждено;

Должна законом стать преступность ретирады,
Недопустимыми — потупленные взгляды;
В едином отстоять вы призваны ряду
Державу Ангелов и с ней — мою звезду.
Согласно плану все идет, — внемлите, братья:
Не должно допускать преступного отъятья
Того, что отдано нам раз и навсегда.
Когда рука твоя останется тверда,
¹⁴⁴⁰ И вражеского ты падить не станешь стапа,
То укротится власть небесного тирана,
Не повелит Адам потомству своему
Вас, Духов, подчинить позорному ярму,
Он свите никогда не повелит победной
Вас обратить в рабов, сковать колодкой медной,
И кнут не занесет над вами страшный свой.
Свободных войск меня кто признает главой,
Кто верен моему блистательному стягу,
Тот Утренней Звезде да повторит присягу,
¹⁴⁵⁰ Чтоб ни один не смел отречься маловер.

Л ю ц и ф е р и с т ы

Равно клянемся вам, Господь и Люцифер.

В е л ь з е в у л

Смотри! Гонца Небес вдали я прозреваю!
То Рафаил спешит, божественную вайю
В деснице зрю его: он мир тебе несет.

Р а ф а и л , Л ю ц и ф е р .

Р а ф а и л

Наместник, ты, кому доверен небосвод,
К чему изменою ты наше сердце ранишь?
Ужель создателю противиться ты станешь?

Ужель неверностью ты осквернишь себя?
Надеюсь, что не так. Спешу к тебе, скорбя,
¹⁴⁰⁰ Об участи твоей гнетет меня досада.

Люцифер

О честный Рафаил!

Рафаил

Мой друг, моя отрада,
Молю тебя, внемли.

Люцифер

Поведай скорбь твою.

Рафаил

Пощады, Люцифер! Не уповай в бою
Сразить меня, того, кто не таит коварства,
Того, кто принести тебе спешит лекарство,
Бальзам, почерпнутый из лона Божества,
Была первичная Чья воля такова:
Над тысячью Господств неизбежно поставить
Тебя, чтоб ими стал ты, как паместник, править.
¹⁴⁷⁰ Что за безумие — сей страшный спор начать?
Зрю на челе твоём Создателя печать,
Ты не был обделен, властитель ясполицый,
Решительно ничем: тебя Своей десницей
Создатель в высшее достоинство вознес;
Ты лучшей воссиял среди Господних роз ⁵⁶,
Ты облачением отличен многочудным,
Сафирным, лаловым, алмазным, изумрудным,
Жестка фелонь твоя, вся — золото и жемчуг.
¹⁴⁸⁰ Дал главный скиптр Господь главнейшему из слуг;
В мгновенье твоего среди Неба появления
Дрожали, трепеща, созвездья и камня, —

К чему сей хочешь трон ты у себя отнять
И благодти Небес вовек не обонять?
Неужто прежний блеск, отраду наших взглядов,
Обличью предпочтешь всемерзостнейших гадов,
Ужели в будущем не чаешь ты, увы,
Грифоновых когтей, драконьей головы,
Что прирастут к тебе? Небесну должно ль хору
Свидетелем служить бесславию и позору
¹⁴⁹⁰ Того, кто нам сиял в наместничьем венце?
Знай: отвратит Господь от падшего лице,
Что зримо только нам, кто святы семикраты.
Не постигаешь ты размеров сей утраты:
Не повелит Господь сиянью Своему
Навек пожравшую тебя рассеять тьму.
Постигни сердцем, ты, о господин наместник,
Я — сострадания благого провозвестник;
Сними свой гордый шлем, секиру отшвырни,
Вовеки более не одевай брони:
¹⁵⁰⁰ Безмерна пагуба воинственных усилий
Для оперения блистательных воскрылий
Твоих, — склони чело и усмири войска,
С престола Бог тебя не сверг еще пока
И не смешал тебя ни с прахом, ни с известкой,
Под корень не извел своей рукою жесткой,
Из памяти Небес пока не сгинул ты,
Не впал во пропасти скорбей и нищеты,
Червя бессонного, отчаянья, распада,
Зубовца скрежета и ненасытна глада.
¹⁵¹⁰ Смирись! Восстанови свою былую честь!
Ветвь мира восприми, покуда время есть.

Л ю ц и ф е р

Любезный Рафаил, прошу, прими на веру:
Клялись мои войска не только Люциферу,

Но также Господу — Он это знает Сам.
Мы в бой хотим идти во благо Небесам,
В защиту Ангельства, в защиту Божьих хартий:
Присягу Небесам зри на моем штандарте,
Я охраняю их незыблемый покой, —
Да не восцарствует над Небом род людской,
¹⁵²⁰ На выи Ангелам не возложит ярема —
Иль солнце не взойдет над кущами Эдема;
Владыкой Ангелов не 'станет супостат.
Пусть бросит Небо нас в пучину жарких блат,
Туда же с нами пасть и скиптрам, и коронам,
Что Божьим навсегда дарованы законом
И неотъемлемы. Прияв судьбу сию,
В защиту вечных прав я ныне восстаю;
Будь даже я смирен, — восстать мне надлежало б,
Вняв плачу скорбному и сотням тысяч жалоб.
¹⁵³⁰ Речь доведи мою до сведения Отца,
Слугой которому я буду до конца.

Раф а и л

Словами действия прикрашивать не стоят,
Их истинную суть Творец ли не откроет?
От взоров Господа укрыться ли алчбе
И властолюбию, гнездящимся в тебе,
Сим порождениям недоброго рассудка.
Лишь их вообразу — как страшно мне, как жутко!
Денница блудная, смири в себе порок!
Ты Господу грозил — сие тебе не впрок.

Л ю ц и ф е р

¹⁵⁴⁰ Как — властолюбие? Я ль не слуга владыке?

Раф а и л

К себе прислушайся — твои слова двулики.
Что в сердце ты речешь ⁵⁷? Превыше всех взойду,

Превыше Божьих звезд свою взнесу звезду,
Подобно Господу, от края и до края
Стопами Небеса жестоко попирая,
Не зная жалости и каждого казня,
Кто скипетр получить посмел не от меня.
Склони свое лицо, разгладь воскрылий перья,
Безумством не скверни Господнего доверья.

Люцифер

1550 Я так и делаю — иль не наместник я?

Рафаил

На Небе — первый ты, лишь Бог тебе судья,
Он именно тебя облек подобной властью.

Люцифер

Увы, надолго ли? Для Ангельства к несчастью,
Стать равным Господу назначен князь Адам:
Но как бестрепетно мой скиптр ему отдам?

Рафаил

Монарх решает сам, кого приблизить к трону.
И даже высшую Адаму дать корону
Он волен, восхотев: Его решает власть,
Кто — должен вознестись, а кто — обязан пасть.
1560 Все то, что Бог дает, прими, наместник, с миром.

Люцифер

Точило боевым даруется секирам!

Рафаил

Для шеи ты своей готовишь острие!
Позволить может ли Господне бытие
На Небе зависти цвести высокомерной?

Унизил тех, кого поставил выше всех;
Тот, кто доселе был на царствие помазан,
В угоду низшему безжалостно наказан,
Лишен владычества; Небесному Царю
Угодно развенчать рассветную зарю,
Денницу низложить и свергнуть в бездны мрака,
В безвидное Ничто преобразить, — однако
Ничто — почтеннее, чем рабства горький срам.

Р а ф а и л

Власть можно ль причислять к пожизненным
дарам?

Л ю ц и ф е р

¹⁶⁰⁰ Дар, выданный взаймы, не нужен мне задаром!

Р а ф а и л

Наместника ли сан блюдешь ты ныне с жаром?
Он дан тебе затем, чтоб твердою рукой
В обители Небес ты утверждал покой, —
Как против Бога ты посмел одеть кирасу?
Иль внять разумному уже не в силах гласу?

Л ю ц и ф е р

Нам по нужде пришлось облечься в сталь кирас:
Столь незначителен был спор сперва меж нас!
Пусть разум не велит вставать на бой с оружием, —
Прав наших торжество иначе как заслужим?

Р а ф а и л

¹⁶¹⁰ Во межуСОБИЦЕ — грош торжеству цена,
Коль армия сама собой побеждена,
Коль полегли в бою, заведомо неправом,
Те, кто объединен единым был уставом.

Прозри возмездие карающей руки,
Наместник, усмири восставшие полки,
В них прав установи почтительный и кроткий.
Ужасно слышать мне, как тяжкие колодки
Готовятся тебе, чтоб, к вящему стыду,
Ты был закован в них у Сонмов на виду.
¹⁶²⁰ Уже Архистратиг свой строй расставил грозно —
Молю, остановись, пока еще не поздно!

Л ю ц и ф е р

Войска к сражению готовы с двух сторон,
На мир надежды нет.

Р а ф а и л

Смирись — и ты прощен,
Посредником считай меня и аманатом.

Л ю ц и ф е р

Порабощенну быть своим врагом заклятым?
Швырнуть звезду во мрак? Склонить, смирясь,
чело?

Р а ф а и л

О Люцифер, кинит разверстое жерло
Болота серного, где ты пребудешь, пленный.
Ужель тебе, кто был всех краше во Вселенной,
¹⁶³⁰ Назначена судьба в пучину пекла пасть,
Непосытимую сию насытить пасть?
Бог милосерд к тебе; не медли нарочито,
И, ветвь прияв сию, считай, что все забыто.

Л ю ц и ф е р

Злосчастьем равный мне — найдется ли в мирах?
Надежда теплится, но все же тлеет страх.

Лишь поражения мы ждать, однако, можем,
В сомнениях идя сражаться с войском Божиим.
Противу Божьего взнести военный стяг?
Признать, что Ангельству Господь отныне враг?
¹⁶⁴⁰ Войска, взроптавшие на Господа, возглавить
И против Божьего закона — свой восставить?
Неблагодарственно подстроить гнусный ков
Тому, кто в милости неслыханной таков,
Что всех готов простить, отпавших от присяги,
Кто до сих пор готов радеть о нашем благе?
Что ж, надо отвечать — по собственной вине.
Днесь от Создателя отречься должно мне!
Надменность, клевету — под маской ли укрою?
Нет отступления воинственному строю.
¹⁶⁵⁰ Где выход? Кто подаст спасительный совет?
На размышления уж ни мгновенья нет,
Коль малый сей зазор могу мгновеньем звать я
Меж вечной радостью и вечностью проклятья.
Достойной кары нет неверному рабу.
Чу! Слышен Божий глас — внемлю Его трубу.

Аполлион, Люцифер, Рафаил.

Аполлион

Наместник доблестный, не можно медлить боле.
Расставил Михаил полки в небесном поле
И посылает нам надменный вызов свой.
Построй скорее нас в порядок боевой.
¹⁶⁶⁰ Мы зрим уже сейчас — за нами поле брани.

Люцифер

Уже? Иль повод есть, чтоб ликовать заранее?
Возможно множество в сраженье перемен.

Аполлион

Я видел — Михаил и мрачен, и смятен,
А войны его решимостью нетверды.
Мы уничтожим их, мы сломим эти орды!
Со стягами сюда полковники идут.

Люцифер

Трубою дан сигнал — бойцы на ратный труд
Готовы ринуться по первому же знаку.

Аполлион

Ты лишь его подай.

Люцифер

Ну что ж, тогда — в атаку!

Рафаил

¹⁶⁷⁰ Увы, сомнением он был уже объят,
Но впал в безумие. Сколь горек сей разлад!
Твоя, Архангел, рать погибнет от гордыни ^{58!}
Путь в Небеса тебе закроется отныне,
На смену жалости должна придти вражда.
О хоры Ангелов, придите же сюда,
Быть может, помешать сумеем хоть мольбою
Сему жестокому и пагубному бою!

Хор Ангелов, Рафаил.

Хор

Отец, чей слух давно устал
От прославлений и похвал,
¹⁶⁸⁰ Тебе никто не ценен боле,
Чем сын смиренномудрый тот,

Кто видит радость и оплот
Во исполнении Божьей воли;
Ты зришь, о Всех Отстолий Ствол,
Как впал в преступный произвол
Светлейший властелин Денницы,
Как обезумел сей смутьян,
Как, властолюбьем обуян,
Он шлет угрозы с колесницы.
¹⁶⁹⁰ Противоборствуй этой лжи!
Собратий наших удержи
От действий, гибелью чреватых!
Их усмири и не брани,
Обманом созданы, они
Стоят сейчас в блестящих латах.

Р а ф а и л
Прости того, кто рвется в бой,
Кто алчет восседать с Тобой
На одинаковых престолах
Владыкой Неба и Земли, —
¹⁷⁰⁰ Прости его и обели
От преступлений сих тяжелых!

Х о р
Спасти Архангелу в бою
Дай душу падшую свою, —
Твое да не постигнет мщенье
Неблагодарного сего:
Пусть милосердья торжество
Пошлет безумному прощенье!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Рафаил, Уриил.

Рафаил

Ликуют Небеса: настал великий миг,
В победную трубу трубит Архистратиг,
1710 И возвещает нам о битве, об успехе;
Сверканием спелят хоругви и доспехи
Врага повергнувших, Господних Бранных Сил;
Я зрю, сюда идет могучий Уриил,
Оружничий, кто в сем бою благополучном
Отваги чуда творил мечом двуручным,
На щит алмазный чей паложен Божий герб,
Кто все, чем угрожал коварный лунный серп⁵⁹,
Громил безжалостно, не ведая боязни,
Кому доверено Всевышним право казни
1720 Пределаких бунтарей, — кто, сей приявши дар,
Нанес неправоте решительный удар.
Блаженны воины победного отряда,
Оборонившие честь Ангельского града,
И все, что Небеса хранили искони.
Повествование пред нами разверни
О битве славной сей, — рассказ заране сладок.

Уриил

Повествовательный легко ли дать порядок
Тому, как Хаос нас пытался обороть?
Но счастливы бойцы, с которыми — Господь.
1730 Архангел Михаил, который в ратном стане
Посланником Небес был упрежден заране,
Что битва предстоит, поскольку Люцифер
Дерзнул противостать приказу высших сфер, —
Что предстоит урок подать глупцам упрямым,
Почтившим ложного владыку фимиамом, —

По настоянию Глашатая Небес
В наборном панцире, с копьем наперевес
Возглавил армии, — приказом воеводским
Велел построиться и тысяцким, и сотским,
¹⁷⁴⁰ От мерзкой накипи очистить Небосвод
И в бездну сошвырнуть клятвопреступный сброд,
Смести сих призраков безжалостно, покуда
Внезапный их порыв нам не содеял худа.
Как стрелы вержуются послушной тетивой —
Поспешно так спешил в порядок боевой
Уже с оружием стать Господень каждый воин;
Был треугольником наш грозный сонм построен ⁶⁰:
На лицах можно зреть подобное у нас —
Тресоогласие сверкает, как алмаз,
¹⁷⁵⁰ Втройне огранкою небесной превосходит.
Вершиной войска был Архистратиг Господен,
Хоругви Божией он одесную встал,
Воздетой молнией преяростно блистал —
Затем, что ставшему главой над ратным строем
Уместно смелость всю собрать в себе пред боем.

Ра ф а и л

Как выстроились те, что начали войну?

У р и и л

Они, у дерзости завистливой в плену,
Собрались ринуться на нас, забыв о чести,
Одной ведомые злоторной жаждой мести.
¹⁷⁶⁰ Как месяц молодой, варастила рать врага,
Наставя по бокам на нас свои рога, —
Рога златые так Телец небесный в яри
И все подобные чудовищные твари
Встопорщить норовят. На правой стороне
Князь Вельзевул стоял в сверкающей броне,

Князь Велиал стоял меж тем на фланге левом
И смелость горячил в себе неправым гневом.
Наместник — в центре встал, в зените торжества,
Богопротивных войск фельдмаршал и глава
¹⁷⁷⁰ Над армией, — держа всечасно под надзором
Штандарт, рассветная Денница на котором
Кичливо реяла, — со стягом сим древко
Вздымал Аполлион настолько высоко,
Насколько мог взнести, предрозостно и круто.

Рафаил

Архангел, о, зачем тебе вся эта смута?
Будь я усерднее — не стать бы войне!
Первоначальную картину битвы мне
Ты все же нарисуй подробней и скорее.

Уриил

Подручные Врага, в зеленые ливрен
¹⁷⁸⁰ Одеты, вокруг него содвинулись. Потом
Он выступил вперед в мундире золотом,
На колесницу встал, вконец осумасбродев,
Блеснуло золото и яхонты ободьев;
Он ринулся вперед, разгорячив сперва
Дракона злобного и дерзостного Льва,
Что были впряжены перед его повозкой,
Сверкая сбруюю, от маргарита жесткой.
Он мчал с копьем в руке, а также при щите,
Звездю Утренней сверкавшем на локте
¹⁷⁹⁰ Врага, что попытать в бою дерзнул удачи.

Рафаил

Гордыню, Люцифер, оплачешь наипаче!
Ты фениксом сиял с небесной высоты,
Летя пред армией, как был прекрасен ты,

Сколь красили тебя одетые впервые
Великолепные доспехи боевые!
Прости, оружничий: я мыслью вновь с тобой.

У р и л

Застыла армия пред тем, как вспыхнул бой,
Мятежные полки стояли ряд за рядом,
Военачальники окидывали взглядом
¹⁸⁰⁰ Расположенье войск, — труба и барабан
Взгремели бешено; сигнал к сраженью дан;
В просторы вечные возреал огонь могучий,
Запели тетивы и стрелы взмыли тучей,
В потоках пламени весь окоем исчез,
Дрожат, колеблются столпы дворца Небес,
Светилам несть числа, с дороги вечной сбитым,
По неизведанным они скользят орбитам,
Не знает ни одно, куда полет стремит:
На запад, на восток, в надир или в зенит.
¹⁸¹⁰ Видны лишь молнии, слышны одни лишь громы,
Основы сущего непрочны, невесомы.
Лишь замер в воздухе атаки первой рев,
Настала очередь двустрелых топоров,
Взблеснули палицы, кинжалы, протазаны,
Мечи и палаши — все, что наносит раны,
Свой страшный труд вершит в безумстве толчеи,
Никто не знает, где чужие, где свои,
И рати собственной — не отличить от вражьей.
Мелькают тысячи истерзанных плюмажей,
¹⁸²⁰ Сверкают в молниях губительной грозы
Обрывки жемчугов, обломки бирюзы,
Шипак за шипаком, кольчуга за кольчугой,
И крылья, стрелами пробитые, с натугой
Взмыть порываются. Еще грозит порой
Нам кличем яростным ливрей зеленый строй,

Но вот уже бегут, мы видим, супостаты.
Безумный Люцифер в атаку шел трикраты,
Противоборствуя бессилию полков
Своих, — морских стихий бесплодный гнев таков,
1830 Когда громаду волн крушит гранит прибрежный.

Рафаил

То был последний знак ему: смиришь, мятежный.

Уриил

Архистратиг трубить велел: Господь за нас.
Бойцы отозвались на оный славный глас,
Воскрылья мощные нас вознесли в просторы,
Чтоб вражьи армиям не дать малейшей форы.
Теперь построились мятежные войска
Оборонительно. Так сокол в облака
Легко возносится, сверкая опереньем,
Пока узнать его сумеют слабым зреньем
1840 Коростели в полях и цапли на лугу —
Не им противостать подобному врагу!
Пусть цапли жалкие, собравши войско птичье,
Ждут битвы клювом в клюв, — но сверху вниз
к добыче
Летит победный враг, как камень из пращи.

Рафаил

Спасенья, Люцифер, ты боле не ищи.
Сопротивление отныне бесполезно,
Нет пристани тебе: дымящаяся бездна
Трясиной жадною зияет пред тобой.

Уриил

Под нами вражий строй округлою скобой
1850 Иль полумесяцем лежал, остря оружие;

Все было зримо нам еще полуокружье,
Прегордо реяли над коим знамена:
Враг был величествен, как пекая стена,
В броню одетая, — открытый пашим взорам,
Вися над воздухом, невидным упором, —
Сияли шпшаки, кирасы и мечи;
Враг был как облако, в которое лучи,
Рождая радугу, воззаются светилом.
Господень строй летит орлом золотокрылым
¹⁸⁶⁰ Над лютым ястребом, — орлу педорога
Честь пстреления надменного врага,
Который жметса вниз в безумной обороне, —
Орла ярит мечта о горестном уроне,
Что когти панесут его, и верный клюв,
Султан с главы врага безжалостно рванув.
И вот черед настал — трехгранною гороу
С высот низринуться божественному строу:
Так водопад крушит скалы полпочных страп,
Чудовищем ревет, отвагой обуян,
¹⁸⁷⁰ В ущелье клокоча кремнистом и глубоком;
Каменья и стволы свергаются потоком,
Трепещут берега: воистину страшны
Несомые водой стволы и валуны
Всему недвижному. Наш вождь секирой верпой
Над полумесяцем взмахнул — и жижей серпой
Растекся строй врага, кроваво-голубой.
Вопль в воздухе повис, и мы рванулись в бой.
Все менее основ у вражеской гордыни,
Разломлеп лунный серп, разрезан посредине;
¹⁸⁸⁰ Он перенапряжен, — столь согнут каждый рог,
И будет через миг ему ничто не впрок,
Коль помощь не придет в сей схватке рукопашной!
Прегордый Люцифер на колеснице страшпой
Старался каждый миг явиться всем, везде,

Чтоб утешение подать бойцам в беде,
Их убедить, что есть надежда, и большая,
Победу одержать. Рубя и сокрушая,
Несется он, — грызут поводья, осмелев,
И голубой дракон, и беспощадный лев,
¹⁸⁹⁰ Которыми рука бестрепетная движет;
Один, рыча, когтит, другой же — ядом брызжет,
Язык раздвоенный шлет гибель и чуму,
Все там, где он дохнет, скрывается в дыму.

Рафаил

Уместно б вам тогда удвоить мощь удара.

Уриил

Господне знамя враг повергнуть хочет яро,
Его слепящее сиянием, — оно
Господним именем недаром почтено.
Сверканью оного завидуя, быть может,
Он рубит и крушит, кромсает и пичтожит,
¹⁹⁰⁰ И падо всем висит его ужасный клик.
Но на его пути встает Архистратиг,
Подобно Божеству, — и слышится пад миром:
Утишься, Люцифер, штандартам и секирам
Пасть предо мной во прах немедля прикажи,
Уйми приверженцев богопротивной лжи
И дальше ни на шаг зайти уже не пробуй.
Однако Архивраг с удвоенною злобой
Секирой продолжал греметь в алмаз щита
Господнего, не вняв, сколь велика тщета
На Бога восставать, — трикраты шел к бесчестью,
Покуда Божией достигнут не был мезтью.
Секира страшная распалась на куски,
И прогремел удар карающей руки:
Сверкнула молния небесного закала,

Слепя мятежника сквозь шлем и сквозь забрало;
Его безжалостно разит Господень гнев,
Повозка рунится, а с ней — Дракон и Лев,
И сам хозяин их с позором в бездну кинут;
Мой меч пылающий из ножен тоже вынут,
¹⁹²⁰ Чуть видит над собой его Аполлион —
Штабдарт с Денницею тотчас бросает он;
Но адских полчищ тьмы сбегаются по клику,
Пытаясь оберечь сраженного владыку;
Здесь — грозен Вельзевул, там — страшен Велиал;
Хоть сломлен лунный серп, Наместник в бездну
пал,

Но в сем паденье нет мятежникам науки:
Берет Аполлион командование в руки,
Встают чудовища когортой боевой:
Безбожный Орноп ⁶¹ изрыгивает вой
¹⁹³⁰ Несносный и грозит дубиною, воспрянув;
Вокруг него — толпы ужасных великапов,
Медведицы Небес, восставши на дыбы,
Не собираются сдаваться без борьбы;
Во пятьдесят голов зияет Гидра ядом!
Плодилось ужасы в бою со мною рядом
Такие, что о них повествовать певмочь.

Р а ф а и л

Хвалите Господа, величьте день и ночь!
О как ты страшно пал, злосчастная Денница!
Каким тебя узреть мне, может быть, случится?
¹⁹⁴⁰ Где красота твоя, которой ты сиял?

У р и л л

Полярный, мшилось, мрак сиянье дня объял, —
Как по велению магического жезла
По низвержении — краса Врага исчезла:

Он грязью смрадною покрылся в краткий миг,
Угасной мордою стал светозарный лик,
Уста очердились клыкастой пастью зверской,
Конечность каждая предстала лапой мерзкой,
Щетиной черною вся кожа обросла,
Взмегнулись жуткие дракоповы крыла;

⁵⁰ Он, тот, кто властвовал столь гордо, столь надменно,
Собою семь зверей явил одновременно ⁶²:

Сейчас казался он в обличье таковом
Прокорливой свиньей; высокомерным львом;
Ослон во лени; драконом в злобе рьяной;
Горящей похотью двуспастной обезьяной;
Гневливый носорог здесь был, и, накопец,
Еще виднелся волк, безжалостный скупец.
Былой владыка стал мишенью для проклятий
И Бога, и людей, и Ангелов — собратий,
И жуткий лик того, кто падал в пустоту,
Был весь в испарине, в дымящемся поту.

Рафаил

Навек паука тем, в ком нет Господня страха.
А что Аполлион?

Уриил

Он был свидетель краха

И бегство ринулся, как загнанная дичь, —
Но всех спасавшихся карал Господень бич.
Бежать могли они, но лишь небезвозмездны:
Чудовищами став, они летели в бездны,
И все быстрее был позорный их полет.
О, что творилось там! Какой водоворот
⁷⁰ Свергался с вышних сфер! Господних ратей сила
Спротивление мятежников сломила;
Круженье, бешенство, и гром, и стон, и гам;

Премену внешности свергаемым врагам
В себе ужасно зреть: все ревом, лаем, рыком
Наполнено вокруг. Каким ужасным ликом
Но нас смотрели те, кто с Неба 'свержен был
Во преисподнюю. Могучий Михаил
Победу возвестил, — и вот уже песется
Песнь Божьих Ангелов во славу Полководца,
¹⁹⁸⁰ Кимвалы грянули — чаруя слух и взор
Качая вайями, запел небесный хор.

Хор Ангелов, Михаил.

Хор Ангелов

Прославлен будь, герой,
Сломивший вражий строй,
Кто, свою мощь в бою приумножа,
Низверг бесовский строй.
Сразил того, кто власть
Решил бесстыдно скрасть,
Глас Небес наотрез кто отринул,
От Бога смел отпасть.
⁹⁰ Властитель бранных сил,
Могучий Михаил,
Ты позор властно стер с лика Неба,
Огонь битвы укротил.
Низринут мерзкий враг,
Сверкает Божий стяг,
О, какой вновь покой в Эмпирее,
Сколь мир наставший благ!
В знак поражения зла
Да преклоним чела, —
²⁰⁰⁰ В честь Творца из двorca сил Небесных
Да возлетит хвала!

М и х а и л

Хвала Всевышнему, мир в Ангельстве возможен;
Повержен Архивраг, его штандарт низложен,
И самый знак его, рассветная Звезда,
Во чистый прах Небес впечатан навсегда.
Все, нами взятое у Духов непокорных,
Внесем трофеями, — и славу на валторнах
И трубах возгремим победе над врагом,
Что мнил слабейшего пайти во Всеблагом
Подателе Всего, — Истоке и Основе,
Кто полон к существу отеческой любви,
Не будет более Господен небосклон
Неблагодарностью коварной затемнен;
Непокорившимся — в глубинах безотрадных
Отныне суждено, прияв чудовищ смрадных
Обличия, — уйти в первоначальный мрак.
С грозящим Господу да будет с каждым так.

Х о р

Да будет с каждым так отныне и вовеки,
Кто Божья облика не зрит во человеке ⁶³.

Г а в р и и л, М и х а и л, Х о р.

Г а в р и и л

Увы, увы, увы, о чем ликуют здесь?
Да смолкнут похвалы; испорчен праздник весь,
Уместней бы не петь, а возрыдать от срама.

М и х а и л

В чем дело, Гавриил?

Г а в р и и л

В падении Адама.

Сей первый человек, людского рода ствол,
Себя во скверну вверх, во грех преступно ввел
Потомков собственных.

М и х а и л

Сие подобно грому,
Рождает эта весть печаль неизрекому.
Фельдмаршал угрожал ужели и Земле?

Г а в р и и л

Он армию собрал, блуждавшую во мгле;
2630 Своих полководцев, подавленных глубоко,
И стан расположил, страшась Господни Ока,
Во облаке пустом, в пещере жуткой, где
Были взор его незрим, пылавший во стыде.
И возопил, совет собравши преисподний,
С престола, не смирен победою Господней:
Ты, кто не укротил, но лишь осилил нас⁶⁴!
Отмщенья нашего приходит грозный час,
И отвратить его потуги будут тщетны.
Я Небу нанести готов удар ответный,
40 Их отражение земное оскверня:
Сместить Адамов род есть планы у меня
С престола, что ему дарован в колыбели,
И погубить его: иной не знаю цели.
Коль дан ему запрет — уже немудрепо
Навеки положить на род его пятно,
Чтоб, телом и душой загублен и отравлен,
От милости Небес он был навек отставлен,
Днесь отнятой у нас, — да мыслимо ужли,
Чтоб малочисленный, ничтожный червь Земли

²⁰⁵⁰ В страданиях и трудах заполучил державу,
Что нам принадлежать обязана по праву?
Провижу загодя: Адамовы сыны
По свету мечутся, блаженства лишены;
Природа, не стерпев позорища такого,
В безвидное Ничто вернуться жаждет снова;
Адама также зрю: падение вослед,
Божественных зениц он утеряет свет,
Он, прозябающий в безрадостной юдоли,
Подобьем Божиим не сможет зваться доле;
²⁰⁶⁰ Пусть в лоне матери сегодня зреет плод —
Назавтра, знаю, Смерть легко его пожрет, —
С престола я тогда сойти велю Тирау:
Тогда пропойте мне на Небесах осанну,
Мои соратники, друзья и сыновья, —
Вам жертвы щедрые сулю в грядущем я;
Поскольку на Земле все люди, без изъятья,
Обречены тавру Адамова проклятья,
Зло множить новым злом — им участь суждена.
Вот моего венца разбитого цена.

М и х а и л

⁶⁷⁰ Хулитель дерзостный в пылу противства жгучем!
Уж погоди, тебя от клеветы отучим.

Г а в р и л

Так молвит Люцифер, и Велиала плет ⁶⁶,
Чтоб спешно возвращен был человеческий род.
Зло — самый лютый зверь меж остальными всеми.
Познанья древо змей легко нашел в Эдеме,
Стал за людьми следить из веток — чтоб сперва
Приманку облачить в приятные слова,
И скоро нашптал жене Адама, Еве:
О, несравненны сколь плоды на этом древе!

- 2080 Того не может быть, чтоб уж настолько строг
Был прикасаться к ним запрет, который Бог
Зачем-то паложил. О сем не вспоминая,
Как лаком этот плод, изведай, дочь земная,
Отравы не таит чудесный сок плода:
Вкуси его, вкуси — о, как он спел! — тогда
Ты знание обретешь. Не бойся святотатства:
Вкусив его, опрпчь великого приятства,
Ты станешь Господу величием равна —
И зависть в Нем возжжешь. Вот какова цена
- 2090 Господней мудрости, — вкуси же то, что манит!
Невесту дивную слова такие ранят,
Ее влечет плода познания красота,
Глаза пленяются, за ними вслед — уста,
Они — возжаждали, желанье движет пястью,
Срывает, пробует — к великому несчастью —
С Адамом делил плод, — и тотчас же, впервой
Зрят наготу свою они, и вот — листвою
Сокрять пытаются срам обнаженных чресел,
Взыскуют, чтобы лес их тенью занавесил.
- 2100 Но от возмездия сокрыться ли в тени!
Темнеет Небосвод. Зрят радугу они,
Предвестье близкое карающему року.
Рыдает Эмпирей. Что в оправданьях проку!
Прощенья людям нет и быть не может за
Их преслушание. Уже гремит гроза,
Повсюду страх и стон царят в пучине мрака;
И прочь бегут они, — куда бежать, о, дако,
От вечного червя, от жгучего стыда?
Бегут, идут, ползут, не ведая, куда.
- 2110 Им смерть предвещана. Раскаляем пылая,
Рыдают падшие. Где гордость их былая!
Смятенные, стоят, повуривши главы:
И шорох ручейка, и легкий шум листвы —

Когда Землю век еще не будет прожит.
2140 Хотя жестокий Зверь язвит людей в пяту,
Триумф Героя ждет, восхождение в высоту.
К вам послан Господом я с вестью сей пречудно
Постройтесь же теперь: вам путь назначен
трудный.

М и х а и л

К Земле, мой Уриил, твой должен путь пролет
Яви преслушникам пылающий свой меч,
Покинут пусть Эдем: им доле жить неместно
Там, где закон они попрали столь бесчестно.
Ты в оскверненный рай стереж поставлен вход,
Не то вкусят они со древа жизни плод
2150 И станут вечно жить. Усердствуй, услужая:
Небесного не дай расхитить урожая!
Отныне райских врат ты — вечный часовой,
И да влачат Адам убогий жребий свой,
Оплакивая рай, который им утерян.
Озия⁶⁷, коему алмазный млат доверен,
И звенья тяжкие рубиновых цепей —
Во преисподнюю немедленно поспей,
Поймай, свяжи, закуй в незыблемые скрепы
Исчадий, что досель столь яростно свирепы,
2160 Дракону дерзкому и мерзостному льву
Железа наложи на когти, на главу.
Азария, тебе доверено ключарство
Над бездной жуткою, где сковано коварство:
Да будут замкнуты в затворе сем враги.
Македа, пламенный приемли и зажги
Во глубине земной — болот ужасных серу:
Да станет пыткою сей пламень Люциферу,
И пыткою другой — неукротимый хлад;
Там Ужас, Жажда, Глад и скорбь да воцарят,

²¹⁷⁰ Да водворится там Отчаянье отныне
Во наказание противству и гордыне;
Не будет Божий блеск зрим в страшном том дыму
Закованному там вовек ни одному,
Пока от семени взрасти черед наступит
Тому, в любви кто Адамов грех искупит.

Х о р

Спаситель, будет кем оборон Змей, гряди,
Адамов от греха ты род освободи,
Потомкам Евы вновь, прощая, не карая,
Затворы отомкни потерянного рая;
²¹⁸⁰ Мы числим каждый век, и год, и день, и час,
Ждем этой милости: гремит Природы глас,
Прославленной опять в блаженстве и любви, —
Трон, древле Ангельский, да воссияет вновь!

АДАМ В ИЗГНАНИИ, ИЛИ ТРАГЕДИЯ ВСЕХ ТРАГЕДИЙ

Prima malorum causa ¹.

*Ценителям искусства, господам попечителям
дома для престарелых и приюта для сирот,
покровителям справедливого использования
сценического искусства*

Нынешняя драма сызнава и по праву взыскует наличия древесной листвы и пещерной сени, соответствуя своему исконному наименованию, подобно тому, как имело это место у древних в Греции среди пастухов, где поначалу таковые, стоя прямо на земле, по очереди распевали свои пастушеские песни, чая обрести в виде паграды козла; таковой песенный обычай перебрался в города, стали где представлять (отменивши в конечном счете соревновательный спор) Древнего Сатира под сенью пещер, аллей и беседок, близ живого бьющего источника: там шло оное представление, от коего приплыли нидерландцы ныне свое наименование сценического действия, а вовсе не от ставниц ², хлебных кадушек тож, на каковых якобы некогда впервые воздвиглись подмостки для сценического лицедейства. Никому не должно морщиться, созерцая учиненную в раю драму, и не должно прежде времени сесть от ужаса и изумления, ибо зрителю, конечно же, совсем не будут показаны игривые сатиры и прочие козлоногие, прыгающие совокушпа

с вовсе лишенными одежд нимфами, — нет, конечно дабы спокойствующая совесть не была обуревасма бесплодными грезами, короче, здесь будет поана райская трагедия, имевшая место в раю, наадешном на Востоке высшим и первейшим Садовником, на реке Евфрат, Садовником, учинившим превеселую беседку и блаженное жилище для Адама и Евы, каковые там, облаченные в чистые одежды певпности и пользуясь правом наследственной справедливости, пребывали, общаясь с Ангелами, Архангелами и прочими небесными Духами, из коих самые наивысшие прибыли на их свадьбу, и все они, соединясь в единый танец, танцуют его воистину победно. Когда в прежние времена трактовали мы о Люцифере, восставшем на Бога, ведя спор из-за коровы, местом действия трагедии были Небеса; ныне же предмет нашего созерцания — исключительно земной рай, Эдем, куда тайно явился из Преисподней заклятый враг Бога и человеческого рода, дабы учинить повреждение первой свадьбе и ее пышности, прибегнув к помощи коварного своего Змея, по поводу чего полвым основаннем можем воскликнуть:

O pueri, fugite hinc: latet anguis in herbâ³:

Но юная чета, увы,
Змею не зря а средь травы!

Однако же вовсе напрасно упреждение: яростный Змей будет насаждать в их сердца адскую отраву гордыни, пользуясь следующими речами: «Вы будете как боги, знающие добро и зло», — и радостная свадебная песнь преобразится в печальное сетование, блаженная же их жизнь, едва начавшись, станет горькою суждой, вечным изгнанием за пределы Рая и отрешением от плода древа жизни. Мне думалось

дерзостным, но тем не менее поучительным развернуть в драматическом действе Изгнание Адама, Трагедию Всех Трагедий, следуя примеру пыле покойного, бессмертной памяти Его Превосходительства Хейга де Грота, посланника короны и королевы Швеции, который, едва перешагнув рубеж своего отрочества, великолепно изложил таковой материал на латинском языке и этим образцом прекрасно доказал, сколь многого можно было ожидать в дальнейшем от того, чье имя де Грот — Великий — столь похвально согласовывалось с его делами. Ежели зрители после представления радостно и единодушно оповестят рукоплесканиями, что представление было им угодно, мы почтем их рвение растраченным не попусту, и препоручаем себя господам понечителям богоугодных заведений, к чести города и бюргерства услежающим за справедливым использованием сценического искусства.

Вашим Высокородным Превосходительствам
Всегда готовый к услугам

И. ван Вондел

(1664)

ОБРАЩЕНИЕ,

КАСАТЕЛЬНОЕ ДО СОСТОЯНИЯ ПЕРВЫХ ЧЕЛОВЕКОВ
ПРЕЖДЕ И ПОСЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ,
А ТАКЖЕ НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ,
СПУТСТВУЮЩИХ ДАННОМУ ПРЕДМЕТУ

Древняя историческая картина, парисованная и написанная в красках некоторым светлейшим и достославнейшим Апеллесом, совершенна во всех своих деталях, и нет ничего, чего бы ей не доставало: ни в порядке, прорисовке и живописании образов, пре-

бывающих каждый на подобающем ему месте, ни в размещении красок, ни в том рассуждении, что одни из персонажей одеты, другие же, напротив того, обнажены, ни в описании страстей, ни в украшении, ни в каких других обстоятельствах, требуемых правилами искусства; подобная историческая живопись обладает силою очаровать внимательное око праведного знатока и ценителя искусств и воспламенить его к ненасытному созерцанию такого божественного чудотворения, ибо чем долее зритель всматривался бы и чем внимательнее охватывал и пронизывал взором, тем все больше утверждался бы он во мнении, что сей предмет достоин не токмо что созерцания, но и изумления, поскольку все предметы здесь положены весьма прочно, согласно требованиям природы, завершенные и совершенные, один не чиня другому ущерба, — равным же образом утверждается учение древней католической истины, основанное на свидетельствах Пророков, Апостолов и Св. Отцов, ибо Церковь непогрешимо управляема Св. Духом; и также, ибо справедлив ее титул, согласно коему является она **СТОЛПОМ И УТВЕРЖДЕНИЕМ ИСТИНЫ**, нельзя ее учению пайти ничего, что было бы нечисто; точно так же и не принадлежащие к Римской церкви соглашались с этим ее правом на протяжении первых четырех или пяти веков, непосредственно следующих годом Спасения⁴; среди прочих положений учения, полагаемых ею за основу и неуклонно отстаиваемых, является состояние первых человек прежде и после грехопадения; предмет важный и в высшей степени достойный интереса, ибо он, будучи правильно понят и воспринят, служит основанием для других предметов, чье изучение необходимо для правильного обоснования вечного блаженства, поэтому

небесполезно будет кратко и благочестиво взвесить происшествия, имевшие место в Раю, — прежде чем развернуть перед очами зрителей эдемскую трагедию.

Творец всего сущего создал Адама по образу и подобию Своему — святым, мудрым, справедливым, честным и совершенным. Совершенство сие, с каковым он был создан и без какого дара мы, люди, теперь рождаемся на свет после грехопадения Адама, состояло в сверхъестественной одаренности, ибо человек, изначально состоявший из плоти и души, имел в силу этой возможности, следуя своей двойственной природе, право входить в общение как с животными, так и с Ангелами, до некоторой степени преизбыточно способствуя изначальному благу своего тела и органов чувств. Из таковой розни или же противоборства наклонностей произошла в человеке самая настоящая борьба, из борьбы же и обоюдной вражды произошло немалое затруднение в соблюдении доброго права, ибо две сии склонности, плотская и духовная, оказались в противостоянии и взаимопротивостоянии.

Божественное предвидение, дабы при самом начале творения одарить слабую человеческую природу целебным средством, наделило человека превосходным даром наследственного права, каковым, словно золотою уздой, большая часть человеческой природы могла бы обуздывать меньшую, и сама большая часть могла бы быть без труда обуздываема пред лицом Бога. Итак, плоть прислушивалась к духу, чтобы не расслабляться супротив его желаний, и разве только дух мог бы противу Бога употребить свою силу вне зависимости от того, дана ли ему и вправду была власть употреблять таковую или нет.

То, что это совершенство первого человека сверхъ-

естественно, и то, что ему был дарован этот сверхъестественный, подобный золотой привилегии дар, явственно засвидетельствовано в книгах Св. Писания и творениях древних учителей. Царственный псалмопевец описывает сотворение человека так: «То, что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много ты умалил его пред ангелами; славою и честью увещал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих»⁵. Царство и падение Адама описано в другом псалме так: «Но человек в чести не пребудет, он уподобится животным, которые погибают»⁶.

Отсюда явствует, что первый человек был почтен сверхъестественными дарами, ибо пророк с изумлением говорит, что человек почти равен по природе Ангелам; кроме того, он имел дары, поначалу присущие первому человеку, именуется славою и честью, которые означают, без сомнения, нечто исключительное и дополнительно присущее ему. Так же говорит Екклесиаст: «Бог сотворил человека правым, а люди извилились во многие помыслы»⁷. Здесь указано на правоту, присущую человеку по природе, а на все прочее — как на воследовавшее и дополнительное. О том же повествует расцвеченный рассказ Христа

человеке, который попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили и ушли⁸; здесь под названием одежды принято понимать первые дары, которых лишился человек, и то, как изранена была природа человека после ограбления, как оставлена была она едва живую; Св. Отцы доказали это в своих трудах. Св. Иоанн Златоуст⁹ говорит, что Адам и Ева хотя и были наги, но, тем не менее, благодаря врожденной своей безгрешности все не пребывали в паготе, ибо, говорит он, они были облачены как бы

некою славою, ниспосланною свыше. Здесь проявлена их врожденная безгреховность, подобная одежде, свыше дарованная, дабы постижимо было, что сие — не от источников Природы, но произволением источника некоего более высокого, нежели Природа, даровано нашим прародителям. Св. Амвросий¹⁰ говорит: Адам не был наг, так как невинность была его облачением. Он же подтверждает это в другом месте следующим образом: Адам был, прежде нежели совершил свой проступок, облачен одеждою добродетели, но из-за проступка, словно как если был бы ограблен, узрел свою наготу, ибо утратил свое врожденное облачение. Мы могли бы еще шире подтвердить данную мысль выдержками, но постараемся избежать длинот. Между тем таковое одеяние прирожденной добродетели молчаливо снимает вину с нашей трагедии, где Адам и Ева, появляясь на сцене, предстают отнюдь не нагими, но именно облаченными в чистые одежды изначальной безгрешности и невинности. О сем повествуют страницы Св. Писания даже и в Новом Завете, повсюду придерживаясь все той же претистой манеры выражения, уместной для описания таковых духовных одежд: такова, например, изложенная Христом притча о человеке на свадьбе, одетом не в брачную одежду¹¹, такова же и лучшая одежда, коей одеваем блудный сын¹²; апостол Павел говорит: «Облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа»¹³, в другом месте: «Только бы нам и детям не окзаться нагими»¹⁴, еще в другом месте: «Потому что не хотим совлечься, но облечься»¹⁵. Св. Иоанн упоминает о жене, облаченной в солнце¹⁶, в другом месте упоминает виссон белый и чистый, обозначающий праведность Святых¹⁷. Он повторяет совет о том, чтобы купить белую одежду, «чтобы одеться и чтобы

не была видна срамота наготы твоей»¹⁸, и показывает нам семь ангелов, как выходят они, «облаченные в чистую и светлую льняную одежду и опоясанные по персям золотыми поясами»¹⁹. Христова Церковь описывается им: «жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый, виссон же есть праведность святых»²⁰. Оставим продолжение!

Адам и Ева, таким образом, щедро одаренные оным сверхъестественным даром врожденной безгрешности, вели счастливую жизнь во плоти и в духе, не подвергаясь никаким расстройством и погруженные в духовные радости небесного созерцания, проводили дни свои подобно домочадцам Господним. Григорий Великий²¹ утверждает, что человек в раю мог свободно вступать в разговор с Богом и так же свободно общаться с небесными Духами благодаря великой своей внутренней чистоте и великолепной внешности.

Но воистину: вне вечного Бога нет примирения, и даже значительная часть Ангелов в Небесах не была удовлетворена выпавшим жребием: часть эта осмелилась придти в возмущение превыше всякой меры, дозволенной Всемогущим, за что и была эта часть выдворена из Небесного Раю, — так же было и на Земле, где исконный враг человеческого рода столь коварно повел дело, чтобы склонить сперва женщину, а через нее и мужчину, к преступанию Господнего повеления, — пользуясь при этом услугами своего придворного Змея, Сатана в этом²² накопец и преуспел. Вышеупомянутый Св. Григорий говорит, что когда Адам отпал от Господа, сердце его замкнулось от этого, изнемог свет разума и отошли все радости, коими сопровождалось пребывание в Раю. Моисей говорит: «И открылись глаза у них обоих, и узнали

они, что наги, и сплели смоковые листья, и сделали себе опоясания»²³. Здесь раскрывается перед нами суть этой скорбной трагедии всех трагедий, за каковой и в самом деле воспоследовал поразительный переход от счастья Илиаде бесчисленных злосчастий плоти и духа, разразившихся над ними и над их потомками, произросших из-за потери врожденной безгрешности, из-за преступления предугазания Всевышнего. Католическая церковь, как писал некогда господин Фоссий²⁴ в своей «Истории пелагианства», всегда судила так, что Адамов первый грех справедливым Господним суждением вменен всем его потомкам, и мы, в силу этого присуждения лишены врожденной безгрешности, подпадаем законам неизбежной смерти и разъятости с Господом. Апостол Павел говорит: «Посему как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что все в нем согрешили»²⁵. В другом месте говорит он: «Преступлением одного подверглись смерти многие»²⁶. Он же говорит еще в одном месте, что мы «были по природе чадами гнева»²⁷, что означает нашу подчиненность Господнему гневу.

Против несомненной истины первородного греха, против наказуемости вины Адама и всего человеческого рода, основывающейся на книгах Священного Писания и на свидетельствах древних отцов, против традиции, установленной в первые триста лет после года Спасения в Европе, Азии и Африке как Восточной, так и Западной церквями, боролся Пелагий²⁸, шотландец по рождению, монах праведный и благопристойного поведения человек, из-за чего его заблуждения оказывались еще соблазнительней для людей, охотней доверяющихся голубиной простоте, чем

амной ухищренности. Он, кто в трех книгах благо-
рассудно отстаивал святая святых — Троицество —
проявил себя около четырехсотого года в Африке,

Рим и Италия внезапно подверглись нападе-
нию готов, из-за чего возникла удобная возможность
для него сеять клеветы среди ишеницы и уловлять души
своим ложным простодушием как коварной привадой,
ибо, как гласит пословица, в мутной водице хорошо
ловится рыбка. Пелагий был лукав и очень подл ха-
рактером, не раз менял свое прибежище и тайно учил
тому, — как говорит Св. Иероним²⁹, — что открыто
отрицал. Шесть и более того церковных соборов тра-
тили силы для того, чтобы выправить чинимые его
своим учением ущерб и язву, а именно три кар-
фагенских, один диосполетанский, один милевитан-
ский, один арауситанский, чтобы не перечислять дру-
гие менее значительных. Его последователи неучтиво
делали горестные плачи работающих женщин, как
вспоминания родовых мук: «О, если бы Адам никогда
не вкушал яблока!» — и другие жалобы, подобные
тому, что звучит в «Медее» у Еврипида:

О, если бы корабль не плыл за Симплегады,
Колхиды не достиг, не одолел преграды,
О, если было бы так, что Пелиопский лес
Для Арго не возрастил строительных древес!

подобно тому, как за первой ошибкой обычно
следует много подобных же ошибок, так было и на
этот раз: в силу отрицания наследственного греха Пе-
лагий предполагал проступок потомков только лишь
в следовании Адамову примеру; он считал, что про-
ступок Адама уязвил одного только Адама и никого
более, природа же не знает никаких наследственных
пороков, но каждый, происшедший от размножения,

пребывает в том состоянии совершенства, в котором сам Адам находился прежде грехопадения. Он выводил неизбежность смерти из необходимости произрастания в природе, полагал, что она происходит не из-за вины праотцев, легкой на весь человеческий род, полагал неизбежно и смерть самого Адама даже в том случае, если бы он никогда не преступал данной ему священной заповеди, из чего следовало заключение, что дети не нуждаются в крещении, несмотря на то, что Церковь твердо установила необходимость крещения, следуя словам Христа: «Если кто не родится от воды и Св. Духа, не может войти в царство Божие»³⁰. Целагий, дабы отрицать самую возможность какого бы то ни было наследственного проступка и не признавать нашей подсудности, подобно той, о которой говорили римляне, что мы рождаемся подлежащими наказанию, упорно отрицал, что благодаря крещению смывается пятно первородного греха, и дети вновь рождаются через эту водную купель, и переводятся из власти тьмы во свет Божьего царства. Отсюда возникают неправорассудные разногласия о необходимости воздействия благодати Св. Духа и о наличии свободной воли у людей и вообще о таковой в природе. Целагий отрицал самую необходимость благодати, вопреки суждению греческих и римских отцов церкви, и, чтобы приукрасить свои заблуждения, признавал необходимыми одни только природные дары, без коих нам ничего нельзя делать, но, однако же, достаточно забывался тем временем в своем гневe, четырежды был осужден и не шел в ногу ни с кем. Здравомыслящие учителя воздвигали против него обвинение, что он в своем гневe слишком высоко ставил поврежденную природу и не прислушивался немало к благодати: к тому,

что свободная воля и законоучение, подобные насаждаемым им, недостаточны, но, кроме них, совершенно необходимо наличие благодати. Пелагий мало уделял внимания тому, что Христос обещал Св. Духом, кто обращается к Нему, и посредством учреждения св. таинств считал нужным в должной мере подкрепить слабость природы; таинства поэтому были справедливо наименованы древними отцами сосудами благодати и снарядами готовности человека ко оправданию: Пелагий держался в своих заблуждениях таким образом, что Винсент Леринский³¹ справедливо засвидетельствовал о нем: никто не смел, до одного нечестивого Пелагия, набраться такой наглости, чтобы не почитать в каждом отдельном деле необходимою Божью благодать. Провозвестник Истины возражает ему на это следующими впечатляющими словами: «Без меня не можете делать ничего³²»; и Павел также говорит: «Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению»³³. Все же, чтобы нам не погружаться сверх меры в опровержение заблуждений, при коем возникает здесь не подобающая нашему предмету многоречивость, прекратим споры, держась, по совету упомянутого Винсента Леринского, того, что всегда, всюду и всеми хвалимо.

СОДЕРЖАНИЕ

Бог поместил Адама и Еву в Раю, сочетал их браком и запретил им под страхом смерти вкушать от древа познания добра и зла; однако главнейший Змей, более хитрый, нежели все остальные животные, и Сатапою одержимый, обольстил сперва Еву, дабы она полакомилась запретным плодом, а через Еву обольстил и ее мужа. Тогда посмотрели они на себя впервые открытыми глазами, и, сознав свою паготу, — ибо они стояли оба, лишенные одежд невинности и прирожденной справедливости, — сплели фиговые листья, чтобы прикрыться. Вслед за тем последовал строгий суд Всевышнего, и наказал Он их, напрасно обвинявших друг друга, поразил их, изгнавши из Рая.

Трагедия происходит в земном Раю. Действие начинается перед рассветом и заканчивается с наступлением вечера.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Л ю ц и ф е р, Князь бездны

А д а м

Е в а

Х о р А н г е л о в - х р а н и т е л е й

Г а в р и и л

Р а ф а и л

М и х а и л

} Архангелы

А с м о д е й

В е л н а л

} адские духи

У р и и л, Ангел-судья.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Л ю ц и ф е р

Я — тот, кто освящен всех рапее, однако
Теперь, низрипнутый с высот в пучину мрак.
Дерзну: покшнуть крень и серу адских блат,
Оттоль уйти, где жар, и червь, и глад, и хлад;
Обличье страшное дано мне, но при этом
Вход в сей средипный мир не огражден
запретом —

И собственный диктат, наперекор врагу,
Над царствами Земли я учредить могу.
Засям, княжешь чтоб еще прочей восставить,
¹⁰ Уместно, свет презрев, из ночи миром править:
Кто поужден своей взять вотчиною тьму,
Искать прибежища приятствует тому —
Сквозь полог полночи рассвет провидя дальный —
В сени урочища, древесной либо скальной.
Где емь, хочу постичь. Вот — ясно внемлю я
Предвестника зари рассветной, соловья,
Сей благостный певец предутренней прохлады
Среди древесных крои подруге шлет рулады.
Я слышу, как с холма, привычный бег стремя,
Крушится водопад струями четырьмя,
Теперь предположить уже возможно смело:
Эдем Восточный здесь! Я досягнул предела
Евфрата, где царит властительный Адам.
Мне должно прятаться по рощам, по 'садам,
Из пупи миртовой, из чащ, любезных оку,
Стараться выглянуть то спереди, то сбоку,
Всечасно строя ков, пзыскивая, как
Седейть зло, — коль емь добра природный враг.
В блаженной области следя возможно зорче
²⁰ За умножением вреда и всякой порчи.

Державу, Люцифер, зижди, не пада труда,
Ей не прейти вовек! Да множится вражда,
Да умалется сиянье горней чести.
Я сей наполню мир злотворной жаждой мести,
И от Вселенной вновь урву себе во власть,
Как прежде в Небесах, еще хотя бы часть.
Я весь подлунный мир печатью злобы трону,
Уж молния моя легит к Господню трону —
Докажет пусть, на что способен я сейчи;
⁴⁰ Еще не кончен бой! Осталась мощь у нас,
Победа зря пьянит небесного владыку:
Мы явим свой закон — Его закону в пику!
Сан всемогущества — пустой, как видим, звук,
Всевышний знает ли такой прехитрый трюк,
Чтоб нечто обратить в ничто 'совсем бесследно?
Мне, скажем, месть Небес была почти безвредна.
Я все же властелин — пусть пынче лишь в аду,
Но я взрастанья сей скромной власти жду,
Придет попутный ветр — и вспрянет наша сила;
⁵⁰ Коль скоро сможем мы с умом подъять ветрила,
То знатный при конце пути найдем причал.
Итоги плаваний зависят от начал,
Нам вспоминать не след урон боев вчерашних,
Небесны сторожа не дремят пусть на башнях,
Иль, очень скоро им придется быть в беде!
Всевышний демонов решил держать в узде;
Во исполнение верховного приказа
Дозором Ангелы блюдут Эдем от сглаза
И всяческой беды, — так пусть же бы о ней
⁶⁰ Узнали стражники сколь мыслимо поздней.
Беспечный господин, что правит здешним садом,
Все чает почивать под Ангельским приглядом:
Та стража задремли — в минуту бы одну
Сумел бы я настичь Адама и жону³⁴

Ударом кратким ли, дымком ли адской смолы, —
Чтоб их дыхание не радовало доле
Того, кто в Небесах триумф ликует свой,
Чтоб сад роскошный сей — стал роцей гробовой.
У древа жизни здесь, в моей короне адской,
⁷⁰ Довольственно приму хвалу когорты братской
И танец учиню, чтоб Небо кинуть в жар.
Но — преждевременно. Сей наш второй удар
(Коль первый отражен) — не должен стать
безделкой,
Напротив, высчитан в детали самой мелкой,
Чтоб утро новое Творцу бы нанесло
Ущерб значительный — иль хоть какое зло.
Все средства хороши. Нисколько не зазорно
От пизних рубежей шагать к вершине горной,
Кто терпелив — того счастливый ждет итог.
Предусмотрительность — успешности залог.
Размыслим, чем для нас чреват рассвет грядущий:
Когда светила зрак взойдет над райской пущей,
Чета эдемская, не чаючи беды,
Гулять отправится в эдемские сады,
Их жалкая любовь опять воспримет взором
Тех Духов, не пришлось познать позор которым;
Беседа сей четы мне слышится вдали;
К раздору повода не отыщу ужли,
Коль их подстерегу? Пребуду осторожен,
⁹⁰ Разведаю, на что для них запрет паложен,
Что их сгубить должно: не учинить силка
В Эдеме не могла Всевышнего рука,
Он — никому не друг: иначе он обрек ли
Вернейших слуг своих томиться в адском пекле,
Преображенье их в чудовищ совершил,
Надежды всяческой павеки отрешил,
Замкнул врата Небес для коих столь жестоко?

Однако спрячемся: встают лучи с Востока,
И меж цветущих роз, укрывших окоем,
¹⁰⁰ Адам властительный грядет с женой вдвоем
И хочет петь хвалу Владыке Небосвода,
Кому обязан он богатствами феода,
Полученного им. Теперь, друзья, смелей —
Но осторожнее: уйдем во тьму аллея
И будем, затаясь, присутствовать незримо,
Следить, как нежная чета ступает мимо,
Драбанты воздают ей почести пока;
Чета облачена в тончайшие шелка,
Сквозь кои — формы тел чувствительно приметны:
¹¹⁰ Так чрез росу сквозит светила блеск рассветный.
Затайнее, чем здесь, укроемся навряд:
Мы славно видим их, они же нас не зрят,
Мы всю беседу их услышим без препятствий,
Притихши в сумраке, в живом листвы богатстве.
Он держит мирт в руке, она — живой бутон
Духмяна розана. Все деревья поклон
Пред сей четой творят с благоговейным шумом.
Внимают Небеса молитвам их и думам.

А да м, Е ва.

А да м

Животворящий свет вдали
¹²⁰ Восходит, изгоняя въяве
Полночны призраки и навн
С лица блистающей земли.
И пенье пламенное птичье
В лесах рождается в ответ,
Хваля творящего рассвет
Неоспоримое величье.
Ах, птичья трель вперегонки

Пусть разлетается по долам,
Благим становится глаголом
130 И нам вполетается в венки.
Но наш напев — еще чудесней
Да взлетит, восторг лия, —
Однако же, любовь моя,
Хвалу начнем с которой песни?

Е в а

Начало брагь похвал чреде
Коль не от Бога, то отколе?
Зиждитель нашей славной доли
Он, сущий всюду и везде.
Лишь эта песнь уместна будет:
140 Запой, возлюбленный, со мной.
Пусть каждый звук очередной
Долины и дубровы будит!

А д а м

Такой приличествует чин.
Ты солнце взвел над райской пущей,
Всеведущий и всемогущий,
Причина всех первопричин,
Что над Вселенной возмерцала,
Грозней всех солнц ничтожа тьму, —
Ты, вечный, образу чьему
150 Являет человек зеркало!
Тебя мы зрили: создал Ты
Из чермной глины плоть живую³⁵
И удостоил таковую
Душою горней чистоты.
Прещедро нам в удел назначен
Свободной воли дар живой³⁶:
Вовек бессмертный облик Твой
Не станет в нас ни тускля, ни мрачен.

Е в а

Нам в восхваленях не устать
160 И днесь, и присно, и вовеки:
Да пребывает в человеке
И во природе — Божья стать.
Соизволением предивным
Слиял несходности Господь,
Когда водвинул дух во плоть,
Связал единством перазрывным.

А дам

Людской обогащая род³⁷,
Господь устроил сад Эдема,
Овамо в коем суть и семо
170 Дары божественных щедрот.
Сад влагой напоюем велий
Несякнущего родника,
Что Божья призвала рука
Лелеять жизнь дерев и зельий.
Цветущим дровом сад богат
И прочей благостию чистой, —
А паветье в листе сребристой
Плодами наш врачует глад.
• Рососоу к нам нисходит магна
180 О каждой утренней поре,
Как не возвесть очей горе,
Не славить Бога неустанно!

Е в а

Прославлен, Благодатель, будь
За нисхождець к дольным тварям,
Тебе в ответ хвалу мы дарим,
Все — благо, дал чему Ты суть.

Ты над Эдемом, как из рога³⁸,
Льешь изобилье всякий час,
В саду запретов нет для нас
¹⁹⁰ По щедрости великой Бога.

А д а м

В сем упительном краю
Найти сколь благодатно друга!
О раздели, моя супруга,
Сладчайшую судьбу мою!
Сколь мало радуют богатства
Не разделенные, любя:
Когда бы жил я без тебя,
На что бы нужны все приятства?
О, как тебя ни называй —
²⁰⁰ Невестой, дочерью, сестрою, —
Мечтаний о тебе не скрою
Средь розанов и райских вай!

Е в а

С тобою часть одну беру,
Мы жизни вместе будем рады,
От мига утрепней прохлады
До тьмы, что свидет ввечеру.
Я послушанья не нарушу,
Покорствовать отраднo мне
В сем мире: Всеблагой зане
²¹⁰ В твоей мою расплавил душу.

А д а м

Вы, стражи-ангелы, несущие дозор,
Искусные вносить хвалы поочередно:
О том, устроен мир насколько превосходно,
Да повествует ваш благословенный хор.

Хор Ангелов-хранителей.

I. Песнь:

Мир до создания природы ³⁹
Являл одну безвидну тьму, —
Но Божий Дух, слетя над воды,
«Да будет свет!» — прорек сему.
И свет явился ниоткуда
²²⁰ Бесплотной россыпью лучей,
Пусть не пленяло это чудо
Тогда ничьих еще очей
И ничего не означала
Смен света мраком череда,
Но было явлено начало
Всем веществам как раз тогда.
О свет! Поем тебе сегодня,
Как славна первенца Господня!

I. Ответная песнь:

И той же дланью Милосердный
²³⁰ Дал, вновь являя щедроту,
Подтвердной влаге и надтвердной
Разграничительну черту,
С тем, чтоб грядущие народы
С еще не созданной Земли
Взнесенную в надмирны своды
Господню зреть дугу могли;
Тогда же был воздвигнут Богом
Над гладью низлежащих вод
Неосязаемым чертогом
²⁴⁰ Хрусталесферный небосвод —
Услада будущего зренья.
Был день второй миротворенья.

II. Песнь:

Но скрыта влагою излишней
Была земля. Определив
Ей судьбу быть, велел Всевышний
Стать по сему. Пришел отлив.
Воздвиглись берега на страже
Утомившейся воды,
И стали гор приморских кражи
²⁵⁰ И дон выбучие гряды.
Покровом травным и древесным
Укрыл Господь лицо долин,
И повелением всеместным
Устаповил цветенья чин
Красе живой, но безглагольной.
О, лепота природы дольной!

II. Ответная песнь:

На Небеса введено было
Их чудо главное тогда:
Сверкнули дневного светила
²⁶⁰ Рубиновые обода,
По горнему летя простору, —
А вслед за оным в час ночпой
Пришел черед и звездну хору
Всходить в сообществе с Луной.
Возможно стало числить годы,
Вести учет бегущих дней
По обновлениям природы,
Прослеживая зорко в ней
За чередой времен несхожей:
²⁷⁰ В сем знаменье был промысл Божий.

III. Песнь:

Уж каждая в своей оправе
Субстанция, что в мире суть,
Но пятый день к явленной славе
Приложит ли хоть что-нибудь
Веленьем высшим? Рыбы, птахи —
Прибавок дня сего таков;
Одни — почали крылий взмахи,
Другие — плески плавников;
Стада взрезвились кашалотов,
²⁸⁰ Достоинство стало и орлам
Стремить до Солнца мощь полетов,
Могучим радуясь крылам;
Глубинны и воздушны дали
Живым родам паделы дали.

III. Ответная песнь:

Во день шестый земные звери
Взошли на травяной покров
Владеть, потребностей по мере,
Преизобилием даров
Творца всеобщей благодати,
²⁹⁰ Кто Небо человеку дал,
А также небесны рати
Ему направил под начал,
В сию обитель благостыни,
Супругам данную во власть
Творцом, который людям ныне
Определил блаженну часть:
Среди сего роскошна дола
Ждать высочайшего престола.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Гавриил, Рафаил, Михаил.

Гавриил

Мы плавно движемся вдоль млечного пути,
Светило миновав, спешащее взойти
С восточной стороны, на золотой квадриге,
В полуденном венце. Уж недалеко миги,
Когда войдут лучи от рая на Земли
В иной, на Небеси, чтоб там превознесли
Блаженны Ангелы в неслыханных хоралах
Брак первых из людей, счастливых небывалых
Цель наша — видна; прострем теперь крыла,
Уподобляя спуск парению орла,
Когда над морем он, иль над кедровым бором
³¹⁰ Снизкаясь, движется в скольжении нескором.
Сей создал мир Господь как настоящий храм;
Воистину числа здесь Божьим нет дарам;
Тут — молоко да мед, там — розы да лилеи,
Камений отблески мир делают светлее,
Сардоникс, бирюза, бдолах, пироп, алмаз ⁴⁰!
Земля — ковер цветов. У Ангелов, у нас,
Подобных нет одежд, ласкающих зеницы!
Бесценноперые здесь обитают птицы.
Зрю: там единорог ⁴¹ застыл, смотря в родник,
³²⁰ Подсолнух радостно к светилу тянет лик,
И лепестковые пылают златом круги.
Подобно Ангелам, хвалу поют пичуги!
А как роскошен плод, что блещет на суку!
О, добрый мускатель! О, апельсин в соку
Неописуемом! Луга поправши ровны,
На сочных травах плоть нагуливают овны,
И тридесат ягнят пасутся на лугу,
Руно пурпурно их являет нам тамгу

Того, отаре кто хозяин и вожатый;
³⁰ Адама, короля усадьбы сей богатой.
Вино и ром — ручьи. Мед-самоток — роса.
Корицей, не корой, одеты древесна.
Сверканье солнечно — и мягко, и приятно,
Восходно будь оно, или будь оно закатно.
Явил себя Господь без скупости везде:
В животных, в зелиях, во персти, во руде,
Но более всего, промолвить падо прямо,
Он уместил себя в почтешного Адама.

Рафаил

Глашатай Господа, Архангел Гавриил,
³⁴⁰ Земле, о каковой ты долго говорил,
Архангела хвалы едва ли не противны,
И громки звуки труб нисколько ей не льстивны,
Поскольку сам Господь являлся в сем саду,
Растения свята и живность па ходу;
Засим, последний штрих земной дарун славе,
Эдема имя дал Адамовой державе.
Нехватки никакой людской не знает зрак.

Гавриил

О светлый Рафаил, ты семикраты благ⁴²,
Ты горняя звезда, ты светоч путеводный,
³⁵⁰ Ты подаешь совет безмерно превосходный:
Пространные хвалы садам Земли не для,
Восславим самого земного короля,
И той, которая владычествует вместе
С супругом, — нам воздать пристало честь по чести;
Во славу Господа царят они, засим
Роскошну свадьбу мы, готовься, учиним:
По знаку моему им на главы — обновы
Небесны возложи; то суть венцы лавровы,

В них яхонт и брильянт несметен по числу.
³⁶⁰ Услужно Ангельство да соберет к столу
Бесценные плоды, созревшие в Эдеме,
Которы властвуют над слабостями всеми,
Что в человеке суть: сей соблюдает плод
Во крови густоту, оп — здравия оплот;
С лампадой — точно так: в ней пламя бы угасло,
Не дать когда б ему оливочного масла.
Депь чередуется с полуночною тьмой,—
Природе опый плод пользителен самой,
Затем, что порче — враг и ныне, и вовеки.
Как Бог, как Ангелы бессмертны человеки!
Всемощный Михаил, благой Архистратиг,
Гы бодрствуй на посту, следи, чтоб ни на миг
Не возникало зло среди земного сада,
Чтоб свадьбе сей не знать коварных козней ада,
Не исцивали чтоб невеста и жених
От кубка тайного, смертельного для них,
Но пили б мускатель из перламутной чаши,
И свадьба стала чтоб еще светлей и краше.
Короче, каждый пусть усердствует вдвойне.

М и х а и л

Посланник Господа, днесь в той же я броне,
Со шлемом, со щитом, что кован из алмаза,
С мечом двуострым, — он с того остался раз,
Когда небесный край охвачен был войной,
И Люцифер когда был испровергнут мной.
Днесь он взойти дерзнул, исполнясь злого рыка,
В мир, обитает где зеркало Божья лика,
Который мир от всех злодеев оградил.
Нам сохранить сей мир легко достанет сил.
Вели! На острие копья строптивца вздену,
³⁹⁰ Вздому во храм Небес и притвозжу на стену.

Г а в р и и л

Да, зорче каждый будь в служении своем.
Мы выждем: пусть Адам окажет нам прием;
Венчания четы черед тогда настанет
И пения хвалы. Эдемска свадьба грянет
У древа жизни, здесь, над оком родника,
Где лев и львица пьют, где влага так сладка;
Здесь, где в недавни дни, пришед лесной тропюю,
Адам прозванья дал спешащим к водоюю⁴³.
Невесте с женихом уместно будет тут
⁴⁰⁰ Своим гостям предстать. Зрю, вот они грядут!
О благодать, коею мы любоваться можем!
Я рад явиться к ним с благословеньем Божьим, —
И стражи-ангелы да видуют: потому
Что прозвучать пора возвышенну псалму.

А д а м, Е в а, Г а в р и и л.

А д а м

Возможно ль, милая, нам лучшу часть избрати!
Зри, нам во сретенье грядут небесны рати:
Не приминая трав, ступают навесу.
За каждым — видишь ли златую полосу
Воздушного следа? Превидны и по давню
⁴¹⁰ Воскрылья белые, что их несут столь плавно,
Когда спешат сии надмирных сфер гонцы.
Они дары несут и пекие венцы
Из веток лавровых. Почто Владыке надо
Сторожевого мощь усиливать отряда,
К нам предводителей Небесных Сил послав?
О вы, чей Властелин трикраты величав,
Привет примите наш, възскуете коль скоро
Нас видеть, низлетев из горнего простора:

Мы поспособствуем — вы адраво чтоб могли
420 Сравнить с высотами низинну стать земли,
Чтоб вы, насельники природны высшей сферы,
Не похваляли бы земной удел сверх меры;
Коль скоро некий дан Всевышним вам наказ —
Желанны и гонцы в гостях тогда у нас,
Нам радостны с Небес даваемые знаки,
Нам ваше общество благоугодно паки,
Вы не смутили нас, пречистые, пичуть,
Пожалуйте же к нам, сверша счастливый путь,
И соизвольте, край наш низкий озирая,
430 В земной — небесного ввести немного рая,
Коль наши словеса вам, славные, слышны.

Г а в р и и л

Наместник всей земной преславной стороны,
Властитель ревностный, царящий превосходно,
Отстолий будущих семянка первородна,
Владычить в сем краю ты предназначен, князь,
Лишь перед Господом почтительно склонясь,
Который, чтоб тебе стать праотцем потомкам,
Связал тебя с ребром⁴⁴, с твоим живым

отломком, —

Нас ниспослал с Небес, счастливейший, смотри —
440 Да воссиял бы в вас свет утренней вари
Еще прекраснее, чем он сиял доселе,
Кимвалы свадебны звончее бы взгремели,
И стала крепче цепь единопдушных уз,
Обовначающих взаимный ваш союз.
Сестра, невеста, дочь эдемского владыки,
Блаженна Ева, ты, чьи лепоты велики,
Кому почетнейша вперед судьба дана —
Привести на свет столь многи племена,
Что Землю населят, — о ты, подруга ложа

⁴⁵⁰ Благого жениха, — ты как звезда пригожа
И как же высоко вознесена сейчас,
Что свадьбу на твою Господь направил нас!
Венчанны нами днесь супруги превосходны!
Да возликуют все светила небосводны!
Венцы прияв сии, земной займите трон,
И чайте в будущем славнейшей из корон.

А дам

Нам большей радости не можно и желать бы.

Гавриил

Мы разделить сошли трапезу вашей свадьбы,
А древо жизни свой предложит нам шатер.

А дам

⁴⁶⁰ Благословен Господь: Он милость распростер
Великую свою небесна блеска шире,
От бирюзовых сфер струимо благо в мире.
Низлили вы елей во наших глубь сердец.
Послушных ленников почтил благой Отец
И для Земли даров опять не жалко Небу.
Со древа жизни плод — в отраду и в потребу
Годится, ведаем, и Ангелам вполне.
Всемилостно Господь послал супругу мне
Для попечения, а кушно для услады.
⁴⁷⁰ Не одиноки мы, — гостям, однако, рады.
Господь к насельникам Эдема добр вельми.

Гавриил

Счастливым жребий свой в супружестве прими.
Ты — будь Эдема царь, она же — будь царица.

Адам

Вы, стражи-ангелы, покуда праздник длится,
За нами следуйте. Не токмо сонмы птиц,
Пред вами смолкнут пусть все звери, павши ниц.

Хор Ангелов-храпителей.

I. Песнь:

Возможно опустить ли вежды,
Зря счастье благодной четы,
На коей белые одежды ⁴⁵
⁴⁸⁰ Небес невинностью чисты?
Не женской вытканы рукою
Сии покровы, нет, о нет, —
Другой одеждою такую
Не изумляем Божий свет, —
Но как символ, но как награда
Сей драгоценный дар явлен
Хозяевам земного сада, —
То — не тканье земных пелен,
Но сей убор не емлет пятен,
⁴⁹⁰ Он белоснежен, он опрятен.

I. Ответная песнь:

Не солнце, распалившись гневно,
Здесь краски извело дотла,
Но милость высша и вседневна
Сим тканям белизну дала;
Нет, зрим восторженно сегодня,
Как, высшей не щади казны,
Пожертвовала длань Господня
Частицу горней белизны,
Чтоб человек благоговейно

⁶⁰⁰ Иные все отгел цвета,
Чтоб розова и чтоб лилейна
Пред сей померкла лепота, —
Не надобны пестроты боле:
В том воплощенье Божьей воля.

II. Песнь:

Во каждом человеке к плоти
Приединен бессмертный дух,
Не пребывающе в заботе
Начал о неслиянне двух;
Столь гармонично, столь умело
⁶¹⁰ Дала законы Божья высь:
Душе во всем покорно тело,
Сей доли человек лишись —
И нечто чуждое надумай,
Он блага потерял бы все,
И жребий бы грозил угрюмый
И свадьбе, и земной красе
Тех, кем затменны херувимы,
Кто в блеске вышнем днесь хвалимы.

III. Ответная песнь:

Созвучья сладостны, арфичны,
⁶²⁰ Твоя в возвышенном пылу,
Летят хоралы гармоничны:
Се Ангельство поет хвалу,
Зане являет людям силы
Противства все преобороть
Любовь, что чрез духовны жилы
Струится, оздравляя плоть.
Кто всех Творцу сегодня ближе —
Тем днесь и дарует земну
Судьбу Всемилосердый, иже

⁵³⁰ Блюдет их юность и весну.
Да длится вековечны годы
Пир брачный сих царей природы.

З а к л ю ч и т е л ь н а я п е с н ь :

Царство ангельско с животным
В людях соединено —
Сим примером Бог дает нам
Наставление одно:
Стати царств неравноправных
Он в одну связует нить;
Суть вещей противоставных
⁵⁴⁰ Властен Бог соединить.
Длите век от зла далече,
С оным избегайте встреч —
И вовек на ваши плечи
Тяжкой доле не возлечь.

Д Е Й С Т В И Е Т Р Е Т ь Е

А с м о д е й , Л ю ц и ф е р .

А с м о д е й

Тебя, сернистых блат всемогущего владыку,
Приветствуем, явясь по первому же клику
В эдемски заросли, в блаженны сады,
Где зреют меж ветвей познания плоды.
Реки — от верных слуг что властелину надо.

Л ю ц и ф е р

⁵⁵⁰ Воздвигни, Асмодей, опору царства ада!
Такой совет подай, какого нет подлей,
Пылающей смолы в огонь вражды подлей,
Отмстим за тот позор в небесном бранном поле,
Нас Михаил когда лишил наследной доли,
И, дерзостно поправ все правила войны,

Нас молниями сверг с небесной вышины,
Навеки данной нам. Опять на грозны войны
Должны подвигнуть нас намеренья разбойны, —
Потребно действовать сейчас не напрямик:
⁵⁶⁰ Во бранном поле нас побьет Архангел вмиг,
Нельзя и мыслить нам о лобовом ударе, —
Но — вред большой чинить способны малы твари.
От сада здешнего уместно бой начать.

А с м о д е й

Что ж проще, чем врагам отселе докучать,
Зерцалам деспота внушивши мысли злобны?
Испортивши детей, что столь Отцу подобны,
Легко отъять у них все милости Небес.
Познанья людям плод запрещен наотрез, —
Коль преступить запрет им, жалким, довелось бы,
⁵⁷⁰ Уже не помогли б ни жалобы, ни просьбы, —
От кары их спасти ничто бы не могло.

Л ю ц и ф е р

Да, мощно бы тогда восцарствовало зло,
Докуку Небесам дала б Земля безмерну!

А с м о д е й

Конечно же. Сперва — зеркала ввергнуть в скверну,
Коль скоро сам престол небесного врага
Неуязвим для нас. Однако — жемчуга
С его короны мы сдерем не в миг ли краткий?

Л ю ц и ф е р

Будь по сему. Но мы затайные повадки
Усвоить бы должны, чтоб нас нашли не вдруг
⁵⁸⁰ В сих пущах. Небеса смыкают стражный круг,
И при неворкости могла бы неудачна

Стать наша миссия. Гремит музыка брашна:
Мы прячемся в тени, но нам сквозь древесна
Хоралы ангельски да птичьи голоса
О празднике гласят. К столам сносимы брашны
Толпой приспешничьей, — а стражники

бесстрашны

Блюдут спокойствие вечаемых особ.

Бдит, зрю, и Михаил, падзорщик вящий, чтоб
Не вкрался бы никто из тех, кто суть во аде.

⁵⁹⁰ Короче, там заслон и спереди, и сзади.

Разбой раскрылся бы, мне кажется, любой.

А с м о д е й

Уместно бодрствовать, замысливши разбой,
Не верить никакой сомнительной укроме,
Не лезть на свет, нигде не объявляться, кроме
Как в чаще, иль в кустах, иль в тьме пещерных
ниш;

Способен злобственный укрыться призрак лишь
При соблюдении тактичного подхода.

Л ю ц и ф е р

Как мыслишь утаить, что есть твоя природа?

А с м о д е й

Животных машкер есть немалый арсенал.

Л ю ц и ф е р

Да, птицей обернись — в ней кто б тебя призвал?
Ее несут крыла, и песни плещут в горле
Прельстительны, — ну, что ж, приемли облик
орлий,

Орлу по смелости во птахах равной нет,
Не страшно для него, дневной завидя свет,
Сразиться с таковым. У этих птиц в обычай

Справляться наскоро с когтиною добычей,
Остер и клюв орла, и дальнорядный взгляд.
Иль — выбери слона. Он мышцами богат,
Скрывать не станет он свою огромну тушу,
610 Всех тварей он сильней из тех, что топчут сушу.
И, воле будь Небес сие не вопреки,
Легко Адама он взвизгал бы на клыки,
Иль, хоботом схватив, разбил о жестки скалы.

А с м о д е й

Да, силы Господом приложены немалы
К охране здравия Наместника Земли.
Животны обороть сего бы не смогли;
Нет, нам необходим, чтоб с этой сладить силой,
Величественный гад, дракон чешуйнокрылый:
Он ползает легко, но и легко парит,
620 На языке людей он внятно говорит,
Он в людях твердость бы немедленно ослабил.
Такого сокола ужю бы я навабил,
Для простофиль земных ужю бы дал урок!..

Л ю ц и ф е р

Потише, скрытен будь, не то в короткий срок
Тут стража нас найдет и мигом уничтожит.
Чтоб ни замыслил ты — вопль делу не поможет.
Удар наметил коль — исподтишка ударь.

А с м о д е й

Что ж все-таки дракон?..

Л ю ц и ф е р

Он — хитроумна тварь,
А также — смел весьма. Сомнений не имею,
630 Что дара эти два даны недаром змею,

Коль скоро здесь одно съединено с другим —
Удар становится вполне осуществим.
О, сколько грядут вослед за ним недуги!

А с м о д е й

По одному — верней уловятся супруги,
Смутить совместно их, как мысля, мудрено.

Л ю ц и ф е р

Благословение им общее дано,
Как и проклятие: они недаром пара.

А с м о д е й

А в будущем грядет подобная же кара:
За действие одно — их ждет удел один.

Л ю ц и ф е р

⁶⁴⁰ Едва ли с женщины возможен наш почин,
В ней смелость ли найдем, потребна здесь котора?
Мужчина, мыслятся, поддастся очень скоро,
Жена же в грех впадет уже за мужем вслед.

А с м о д е й

На это, видимо, как раз надежды нет.
Вот муж вослед жене — то цель уже конкретна.

Л ю ц и ф е р

Поленится жена вкусить плода запретна.

А с м о д е й

О, в ней на лакомство позыв неодолим.

Л ю ц и ф е р

Запрет горчит на вкус.

Асмодей

Зато уж плод — сладким,
Уж так он духовит, уж так очам прелестен,
650 Притом, что вкус его еще и неизвестен,
А чтоб узнать его — всего-то надкусить.

Люцифер

Но с мужем тщетно сей соблазн соотносить.

Асмодей

Сперва пренебрежет жена запретом Божиим,
Муж согрешит вослед.

Люцифер

А если, предположим,
Не пожелает он вкусить сего плода?

Асмодей

Расхвалит женщина вкусенное когда,
Захочет ли предстать он пред женою трусом?

Люцифер

Зловеща яблока всего одним надкусом
В немилость Господа навек постыдно впасть,
660 На Смерть пойти затем, чтоб лишь отведать сласть,
Наполнить соком рот — и знать, что следом бездна
Разверзнет жуткий зев!..

Асмодей

Жена попросит слезно,
А в малости такой — попробуй, откажи.
Угроза кар к тому ж рождает мятежи, —
Сам, восставая, ты мечтал ли о покое?

Люцифер

Несчастье Ангелов — отпыле слава людская.

Асмодей

Сей жаждет знанья род — так быть же по

Люцифер

О всем ли, что его не явственно уму,
Желает ведать он?

Асмодей

Из всех — избрать дорогу

⁷⁰ Он алчет худшую — быть равен знаньем Богу!

Люцифер

Хотение престол у Бога отобрать
Есть главная беда, постигша нашу рать.

Асмодей

Тропа известная — и потому простая.

Люцифер

Ну, начипай. Притом следи, хитросплетая;
От кова люди пусть никак не ускользнут.
Управиться когда один не можешь тут —
Из преисподней кличь всех тех, которы нужны.

Асмодей

Лукавый Велиал, приспешник мой оружный,
Вполне готовый, ждет: когда приказ мне дан
⁶³⁰ На человечий род насторожить капкан —
То род людской падет уже от первой раны.

Л ю ц и ф е р

Сверши — тогда в аду куренья и пеаны
Честь воздадут тебе, и, я клянусь, не зря!
Все, что касает крылом нетопыря⁴⁶,
Что пахнет серою — в Эдем доставить спешно!
Победы нашей песнь — да возгремит, кромешна!
Да зашатается небес прегордый свод,
Узнав, кому теперь людской подвластен род! . .
Но это все — потом. Покуда — к делу, к бою!
⁶⁹⁰ Ты смело приступай, знай — Люцифер с тобою, —
И с жениха начни посев грядущей лжи.
Вот, кстати, Велиал. Что надо, все скажи.

В е л и а л, А с м о д е й.

В е л и а л

Почтенный, вас ищу среди этой пущи дикой
С тех пор, как вы наверх воскликаны владыкой.
Что пакостного он готовит Небесам?
Что славного слышать?

А с м о д е й

Тут свадьба, видишь сам.
Нас, правда, не зовут туда ни малым знаком.

В е л и а л

Сколь сад роскошен сей! Сколь каждый плод
здесь лаком
И соком напоен, — сколь запах здешних трав,
⁷⁰⁰ Цветов, кустов, дерев — целителен и здрав!
Растенья круглый год цветут, нектароносны,
Зимы и лета нет, стоят сплошные весны,
И свадьбу вечную всему сулит судьба.

А с м о д е й

Мню, гложет самого Садовника алчба
В саду, который он существовать заставил, —
Помолвил он людей, и ныне свадьбу справил.
Решили мы теперь унять его кураж.
Противобор Небес, владыка славный наш,
Решил: супругов ты уговорить обязан
⁷¹⁰ Того вкусить плода, что строго им заказан.
Обиду Небесам вчинишь ты велику.
Судьба всего и всех висит на сем суку.
О, сколь взликует зло, когда неосторожно
Сей будет плод вкушен!

В е л и а л

Но как же то возможно,
Что в жизнь призвал Творец пусть даже кроху
зла?

А с м о д е й

Нет, благо лишь одно несут Творца дела,
А возникает зло — в попрании запрета.
Жизнь пищей зиждется, но — смертная примета
Возляжет на того, кто плод недожный съест.

В е л и а л

⁷²⁰ Малейший бы не смел я выказать протест,
Но объявиться как средь праздника сумею?

А с м о д е й

Хитрейшему из гад, коварнейшему змею,
Чей облик примешь ты, откроются пути.

Велиал

Вовеки маскарад на свадьбах будь в чести ⁴⁷,
Начнем традицию от нынешнего часа.
А что есть маскарад? Не жживая ль прикраса,
Природу подлинну скрывающа свою?
Во чашу свадебну отравы я волюю,
Примапка — плод: его пусть жертва бы взялака,
⁷³⁰ Не зряще ни червя, ни тайного стрекала, —
Коль хоть один из двух откушает плода —
Второй за ним придет уж сам собой тогда.

Асмодей

Быть хитрая должна измыслена зацепя,
Соблазны изрекай умно и велелепо.

Велиал

Сперва — во слух людской встрюить прелестну
речь,
Чтоб робость укротить и к дереву привлечь,
Внушить желанце — узнать собственпоустно,
Насколько опын плод невыразимо вкуспо
Устроен! А соблазн — придет уже вослед!
⁷⁴⁰ Им гибелью грозит съедобный сей предмет!

Асмодей

План в дело воплоти, как он тобой изложен.

Велиал

Возвысится тогда, кто ныне столь ничтожен!

Асмодей

Великий Люцифер, сведенный в князя тьмы.

Велиал

В болото серное с ним вместе пали мы.

Асмодей

Рекомендует князь Адама брать сначала.

Велиал

То просто дерзость бы беспроку означало,
И безрассудный риск. Атака на жену
Даст пользу большую, — сию троцу одну
Избрать возможно, — муж — то цель уже вторал.

Асмодей

⁷⁵⁰ Разумен ты, сей путь кратчайший выбирая.

Велиал

Насильно мужу дать сего плода кусок —
Нелепо и мечтать, — здесь только хитрость впрок.
На сердце мужеско чрез женскую половину
Потребно мягко жать. Так лепят воск и глину,
Жар с влагой в ход пустив, — я в том поруку дам,
Что утеряет свой земной вепец Адам.

Асмодей

Ты мужа уязвить решил ребром его же?

Велиал

Кто ближе есть к нему и кто ему дороже?
От своего ребра он зла не ждет никак.
⁷⁶⁰ Лишь попроси она — тотчас на страшный шаг
Рассудку вопреки решится, ибо слушать
Во всем жену привык, — почто же не откупать
Столь ей любезного, столь сладкого куска?

Асмодей

Да, послушанья мощь и вправду велика.

Велиал

Не только муж в раю привержен послушаю:
Голубку голубь чтит, склонен олень пред ланью,
Лев львице подчинен, так всюду жизнь идет:
Спротивляются ль, прияв любовный гнет?
Но все же, прежде чем облечься в плоть дракона,
⁷⁷⁰ Уместно было бы мне ангельско, исконно
Обличие принять, — поди, на глаз отсей
Меня от остальных?!

Асмодей

Нет смысла в мысли сей:
Жену пусть вовлечешь ты даже в наши козни,
Представши Ангелом. Она, не зная розни
Во Ангелах, найдет защиту от суда
Своим неведением: тревожили всегда
Лишь Господа Гонцы Адамову товарку.
Победа вся твоя тогда пойдет насмарку.

Велиал

Тогда драконий вид уж поскорей приму.

Асмодей

⁷⁸⁰ Но человечесью речь к змеиному уму
Усвоить не забудь и должную манеру.

Велиал

Уж фальшью-то никак не поколеблю веру
В то, что советую лишь благо да покой.
Скорее ангельской подобна, чем людской

Ждала бы жена в зеленом сем чертоге,
Настать бы мог момент, как раз какого жду:
В ней интерес возжечь запретному плоду.

А с м о д е й

Удачным случаем воспользоваться пужно,
³¹⁰ Сокрывшись в темь почну и зелне окружно.
Да будет произена сей час паверияка
Добыча выстрелом пскусного стрелка:

В е л и а л

Не выйдет сей же час — так переждем трапезу.

А с м о д е й

Нет, именно теперь потребно до зарезу
Их низко совратить, па свадебном пиру, —
Вот было б торжество! Чтоб завтра ж поутру
Первейша заповедь была попрана злостно,
И гордость сломлена людска, павлипохвостна.
Такую Гавриил доставит весть впервой!

В е л и а л

³²⁰ Какой подыметя в небесных сферах вой!
Незаквивляема сия пребудет рана!

А с м о д е й

А все же ликовать еще, пожалуй, рано.

В е л и а л

Получим фьоры мы не десять ли шагов
Тем, что победы ждем?

А с м о д е й

Лишь оборов врагов ⁴⁸,
Закон диктуют свой.

Веллал

Чу! Слышен гул недалеый!

Асмодей

То свадебной чете напев гремит вепчальный,
И в хоре внятен том глас Божией трубы.
Пора прислушаться — разведать все дабы.

Веллал

Струится горный блеск на зелия окрестпы.

Асмодей

Зрю: пачинают пляс гостители небесны
Под бубны, под свирель, под звонки погремки.
Отходим: вот они. Смелей остри клыки.

Хор, Адам, Ева.

І. Песнь:

Мы во славу Божью пляшем ⁴⁹
На Эдемском на лугу,
Радостно дадим в кругу
Место новожепам нашим, -
Благолепием сугуб,
Слуху праведному люб,
Будет жар игры неистов;
⁸⁴⁰ Цимбалистов и лютнистов,
Грянут громы Божьих труб,
Соблюдая мелодически,
В ликованьи не устав,
И людской и серафический
Гармонический устав.
Без сомненья, без опаски

Опираясь на цветы,
Мы начнем изящны пляски
В честь венчаемой четы, —
850 И, почетом окруженным,
Тем, что всех превыше тут, —
Поклониться новоженам
Гости свадебны грядут, —
Чтоб испросить соизволенья
Начать эдемски забавленья.

I. Ответная песнь:

О, счастливые супруги,
И невеста, и жених!
Гости славные для них
Строятся в почетны круги,
860 Чтоб начать хвалу сию,
Славя новую семью,
Молвят речи умилительны
И заводят упоительны
Хороводы здесь, в раю.
Ни один слуга Господен
Да не дремлет в тишине,
Если Богу пляс угоден
Во небесной вышине,
• Не парят сегодня Духи,
870 Но, сойдя в приземный 'слой,
Полнят здешние воздуха
Неустанною хвалой.
Ты, глава земного рода,
К нам, счастливым, поспеши,
Во середине хоровода
Пой да весело пляши,
Чтоб радость мы твою узрели
Под звуки праздничной свирели.

II. Песнь:

Адам

Выйти в круг я не премину
880 В свой черед,
Цель преследуя едину:
Угождати Господину
Всех Господ,
Никого да не обидит
Наш призор,
Небо ко земле да снидет,
Каждый пусть явленным видит
Божий хор.
Расточая год за годом
890 Горний свет,
Семикружным хороводом
Мчатся по хрустальным сводам
Семь планет.
Я — предстану солнцем ясным,
Ты — луной,
В танце двигайся прекрасном
За напевом сладкогласным
И за мной.

II. Ответная песнь:

Ева

В танец выступлю без лени,
900 Выйду в круг;
Если ж свет мой — вдвое мене,
Иль сокрыт в полночны тени
Мой супруг,
Со звездами вперегонки
Вовлечу,

Стану тихо ждать в сторонке:
От него хоть лучик тонкий
Получу.

Быти мужа одесную —

⁹¹⁰ Долг жены;

Я, всходя, любовь земную

Так светло ознаменую

С вышины:

Чтоб судьбу возможно стало

Угадать,

Чтобы свадьбы возблистала,

Встречи брачной возрастала

Благодать.

З а к л ю ч и т е л ь н а я п е с н ь :

Мы хвалы приумножаем:

⁹²⁰ Нынче в них

Сей блистательный жених

Светел и неподражаем,

И сияньем окружаем

Он везде,

А, подобная звезде,

Благородная невеста

Соблюдает должно место —

И путем спешит одним

Вслед за ним.

⁹³⁰ Окончим перепляс под песнь благовенчальну.
Знак подал Гавриил взнести хвалу хоральну.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ева, Адам.

Ева

Мы там ли, где сады, или там, где звезды много?
Что ввысь меня влечет? Мои не чуют ноги
Поверхности земной! Всю душу охватив,
Божественно звучит наш свадебный мотив,
Отводит землю прочь, — и мнится, что в полете
Душа спешит превыспрь, уже чуждаясь плоти,
И, пламя чистое рождая и струя,
К первоисточнику стремится бытия.

Адам

⁹¹⁰ Как мне остаться здесь, тобой отриповенным?

Ева

Внекома властно я источником блаженным,
Взыскую лишь его. Препятства не чини.

Адам

Твоя стихия здесь, где мы с тобой одни.

Ева

Вот речь прельстительней, чем царствие небесно!

Адам

Лишь Херувимам то, да Серафимам вместе
Во сфере пребывать, где, не вздымая лиц,
Пред Господом Самим упасть возможно ниц
И, воздавая честь, жечь миру духовиту.

Ева

Сколь дивно здесь, в раю, иметь небесну свиту!

⁹⁵⁰ Искусно собран был для брачного стола
Небесный виноград, — и манна там была
Прещедро подана, по вкусу небывала!
Но ангельская речь все яства затмевала,
Туман неведения пред нами был разверст
И на грядущий град направлен вечный перст,
Сей град Господь создаст в назначенные сроки,
Ростки духовности когда взойдут высоки, —
И тот получит в нем гражданские права,
Чья будет мысль чиста и чья душа жива.

А да м

⁹⁶⁰ Сей град ко Небесам взметнется из долины.

Е в а

Навеки очи им пленились бы орлины,
Красой, неведомой доселе на Земли,
Назрится досыта они бы не могли.

А да м

Отколе тайный вид содеется отверстием?

Е в а

То Ангел ведает и сам укажет перстом.

А да м

Подстенье — первый смысл в творении благом.

Е в а

Подстенье все горит в камень дорогом ⁵⁰:
Там яспис, там сапфир, там хризолифы чисты,
Сардоникс, халкидон, вириллы, аметисты,
⁹⁷⁰ Смарагд и сардолик, а также хрисопрас,

Конечно, гиацинт, и, наконец, топаз
На квадратах зримы там: сколь пышны их сверканья!

А д а м

Отменным ясписом стены четырехгранья
Переливаются и благостно горят.

Е в а

Жемчужин целостных — в стене двенадцать врат.
И чистым золотом сверкает мостовая,
Всех Духов, сущих там, светло осиявая.

А д а м

Но храмов созерцать не доведется там,
Для града оного — Господь и столп, и храм,
⁹⁹⁰ Там Духам несть числа: Владыку титулуя,
Поют они, гремит всеместно аллилуйя,
И бесконечные сквозь град со всех концов
Грядут процессии ликующих певцов.

Е в а

Ни в солнце, ни в луне сей град не терпит нужды,
Однако сумерки ему от века чужды:
Град озаряет сей, сколь оный ни велик,
Всенасыщающий, всемилосердый лик;
Там вечный день царит, — нам, кто земного рода,
Как не желать его скорейшего прихода!

А д а м

⁹⁹⁰ Еще в ушах моих шуметь не перестал
Той дивной влаги ток, прозрачной, как кристалл,
Ту реку внутренним я оком зрю поныне,
Там жизни дерево возрастает посредине,

Во здоровом воздухе лелея вкус и глаз,
Плодами тяготясь в году двенадцать раз.

Е в а

Архангел, Ангелов на брачный пир собирая,
Нас чаял повстречать среди Небесна рая,
В ведалнем будущем нам снова честь суля.

А д а м

Тем временем, пока нам вотчиной — Земля,
¹⁰⁰⁰ Любить друг друга мы должны ежемгновенно,
Дорогу в Небеса торить предрезновенно,
Чтоб к счастью высшему ступенью стал Эдем.

Е в а

Будь господином мне. Не числю за яром
Стать средством для твоих свершения велений.

А д а м

Пример да явишь сим для новых поколений.
В природе огонь любви и ярк, и глубок:
Вот с голубицею воркует голубок,
Вот лебедь к лебеди спешит по чистой влаге,
Склонен пред львицей лев, своей липашь отваги,
Рябину стройную могучий плещ обвил —
Во всем трепещет он, могучей страсти пыл.
Соединиться ждет подобное с подобным,
Дано продолжить род всем, на сие способным,
Из лона твоего мир изойти готов:
Ты, мать первая всех будущих родов,
Да впидут чрез тебя, неведомые ныне,
Князья, старейшины, царицы, геронни ⁶¹,
Ты да прославишься! Сейчас провижу я,
Как расселяются в различные края

¹⁰²⁰ Столь роды многие, сколь суть соцветий в поле.
Возрадуйся, жена, своей грядущей доле.

Ева

Сколь милостив Господь, сей нас надел всея,
И плодоноса сколь от жепиха Земля,
Который тысячью очей со небосвода
Следит, всечасно чтоб цвела бы вся природа, —
Столь следует и мне идти вдвоем с тобой,
Тебе ответствуя и мыслью, и судьбой.

Адам

Позволь, отйду я, чтоб возвратиться вскоре:
Я с Господом-Творцом пребуду в разговоре,
¹⁰³⁰ Его благодаря за наши славны дни,
Молясь наедине.

Ева

Господь тебя храни.

Велвал, Ева.

Велиал

Да будет, праведная жено,
Тебе средь радостей земных
Покровом — Небо всеблаженно,
Опорой верною — жених.
Укором розе и левкою
Свою красу являешь ты
Очам невероятну, кою
И прочие затмишь цветы:
¹⁰⁴⁰ С тобой в сравненье — звезда свита,
И та не слишком красовита.

Е в а

Кто появился в здешней чаще,
Кто говорит со мной теперь
Речами, нет которых слаще?
Откройся — Дух ты или зверь,
Явись очам, о голос милый,
Поведай, не таишь во мгле,
Ты — окрыленный, иль бескрылый
Как мы, ступаешь по земле?
1050 Покорствуй изреченной воле,
Коль человек — явись тем боле.

В е л и а л

Меня, владычица прелестна,
Своим доверьем облеку:
Я — просто тварь небесловесна,
Глаголающая по-людски,
Тебе лишь тайну эту выдам,
В себе утишивая страх:
Ничтожен есмь, и скуден видом,
И пред тобой простерт во прах;
1060 Но я поведать не умею,
Сколь род людской любезен змею!
Подобной же любви не минув,
Гнездятся аисты близ вас,
Из волн морских стада дельфинов
Следят за вами всякий час,
Им, не пойми меня превратно,
Любезен человек един.
Вгляни, как птицам ты приятна,
Как ластится к тебе дельфин,
1070 Приплыв из водного простора,
Взыскуя ласкового взора.

Единорогу непреклонну
Твоей не вынести наготы,
Когда к девическому лону
Возлечь ему позволишь ты:
Сей зверь покорен только деве, —
Тебя завидит он едва —
Кричит в желанье и во гневе,
Страсть в нем вскипает такова,
Его к тебе котора гложет;
Еще он рогом яд ничтожит.

Ева

Отколь такое льстивство в гаде?

Велиал

О, то не праздный разговор!
Глаголю, не награды ради,
Но — робости твоей в укор,
Какой не должны знать владыки.
О малости своей скорбя,
Даю меж тем совет великий,
Я пригласить хочу тебя
1090 Вкусить скорей, без препинанья,
Плода от дерева познания.

Ева

Да не содеюсь я мишенью
Неумолимого суда.
Сей плод запрещен ко вкушенью.
Не алчу я сего плода.
Прорек Господь: всей сытью многой
Питайтесь от любых дерев,
Однако сих плодов не трогай —
Иль прахом станешь, умерев,

¹¹⁰⁰ Погибнут жертвой своеволя
И ты, и все твои отстоля.

В е л и а л

Взаправду ли запрет сей верен?
Как можно вещь понять сию:
Вкушение Бог карать намерен
Плода, возросшего в раю?

Е в а

Плоды различные собирая,
Вкушаем их свободно мы,
Но дерева сего средь рай
Должны страшиться, как чумы.
¹¹¹⁰ Приманчив плод, сего не скрою, —
Но смерть хранит под кожурою.

В е л и а л

О голубица, поразмыслив,
Возможно ли сие, реши.
Настолько ли Господь завистлив?
Молю, не отвращай души
От древа-феникса ⁵²: досыта
Натешься дивною едой,
Познание в которой скрыто!
Невместно женщине молодой
¹¹²⁰ Смирять в себе позыв на сладость.
Жены утеха — Богу в радость.
Нет, не отравлен, но отраден
Сих яблок несравненных сок:
В них дух небесных виноградия,
В них вечной юности залог.
Не ведать вкуса их — досада,
О, несравненная жена,

Какая дивная услада,
Увы, тебе воспрещена!
¹¹³⁰ Ведь плод к тебе равнодушен:
Быть алчет он тобой надкушен!

Ева

Неспарушаема присяга,
Вкушать запретное — позор.

Велиал

Коль Бог творит одно лишь благо.
Зачем столь грозен приговор?
Не будь во слепоте упрямой,
Еда — ни в духе, ни в крови
Не свет скверны малой самой, —
Смелее дивный плод сорви!

Ева

¹¹⁴⁰ Коль лакомство сие столь вкусно,
Почто ж его вкушение гнусно?
И, если уж оно поспело
Здесь, в богосозданном саду,
Угрозу для души и тела
Как в неотравленном найду?
Иль все же гибель в нем таится?

Велиал

О, это несомненно ложь!
Ты не умрешь, о голубица,
Смири в себе трусливу дрожь!
¹¹⁵⁰ Могу, коль веришь мне, назвать я
Причину одного заклятья.

Е в а

Я не настроена враждебно,
Реки, себя не тяготя.

В е л л а л

Коль это столь тебе потребно,
Открою тайну я, хотя
Мне Бог велел: «Не возглаголай!» —
Но преступить его пора,
Нарушить сей запрет тяжелый:
Все расскажу, лишь, будь добра,
¹¹⁶⁰ Молчи о том, молю, о дева:
Храни меня от Божья гнева.
Проведай же, насколько жадеи
Земного блага казначей:
Сей плод затем тебе не даден⁵³,
Чтоб не отверзала ты очей,
Познав добро и зло — в итоге
Не стала Господу равна,
Вкусив от мудрости, как боги.
Богатство скрыто здесь, жена!
¹¹⁷⁰ Отведав, ты постигнешь тоже,
Добро и зло насколько несхожи!
Вот вся причина речи строгой,
В запрете зри ее одну.
Скорее дивный плод потрогай —
Его со древа отряхну,
Чтоб ты вкусила Божьей власти.
О, не вадыхай — наоборот,
Дай волю разожженной страсти!
Вагляни на сей небесный плод!
¹¹⁸⁰ Сколь эти яблоки прелестны!
В них свойства обретешь небесны!

Е в а

Сколь древо хорошо для пищи!
Мне кажется, во всем саду
Нет ни прекраснее, ни чище!
Где силы плод сорвать найду?
О, яблоко многоприятно!
Вкушает тот тебя, кому
Не свойственны греховны пятна.
Дрожу. Быть может, смерть приму
¹¹⁹⁰ За то, что страсть во мне огромна?
О, сколь желанье неумно!
Почто запрет жестокий слушать?
Вина, незримая почти, —
Желанье лакомство откусать!
Срываю. Господи, прости,
Но силы нет в твоём запрете,
Коль ты не хочешь быть щедрей!
О плод, ты краше всех на свете!

В е л и а л

Теперь вкуси, вкуси скорей!
¹²⁰⁰ Вкуси, не сотрясайся дрожью!
Ну, вот и ешь во славу Божью.
Грядущий миг — удачу множит!
Сюда стремится твой жених!
Здесь много яблок, и, быть может,
Он выберет одно из них?
Уговори его, невеста,
Красу отпробовать сию, —
Не может в нем не быть протеста,
Но я тебе совет даю
¹²¹⁰ Прибегнуть к тонкому подходу:
И сдастся он, тебе в угоду.

А д а м, Е в а.

А д а м

О, сколько благодати на долю пало мне:
Со Господом Самим побыть наедине,
И Он почтил мою природу человечью
Снятием чела и милосердной речью, —
И много получил я мудрости настоль,
Что возопил в душе: «О Господи, позволь
Прервать наш разговор, без меры благотворный,
Зане пресыщен есмь прислужник Твой покорный».
¹²²⁰ К невесте я теперь стремлюсь еще сильнее.
О, где она теперь? Что приключилось с ней?
Ужель ее сейчас — о, странная примета! —
В запретной зрю тени? Откуда пища эта?
Перед картиной сей и глух стою, и нем.

Е в а

Приблизься, милый мой. Ужели же совсем
Меня не страждешь ты? Мне ты всегда желаешь.

А д а м

Тебя увидеть тут — сей случай ли не странен?
Какие привели тебя сюда дела?

Е в а

Господня яблоня мне тень и плод дала.

А д а м

¹²³⁰ Тот плод ли, каковой навек запрету предан?

Е в а

Как раз поэтому он мною и отведал.
Страсть нестерпимая передалась нутру:

Взгляни на яблока прелестну кожуру,
Любуясь красотой сего плода особой,
А вкусен он насколько — и угадать не пробуй!

А д а м

До вкуса ль!.. Вот она, нежданная беда!
Меня ознобом бьет! Бежать ли — по куда?
Коль яблоко сгнило б — то жребий неминучий
Нас мог бы пощадить! О, злополучный случай!
²⁴⁰ Ужель — тот самый плод, сулящий только вред?
Как преступила ты Всевышнего запрет?

Е в а

Я, знаешь, понимать способна Божье слово,
И не сошла с ума. Что может быть дурного
В кусочке яблока? Запреты — чепуха.

А д а м

Увы! Моя душа теперь нема, глуха,
А также слепа: утрать я слух и зренье,
С тобою легче мне далось бы словопренье!

Е в а

Не приключилось тут, мой друг, нимало зла,
Вот я и для тебя гостинец припасла!
²⁵⁰ Его вкуси сперва, забыв слова запрета,
А уж потом суди, постигнув суть предмета.

А д а м

Твои ли предпочту Господним словеса?
К ослушникам едва ль мирволят Небеса,
Кто разрешил бы нам пренебрегать приказом?

Е в а

Приказа смысл того не подтверждает разум.

А д а м

Что с Божьим разумом сравнится высотой?

Е в а

Тот прав, кого смутить не может страх пустой.
Я сей познала плод, и знаньем упоенна.

А д а м

На страхе Божиим вся виждется Вселенна!
¹²⁶⁰ Его закону кто без споров прилежит —
Перед пятном греха от века не дрожит.
Какой из Ангелов запрет бы сей нарушил?

Е в а

Вот Ангел-то как раз его и не послушал,
Со древа яблоко в подарок мне сотряс,
И не в годину бед, а в самый добрый час!
В слезах, что ныне льешь, мужчине много ль
чести?

Испортить хочешь ли ты праздник весь невесте,
Иль радость изыскал в ярении пустом?

Нимало дружества не вижу в действе том,
¹²⁷⁰ Чтоб мне не доверять, — припомни же, однако,
Что изначально мы слиянцы богом брака
И спаяны в одно. Коль ты — мой властелин,
Я — плоть и кость твоя, и жребий наш един,
И отвергать тебе не должно плод Господен:
Ты, знанье обрета, горд станешь и свободен,
Подобен Господу премудростью, — яви
По доброй воле мне свидетельство любви,

Для нас полезна будь, ее первейша века!
О, не отказывай! В послушестве — утеха!

А д а м

¹²⁸⁰ В чем выбор? Я никак решенья не приму:
Мы станем Господу подобны самому,
Приявши звание, свободные впервые —
Иль, под Его закон подставя наши выи,
Страшиться, как рабы, начнем жестоких кар?

Е в а

Что медлишь? Поспеши приять Господен дар,
По воле собственной, и не лелей тревоги:
Бог Неба — Небесам, Земле — земные боги.

А д а м

В чем выбор? Вот Господь, а вот моя жена.
Запретом грозен он, она мольбой нежна.
¹²⁹⁰ Пренебрегу с женой божественною связью,
Иль милость высшую легко смешаю с грязью?
В моей душе гроза. Какую тяготу
Родят сомнения! Что ныне предпочту:
Запрет Господен ли — иль плод Его же сада?
Подобья Божия в себе отречься ль надо,
И душу устремить на гнусности одни?
С женой расстаться ли — о, Боже сохрани, —
Котора мне дала бессчетные объятья,
И большей радости не вправе ожидать я,
¹³⁰⁰ Чем лоно сладостно, присущее жене?
Вот, вижу, смерть. Но жизнь избрать уместно мне:
Я не шагну на путь, сулящий только худо.
Мне мира с Богом нет, с тобою я покуда:
Расстаться должно мне с тобой. Да, это так.

Е в а

Легко же рушишь ты наш богоданный брак:
Суд надо мной вершить себя считаешь в праве
За шкурку яблочну. Ты пременился в нраве,
Звериная мораль взопла в твоей груди,
Вот ты каков, Адам. И вправду — прочь иди.
¹³¹⁰ К чему тебе жена? Тебе милей скотина:
Ей имена давать — в том твоя едина.
За кость и плоть свою — не числишь ты жепу,
И сердце обратил во глыбу ледяну.
Пусть так. Но коль искать ты станешь, тем не
мене,
Свою жену — учти, напрасны будут пени:
Уж позабочусь я — твой розыск будет пуст,
И Евиных вовек ты не коснешься уст.
Мне сад и звери все — свидетели удобны,
Что правом скверен ты. Львы, властелины злобы,
¹³²⁰ Смиримы львицами. Жестоковыйный тигр
Учтиво мига ждет с тигрицей страстных игр:
Вид хищников таких кого, скажи, не тронет —
Один кусок едят, одну добычу гонят.
И только ты, Адам, в любви не погряз.
Прощай. Свою жену ты зришь в последний раз.

• **А д а м**

Ах! О невеста, ты уже уходишь — или
Еще повременишь?

Е в а

Мы все уже реши!
Пусти. Не умножай упреков и обид,
Господь тебе жену другую сотворит.
¹³³⁰ Как в полусне меня ты брал на брачном ложе —

Так нынче без любви со мной простишься тоже.
Не оцененное легко отдать добро.
Под сердцем сыщется еще одно ребро,
Чтоб стать еще одной женою, плоть от плоти.
Люби ее сильнее и содержи в почете,
Нежнее, чем меня, — а если жаль труда,
Не заводи жепы, пожалуй, никогда,
И сердца ничего жестокостью не мучай.

А д а м

Молчи! Не рань меня такую речью жгучей!
¹³⁴⁰ Как угодить бы мог тебе и Богу я?
Все твердо здесь решил Верховный Судья,
Он вместе создал нас, нам порознь жить не можно,
Прости, но поступить теперь я должен ложно,
Чтоб не мрачила скорбь моей новости лик:
Будь списходителен. То — срыв, но лишь на миг,
Слабохарактерность, я верю, неподсудна,
Благословить сей плод ведь было бы нетрудно,
Не возникал бы яд, когда бы не приказ.
Поддай же яблоко. Одна судьба у нас.

Е в а

¹³⁵⁰ Мы знанье обрели: добро и зло несхожи.
Чем недоволен ты?

А д а м

О, как внимать без дрожи
Тому, сколь горестно вдали звучит хорал?

Е в а

Любимый, бледен ты: ужели захворал?
Тебе я верности вовеки не нарушу,
Все взято бремя мной на собственную душу.

Хор Ангелов-хранителей.

I. Песнь:

Что пользы в ангельском строю ⁵⁴,
Когда Господне око
Чету не соблюло спю:
Кто благоденствовал в раю,
¹³⁶⁰ Оттоль уйдет далеко;
Адам, настали горьки дни,
Свой Господу надел верни!
О, праздник слишком краткий,
О, скорбь возвышенных Небес!
Здесь годм были сладки,
Мир пребывал в порядке,
Который вдруг исчез,
Стал смутою убогой.
О, время скорби многой!

I. Ответная песнь:

¹³⁷⁰ О, если б Ангелов Адам
Себе в пример поставил!
Но, не пошед по их следам,
Он жадно рвался ко звездам
Противу Божьих правил:
• Души грехом не отягча,
Он не изведal бы бича!
О, горькая судьбина!
О, Божий если б гнев потух!
Ведь сей беды причина —
¹³⁸⁰ Что гнусна речь змеина
Не сразу вникла в Божий слух!
Яви же милосердство,
Смири познанья зверство!

II. Песнь:

Ужель в познание только зло?
Не мы ли, Божьи дети,
Лелеем опое зело,
И Провиденье нас взнесло
Всего превыше в свете?
Не нам ли па сие права
¹³⁹⁰ Даны по воле Божества?
Он знает все, что будет, —
И потому, быть может, Бог
Свой правый гнев остудит:
О, как же он осудит
За то, что Сам провидеть мог?
Сомнительное благо —
Узнать, что тело наго!

III. Ответная песнь:

Благословила Божья пясть
Познание изначально:
¹⁴⁰⁰ Сама решает высша власть,
Что вознести, а что проклясть;
Затем-то беспечально
Расправили красу свою
Плоды познания в раю.
Но если кто предерзко
Познавю не желает мер, —
Его алканье мерзко!
Прияв обличье зверско,
Грядет па трон князь Люцифер.
¹⁴¹⁰ Адам, о ствол кедровый,
Позор земной дубровы!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Люцифер, Асмодей.

Люцифер

Подобный плач вовек не слыхан на Земли!

Асмодей

Как бодро сторожа свой караул песни!

Люцифер

Да будем мы и впредь изощрены в коварстве.
Жди, Асмодей, похвал во преисподнем царстве,
Фанфары сплыве триумф отметят твой ⁵⁵,
Гирлянды зашуршат пожухлою листвою,
Тебе соткут ковры из пасм паучьей пряжи,
Земель Восточных ты воспримешь титул княжий.
¹⁴²⁰ Ты праздник учинил — что ж, Богу предъяви
Чету, вкусившую восторг земной любви,
Им разложи постель ⁵⁶, огонь зажги над нею,
И жениху сломи его прегорду шею:
Пусть валится потом в объятия жене.

Асмодей

Безмерна эта честь, хвалы приятны мне.
Венец железный мой во честь твою заржавит!

Люцифер

Что дивная чета? Как прежде, Бога славит?

Асмодей

Они бежали прочь, сгорая со стыда,
И забрались в нору: их загнало туда
¹⁴³⁰ Сознание наготы, неведомой доселе, —
Отверзлись их глаза, мы в том достигли цели.

Кровь к лицам прилила, их горький стыд таков,
Что пояса плетут из фиговых листков
Они, чтоб чресла скрыть, — мы, между тем, упорно
Влечем им сквозь кусты, через колючки терна,
Терзаем кожу их и радуемся: рдей,
Разбрызгиваема впервые, кровь людей!
Они уже в грязи, в них закипает злоба,
Бранятся и выпят уже друг друга оба,
⁴⁴⁰ К чему теперь Эдем и все его красоты?
Адам, рыдая, рвет кудрявые власы
На голове своей, хулит бесстрашие рока
И жалостно вопит: О, как я пал глубоко!
Я слушал не жену, а лютого врага!
Но сей бы мне тропе не делать ни шага!
Жену повергла в грязь ее алчба греховна,
А вслед за ней — меня. Во всем жена виновна!
Плоть предала меня — как не скорбеть о том?
Любовь жены меня содеяла скотом!
С хоругвью Божией тягаться ль я способен?
Не мыслил Господу я знаньем стать подобен!
Высокомерие — вот где источник зол!
Призрак чудовищный меня переборол!
Во мне царит разброд, и нестерпимо горе.
Дух с плотью в борьбе, в неразрешимом споре;
Изведен, вкус плода внушил мне скорбь и страх!
Осознаю поздно, сколь сей безысходный крик!
Преступным действием навек покой украден!
О, как же сей позор велик и беспощаден!

Л ю ц и ф е р

¹⁴⁶⁰ Свершилась месть моя! Победу адских сил
Мой изначальный враг теперь вполне вкусил,
Он сам явил закон, назначил срок расплаты —
И вот получены, как видим, результаты.

Рыдает род людской, свою судьбу кляня,
Познала стыд Земля с сегодняшнего дня.
Весь человеческий род моей пребудет паствой!
Не страшно мне ничто! Зло, безраздельно властвуй!
Добро повергнуто: о, сколь беспорен срам!
Противу Божьего я свой воздвигну храм,
¹⁴⁷⁰ Пусть идол примет мой там жертву человекомью,
Пусть богохульственной почтен там буду речью
И фимиамами! За все теперь могу
Уверенно отмстить надменному врагу, —
Адамовых сынов мне портить не наскучит.
За шестьдесят веков ⁵⁷ Он горстку душ получит!
Я низко пал во прах — и снова днесь высок!
И вправду — яблочный пришелся к делу сок!
Но спрячемся на миг. Послушать не в излишек
Многоглаголанье стенающих людешек,
¹⁴⁸⁰ Чреду предвидящих разнообразных бед:
За преступление — извольте дать ответ!
Как побледнел жених; еще бледней — невеста;
По саду мечутся и не находят места.
Творец, увидев их, брезгливо бы прорек:
Увы, не оправдал надежды человек ⁵⁸.

А д а м, Е в а.

А д а м

Я полагал, о тьма безобразна, вертепна,
Что скроется в тебе моя неблаголепна
И пища пагота, — однако зрак Небес
И здесь настигнет пас. Ни грот, ни темный лес
¹⁴⁹⁰ Тому, кто совестью терзаем, не поможет.
Червь сердце и нутро мне беспощадно гложет
Неусыпающий. Ни на одну тропу
Направить не могу спокойную стоцу,

Все в мире обрело неизвестные свойства.
Гнетет всечасное мне душу беспокойство,
Грудь разрывается несчастная моя,
Рассудок мечется, беспроко вопия.
Как пременялся мир! И как я в нем несчастен!
Былое вернуть хочу — и вот не властен:
Несбыточна сия последняя мечта,
За что хватаюсь я? Везде лишь пустота.
Где стражи-ангелы, трапезы брачной слуги?
Ах, вижу я, они бежали прочь в испуге.
Пир свадебный замолк, лес необычно тих,
Расстались с праздником невеста и жених,
Глагол Небес молчит, но, яростны и грубы,
Грохочут адские торжественные трубы.

Е в а

Почто так мечешься? Ужель сошел с ума?

А д а м

Чревата для меня видениями тьма,
Смотри, они грозят и нас отсюда гонят!
Их рать несметная порой во мраке тонет,
Однако лишь затем, чтобы придти тотчас.
Ты видишь призраков? Они обстали нас!
О горе! Нас толпа несчетна окружила
Несчастий, коим ты начало положила!

Е в а

Всю на меня взвалить ты порешил вину.

А д а м

Кого же мне винить, как не тебя одну?
Не ты ль причиною сгустившегося мрака?
О, ждать бы мне сего при заключенье брака!..

Е в а

¹⁵²⁰ Зачем обвенчана, как мыслишь, я с тобой?

А д а м

Затем, чтоб мне была супругой и рабой!

Е в а

Быть впереди жены приличествует мужу.

А д а м

Тебя, несчастная, легко обезоружу:
Свидетель древо мне — кто первым плод сорвал?

Е в а

Пол слабый был сражен соблазном наповал.

А д а м

Сгубила ты меня пастырностью речистой.

Е в а

Мужчине голову держать уместно чистой
И соблюдать себя, жене наперекор.

А д а м

Ты предала меня!

Е в а

Вступать не станет в спор,
¹⁵³⁰ Кто лестию не влеком, бесстрашен и безгрешен.
О, не рощи: всегда ты будешь мной утешен,
Осталось счастье, сколь ни тягостна страда:
Тебе неволю не станет никогда.

Нет мочи ожидать, когда зайдет оно.
Меня пугает свет! Надежда оскудела,
Блаженный жребий мой исчерпан до предела,
Высокомерьем я погублен навсегда,
Чрезмерной пышностью и должен от стыда
Низвергнуться во ад, позор отмывши кровью.

Е в а

Куда ты? Так легко судьбу сулишь мне вдовью?
Не я ли плоть твоя и кость? Подумай хоть
Об участи моей!

А да м

Предательская плоть,
¹⁵⁷⁰ Язык проклятый твой, змеинный, ядовитый!

Е в а

Змеем совратил меня, а ты не стал защитой.

А да м

Не кто иной, как ты — лукавая змея!

Е в а

Где ум твой, что взлетал в надзвездные края?
Где ~~мыслей~~ свет твоих, живой и благотворный?
Когда не внемлешь ты моей мольбе покорной
И корень всей беды зришь во грехе моем, —
То умереть позволь тогда с тобой вдвоем.
В существовании — с тобой не мыслю розни,
Мой грех — неведенье, а не коварны козни,
¹⁵⁸⁰ Мой грех — моя алчба, вини ее одну.
Что ж, примем общую расплату за вину:
Да будет так, мы казнь поделим честь по чести:
Навстречу гибели иду с тобою вместе!

Я не боюсь ее, и вот моя рука:
Не медли же! Ступай! Да будет нам легка
Удвоенная смерть. Я встречу терпеливо
Речную ли волну, паденье ли с обрыва,
Рука в руке, идем. Ты сам решишь, куда.

А д а м

О нет! Из-за меня произошла беда!
¹⁵⁹⁰ Я жить еще хочу: любовь дает мне силы.
Слезами не кропи кустов листья унылы,
Теперь не должно нам в отчаяние впасть:
Нет боле радости, но есть любовь и страсть,
Что зажжены меж пас. О нет, я не позволю
Во свадьбы первый день тебе на вдовью долю
Роптать — не будешь ты, на камень гробовой
Склонясь, рыдать о том, что муж безумный твой,
Тоскою побежден, принял конец бесславный:
Сам истребил себя рукой самоуправной.
¹⁶⁰⁰ Нет, обуздаем скорбь, чтоб трезво рассмотреть
Тот жребий, что судьбой нам будет кинут впредь.

Е в а

О, что за гул? Грозы то голос немнучей,
Чреваты небеса чудовищною тучей,
Тревожно шелестит листва на деревьях,
Бушует ярый ветер в колеблемых лесах,
Гудение и рев исходят из дубровы,
Сверкает молния, рокочет гул громовый,
Удары множатся, и тьма грядет, гоня
С небес последний свет непрожитого дня.

А д а м

¹⁶¹⁰ Какой великий страх царит в миропорядке!
Как все дрожит во мне в смертельной лихорадке!

Власы мои встают, хладеет кровь моя,
Карающий грядет, я слышу, судия
С мечом пылающим, с неумолимым взглядом.
Он близится. Куда бежать? Он здесь, он рядом.
Любимая, скорей в угрюмый лес бежим,
В приют, что солнечным лучам подостижим;
Нас фиговых листков не скроет паутина:
Вся наша нагота ясна для господина,
¹⁶²⁰ Влекущего на суд и души, и тела.
Година платежа за тяжкий грех пришла.
Пригнись, в моей тени тебя не будет видно.
О страсть! О яблоня! О ты, клеймо постыдно!
О лес, прости на нас свою густую сень!
Грядет высокий суд. О, скорбной свадьбы день!

У р и и л, А да м, Е в а.

У р и и л

Адам, Адам, вземли. Что прячешься в окрестной
Зеленой поросли? Иль мнишь в тепи древесной
Укрыться — а Господь пребудет глух и слеп?
Тебя не смогут скрыть ни пропасть, ни вертеп;
¹⁶³⁰ Бесплодно прятаться, — о том узнай заране, —
На небе, на земле, в пещере, в океане.
Во имя Господа, явись на Божий свет:
Бог сотворил тебя и дал тебе завет,
Зачем бежишь Творца, дурной являя поров?

А да м

Прости меня, но я скрываюсь лишь от взоров,
Как в наготе явлюсь пред ангельски глаза?
Тобой несомая великая гроза
Мне помутила ум: я голос ясно слышал,
Но, наготы стыдясь, тебя встречать не вышел.

У р и и л

¹⁶⁴⁰ Откуда ведома нагому — пагота?
Иль воспрещенный плод привлек твои уста ⁵⁹?
Злодейство палицо. Не мни сокрыть улики,
Нет оправдания перед лицом Владыки.
Реки, преступный, — ложь тебе пойдет во вред, —
Один ли ты поправл Всевышнего запрет?

А д а м

То не моя вина: жена великой лостью
Мой уклонила прав к свершенному печестью,
Растила сердце мне; и дивный вид плода —
Причиной, что меня не обошла беда,
¹⁶⁵⁰ Что я так низко пал, что горько каюсь ныне.

У р и и л

Жена, ты искони поставлена в рабыни,
Во преступление кем был разум твой ведом?

Е в а

Создание Божье, змей прельстил меня плодом,
Уговорил меня отвеждать плод пригожий.

У р и и л

О змей, лукавый зверь, готовься к мести Божьей!
Отныне проклят ты пред всем земным зверьем,
На чреве обречен ты ползать на своем,
Всегда скользить в нору, терзаясь жалким страхом,
Все жизни дни твои одним питаться прахом,
¹⁶⁶⁰ И пламена вражды да будут зажжены
Меж семенем твоим и семенем жены ⁶⁰:
Будь оным во главу извям за вероломство,
А сам извить в пядю начни ее потомство.

Жена, из-за тебя твой муж теперь в беде,
Не узришь ты конца своих скорбей страде,
Ты будешь мучиться, детей на свет рожая,
И рабством боль твою умножу, умножая.
Ты, кто внимал жене, забыв Господень гнев,
Запретный плод вкусил, веление презрев,
¹⁶⁷⁰ Прими ярем труда, узнай, как оный страшен:
Днесь проклята земля, и возрастит средь пашен,
Тобой возделанных, волчцы и сорняки,
Посева задушив здоровые ростки.
Стирая пот со лба, вкушай свой хлеб, доколе
Во прах не спидешь вновь к первоначальной доле.
Но, чтоб существовать в юдоли вы могли,
Бог правила дает для проклятой земли:
Рожая, пьет жена пускай страданий чашу;
Здоровье бережа, как и стыдливость вашу,
¹⁶⁸⁰ Бог из овечьих шкур сулит одежду вам.
Теперь — ступайте прочь. И, сим вослед словам,
Здесь, у Эдемских врат восстаньте, Херувимы;
Ослушники от них да будут прочь гонимы:
Храните ревностно вы древа жизни ствол
Златой и дерзостный уймите произвол,
Содеянный людьми. Отныне и вовеки
От яблоч жизни есть не будут человеки.

•
Е в а

О, что за пламена восходят меж дерев!
Эдем горит! Замолк наш свадебный напев,
¹⁶⁹⁰ Чу! Звери все кричат и все рыдают птицы.
Ужасных факелов ужели вереницы
В честь нашу зажжены? Куда ж теперь, куда?

А д а м

Потребно поспешать. Сей грозный дух суда

Не Уриил, но Бог, чей мы запрет презрели,
Сверх меры возгордясь, взалкав недолжной цели,
Во Эмпирей спеша — сподобились тюрьмы.
Паденью страшному теперь подверглись мы!
Где утешенье взять среди сего недуга?
В изгнанье поддержки меня, моя супруга.
¹⁷⁰⁰ Земля колеблется. Бежать пора давно.
Тебя увидеть вновь — надежды не дано,
О, дивный райский сад! О, колыбель родная!
Мгновенья не продлить. Пойдем, тропы не зная,
Искать, где нас земля чужая приютит
И скудно пищу даст. О, слишком поздний стыд,
О, жизнь в раскаянье, о, горький труд неспорый!
Спешу за мной, жена, и будь моей опорой!
Окончен летний зной, грядут снега и стужь.
Меч Божий гонит нас. Теперь — скорее в путь.

НОЙ, ИЛИ ГИБЕЛЬ ПЕРВОГО МИРА

Tantaene animis caelestibus irae!¹

*Глубокоуважаемому господину Иоану де Валу,
господину ван Анкевену.*

Если расположить трагедии согласно последовательности изложения трактуемого предмета, то следует первой поместить «Люцифера», вторую «Адама в изгнании», третьей же должен быть помещен «Ной, или гибель первого мира». Люцифер и его приспешники были низринуты из своего блаженного состояния в вечную немилость и не было им дано никакой надежды на прощение; Адам и его потомки были ввергнуты во проклятие, но с надеждою на восстановление в правах после явления грядущего Избавителя. Благочестивый Ной остался невредим и, пройдя через очищение от скверны в чистилище, получил надежду на спасения и объялся великим упованием на лицезрение грядущего Спасителя, — тем временем как мир, заколенивший во преступлениях, стал задыхаться в оных и погиб без раскаяния. Св. Петр, первоверховный апостол и земной наместник Христа, указывает на Господню справедливость, обрекшую восставших ангелов на заточение². Св. Павел говорит об унижении Адама и Адамовых потомков³. Св. Петр в обоих своих посланиях упоминает Всемирный потоп, совершившийся во времена Ноя⁴; подобным же образом сам Учитель, Иисус Христос, уподобляет будущее пришествие Сына

человеческого тому, как было во дни Ноя, когда во дни перед потопом женились и выходили замуж вплоть до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не верили, пока не пришел потоп и не истребил всех⁵. Иисус, сын Сирахов, назвал Ноя прежде иных прославленных именами праотцев, ибо тот оказался совершенным, праведным, во времена гнева был он умиловливаем, по сему сделался остатком на земле, когда был потоп; с ним был заключен вечный завет, что никакая плоть не истребится более потопом⁶. Послание к Евреям имеет Ноя последником праведности по вере⁷. Испогрешимое повествование Моисея, распространив по всей земле, предоставило поэтам, и среди многих других Овидию, сведения о Девкалионе⁸. Иосиф Флавий дерзал предполагать, к которой из гор Армении пристал ковчег⁹, колеблясь, признать ли таковой Аюбатерион¹⁰, где тамошние жители еще показывали ему в свое время остатки ковчега. Он свидетельствует, что Берос¹¹, халдейский историк, живший приблизительно за триста лет до Рождества Христова, зафиксировал, подобно иным греческим писателям, рассказ о всемирном потопе, бывшем прежде времен царя Нипа¹². Филоп¹³ в своем повествовании о жизни Моисея упоминает всемирный потоп, подобное же повествует и Николай Дамаски¹⁴. Плутарх¹⁵ повторяет знакомый сюжет о том, как Девкалион, в коем мы безошибочно признаем Ноя, во время потопа выпускал голубя, возвращавшегося в ковчег, и который, наконец, будучи очередной раз выпущен, в ковчег не возвратился. Неизвестный автор пророчеств Сивиллы¹⁶ рассказал о потопе и об оставке ковчега у горы Арарат, но по ошибке поместил таковую во Фригии. Некто стародавний извратитель, именем Апеллес, ученик безбожного своего настав-

ника Маркиона¹⁷, весьма самоуверенный, тщившийся лишить изначального блеска неприкосновенные страницы Моисеева писания, дал древним отцам, особливо Оригену¹⁸, немалый материал, в коем содержалось множество рассуждений о понимании устройства и размеров ковчега, рассуждений дурных и превратных, ибо исходивших из еретических предпосылок, — однако легковесные его аргументы были опровергнуты здравыми и неколебимыми рассуждениями. Святой отец, древний архиепископ Кирилл¹⁹, дал отпор Юлиану Отступнику, пытавшемуся возродить язычество и изобразить Моисея и Христа как совратителей, да еще употребляя при этом оскорбительные выражения: он привел свидетельства Абидена²⁰ и Александра Полигистора²¹ и разъяснил, коим образом Кисисутрос, то есть опять-таки Ной, пустился в плавание с животными и птицами, и, выпускная птиц, узнал о том, что потоп укротился. Епифаний²² говорит, что жену Ноя звали Пирра²³, то же сообщают Диодор и Плиний, не остававшиеся в неведении касательно потопа; особенно же Лукиан²⁴, глава хулителей Бога, уделяющий имени Девкалиона весьма обширное место, приводит все обстоятельства изложенных Моисеем событий как услышанные им из уст греков.

Если даже не принимать во внимание единодушные сих нежных и достойных уважения свидетелей, как друзей, так и врагов, безбожника все равно не дерзнуть никогда, — дабы потешиться скоропалительностью мнимоутеных выводов, и, аки скоты несмысленные, умереть без надежды на вечное спасение, — не дерзнуть им никогда опровергнуть светлую истину исторических книг пророка Моисея, не оскорбить их, именуя плодами досужего ума и баснями.

Высшая Премудрость, коей ведомы испорченность и ненужность человеков, так же, как ведомо ей коварство и низость Сатаны, кружащего возле оных подобно льву рыкающему в надежде поглотить их, берет за обыкновение каждого уклонять от зла и наставлять на путь добра, приводя примеры из Священного Писания, повествуя о карах и возмездиях, коим предшествовали заповеди и запреты, обетования и угрозы. Не должно рассматривать сие никак иначе, нежели в качестве образца глубоко продуманного и справедливого служения Господу, даваемого зрителям как полезительное зеркало, воздействующее на нравы взирающих так, либо иначе. С надеждою на подобноенисходящее отношение приношу я сей труд, каков он ни на есть, для постановки на сцене жодпокровительством Вашего высокого имени, надеясь, что при Вашей благосклонности это послужит одному лишь добру, и я остаюсь

Глубоко уважающий Вас, покорный
Ваш слуга

И. ван Вондел.

СОДЕРЖАНИЕ

Адам, первый праотец рода человеческого, умножился в потомстве через две ветви: Каина и Сифа. Оные, разошедшись паветьями, заселили мир. Сыновья Сифовы, очарованные красою и прелестью дочерей Каина, вступили с ними в сожительство, породили тем самым исполинов и титанов, впали из-за этого непотребного смешательства в разнообразные неблагочестия и озлобления, отвергли святые примеры поведения Сифа, Еноса, Епоха, забросили жертвенники и алтари и предались нарушениям супружеской верности, вступали в кровосмесительные связи, оскверняя сестер и матерей, а также безо всякого разбора принялись чинить над неповинными соседями кровавые грабежи и насилия. Праотец Ной, сын Ламеха, единственный образец благочестия и посол раскаяния, напрасно противопоставлял сему непотребству свои поучения и угрозы. Наконец, человеческая злоба жестоковейно разрушила долготерпение Всевышнего, Господу стало горько, и построил тогда Ной по указаниям высочайшей руки ковчег: собрал в нем четвероногих животных и птиц, каждого рода по паре, и, наконец, укрылся в этом сооружении вместе со своими домочадцами — женой, тремя сыновьями и их женами. Господь замкнул оное, после чего пришел всемирный потоп, напором великих пучин и разверзшихся хлябей небесных, как и нескопчаемых ливней, нараставших трое суток, поднялся на пятнадцать локтей над всеми наивысочайшими горами, истребивши единовременно по всей земле и человеков и животных.

Действие трагедии разворачивается перед Градом Исполинов, Исполнеибургом, у подножия Кавказских

гор, возле кедровой рощи, в виду Ноевой верфи. Трагедия начинается перед восходом солнца и заканчивается с его заходом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аполлион, король бездны
 Ной, посол раскаяния, распорядитель
 постройки ковчега
 Хор ангельской стражи
 Зодчий ковчега
 Ахиман, великий князь Востока
 Гофмейстер }
 Архипастырь } служители Ахимана
 Урания, великая княгиня Востока
 Девушки
 Хам }
 Сим } Ноевы три сына
 Иафет }
 Уриил, Ангел—судья.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Аполлион

Я, повелитель тьмы, король Аполлион,
 Здесь пребывать могу, пока на небосклон
 Светило горнее не выметнуло блики.
 Дышу аловонием, отвратным Божьей клике,
 Пред ним созвездия дрожат, боясь упасть,—
 Столь гарью серною моя дымится пасть,
 Что меркнут в небесах светил высоких знаки.
 Глаза мои горят, как угля два во мраке,

- И чадный их огонь приумножаем тьмой.
- ¹⁰ Смолой сочтется жезл, палящий посох мой,
Где травы я стопой ничтожу на равнине
И живность жалкая мчит в чащи и пустыни.
Явленю моему в сей горный край — виной
Тот исполин-корабль, что здесь построил Ной;
С семьей от гибели спастись он хочет в трюме.
Вот — истинный предмет сомнений и раздумий.
Горюче дерево. Тогда — о чем же речь?
Смолистым посохом его легко зажечь,
Грянь, адский фейерверк! Огонь да будет ровен
- ²⁰ Просохших за сто лет кедровых тяжких бревен,
Их не изгложет червь, неспешный древодед ²⁵:
В пылающей смоле спастись надежды нет,
Все бревна, доски все из дорогого кедра
Да напитают огонь пресыто и прецедро!
Вся преисподня рать в восторге возопит,
Встопочет яростным биением копыт,
А простофиля Ной, известный сын Ламеха,
Столетний труд спасти возьмется без успеха ²⁶,
Покуда ветер вконец пожара не раздул!
- ³⁰ Но это все — мечты. Бдит Божий караул,
Беспочвен замысел пожегного набега.
Во пламени ином — путь к гибели ковчега!
Ваѳ, темны призраки, в помощники беру:
В кедровом бодрствуйте, удобном столь бору,
Из пущи на ковчег бросая зачастую
Взгляд ненавидящий. Кедровник тень густую
Предоставляет нам при наступленье дня —
Легко сокрыться в ней. Сколь радуют меня
Воспоминания, как, прикровенны мраком,
- ⁴⁰ В Адамовом саду стояли мы биваком ²⁷,
Людского рода ствол так хитро подрубя:
Победа, до сих пор дающа знать себя.

С тех пор прошло веков шестнадцать с половиной
 И шесть еще годов: минуты ни единой
 Не упустили мы, вред умножая, чтоб
 Земное царство все поистребил потоп.
 Вот праотец опять грядет седобрадатый,
 Вот неизбежную опять грозит расплатой —
 В последний раз. А мы, в лесную прячась мглу,
⁵⁰ Всеусто изрыгнем ему в ответ хулу,
 По долам, по лесам ее пусть множит эхо,
 Трясутся горы пусть от дьявольского смеха,
 Пусть визг, и вой, и стон в ущельях прогремит,
 Хохочет эхо пусть и плачет пусть навзрыд.
 Уловкой женскою был первый муж погублен,
 И нами слабый пол с тех пор весьма излюблен:
 Все дочери Каина несут в очах один
 Огонь: пред ним любой сдается исполин,
 И сам великий князь привержен той же сласти,
⁶⁰ Хотя воин доблестный. Весь род людской во власти
 Всесильной похоти, завоевавшей свет:
 Нет нужды проверять то, в чем сомнений нет.
 Трон мраморный ее, иные все низринув,
 Встал над Кавказом, здесь, во Граде Исполинов;
 С тех пор, как праотцу закрыт был Божий рай
 Мечом пылающим, — сей не менялся край.
 Да, он преображен, но не разрушен грубо ²⁸,
 И все, что суще здесь, — людскому взору любо;
 Источники, луга, веселые сады,
⁷⁰ И с веток прямо в рот здесь падают плоды,
 Лаская вкус любой. Щебечут птахи в гнездах,
 Забавы, пляски — весь весельем полон воздух,
 Мчит свадеб карусель теперь, как испокон:
 Нет принуждения, отсутствует закон.
 Еnoch примером здесь не поставляем ныне.
 Дни весело спешат. Плодят богов богини,

- Для исполинов глас Господень нишчем:
То справедливо здесь, что решено мечом
И верною стрелой; то право, что жестоко.
- ⁸⁰ В сей ежегодно день великий князь Востока²⁹,
Склонивший страны все к покорству властелин,
Светлейший Ахиман, Енаков гордый сын,
Княгиню чтит свою великим пированьем,
Роскошеством гостей и брачным ликованьем.
Он праздник учинит, не пощады затрат.
Вассалы — Инд и Ганг, Тигр, также и Евфрат
Для метрополии пришлют немало дани,
И Феникс для венца на сланном Ахимане
Частицу уделит от своего пера.
- ⁹⁰ Многозавратного величье чтя двора,
Склоняют перед ним все рабственны колена.
Но — солнце в Небеса стремится несомненно,
Покуда не вошло оно в свои права,
Нам должно спрятаться за темны дерева,
В кусты. Сам праотец бредет сюда неспешно,
Сжав посох свой кривой, рыдая безутешно,
Стеная и молясь. Отыдем к тайнику,
Внимать попробуем плаксивцу-старикю.

Н о й

- Рассвет, разубранный в порфиру,
¹⁰⁰ Грядет из Божьего дворца:
Что ждать от этого гонца,
Пощады либо смерти миру?
Пока что люди грезят всласть,
Но скоро их задушит влага, —
Как ожидать от Бога блага,
Не обуздавши плотску страсть?
Для их строптивства бесполезно,
Что сетую, что слезы лью:

Встречает проповедь мою
110 Их равнодушие железно.
Но обреченных — гнать ли прочь,
Пока грядущий день не прожит:
Они раскаются, быть может,
Расплату, Господи, отсрочи!
Но беспощадно всходят воды —
Смерть в их дыхании сыром, —
Готов над миром грянуть гром,
Глагол разгневанной природы.
Потоки влаги ниводя,
120 Развернется небесна сфера, —
Но в грешных невселима вера
В смерть от потопа и дождя.
Гнев умпожается верховный —
К земному роду обратясь,
В котором возгордился князь
Обильем роскоши греховной.
Бог зрит сей мир сквозь облака,
И по заслугам, несомненно,
Его терпенье истощенно —
130 Столь мерзость в людях велика.
И мне, хранившему надежды,
Нет утешения нигде:
Я опускаю во стыде
Мои заплаканные вежды.
Прости, что стройка корабля
Шла все беспешней, все тяжеле:
О, не раскается ужели
Грехом исполпена земля!
Обречены ее народы;
140 О первых людях вспомяни —
О, как наказаны они
Тобой уже в былые годы!

К моленью, Отче, низойди,
Спаси, прости, не осуди!

Хор ангельской стражи

I. Песнь:

Мы — златокрылый сонм Господен,
Мы зорко бдим,
Чтоб невредим
Был сей, кто Господу угоден,
Тогда как весь живущий люд
¹⁵⁰ Дик, будто звери.
Сыны и дочери,
От Бога отврагившись, бьют
Поклоны бранным вожделеньям,
Что под луной
В стране земной
Ничтожимы поспешным тленьем.
Племен разнузданных вина,
Что жизни суть искажена.

I. Ответная песнь:

Но в мире этом развращенном,
¹⁶⁰ Где каждый лжив, —
Был некто жив,
Кто образцом служил священным.
Вот, жили грешники во зле
Привычным ладом,
И с Сифом рядом ³⁰
Плодился Каин на земле.
Встревожилась душа Еноха ³¹,
Он зрил с тоской,
Как род людской
¹⁷⁰ Себя ведет срамно и плохо, —

И к Богу, плача от стыда,
Взмолился праведник тогда.

II. Песнь:

Почто такой великой ложью, —
Он горько рек, —
Мог человек
Сквернить в себе природу Божью?
Кричать о сем — напрасный труд,
Довольны люди,
Живя во блуде,
¹⁸⁰ Безумцем все меня зовут;
Их жертвы Богу не в потребу,
Их воля зла:
Одна хула,
Я слышу, возлетает к небу.
Чужак я ныне меж людьми:
Отсель, Отец, меня возьми!

II. Ответная песнь:

И стало так по Божьей воле:
Бог сей же час
Направил нас,
¹⁹⁰ Чтоб взять Еноха из юдоли,
Вести в небесную семью, —
И был оставлен
Сей муж прославлен
Надолго пребывать в раю;
Дремли безгрешно, человече ³²,
Но часа жди
И в мир сойди
Мессии повому предтечей.
Взнесен Енох, но в мир земной
²⁰⁰ Пришел пророчествовать Ной.

З а к л ю ч и т е л ь н а я п е с н ь :

О праотец Енох, живущий
До срока во блаженной куще
Среди горних роз на небеси, —
Отдохновение вкуси.
А в мире злоба все безмерней,
Здесь праведность живет меж терний,
Ликуют похоть и поклеп,
Уже неотвратим потоп,
Взойти над миром влага хочет,
²¹⁰ Потоков тысячью клокочет
И льнет к стопам избыток вод, —
Но глух и слеп земной народ!

Д Е Й С Т В И Е В Т О Р О Е

З о д ч и й к о в ч е г а , А х и м а н .

З о д ч и й

О мощный Ахимап, кому равно пристойны
Женопеиство и громопосны войны,
Вот, мною возведен, как видишь, исполни:
Последний вогнан гвоздь, забит последний клин.
Коль Бог бы восхотел подать урок народам
Посредством паводка, — готовься плыть по водам,
Иль выпить их сумей и к сведенью прими,
²²⁰ Что Небеса Землей прогневаны вельми.

А х и м а н

Ты строил много лет уверенно и прочно,
Размеры корабля в локтях поведай точно.

З о д ч и й

Три сотни здесь в длину и тридцать в ширину,
Полсотни — в высоту³³. Дверь, зри, всего одну

Пробили сбоку мы, окно — сверху; отлажен
Ковчег и внутренне: он статью трехэтажен,
Три палубы жилых устроено; сюда
Немало вложено мученья и труда.

А х и м а н

Он совершенен, мнишь, как сверху, так и снизу?

З о д ч и й

²³⁰ Я точно следовал мне данному эскизу,
Дурного ничего о нем не прорекую.

А х и м а н

Пришелся ли ковчег по вкусу старику?

З о д ч и й

Он щедро заплатил, но, стройка шла покуда,
От ругани его нам приходилось худо.

А х и м а н

Легко ль не возроптать, капризнику служа?

З о д ч и й

Нас вдохновляла мысль о сроке платежа.

А х и м а н

В ковчег, опричь людей, войдут ли также твари?

З о д ч и й

Птиц и животных Ной туда собрал по паре ³⁴,
Чтоб им размножиться в грядущем по земле.
²⁴⁰ Сегодня все они — уже на корабле.
То было видеть, мне предивно в высшей мере:
В ковчег попарно шли саморазличны звери

Семь дней, со всех сторон, с зари и до зари.
Теперь они уже спокойствуют внутри.
Вперед поступок Ной свершил благоразумный:
Различной пищей был отсек заполнен трюмный,
Покуда звери шли со всех краев — как раз
Он загрузить успел прокормочный припас.

А х и м а н

Как смогут голуби, и соколы, и враны
²⁵⁰ Не получить от львов, от леопардов раны,
Как осознает тигр послушественный долг?
Ягненка сможет ли не тронуть алчный волк?

З о д ч и й

Великий царь зверей, жестокий в поле диком,
Уменье позабыл стращать живущих рыком,
С драконьих языков не каплет смертен яд,
Клубками малыми свернувшись, змеи спят,
Когда медведь посмел явить бы злобу люту,
Его бы укротил старик в одну минуту;
²⁶⁰ Не постигаю, как, — но в тесном сем хлеву
Жестокость вижу я понурившей главу;
Кровавым хищником, несмысленной скотиной
Повелевает Ной, содеяв жест единый.

А х и м а н

Что ест Ламехов сын, во что, скажи, одет?

З о д ч и й

Смешно рассказывать, как он встает чуть свет,
Скрыв тело тощее под шкурою верблюжьей,
Готовясь встретиться с дождем и зимней стужей.
Из камыша сыны ему сплели матрас,
На нем проводит Ной отдохновенья час,

Иль, время уделя убогому досугу,
 270 В семь дней всего лишь раз к себе зовет супругу.
 Петух о полночи провозвестит едва,
 Чтоб солнце поутру могло вступить в права,
 Как совесть встать велит проснувшемуся Ною
 И Богу докучать молитвою ночью;
 За нас он молится во мраке, на заре,
 Всегда глаза его возведены горе,
 Всегда его душа объята непокоем;
 Блеск виден вкрут чела ³⁵, дежит печать на коем
 Тоски о том, что мы глухи к его речам.
 280 Об этом плачет он всечасно по ночам,
 Пророча гибель всем, кто нечестивством дышат.

А х и м а н

Неужто в Небесах его слова расслышат?

З о д ч и й

Печали ум его гнетут, как жернова,
 Он множит горестно молитвенны слова,
 Из глаз его текут всечасно жалки слезки,
 В щеках прочерчены глубокие бороздки,
 Тоскою взор его налитан тяжело,
 Смертельно бледное, морщинисто чело,
 И ясно говорит о недостатке крови
 290 В несчастном старике: вконец обвисли брови,
 Обтянуты виски: он держится с трудом.

А х и м а н

Грозил ли и тебе он Божиим судом?

З о д ч и й

Уж этого добра досталось нам в избытке.
 Неоднократно он предпринимал попытки

Стращать строителей: он грозно прорекал
Слова ужасные, а эхо между скал
Согласно вторило: настанет мрак кромешен!
Ни панцирь не спасет, ни меч — того, кто грешен!
Порою брался он и сам за молоток,
³⁰⁰ Нас поторапливал, — как будто уж поток
Пришел и гонит нас. Но нам-то что за дело,
Коль нанимателя безумство одолело.

А х и м а п

Поверить можно бы, что он сошел с ума.
Так жизнь растрачивать! Похоже то весьма,
Что он и жить устал уже на белом свете.

З о д ч и й

Меж тем, как он живет уж ровно шесть столетий,
Во всем покоя чужд, и кажется ему,
Что даже почевать не следует в дому:
Но, укрощая плоть, шепча угрозы Божьи,
³¹⁰ Он бродит вдоль полей, в грязи и бездорожьях,
Неомовенные свои язвы стопы ³⁶.
Порой свывает он немалые толпы,
Овечьей шкурою прикрыв главу и плечи:
И громкий глас его разносится далече, —
Но, лишь отговорит, проклятьями грозя,
Мол, к смерти нас ведет земной любви стезя, —
Внимавшие спешат скорей бежать оттуда:
Его бы посадить на цепь весьма не худо.

А х и м а н

Как держатся его жена и сыновья?

З о д ч и й

³²⁰ Оберегаема во строгости семья,
Во благоправии. Жена, сыны и снохи

Внимают речь его, ловя познаний крохи,
Тому подобно, как рабочая пчела
Росу бы извлекать медвяную могла
По утренней росе, порхая над тимьяном.

А х и м а н

Но слышал я, что Хам не стал уж очень рьяным
Последователем отцовской болтовни?

З о д ч и й

И все же он блюдет обычаи родни,
Жене единой — муж, хоть сей 'судьбой измаян;
³³⁰ Когда бы в оны дни жестокоправный Каин
За гибель Авеля отмищенья избежал, —
На братьев, может быть, Хам поднял бы кинжал,
Дубину или топор, — но знает, что расплата
Назначена тому, восстанет кто на брата.
Иафет и Сим отцу — надежды на успех.

А х и м а н

Сколь наша странна рознь! Единственный из всех
Людей — сулит, что Бог за страсть накажет строго.

З о д ч и й

Посол раскаянья всечасно молит Бога
И проповедью мнит весь мир склонить к добру.

А х и м а н

³⁴⁰ Но добродетелен лишь он один в миру,
И более никто: сие ль, скажи, не дико?

З о д ч и й

Как раз поэтому не гневайся, владыка,
Он не навяжет свой закон таким, как ты,
На мир воинственно глядящим с высоты.

А х и м а н

Один-единственный, кто всех и вся тревожит!

З о д ч и й

Он только попусту слова и слезы множит.

А х и м а н

Он прочит всю страну морским волнам обречь.

З о д ч и й

И как бы уж взнесен отмщенья ржавый меч.

А х и м а н

Под видом глупости — он руку ль не протянет
³⁶⁰ К браздам правления? Ужель сей миг настанет?

З о д ч и й

Смутитель яроsten, но все же не таков:
Учитель налицо, но нет учеников.
Былое славит он везде, с усердьем вящим,
Тогда как все живут одним лишь настоящим,
Богатства алчут все стяжать ценой любой,
Готовы за него на хитрость и на бой, —
Ученье Ноево с их мыслями не схоже.

А х и м а н

Я сам таким речам внимать не стал бы тоже,
Но, раз уж он мутит живущие умы,
³⁶⁰ Послушать речь его разок могли бы мы.

З о д ч и й

Его сыны грядут под грохот грубой меди,
На грозный звук бегут встревоженные соседи,

Покинув крепости, предместья, хутора, —
 Ной возвестил: пришла прощания пора.
 Вослед явлению громов медногосых
 Сам праотец бредет, держа кедровый посох
 Двуствольчатый. Вот он приблизился как раз
 И жестом говорит, что речь начнет сейчас.
 Супруга вслед за ним, склонясь, идти изволит
 370 И три его снохи. Вот он уже глаголет.

Ной, Ахимаан, Гофмейстер.

Ной

К моим прислушайтесь, несчастные, словам³⁷:
 Я сотни лет твердил о дне отмщенья вам.
 За вашу глухоту назначена расплата,
 Вы зрили днесь восход, но вам не зреть заката,
 Но сразу почь придет — и вам надежды нет
 Дождаться ли зари, увидеть ли рассвет.
 Судьба моя теперь, узнайте, с вами розна:
 Сей исполнн немой для вас глаголал грозно —
 Спасть от гибели никто не уповай,
 380 Стихия не щадит ни берегов, ни свай.
 Терпенье Божие дошло теперь до края,
 Отсрочки никакой не чайте, умирая;
 Погрящим в злобе, вам ничья не внятна речь,
 Вас никакой закон не в силах остеречь,
 Ничей не в силах вы постичь печальный опыт,
 Лишь умножаете свой богохульный ропот,
 Лишь погружаетесь в несмысленное зло,
 Вы приговорены, и время истекло.
 Причину сей беды открою вам, несчастным:
 390 Вы дали над собой власть женщинам прекрасным
 Из рода Каина; все те, чей предок — Сиф,
 Утратили закон, утех греха вкусив,

А семья Каина вовек не чтит Бога.
Смешались племена для жалкого итога —
Сложился новый род, и свойственно ему
Плодить невежество, и грубость, и чуму.
Томимый алчностью, род, коему не внове
Чтить меч как божество, взыскующее крови,
Всегда несытое. Поправ подлунный мир,
400 Царит насилия и похоти кумир,
Богиня алчная, что самым непреклонным
Диктует свой закон, маяя блаженным лоном
И застав им глаза от знамений беды,
От прибывающей, погибельной воды!
О, заблуждение столь прочно к вам прилипло!
И очи выплакал, от крика грудь охрипла,
А пользы — никакой. Увы, увy, увy,
Красой предательской впустую льстите вы
Румянц, белил, сурьмы! Какая роза вянет
410 Скорей, чем женщина? Расплаты час настанет,
Ехидна лютая — вам уязвит сердца:
В утехе грешной вы снискали гнев Творца.
Коль вы оглянетесь — предстанет вашим взорам
Несчастный праотец, владычила которым
Прелестная жена, чья мужу красота
Так страшно обошлась. Лобзавшего уста
Возмездие ожгло, и царь эдемска сада
Во немощного преобразен номада.
Добычей смерти стал его несчастный род.
420 Погибельный на мир грядет водоворот!
Настигнуть вскорости должна предсмертна мука
Адамовых сынов: уж это ль не наука
Мужчине каждому, кто потакал жене!
Покайтесь, от подруг держитесь в стороне,
Скорей оставьте их, с кем вы слиянны ложем,
Не то увидите, как род людской, ничтожим

Небесной яростью, — сойдет с лица Земли.
Потопа грохоту — внимающий, внемли!

А х и м а н

Как, тем лишь мы грешны, что дивным женам
служим?

¹³⁰ Жена сотворена к употреблению мужем!

Н о й

Бог лишь одну жепу мужчине дал во власть,
Адам и Сиф свою супружескую страсть
Делили с женами, но лишь с одною каждый,
И не был ни один томим измены жаждой.
Едипобрачия царил святой обет,
И, льющийся с небес, мог животворный свет
Со мраком совладать во всем миру подлунном:
Но плотская краса соблазн явила юным,
Обычай древний пал: брать стали многих жен, —
⁴⁴⁰ Кто нынче, да и чем, быть мог бы возмущен?
Как может допустить владыка правосудный,
Что дочь, сестра иль мать утехой жили блудной,
Отец ли, сын ли, брат дерзнет, не устоя,
Родство презреть и жить по способу зверья, —
Кровосмешенье ли гнев Божий не умножит?
Податель Милости — уже терпеть не может
И пыне, замыслам начальным вперекор,
Он истребить решил умноженный позор,
Потопом суд свершив над родом человечьим.
⁴⁵⁰ Безумцы, ведайте: вам защититься печем
Пред ликом смерти — нищ любой из вас и наг,
А до нее всего один остался шаг.

А х и м а н

Мы много слышали — и в то, конечно, верим ³⁸,

Что Ангелы Небес к земным сходили дочерям,
Оставя семя в них, — и в том причина двух
Начал, что в людях суть, таких, как плоть и дух;
Никто не предрекал за их слиянье — кару.
Когда Небесный Дух земной жене под пару,
Земному князю ли побрезгать таковой?

Н о й

460 Оправдываемо сей лживую молвой
Служенье идолу позорного разврата:
Приятно с Ангельством побыть запанибрата;
Но все-таки скажу, сей довод отраза, —
С бессмертным смертное совокупить нельзя!
Вниманье отвратим от басни похотливой.

А х и м а н

Кто наслаждается — тот ловит миг счастливый,
Иль много счастья — быть бессильным стариком?

Н о й

Тот счастлив, кто вовек со скверной не знаком,
И юность лет своих лелеет, как розарий.

А х и м а н

470 Едина жизнь людей и безглагольных тварей³⁹,
Все тает, словно дым. Мы знаем: никому
Свет не узреть из тех, кто отошел во тьму,
Из гроба не восстать: а о грядущей доле
Никто и ничего не ведает, доколе,
Родившись, не вкусит соблазнов бытия.
Дух ускользает, как воздушная струя,
Уходит, словно тень в последний миг заката.
Тот безнадежно мертв, дыханье чье отъято.
Не встанет, смерти кто переступил черту.

Ной

⁴⁸⁰ О праведник Енох, ответь на клевету!
 Смотри, из мерзостных колчанов стрелы вынув,
 Мнят Бога уязвить отродья исполинов.
 Сдержись и разлучись единожды навек
 С державой, где средь жен утрачен человек.
 Вы, сладострастия сраженные недугом,
 Безбожью вашему отмстится по заслугам,
 Уж занесенна плеть, уже она близка,
 Обрушится вот-вот. Одумайтесь, пока
 День искупления еще не на исходе,
⁴⁹⁰ И тучи не сошлись еще на небосводе,
 Чтоб многогрешный мир заставить дать ответ
 Решительный за все, чему прощенья нет.

А х и м а п

Быстробегущая сладка нам жизни благодсть,
 А узы разные, напротив, очень в тягость.
 Невместно было бы, чтоб как бы цепь легла
 На здравые вполне, на юные тела;
 Себя до времени считать добычей тлена?
 Нет, лучше посадить по деве на колена,
 Жечь благовония, пить пряное вино,
⁵⁰⁰ Покуда смерть еще не глянула в окно, —
 Сыграл бы ты, отец: а нам — потанцевать бы:
 Не должно упустить утеху новой свадьбы.

Ной

Двуличен женский нрав, упрям и похотлив,
 Праматерь в нем живет, все сущее растлив.
 Отродьям похоти не будет утешенья,
 Да сгнут и постель, и плод кровосмешенья!

Гофмейстер

Осмелюсь доложить, светлейший мира князь,
Что дева новая, почтительно склонясь,
Знать хочет, будете ль вы нынче к ней любезны.

Ахиман

⁵¹⁰ Довольно слушал я здесь речи бесполезны,
Иль праздничного дня уж отцвели красы?
Вернемся же к князьям. В дебатах длить часы —
Пустая времени, как полагаю, трата.

Ной

О Исполиненбург, великий град разврата,
Заплачешь горько ты о времени своем,
Светило не зайдет еще за оком!

Хор ангельской стражи.

I. Песнь:

Где чистый отблеск Божий,
Чей свет, неизреком,
Сиял в лице людском?
⁵²⁰ С прообразом несхожий,
Как смертный лик угас!
А ведь Творец пресветел
Ему удел наметил,
Незнаемый сейчас!
Обязано бы тело,
Обретши благодать,
Лишь меру соблюдать,
Себя смиря всецело.
Не потрясать основ
⁵³⁰ Первоначальных правил:

Не зря Господь приставил
К телам — опекунов:
Дух с телом слит закопом,
Как песня — с лирным звоном.

I. Ответная песнь:

Кто разумом падмирным
Всему дает пути —
Умеет лад блюсти
В прелестном пенье лирном.
Следящий за игрой,
⁵⁴⁰ Слагатель звуки множит,
И хаос оных может
Свести в небесный строй,
Сливя кишки барабаны,
Металл, слонову кость,
Ветр и свирельну трость
В хоральном ликованьи.
Звучанье веселит,
И, повинуюсь мере,
Во человеке, в звере
⁵⁵⁰ Оно печаль делит —
Все это было вемо
Адаму в дни Эдема.

II. Песнь:

Но дух — увы, непрочен,
В телах — греховный жар.
Угрозой вышних кар
Порок не озабочен.
То, что речет Господь, —
Никто внимать не станет.
Людей зовет и манит
⁵⁶⁰ Одна прелестна плоть.

Господних кар глашатай
Впустую держит речь:
В спасенье не увлечь
Сей своры бесноватой,
Сей сволочи людской,
Что не боится мести!
Коль мир не знает чести —
Да сгинет мир такой.
Звонят последни склянки.
⁶⁷⁰ Нет проку в перебранке.

II. Ответная песнь:

Увы, тщета благая!
Пытался скорбный Ной
Спаси народ земной,
Стена, остерегая,
Рассеять злостну тьму,
Возмездья Божья прежде —
Но места нет надежде,
Никто не внял ему.
Кто Каину потомок,
⁶⁸⁰ Тот, поражен, бежит,
И стонет и дрожит —
Плач горестен и громок.
Пусть он построил град,
Но таковой непрочен,
Зане червем источен,
Чей ненасытен глад.
Народ стоит над бездной:
Бесславный, бесполезный.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

А х и м а н, А р х и п а с т ы р ь, Г о ф м е й с т е р.

А х и м а н

Как, Архипастырь, ты? Почто спешишь сюда?
590 На свадьбу ты не зван. Иль где стряслась беда?

А р х и п а с т ы р ь

О князь, издалека я слал призывы рога.
Подай совет, как быть: увы, несчастий много.

А х и м а н

Реки! Мне день терять с тобой неволю.

А р х и п а с т ы р ь

Смерть пастухам грозит, а также и скоту.

Г о ф м е й с т е р

Волк, либо волкодлак воспрял, стада тревожат

А р х и п а с т ы р ь

Ни волк, ни тигр, ни лев нас не страшат,
вельможа.

А х и м а н

Так что произошло? Спокойствуй и реки.

А р х и п а с т ы р ь

Я с ужасом моим бежал вперегонки.

А х и м а н

Реки! Уйми в себе дрожь мерзкого испуга!

Архипастырь

⁶⁰⁰ Две пастухов толпы восстали друг на друга,
Одним отчизна — дол, другие — дети гор.

Ахимап

Почто возникнуть мог меж них такой раздор?
Привыкли жить они, по пустякам не споря.

Архипастырь

Чудовищный поток на нас грядет от моря,
Уже затоплены прибрежия страны.
Нам были Ноевы пророчества смешны,
Но мы о паводке нагрянувшем прознали,
Сошлись на сходбище: решить, что делать дале,
Подумать сообща — скот отогнать куда,
⁶¹⁰ Пока на пастбища не хлынула вода.
Но горцы ничего не отдадут задаром;
Вода все вверх да вверх велит брести отарам,
В долины горные — свирепые бойцы
Решили ни одной не допустить овцы.
Мы просим дать проход, с учтивостью понуда,
Они — трубят войну, и вот уж дело худо:
Вооружась, бойцы летят во весь опор,
Клянутся пастухов насильно скинуть с гор,
Нас вниз они теснят, ущерб чивяци стаду.
⁶²⁰ Сколь горцам ни сулим великую награду
За неудобства все — им плата не нужна,
Уж неизбежно нам кажется война,
Праци да палицы толпа готовит злая;
Но женщины меж тем, сраженья не желая,
Вторгаются меж двух враждующих родов,
Узреть себя страшась как безутешных вдов.
Несокрушимую решимость обпаружа,

Жена вцепляется с великим плачем в мужа,
 Невеста в жениха, крича: идем домой;
 630 Тут власти княжеской уместно бы самой
 Вмешаться, — у иных на то не хватает силы,
 В ход между тем пошли и топоры и вилы,
 Убитым несть числа. Мир скоро станет пуст,
 Вот-вот спесет коса цветущий жизни куст.

Г о ф м е й с т е р

Ты, пастырь, быть вполне обязан равнодушен
 К всему, что суть опричь овчарен и конюшен,
 Вот их — оберегать ты должен от вреда.
 Как смел ты кинуть пост и прибежать сюда?
 Кпляз может ли тебя не наказать примерно?

А х и м а н

640 Служил нам до сих пор он преданно и верно,
 Карать сего слугу не будет властелин.
 Предотвратить войну сумеет он один.
 Предвидеть кто бы мог сей неприятный случай?
 Спешит тотчас назад. Возьми отряд могучий
 Отборных воинов. Раздоры устрани
 С их помощью: тебя не подведут они.

А х и м а н, Г о ф м е й с т е р.

А х и м а н

Я паводка сего никак не понимаю,
 Умеренная сушь приличествует маю,
 И пастбища мочить не должно бы воде.
 650 Морям спокойствовать уместно бы везде,
 Отнюдь не проявлять губительного пыла,
 Покуда летнее струит лучи светило.
 Прилива не творит ущербная луна,

Два раза в день волна взойти на брег должна
И дважды отступить; и паводок весенний
Не мог бы пробудить подобных опасений,
Чиня такой разор на нашем берегу.
Здесь ничего понять я, право, не могу.

Г о ф м е й с т е р

Постигнуть кто бы мог все чудеса природы!

А х и м а н

⁶⁶⁰ Ной, праотец, вещал, что, мол, нахлынут воды,
Так дело повернул сей хитрый человек,
Что впрок из дерева соорудил ковчег,
Куда заранее взял зверя, птицу, гада,
И сам куда войдет, а с ним — жена и чада.

Г о ф м е й с т е р

С ним князь ли поспешил связать судьбу свою?

А х и м а н

Едва ль я воды все на свете изопью;
Ты Ноевы слова уже слышал последни.

Г о ф м е й с т е р

Не могут правдой быть разнузданные бредни
Безумца-старика! Воспрять от забытья
⁶⁷⁰ Вам надлежало бы! Да сгинет мысль сия!

А х и м а н

Когда пришел потоп, то уж какие мысли.

Г о ф м е й с т е р

Да, тучи над страной, конечно же, нависли,
Но лучше выкинуть печаль из головы.

А х и м а н

Печаль не отметишь, коль есть она — увь.
 Не уговаривай, тревоги я не скрою.
 Случается гроза осеннею порою ⁴⁰,
 Ллждвой желтеющей шумит холодный лес,
 Прибрежные валы взлетают до небес
 И бьются о скалы, растрчивая силы;
⁶⁸⁰ Соленая вода вступает рекам в жилы
 И не вмещается во хрустале амфор.
 Болезни водяной неукротим напор,
 И опускает мгла над миром покрывало.
 Подобная пора для нас теперь настала.
 Час наступил, когда бесплоден бранный зык.
 У пастухов разлад не попусту возник
 Из-за земли: едва ль бывает спор серьезней,
 Ничей авторитет не усмирит сей розни.

Г о ф м е й с т е р

Безумием ужель мудрейший согрешит?

А х и м а н

⁶⁹⁰ Едва ль безумен тот, кто загодя решит
 Найти убежище у родичей Ламеха,
 Пока спасению не явлена помеха.

Г о ф м е й с т е р

От ложа брачного отказ тогда реки.

А х и м а н

Сколь трудно отвечать на это по-мужски!
 Мне легче, может быть, отъять от тела душу
 В себе! Всей жизни смысл я, кажется, разрушу:
 От женщины отойти! Нет, лучше умереть!

Отречься, между тем, от них придется впредь:
Чего не сделаешь для блага государства!

Г о ф м е й с т е р

⁷⁰⁰ О, как тебя хулить все станут за коварство
И к женам целюбовь! О, не руби плеча,
Не отступай, подруг желанных огорча;
При вести, что всходить не хочешь ты на ложе,
Гнев девушек представь и жен любимых тоже:
Жизнь и душа твои в их власти, господни!

А х и м а н

В кедровнике теперь побыть хочу один.

Г о ф м е й с т е р

О, что произошло? На что сие похоже?
В тот самый час, когда владыки и вельможи,
Вассалы, данники и круг прелестных дам,
⁷¹⁰ Подобных красотой возвышенным звездам,
Сойдутся честь воздать божественной княгине, —
Великий князь решил, что есть потреба ныне
Счесть бредни старика за умные слова.
Коль это свадебны расстроит торжества,
Кто будет отвечать? Провижу меж придворных
Наветов череду и сплетен самых вздорных.
Княгине знать о сем уж, видно, кто-то дал:
Она идет сюда. Ну, впереди скандал.

У р а н и я, Г о ф м е й с т е р.

У р а н и я

Куда девался князь? Нашел какое дело?

Г о ф м е й с т е р

⁷²⁰ Он был вдесь; им теперь тревога овладела.

Урапия

Кто князю слух дурной осмелился принести?

Гофмейстер

Здесь Архипастырь был, и он доставил весть,
Что стал морской прилив необычайно страшен,
Ни пастбищ не падит, ни плодородных пашен.
Ну, в горы пастухи погнать хотели скот,
На это осерчал суровых горцев род,
Схватился за ножи, призвал друзей и кровных,
И началась война. Поди, найди виновных,
Немало тружов там лежит наверняка.

Урапия

⁷³⁰ У князя пастухов достаточно пока.
Как было рассудить угодно воле княжьей?

Гофмейстер

Дан Архипастырю отряд отборных стражей,
К послушникам они в минуту мчат сию.

Урапия

Великий князь привык дела решать в бою,
Он витязем себя считает необорным
И возбуждается, внемля военным горнам,
Но к возбуждению найдем предмет иной.

Гофмейстер

Князь обстоятельно беседовал со мной,
Успокоительных я слов извел немало,
⁷⁴⁰ Но доводов его душа не принимала:
Лишь умножалась в нем томительная боль.

Урапия

Кто дракой поселян терзается пастоль —
Едва ль в своем уме. Сие противу правил.

Гофмейстер

Он грезам Ноевым свой дух внимать заставил.

Урания

То шутка, вымысел, не сомневаюсь я.
Князь, покоривший все восточные края,
Ничьими грезами взволнован быть не может.

Гофмейстер

Возросший уровень воды его тревожит,
Считать сей паводок велит старик-смутьян —
⁷⁵⁰ Предвестьем гибели. Кто страхом обуян —
Того разубеждать бесплодны все попытки.

Урания

Лекарство у меня на случай сей в избытке.
Умею врачевать недуг и не такой.

Гофмейстер

Встревожить бы не смел княгини я покой,
Но нечто есть, о чем особо молвить надо.

Урания

Я выслушать тебя со всем вниманьем рада.

Гофмейстер

Обычай главный свой князь пременить грозит.

Урания

Лишенье женских ласк — преступника сразит.
Какое в этот раз смутило князя жало?

Г о ф м е й с т е р

⁷⁶⁰ Безумец Ной, кого унять бы надлежало,
Твердит, что женщины — земных народов цвет! —
Причина паводка и всех грядущих бед,
Он хочет разлучить подобное с подобным.

У р а н и я

Ужели князь подпал таким наветам злобным,
Слова коварные ужель ему важны?
Коль каждый муж в миру жить станет без жепы,
Тогда, наслушавшись подобного поклепа,
Смерть люди обретут без всякого потопа,
Продлению родов пределы положе.

Г о ф м е й с т е р

⁷⁷⁰ Вам князя укротить под силу, госпожа:
Вот он идет сюда, — молю, все силы бросьте
На убеждение: придворные и гости
Вас будут ожидать, во трепете склонясь.
Мне кажется, что вам послушен будет князь.

У р а н и я, А х и м а н.

У р а н и я

Что бродяте, мой друг, свой лик во мрак упрятав?

А х и м а н

Боюсь, пора беды пришла для азиатов.

У р а н и я

О чем скорбели вы, уйдя в кедровый бор?

А х и м а н

Воюют жители долин с сынами гор.

У р а н и я

Чем потревожепа меж сих племен граница?

А х и м а н

⁷⁸⁰ Обрушилась на них страданий вереница.

У р а н и я

Был раньше перушим покой пастушьих стад.

А х и м а н

Ной предвещал потоп уж много лет назад.

У р а н и я

Тот шут, что на горе построил на смех судно?

А х и м а н

Но паводок пришел, над ним смеяться трудно.
Не только пастухам теперь грозит беда,
Спасаться мы должны, покуда есть куда.

У р а н и я

В ковчеге можешь ты сокрыться без опаски.

А х и м а н

Снискали гнев Небес прелестных женщин ласки.

У р а н и я

На женщинах вина, выходит, за потоп?

А х и м а н

⁷⁹⁰ Ввергают женщины весь род людской во гроб.

У р а н и я

Бывали паводки порой и в прежние годы.

А х и м а н

Но, кажется, весь мир теперь покроют воды.

У р а н и я

Природе-матери доверься рулевой:
Ей воду повышать над миром не впервой,
И снова понижать — всему в миру на благо.

А х и м а н

Бурлит у самых гор морей разбухших влага.

У р а н и я

Да, ветру легкие послушны пузыри,
А также флюгеры. Внимательно смотри
Во глубь вещей, затем, что ты понять обязан,
⁸⁰⁰ Насколько мир земной во всем взаимосвязан.
Как сетью алых жил пронизан человек,
Так мир земной живим водой морей и рек.
Жар солнечных лучей из моря влагу тянет,
Взойдет она в простор, сгустится, внизу прилет.
Луна — владычица морей: от лунных чар
Родится устрица и лакомый омар,
Взаимодействием и удержаньем меры
Блюдется в мире все. Пусть верят суеверы
Небесным сполохам, сверканию зарниц,
⁸¹⁰ Перед кометами пусть упадают ниц,
Боятся молнии и даже блеска звезда —
Для несмышленицей таких многополезна
Лишь розга добрая, — но тот, чей ум прозрел,
В природе знает смысл, и меру, и предел,
Ты действовать привык возлюбленным в угоду
И ветреную в них не усмирять природу:
Она-то в женщинах, признай, и хороша.

Печали телу нет — спокойна и душа.
От колыбели путь свершая до могилы,
⁸²⁰ Все радости вкушай, тебе которы милы,
И не безумство ли, — размыслив, дай ответ, —
Тому внимать, вад кем уж сто смеются лет?

А х и м а н

Кто красотой пленен — подобен зверю в клетке
И жалкому рабу!

У р а н и я

Весьма на свете редки
Явлепя красоты.

А х и м а н

Стремясь к ее дарам,
Озлили Бога мы. О скорбь, о горький срам!
Несчетных жен любовь, клеймо неблаговидно!

У р а н и я

Жен множество иметь — ужели князю стыдно?
Возьми ничтожного владыку, петуха:
⁸³⁰ Он топчет многих кур, но нет на нем греха.
Иль к женщинам в тебе пропало притяженье?
Господства твоего не в них ли умноженье?
Иль рода твоего не здесь воздвигся ствол?

А х и м а н

Я порешил унять любовный произвол.
Умильно греется в людской руке ехидна,
Чтоб благодетеля затем предать постыдно.
Едва лишь он заснет — воззвать клыкы в него.
Ворожея! Отколь взяла ты колдовство,
Чтоб любострастье мной всецело овладело?

⁸⁴⁰ Терпенье Божие иссякло до предела,
И для раскаянья нет времени почти.
О, где заступника пред Господом найти,
О, чья бы к Небесам мольба внеслась благая?

У р а н и я

Ругайся, мелочных попреков избегая.

А х и м а н

Во любострастии всех зол земных исток.
Я, князь и вождь полков, смиривших весь Восток,
Пределы мирных стран воюя беззаконно,
Добычей боевой твое усыпал лоно,
Соседей обобрав безвинных, — без стыда
⁸⁵⁰ Отъяв у них плоды тяжелого труда.

У р а н и я

Быть может, воевать тогда совсем не надо?

А х и м а н

Кровь — чванству женскому первейшая услада,
К роскошеству двора один лишь повод есть:
Почтенье вам явить, возвысить вашу честь.
Необходимого — для женщины не довольно,
Всех оберн вокруг, сколь таковым ни больно,
Все женщина возьмет, что принесет слуга, —
Наряды, золото, куренья, жемчуга,
Все ненасытной впрок ее идет утробе,
⁸⁶⁰ Вплоть до сиротских слез. Она — подруга злобе,
Сестра насилию, разбою и вражде.
Коль Бог карает мир, сему причина — где?
Причина — женщины: ведь самым безобразным
Средь них — известен путь смутить мужчин
соблазном,

Использував сурьму, румяна и наряд.
Но если кто не слеп — тот видит маскарад
Фальшивой роскоши, — и плачет, проклиная
Плен, в какой мужчин берет мечта срамная.

У р а н и я

Мужской неверности зрю справедливый гнев!
⁸⁷⁰ Ты был совсем иным, когда нежнейших дев
Вели к тебе чредой, еще не знавших мужа;
В них сладость первую с восторгом обнаружа,
Не ты ли насыщал свой похотливый глад
И был доволен весь, от головы до пят?
Сплетая кисти рук, уста содвинув тесно,
Мы были две души, слиянные телесно.
О, в чем не клялся ты! Скорее зренья дар
Ты б отдал, чем посмел гасить страстей пожар!
Не в сей ли должно день, тревоги все откинув,
⁸⁸⁰ Собрать князей, господ и прочих исполинов
К ристаньям доблестным, к потехам, коим нет
Подобья на земле! Блистательный рассвет
Вовеки не видал в пределах порубежных
Такого общества владык и женщин нежных;
Уж скоро мы, часов не упуская зря,
Вкруг свадебна должны сойтись бы алтаря,
Где страсти мощный жар нас воедино сплавит.
Ужель великий князь княгине срам составит
Пред миром всем — теперь! Позорное пятно!
⁸⁹⁰ Ужасно, мерзостно, пожизненно оно!
Прочь, вероломный, прочь; кляни утехи ложа,
Лишь слезы ждут тебя, твою же скорбь умножа!
Вот брачное кольцо, вот ожерелья, князь,
Вот серьги — все, смотри, я повергаю в грязь:
Все это принесли твои победы войны:
Возьми обратно — мы трофеев недостойны!

Ты слишком утомлен любовью жен и дев
И должен поскорей проситься в Ноев хлев.

А х и м а н

Она уходит прочь!.. Что делать с сей насмешкой?
⁹⁰⁰ Молю, повремени!

У р а н и я

Да нет уж, ты не мешкай,
Беснуется теперь вода морей и рек.
Закат недалеко. Скорей просись в ковчег!

А х и м а н

О, сколь виновен я, безумен и несдержан!
Пред алтарем любви постыдно я повержен!
Прощенье ниспошли мне у твоих колен.

У р а н и я

Ты речь переменил!

А х и м а н

Я спором был смятен,
Взгляни же на меня: я ль не подобье дуба,
Что волею стихий повержен наземь грубо?
Забыв о Ное, чту твою любовь одну.
⁹¹⁰ Достоин милости, кто осознал вину.

У р а н и я

У женщины герой прощения не просит,
Любовь постыдного смирения не выносит.
Пускай на гибель мы теперь осуждены,
Как лучше умереть: на лоне у жены,
В воде ли? Не дерзай будить любви ехидну,
Коль узавит она — ты примешь смерть постыдну.

А х и м а н

Неубедительна моя, убога речь,
Но мне любви своей вовеки не пресечь:
О, лучше бы мне жить от века бессловесно!

У р а н и я

⁹²⁰ Женохулителю бороть ехидну вместею,
И силы все свои на то употребить,
Чтоб женщин истребить, решивших мир сгубить.

А х и м а н

О, где найти бальзам — смягчить сердечну рану?

У р а н и я

Ни лести, ни мольбам внимать уже не стану.
Клятвопреступник ты, иной ищи любви,
Иную женщину желанною зови.

А х и м а н

На милость уповать уже ни на какую
Не вправе я, — но нет, еще одной взыскую:
Прими же сей кинжал, нет коего острей.
⁹³⁰ Вот я подставил грудь. Срази меня скорей,
Пронзи мне сердце, нет в продленье жизни проку.
Иль, если брезгаешь, найди жену жестоку,
Что казнь сию свершит недрогнувшей рукой —
За то, что я тебе удар нанес такой.

У р а н и я

Ты тронул сердце мне слезою запоздалой,
Уж так и быть, прощу и обниму, пожалуй.
Свой прибери кинжал. Живи. Однако жду,
Что с Ноем прежнюю ты заведешь вражду.

А х и м а н

О, свадьба новая!.. Вот — Ной сюда стремится.
 940 Да будет пристыжен тобою сей тупица,
 Чья к женам ненависть бушует нелюдска.
 Grimасой он тебя дарит издалека,
 Он женственность убить во всем, как видно, хочет,
 Бредет, обрывки фраз под нос себе бормочет.

Ной, Урания, Девушки.

Ной

Во дщерях Каина — людского рода ржа.
 Что господин свершит, то сгубит госпожа.
 Для тучных нив пришла пора дождя и града,
 Цветы летят с ветвей, трещат деревья сада
 В круговращении бушующей весны,
 950 Которой земли все и небеса полны;
 И в этот самый миг, чреватый Божьей мезтью,
 Способна женщина мольбою, лаской, лезтью
 Вновь совратить того, кто тверд на миг предстал!..
 О Небо, пощади! Твой верный раб устал,
 Спасенья миру нет, блюдящему в дремоте.
 Любой любовный зов, каприз греховной плоти —
 И вот великий князь, объятия раскрыв,
 Немедля угасил души благой порыв,
 Чтoб мерзкая толпа к вождю не охладела.
 960 Ни до чего толпе нет никакого дела,
 Пусть на нее 'скорей обрушится' потоп.

У р а н и я

Как нам стерпеть сле? Рехнувшийся холоп,
 Ты смерть зовешь свою! Ты все бубнил про Бога,
 Веретено крутил, — что, пряхи вышло много?
 Зачем ты все твердишь о жен людских вине?

Ты женщиной рожден и обручен жене,
Как все, родил детей, со всеми одинаков,
Деторождение — важней небесных знаков,
Не детям ли дано, как высшему добру,
⁹⁷⁰ Быть лучшей радостью средь всех, что суть
в миру?

А впрочем, немощи в сей злобе виноваты:
По дряхлости пошел ты женам в супостаты.

Н о й

Что проку отвечать? Ты мой исконный враг,
Не внемлешь ничему и пятышься, как рак.
Не женщинам несу в пророчествах угрозу,
Но развращению! Оставь прелестну розу
Меж терниями цвести, свой аромат дая
Всем слабым, кто к шипам руки не тянет зря, —
Восхочет многих кто, тот сам себя поранит!

У р а н и я

⁹⁸⁰ Но уничтожь любовь — людей совсем не станет!

Н о й

Баюкаешь себя ты присказкой такой.
Когда на многих жен любовный жар мужской
Распространяется — он ярче, но короче:
Мужи, которые до многих жен охочи,
Растрачивают мощь, — а страсть к одной жене
Продляет мужу век, с подругой наравне.
Прими ты истину без раздраженья эту,
В желаньях следуя Господнему завету.

У р а н и я

Бесплодно сим прельщать наш благородный нрав:
⁹⁹⁰ Коль страсть изощрена, то требует приправ.

Так сладко, так легко — об этом знает каждый —
 Изменою разжечь огонь любовной жажды.
 Всяк ведаёт — любви законы таковы:
 Желанней, чем роса для высохшей травы,
 Для ложа женского — стремленье господина.
 Сего не уместить в мозгах простолюдина.
 Лишь благородного сие удел ума ⁴¹.

Ной

О, ложа брачного премерзкая чума!
 От многоженства в чем найти оплот защиты?
¹⁰⁰⁰ Два сердца любящих, что вместе прочно слиты,
 Нарушить ваш союз — великая беда!
 Нет, муж, во чистоте держи себя всегда
 И женщине своей не нарушай обета.

Урапия

Твой собственный отец, уже в преклонны лета,
 Двух жен себе завел и наплодил сынов ⁴².
 Как смеешь называть крушеньем всех основ
 Женитьбы многие — тогда как сам ты тоже
 Своим отцом зачат на оскверненном ложе?

Ной

Прилично, чтобы сын покрыл отцовский стыд.

Урапия

¹⁰¹⁰ Злодей, что от убийств донине не отмыт,
 Что осквернил себя клеймом двойного блуда,
 Нам сына породил — о, это ли не чудо? —
 Какой, со злобностью своей не совладев,
 Возводит клевету на женщин и на дев,
 Лишь своего отца возобновляя мерзость.

Н о й

Прощаю брань твою и безрассудну дерзость,
Да будет и Господь с тобою не жесток.
Безумцы жалкие, настал расплаты срок,
Вздыхайте же глаза на небеса беззвездны,
¹⁰²⁰ Что влагою полны, вознесейся из бездны;
Весь воздух как бы стал стихиею морской,
Пророча паводок и скорый мор людской.
Уж скоро дождь пойдет, безжалостен и жуток,
Лить будет сорок дней, точнее, сорок суток,
Сольются все моря, покровом ляжет тьма,
Где, люди, вам спастись? Лишь прозвучат грома
И молнии сверкнут — стремительно воспрянув,
Начнет всходить вода бескрайних океанов,
И губку облаков над царствами земли
¹⁰³⁰ Господня писть сожмет. О бедный люд, внемли,
Покайся пред лицом предвестий необорных.
Ты уповаешь зря спастись на кряжах горных,
Глядишь с надеждою на высоту деревьев —
Но нет, не устоит перед потопом лес,
Из почвы вырванный, он оку будет страшен;
Водой подмытые, падут громады башен,
И будут видимы в волнах со всех концов
Скот захлебнувшийся и толпы мертвецов,
Усадьбы и дома достанутся пучинам, —
¹⁰⁴⁰ Ни шлюзам не помочь, ни дамбам, ни плотинам,
Еще родители спасти детей спешат —
Вотще! А над водой доносится раскат
Рыданья позднего. Конец утехе брачной,
Блеск праздника тоской сменился самой мрачной.
Средь волн последний стон почти уже затих,
С невестой мертвою ко дну идет жених.
А то немножество, что остается живо,

На скалы голые взлезает торопливо,
 Спасения взалкав, — но океан седой
 1050 Готов луну покрыть бурлящею водой,
 Подбросив, как пузырь, — уж горы без остатка
 Проглочены водой, на полтора десятка ⁴³
 Локтей ушли под хлябь: в тот мир придет покой,
 Уймется горький плач, последний стон людской.

У р а н и я

Угрозы пугала страшны для скверной птахи,
 Но мудрый пребывать не станет в праздном
 страхе.

Танцуйте, девушки, — так хочет госпожа, —
 Пустым пророчеством глушца пренебрежа.

Д е в у ш к и

Так просто потопить людей!
 1060 А лебедей?
 А лебедей?
 Сей птице паводок только мил,
 Он ей предзначен!
 В ней нерастрочен
 Любовный пыл.
 Ей для уютного гнезда
 Нужна вода,
 Нужна вода!
 Она довольствуется судьбой,
 1070 Сколь то возможно,
 И бестревожна
 К вражде любой!
 Путь у пленцов сей птицы прям:
 Плыви к морям!
 Плыви к морям!
 Всегда и все для нее — добро,
 Она — любима;

Неувлажнимо

Ее перо.

¹⁰⁸⁰ Поет она — всего лишь раз

В предсмертный час,

В предсмертный час,

Она возносит свой страстный клик, —

Но, лишь допела,

Встречает смело

Последний миг.

И только обратит главу

Вдаль, в синеву,

Вдаль, в синеву —

¹⁰⁹⁰ Увидеть снова, в преддверье сна

Земное чудо:

И прочь отсюда

Плывет она.

Н о й

Сколь ночь придет горька к сим душам закоснелым!

Не помогли слова — ну что ж, ответим делом.

Х о р а н г е л ь с к о й с т р а ж и .

І. П е с н ь :

До той поры, пока

Не создал Бог природы,

С землей лежали воды

Подобием клубка.

¹¹⁰⁰ Носитель высшей власти

В первичной тьме витал,

Однако миг настал,

И мановеньем пясти

Бог воду от земли

Отъял, их связь наруша,

Открылась сверху суша,

Потоки вниз ушли.
С тех пор стихии водной
Закрыт к высотам путь:
1110 С землей она отнюдь
Бороться не свободна.
Всему дала места
Господня щедрота.

I. Ответная песнь:

И землю, и моря
Угодно было Небу
Дать людям на потребу,
В миру покой творя.
Но скотством человеческим
Разгневан Божий суд:
1120 Земной преступен люд,
Оправдываться нечем.
Ной — Господом избран,
Но, вред ему затеяв,
Толпою лицедеев
Командует тиран,
Утеха чьей утробы —
Презревши Божью речь,
Стремительно разжечь
Пожар греха и злобы.
1130 Но скоро, видит Бог,
Наступит эпилог.

II. Песнь:

Уже не сну черед,
А смерти — лечь на вежды,
Злодеям нет надежды
Спасть от Божьих вод.
На берег море правит

Преступных доконать:
И пастухов, и знать
Уж скоро плыть заставит.
1140 Всевышний длань свою
Над сим священным местом
Простер охранным жестом
На Ноя и семью.
В блюстители ковчега
Поставлен Уриил,
Чтоб сей оборонил
Постройку от набега;
Он должен покарать
Всю исполиню рать.

II. Ответная песнь.

1150 Коль праотец Адам
С женой бы встал из гроба,
И подивились оба
Своих детей родам,
Взглянули б на живые
Земные племена,
Которым жизнь дана
Чрез муки родовые;
Восплакали б они:
О Господи, затем ли
1160 Мы заселили земли?
Нисколь не времени,
Развратников карая,
Сурово покажи
Земной рассадник лжи!
Как древле — двери рая,
Теперь замкни ковчег.
Раствленный, скорбный век!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Х а м, Н о й.

Х а м

Дозволено ли мне, отец, просить совета?

Н о й

В чем дело?

Х а м

О, ни в чем.

Н о й

Недобрая примета,

¹¹⁷⁰ Мне в голосе твоём тои слышится дурной.

Х а м

Я с Ахимановой беседовал женой.

Н о й

Сего ль не воспретил я совершенно ясно?

Х а м

Я неприступен был.

Н о й

К чему терять напрасно

Часы почти уже истерпанного дня?

Х а м

На сердце гнет лежит великий у меня.

Н о й

Жена, отец, и мать, и братья, и невестки

Тебя в ковчеге ждут: сему причины вески.

Х а м

Я все же многого, родитель, не пойму.

Н о й

Я свет познания дам рассудку твоему.

Х а м

¹¹⁸⁰ Потребно ль лодку лезть, по край зверьми
набиту?

Н о й

Коль выпьешь море — в том вполне найдем защиту.

Х а м

Мир в меру покарав, отступит вал морской.

Н о й

На это, как ни жаль, надежды никакой.

Х а м

В ковчег сокрытыми — доколе нам томиться?

Н о й

Круг совершить должна светила колесница.

Х а м

О, горе — в темноте скрываться целый год!

Н о й

Ты не соскучишься, утешься наперед.

Х а м

Кто празднствует — тебя ль, отец, не раздражает?

Н о й

Уж праздность-то тебе никак не угрожает.

Х а м

¹¹⁹⁰ А поохотиться — уж так ведь я охоч!
Ни солища, ни луны в ковчеге — только ночь,
Не воздух, а сплошной тяжелый дух звериный,
Напитанный чумой, зловонною уриной, —
С утра до ночи так, и с ночи до утра:
Тюрьма, свинарня, хлев, собачья конура ^{44!}

Н о й

Средь нас, любезный сын, не будет безработных;
Сим и Йафет с тобой должны питать живóтных,
Носить овес, и жмых, и прочие корма,
И чистить стойла все, что хлопотно весьма.

Х а м

¹²⁰⁰ Тюрьма! Ужели Хам вот так растратит силы?
Сгнивание то иль жизнь во глубине могилы?
Притом не в мраморном — в бревенчатом гробу:
О, сколь печальную мы выбрали судьбу!

Н о й

Зато не сгубят нас греха позорны пятна.

Х а м

Что легче — просто смерть, иль смерть
тысячекратно?
Мне легче броситься в разверстый зев пучин!

Н о й

Я поддержу тебя: будь мужествен, мой сын.

Х а м

Все то, позволь, скажу, что прочие не смели.

Н о й

Мы много говорим, а время на пределе.
1210 Но выскажись, свои печали мне вруча.

Х а м

Не в роли ты отца, но в роли палача,
Кто сам же и судья: ты казнь пророчишь миру,
Грозись ему, воздев тяжелую секиру.
Медведем Господа изображаешь ты,
Свирепым кабаном, стравляющим кусты
В припадке бешенства: мол, все затопчет царства
Господь, карающий развратность и дикарство.
Столь воды буйственны, столь плотны облака
На сушу бросились теперь издалека,
1220 Уж над отрогами тяжелый вал колышим,
Последний мира вздох мы вскорости услышим,
Иль Бог, как женщина, озлоблен и ревнив?
Иль мало гибели Ему садов и нив?
Не Провиденье здесь — но лишь вражда и вызов,
Немилосердный гнев, сквернейший из капризов.

Н о й

О святотатственный, о гнусный отпрыск мой,
Увы, речистый столь — уж лучше бы немой, —
Позоришь Господа глаголом ты неправым,
Беспутством обуян и своевольным правом.
1230 Я Небеса теперь в свидетели зову:
Не пасть проклятью бы — да на твою главу!
Мы, слава Господу, с той истиной знакомы,
Что Божьи сущности для нас неизрекомы,
Бессильна их в слова понятные облечь
Несовершенная, увы, людская речь.
Упреки ложные в гневливости растленной
Невместно воссылать Создателю Вселенной.

И вот — печальная картина такова:
 На ветер кинуты неправые слова.
 1240 Суд над злословием, будь нелицеприятен!
 Возможно ль Господу столь безобразных пятен
 Тиранства мерзкого — не смыть с лица земли?
 От корня одного — две ветви возросли:
 Род Каина плоды, чреватые раздором,
 По свету разбросал, — и Сифов род, которым
 Даны плоды, чей вкус целителен и здрав.
 Но первый победил, мощь большую набрав.
 Испорчен лучший стал, благим путям неверен.
 Возмездье да грядет. Посев добра — потерян.

Х а м

1250 Почтенный мой отец, ты гневен столь не будь,
 Тебе перечить я не помышлял ничуть,
 По слову твоему немедля я водвину
 Себя в построенну тобою домовину.

Н о й

Жена властителя простерла мощь свою
 Теперь и на мою, как вижу я, семью.
 Ты нынче раб ее, и нам грозит расплата:
 Рассорит снох она, возвратит брат на брата,
 Невзлюбит мать отца. Зло — снова меж людьми,
 Пусть оным заражен один лишь из восьми,
 1260 Кто жить останется, когда отступят воды,
 Грядущи от кого произойдут народы.
 Так отойди же, сын: пришел тот самый час,
 Прочь увести когда с земли я должен вас.

Х а м

Вот — все идут они, готовые к поездке.
 Мать, поспеши к отцу; вы, Сим, Йафет, невестки,

Утешьте же его — скорей, скорей сюда.
Не должно мешкать нам, когда пришла нужда.

С и м, Й а ф е т, Н о й, Х о р.

С и м

Земля мокра, отец: пора отдать швартовы.
Все родичи твои вполне уже готовы
1270 Пуститься в долгое скитанье по волнам.
Вот мы пришли сюда: повелевай же нам.

Й а ф е т

Мы подготовлены — легко отсель отыдем.

Н о й

Что позади мы зрим, что пред собою видим
В печальный этот час? Мне доле ждать невмочь,
Я оставляю мир, я удаляюсь прочь
От человечества, храня на сердце горе.
Легко ль, изгнанники, со мной вам будет в море?
Легко ль подобную судьбу перенести?
Всевышний силы вам да ниспошлет в пути;
1280 Уместно верою вооружиться многой.
Пребудьте в стойкости, служите мне подмогой.
От пламени Господь спасет, и от воды,
Не должно никакой ждать гибельной беды.
Чреваты небеса дождем над горным краем
И ждут, что мы ковчег, войдя в него, задраим;
Архангел знак подаст во мрачной вышине —
И гром греметь начнет: я не хочу зане
Ни гибель мира зреть, ни слышать слезны просьбы.
Мне море слез когда наплакать удалось бы, —
1290 Гнев отвратя, Господь услышал бы меня!..
Но будут гром и блеск небесного огня

Стон заглушать людской, звучащий все надрывней
 В смешенье паводка и беспощадных ливней.
 Обречены внимать мы сорок дней подряд,
 Как хлещет в кровлю дождь и как грохочет град,
 Как мчат ветра со всех сторон земного круга,
 С востока, с запада, и с севера, и с юга,
 В один смешаться вихрь, невиданный вовек.
 Тогда под облака подыметя ковчег,
¹³⁰⁰ Потянется череда дней наших безотрадных
 Без солнечных лучей, при свете плоск чадных.

С и м

Нам скорьбь сию дано да будет обороть.

И а ф е т

Яренье стихий легко смирит Господь.

Н о й

Нас волны к небесам подымут в дикой злобе,
 Живых, но спрятанных в плавучем нашем гробе,
 Колеблемые средь необозримой мглы
 Пребудем триста дней и семьдесят. Валы
 Огромные и рев грозы остервенелой
 Посеют страх в душе, пусть даже самой смелой.
¹³¹⁰ Там уши долгая заложит глухота,
 Смерть ветром и водой начнет стучать в борта,
 Во древесину свой вонзять пытаюсь коготь
 И разломить ковчег (уж на смолу и деготь
 Не поскупились мы, чтоб судно оберечь),
 При этом ведайте: то брешь, то щель, то течь
 Нам будут досаждать, ломая домовину,
 Впуская воду внутрь. Почти наполовину
 Погибнет груз живой, сие предрешено,
 Ввергать, однако, нас в унынье не должно.

¹³²⁰ Всевышний столь могуч, что не позволит смерти
Сгубить земную жизнь в пучинах подоверти.
Он нас убережет, плывущих без руля,
Он хищников смирит в утробе корабля:
Глад волка не томит, замолкли львины рыки,
И грозный тигр молчит, и прочи твари дики.
Гвоздь пригнан ко гвоздю; кто может, тот содей
Корабль прочней, чем наш! Но боле, чем гвоздей,
Чудес на судне сем: придя в кедровы чаши,
Молчат безбожники, постройку нашу зрящи.

С и м

¹³³⁰ Лишь чудо вразумит безумного врага.

Н о й

Не ввидет океан в привычны берега,
Безвиден будет он и тягостен для зренья,
Как если бы Господь не начинал творенья
И влагу надвое в миру не разделил ⁴⁵.
Он всемогущ вполне: Ему достало сил
Одной рукой держать все мирозданье чудно.
Он мог бы нас спасти, не воздвигая судно,
А мигом, замысду не ведая преград,
Легко доставить нас в присноблаженный град.

И а ф е т

¹³⁴⁰ К чему же целый век трудились мы неспешно,
А подлая толпа, все боле многогрешна,
Жила? Ее убить — полезней бы всего.

Н о й

Долготерпением пыталось Божество
Сих блудников спасти от страшного удара —
Но только нас одних сия минует кара!

От бедствия спасти сейчас Господь готов
В ковчеге только нас из всех живых родов.
Любите же Его: удел наш пезаслужен,
Ковчег с прислугою — Всемощному не нужен,
¹³⁵⁰ Но так измыслилось верховному уму.
Безумством было бы противиться Ему.

С и м

Почто, творя людей, Господь такого шага
Не сделал, чтоб внушить их мыслям только благо,
Чтоб никакой не мог явиться лиходей?

Н о й

Свободной волею Бог наделил людей,
Дал право выбора — служить добру иль худу,
И вот — черед держать ответ земному люду,
Суду бесстрастному сегодня предстоит,
И — наказание назначил судия.
¹³⁶⁰ Не виноват Господь: он лишь назначил сроки
Нести ответственность за мерзкие пороки.

И а ф е т

К спасенью — гибнущим закрыты ли пути?

Н о й

В последний может миг раскаянье придти,
Однако же греха великая отрава
На снисхождение их уже лишила права.

С и м

Бог не простит ли всех в последний самый миг?

Н о й

Сей грозный приговор не зря людей настиг;
Столь долго медлил Бог и взвешивал недаром,

Чему предать людей — прощенью или карам,
1370 Вполне заслуженным. Перед лицом Небес
Еще могло Добро явить противовес
Лижущему Злу, — но в нем иссякла сила,
Возобладало Зло, живущих победило,
И человечество, греховное давно,
Бесповоротно днес на смерть осуждено.

С и м

Как сможешь ты узнать, что осушились страны?

Н о й

На то послужат нам и голуби, и врапы.

Й а ф е т

Полна различных чуд морская широта.
Как выдержит ковчег удар хвоста кита,
1380 Коль с оним встретиться придется, предположим!

Н о й

Бояться ли тому, кто под призором Божьим?
Пусть целый адский флот замыслил бы набег
Из царства демонов: неуязвим ковчег,
Божественный корабль не сгинет, не потонет,
И сам Левиафан нас в плаванье не тронет.

Х о р

Спеши, о праотец! Решимости полны
Богопротивные Енаковы сыны
Поджечь кедровый бор, стоит ковчег в котором,
Чтоб вслед за тем золу развеять по просторам,
1390 Работу сотни лет под корень извести.
Что медлишь ты? Закат уже пришел почти.

Ступай же! От сего мы провожаем берега
С молитвами тебя в надежный трюм ковчега.

Хор ангельской стражи.

I. Песнь:

Господь, надежно сохрани
Сих праведных — в грядущи дни,
Блюди Адамовы побег
Средь волн сокрытыми в ковчеге.
Отныне пусть радеет Ной
О дикой твари и ручной,
¹⁴⁰⁰ В том будут родичи полезны.
Тебе послушен пламень бездны.
И сократить способен Ты
Срок этой долгой маеты
Средь гибельной стихии водной.
Пусть не созреет плод негодный
На рода нового стволе,
Когда пристанет Ной к земле,
Узрев, что мир водой не залит,
И Господа сей муж восхвалит.

I. Ответная песнь:

¹⁴¹⁰ Ковчег окажется открыт,
И Ной молитву сотворит
Уже на суше, — благодарный,
Воздвигнет жертвенник алтарный,
Будь, жертва праотца, чиста
От птицы чистой и скота
Во всесожжење приносима.
Вняв запах жертвенного дыма,
Достигшего небесных врат,
Ты, споров окончанью рад,

¹⁴²⁰ Земным пообещаешь людям
Столь беспощадным правосудьем
В грядущей череде годов
Не пресекать живых родов,
Сколь племена б ни одичали.
Ной, укроти свои печали.

II. Песнь:

Бог станет Ноеву семью
В новоподаренном краю,
Как пастырь, содержать в заботе;
Он воспретит вкушенье плоти:
¹⁴³⁰ Никто не смеет крови есть,
Тем самым призывая месть,
Убийства жажду порождая
И Господу не угождая.
Да будет людям речено:
Проливший кровь — творит пятно,
Что только кровью будет смыто.
Сие да станет всем открыто,
Кто носит мысль о мятеже.
И пусть вовек никто уже
¹⁴⁴⁰ Себя не осквернит столь дико
Из тех, в ком отблеск Божья лика.

II. Ответная песнь:

И, подтвердя сии слова
Священной волей Божества,
Встань, радуга, под небосводом
Великим знаком всем народам;
Будь, как огромный лук, туга,
Великолепная дуга!
В ней красок будь подбор немалый —
От синей до пурпурно-алой,

¹⁴⁵⁰ Цвет синий — это знак воды,
 Цвет алый — знак иной беды,
 Ее ничто не отодвинет,
 Се — огонь, которого не минет
 Все человечество, когда
 День встанет Страшного Суда,
 Словам блаженного Еноха ⁴⁶
 Да внемлет новая эпоха.

Семейство Ноево в плавучий входит дом,
 Столетним созданный отеческим трудом,
¹⁴⁶⁰ За праотцем вослед, мир позабыв развратный,
 И твердо ведая: дороги нет обратной.
 Архангел-судия спустился, Уриил,
 С пылающим мечом. Он плотно затворил
 Ковчег на семь замков. Внесенное высоко,
 Воззрилось на ковчег недремлющее око.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Урания, Ахиман, Архипастырь,
 Гофмейстер.

Урания

Когорта шла на штурм, но нет вестей о ней.
 Ужель проигран бой? Ни ржания коней
 Не слышно вдалеке, ни барабанной дробы:
 Пусть бы изжарились в ковчеговой утробе
¹⁴⁷⁰ Кто затворился в ней, трусливо скоронясь.
 Не вышло! Горестный, сюда подходит князь.

Ахиман

Дичь заловить сию — задача непростая.
 Ни с чем бредет назад понурых ловчих стая, —
 Как быстро в них, увы, дух боевой угас!
 Кто мог предположить! О, кто-то предал нас,

Дал старикашке знать, и он, проклятый, словно
Назло — убрался внутрь. Не возгорелись бревна
Ковчега, сколь огнем их не пытали мы.

У р а н и я

Коль факел не спалил дощатой сей тюрьмы,
¹⁴⁸⁰ Коль срам — хвосту лисы и даже львиным лапам,
К чему не взяли вы сей крепости пахраном?

А х и м а н

Был полон призраков, увы, кедровой бор.
Сынам Енаковым везде давал отпор
Какой-то мощный Дух, грозя из дикой пущи
Мечом пылающим. Сей ужас вездесущий
Для исполинов был страшней беды любой.
Смятенные бойцы идти не в силах в бой.
Так мы бежали прочь: не колдовство, так скоро б
Пылали бы и лес, и окаянный короб.

У р а н и я

¹⁴⁹⁰ Терпенье, господин: мы скоро огомстим,
Сколь ни велик ущерб — однако возместим,
На женщин клевету взводить нельзя задаром,
Есть мудрость, чтоб не вмиг обречь безумца карам.

А х и м а н

Кто это, бледный столь, мне видится вон там?
Мню, будто смерть за ним топочет по пятам.
То, кажется, гонец: он горячит верблюда,
Спеша сюда. Опять случилось где-то худо.
Он загрубил в трубу, летит во весь опор.
Что, Архипастырь?

Архипастырь

Нам уж не хватает гор,
1500 Все переполнены они престонародьем,
Что жило до сих пор по неизменным угодыям.

Урания

Все, стало быть, спаслись?

Архипастырь

Кто гор успел достичь,
А прочие в воде потопли, как кирпич.

Урания

Их гибель местные как допустили власти?

Архипастырь

Не ожидал никто внезапной столь напасти ⁴⁷.
Еще не осознал, что ждет его, народ, —
Как водяной пузырь, небесный лопнул свод,
И начался потоп, уже без проволочек.
Напрасно жители пытаются из бочек
1510 Вязать плоты — куда безумцы поплывут?
Вода пришла свершить свой беспощадный суд.
Плывущие пласты торфяников подмытых
Покрыты толпами раздетых и насытых;
Над бедолагами уж занесен, грозя,
Голодной смерти меч, — и биться с ним нельзя;
Недолго плавать им по пенистым просторам,
Им должно помышлять о смертном часе скором,
Они оглушены потоками дождя
И озираются, нигде не находя
1520 Ни островка земли; уже дубы могучи,
Что сучьями луну царапали сквозь тучи,

С корнями вырваны, плывут со всех сторон
В бушующих волнах, — и ветви гордых крок
Гирляндами людей увешаны: бедняги
На них пытаются спастись от страшной влаги.

А х и м а н

Ты знамений пред тем не видел, плъ примет?

А р х и п а с т ы р ь

Над миром воспылал необычайный свет,
Кометы, факелы, мечи, драконьи пасти
Пылали, небеса грозя разъять на части,
¹⁵³⁰ Тирания ужасом несчастные толпы.
Оцепенение сходило на стопы,
Свист уши заполнял, крепчая постепенно.
О, вот уже сюда ползет морская пена!
Готовьтесь умереть: пришел последний час.

А х и м а н

Русалочье мурло, ты совратила нас!
Ты Ноя прогнала! Дрянь, полная коварства!
О, для чего теперь мне все земное царство,
Власть наша рухнула, и гибель впереди.
Прочь, подлая жена!

У р а н и я

Владыка, пощади,
¹⁵⁴⁰ О да, но да, мне вина, — но ведь еще намерни,
Ты знаешь, в Ноевы никто не верил бредни!
Куда бежать, куда? Последний миг настал.

А х и м а н

Зри, пламя серное верхи взрывает скал.
Во исполнение Господнего приказа

Готов обрушиться, треща, хребет Кавказа;
 Вошь женщин и князей, обвала грозный зык —
 Предвестники того, что грянет через миг.

Г о ф м е й с т е р

О князь, ты чуешь ли трясенье страховито?
 На пики горные карабкается свита,
¹⁵⁵⁰ Мнят — скальная спасти их может вышина
 От скорой гибели, но всюду — смерть одна.

А х и м а н

Напрасно: к молнийным они стремятся жалам.

Г о ф м е й с т е р

Иль к горцам попадут, известным каннибалам,
 Постящимся давно: того не миновать,
 Что смогут дикари еще пощировать,
 Плоть женскую иным предпочитая блюдам.

У р а н и я

Что делать? Плыть куда? Спаситься — которым
 чудом?
 Что делать? Плыть куда? Все сгублено дождем.

А х и м а н

О, кто сей грозный Дух? Немедля ниц надем.

У р и и л, У р а н и я, А х и м а н, Х о р.

У р и и л

¹⁵⁶⁰ Пред вами — Уриил, несущий меч Господен,
 Архангел-судия, с которым спор бесплоден;
 За преступление кто в далекие лета
 Адаму затворил эдемские врата.

У р а н н я

О, нас впусти в ковчег, о, накажи построже!

У р и л

Для вас ковчег закрыт, и милость Божья тоже.

У р а н н я

Спаси и пощади!

У р и л

Слезами не помочь.

Вам должно умереть. Теперь ступайте прочь.

Но, кто пред гибелью раскается неложно,

По смерти Божий гнев тот умягчит, возможно.

Х о р

¹⁵⁷⁰ Кто благодать Божию сравнит, и Божью власть —
Тот повод обретет к стопам Его припасть.
Спаситель чаемый сойдет к земному роду
И душам горестным провозвестит свободу.
Провозвестит, что мрак узилниц — не навек,
Тогда воздвигнется для оных душ ковчег,
Прообраз нового, незыблемого храма,
Средь бурных вод морских всегда плывущий
прямо;

Тогда омоет всех единая купель

От мерзости грехов, накопленных досель.

¹⁵⁸⁰ И всякий Господа прославил и увидит,
И чудо благодати Господней к миру снидет.

ПИСЬМО К ИОАХИМУ АУДАНУ

Благосклонный ученый и пронизательный друг, я прочитал Ваши замечания к труду опочившего¹ и почитаю за благо оставить их в стороне ввиду кончины автора. Словесным пререканиям не место перед лицом смерти. Что же касается моей трагедии о Ное: Ваша Честь изволила оценить ее весьма высоко. *Naud equidem tali me dignor honore*². Я полагаю великою честью для себя, что Вы проявили благосклонность и с толковым тщанием рассмотрели трагедию и явили о ней суждение. Ваше мнение о Ламехе не представляется мне лишенным основания, это и меня также смущало и останавливало, однако различные ученые богословы все же рассматривают Ламеха в четвертой главе Моисеева Бытия и Ламеха в пятой главе той же книги как одно и то же лицо: того, кто обнимал двух женщин одновременно, и того, кто «убил мужа» Каина, как свидетельствует Предание, хотя и не Писание; отчего же я взял на себя смелость произносить греческие имена в еврейской истории, изъясняя: таковое своеволие заимствовано мною у Бьюкенена, который именует мать дочери Иевфая Сторге, по-гречески *στυγή*, или же Чадолюбие, — чем совесть свою упомянутый Бьюкенен не чувствовал нималоотяченной. Мою Уранию³ произвел я от слова «ур», что означает «огонь», и ничего общего с греческим не имеет.

Вам было угодно указать мне на серьезное и значительное различие в наших теологических позициях. Но ежели Иисус Христос есть тот центр, вокруг коего обращаются Небо и Земля и все иные вещи, то не надлежит и нам иметь разногласия. *Statuit supra petram pedes meos*⁴. Эта каменная скала — Христос, а

что касается до церкви, то она — Столп и Утверждение Истины. О Христе же речет голос из облаков: «Внемлите Ему». О Церкви же говорит сам Христос: «А если и церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь». Так вручены Христу и церкви единая власть и справедливость в вере, и верующие связаны сими речениями, пред коими я добровольно и послушно склоняюсь.

Мишель де Монтень, рыцарь Св. Михаила, ученый человек и остро мыслящий скептик, оракул при почтенном стольнике Хофте, мудро и справедливо указал на причину такового разброда в умонастроениях и суждениях. Он именует надменность человеческого ума Нимродом, который тщится вознести свою постройку к звездам, дабы завоевать Небеса, но за работою своею претерпевает рассеяние из-за различия в наречиях и человеческих натурах. *Perdam sapientiam sapientium, et prudentiam prudentium reprobo*⁵. От сего высокомерия человеческого разума, проявляемого каждый раз особым образом, происходит наказание разделением, и каждый начинает глаголать своим особым языком. Об этом повествуют целые штабели книг, из этого происходят столь воинственные расхождения и взаимные атаки. Каждый тащит свою собственную находку на алтарь, поклоняется и молится ей, словно идолу. Такая путаница происходит от различия умонастроений, лишения упорядоченности, и это урок нам в том, что нет ничего вечного, кроме того, что сам Господь раз и навсегда прочно установил: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»⁶.

Мой возраст достиг ныне восьмидесятого года, и, ежедневно созерцая смерть и гробовое преддверие, пытаюсь я вооружиться супротив мрачности могилы и

тления посредством соверщения души и тела во времена, последующие за земною жизнью. Упомянутый Монтень утверждает, что нет ничего подлинного, кроме света Господней благодати и Истины, нам открытых. Он потрудился, дабы показать нам, как все писатели, даже Пифагор и Платон, понапрасну тщались доказать бессмертную сущность души и в конце концов ничего не доказали; таковое доказательство не выведено никем из догматиков, сколь бы ни были многоглаголивны их рассуждения: в противовес всему этому восставляю я ныне мое спокойствие и веру нелижвому Провозвестнику Истины, говорящему: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне». Что же до тела, то мне верится, что смертное сие причастится бессмертия, и смерть будет побеждена. В этом чаянии пребываю я и желаю нам каждому неколебимо стоять на своем.

У моего издателя случилось мне видеть Ваш высокоученый труд⁸, коему цена была определена в разменной монете, также и великолепные иллюстрации к мыслям Аудана. Мне отнюдь не было бы неприятно сейчас заняться изысканиями и пожинать плоды мудрости, однако преклонные годы заставляют проходить мимо множества вещей, и познание всего и вся остается в нашей жизни трудом, не знающим завершения. Мы стремимся к совершенству, которым Вышний да удостоит и Вас и меня, и да помилует нас, покуда же я остаюсь

Всегда готовый к услугам Ваш друг

И. ван Вондел.

В Амстердаме

3 августа 1667 года.

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА ГЕЗОВ,
ИЛИ ОТХОДНАЯ
ДЛЯ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ СУДЕЙ

I

Он отчизну для того ли
В сердце нес,
Чтобы согнуть в сей юдоли,
Словно пес,
Чтобы, вражескую злобу
Не смягча,
Напитать собой утробу
Палача?

II

Что ж досель палач в почете?
¹⁰ Где ответ?
Зрите: кровь на эшафоте
Воиет.
Пусть лжецы, многоглаголя,
Строят ков —
Он не принял ни пистоля
От врагов!

III

Тот, кто вырвал меч из пожен
Роковой,
Ничче скорбен и встревожен,
Сам не 'свой.
Оп самим собой оплеван
Навсегда,
Плачет: мол, сгореть готов он
Со стыда.

IV

Он раскаянием дышит
В этот миг.
Сон убийцам не утешит
Духовник.
Ибо знает Неподкупный
³⁰ Их дела.
Не отмыть души преступной
Добела.

V

З а к л ю ч е н и е

Совесь их не зря пророчит
По ночам.
Червь бессонный сердце точит
Палачам.
Пусть провидит кару божью
Каждый вор,
Кто признал скрепленный ложью
⁴⁰ Приговор!

ПОХВАЛА МОРЕХОДСТВУ

посвященная блавородному, премногоуважаемому, строгому, мужественному, мудрому и проворливому господину Лаврентию Реалу, попечителю и единовластному повелителю Ост-Индии.

Все те, кто облечен умением чрезвычайным
С кошачьей ловкостью карабкаться по райнам¹;
Морские призраки, кому покорна снасть,
Тефидой сызмальства² баюкаемы власть;
Честная гильдия при колпаке и робе,
Чьей лишь приливный дух пользителен утробе;
Седые кормчие, из коих ни один
Тугому ложу волн не предпочтет перин,
Но отдыхает кто, пассат впивая свежий,
¹⁰ Заякориваясь у чуждых побережий;
Вы, кто за много лет просолены рапой,
Ведущие суда испытанной тропой, —
Над парусом моим примите руководство,
Над замыслом воспеть благое Мореходство!
И пусть Лаврентий³ нам напутствие пошлет
(Не тот, что древле был изжарен, — нет, но тот,
•Что в Индии теперь наместником), — и силу
Ветрам попутным даст, и прочность даст кормилу,
Благословенцем в пути поможет нам
²⁰ Счастливо проскользить по хлябям и волнам.

Кого древнейшими почеть из мореходов —
Об этом длится спор среди множества народов,
Однако истина в веках сокрыта мглой:
Сугубо Греция гордится похвалой
Язону, Тифию⁴ — всем аргонавтам славным,
Что обессмертились походом мореплавающим

- ⁶⁰ И будут таковой служить вовек веков.
Как бы то ни было — оставим тему эту,
Ко главному пора нам перейти предмету.
Легко ли описать, сколь с мифом схожа быль,
Когда, придя на верфь, узришь: заложен киль,
Вокруг воздвигнуты леса высокорослы,
Здесь топоры стучат, а там грохочут теслы,
И вверх, где до сих пор зияла пустота,
Шпангоуты ¹¹ растут, как ребра из хребта,
Чтоб разойтись, и вновь, с изящностью разумной,
⁷⁰ Сомкнувшись, довершить охват громады трюмной.
Вот корпус корабля почти уже готов,
Сверкают медь и сталь изогнутых бортов,
И доски корабля впитать не могут боле,
Чем впитано уже смолы и канифоли.
Быстрее, чем я пишу, корабль, чаруя взор,
Растет, как цитадель, вернее — как собор,
Противостав богам ¹², страшась, что ныне
Титаны новые, творимые твердыни,
От семени людей возросшие враги,
⁸⁰ Вот-вот с Юпитера потребуют долги
За кровь давнишнюю, придавленную Этной,
За то, что трон отца поверг древнезаветный.
Спрошу однако же: а исполины где,
Что смогли б сию махину свести к воде?
В деянии таком предполагать победу
Еще уместно бы, пожалуй, Архимеду.
Здесь нужен бы Атлант, иль новый Геркулес,
Кто на плечах держать способен свод небес!
Утишься, род людской! Смирись, признайся проще:
⁹⁰ На действие сие тебе не хватит мощи!
Однако нет! Народ, не слушая меня,
Титана катит, как Троянского коня,
Громада движется, и вот, творцам в утеху,

Со стапелей летит, в воде прорвав прореху.
 Встревожен бог морской: со дна, изглубока,
 Качает тростником густого парика,
 И в синеве бурчит: Ничтожные людипки!
 Вам покажу ужо, как богу ставить шишки!
 За Схевелинг ваш флот¹³ пусть выплывет скорей.
 Дорида там живет¹⁴ среди юных дочерей,
 А я засну пока в тиши, в придонном иле,
 Куда меня, увы, плотины оттеснили.
 Корабль на воду встал, и совершенства в нем,
 Творимые людьми, все краше день за днем:
 Сперва рангоуту черед, а следом — вантам¹⁵,
 Растет над марсом марс¹⁶, как будто над гигантом
 Встал колоколен ряд, как будто род людской
 С них мыслит обозреть подвластный край морской.
 Вдали сыскать Олимп, слывающий необорным, —
¹¹⁰ Да вострепещет Марс пред марсом рукотворным!
 Вот — исполни готов. Так встань на рей,
 смелей

Пред анфиладою могучих кораблей!
 О сколько флагов здесь глядит с высоких стен¹⁷!
 Расцветок фейерверк узри, иноплеменник:
 Здесь пурпур, киноварь, лазурь и серебро,
 Здесь весело очам, отрадно и пестро,
 Гербы и вымпелы овецествовали грезу:
 Да, здесь геральдика пришла к апофеозу!
 На синем — Саламандр. Льву — придан красный
 фон.

¹²⁰ Здесь — воспарил Орел, там — возлетел Гриффон,
 Златоочитый хвост Павлин Юноны вскинул,
 И Белый Голубь здесь, — когда потоп отхлынул,
 Он ветвь масличную доставил на ковчег,
 И с пей на вымпеле запечатлен навек.
 Я зрю Меркурия, Персея и Пегаса,

Морского чуднища вон там грозит гримаса,
Что деву сторожит, скорбящую в плену;
Зрю полный Зодиак, зрю Солнце и Луну,
Сплетаются ветра над синею равниной,

¹³⁰ И, беззаботствуя, полощут парусиной.
С каким изяществом — корабль возьми любой —
Обшивка галерей ¹⁸ украшена резьбой!
Но, корабельщики! Вы что ж, не христиане?
Иль спяну сей красой кичитесь в океане?
Пусть море вас дарит богатством чересчур,
Так нужно ль, чтоб его растратил самодур?
За нечто сходное был древле Тир наказан.
Но — проповедовать пиита не обязан.
Творенье дивное! Меня к тебе влечет!

¹⁴⁰ Невеста сей страны, княгиня наших вод!
Пленясь красой твоей бесценной днадимы,
Почуял сам Нептун страданья нестерпимы;
Киприда, мнится мне, в тебе воплощена —
На створке устричной когда спешит она
К себе на Кипр, — скользит, прещедро брызги
мещет,

Любовью пламеня все то, что в море плещет.

Тот, кто взойдет на борт, с восторгом там
узрит

Бизань, и фок, и грот, и битенг ¹⁹, и бугшприт,
И клюзы в палубе — просветы для отдачи

¹⁵⁰ Каната с якорем, коль их назвать иначе;
Баталерский отсек; поварню, где всегда ²⁰
На весь дубовый дом готовится еда;
Вот — готлинги ²¹, а вот — чудовищное дуло
Страшилища войны, литого картаула ²²;
Вот — ядра тяжкие, вот — склад пороховой,
Что мог бы Цербера вогнать в предсмертный вой;
Вот — кубрик, шканцы — вот; а далее — каюта,

В которой рулевой живет не без уюта;
 Вот, наконец, и трюм. Восклинешь ты: Моряк!
 160 Бевумец, как нырнешь ты в сей стигийский
 мрак ²³?

Там вечной ночи край, в котором все незримо,
 Там легче заплутать, чем в катакомбах Рима,
 Там — полюс северный! Ты просто глуп и слеп,
 Коль хочешь лезть туда, в подводный сей вертеп!
 Все жито герцогства сюда сгрузи — неполным
 Сей трюм окажется. Скупец вручает волнам
 Свое имущество, — пусть весел, пусть утрюм,
 Он дома — плотию, но духом — втиснут в трюм.

Вот — выстроились в ряд ответственные
 лица,

170 Те, с кем к венцу сия отбудет молодлица:
 Вот — полномочный клерк ²⁴, он фрахта главный
 страж;
 Вот — шкипер, штурман — вот; в расчете на
 примаж ²⁵

Усердные вдвойне; баталер, боцман, плотник,
 Цирюльняк, канонир, пригитерсный работник ²⁶,
 Парусовщик, профос ²⁷ (при надобе — палач),
 Блюститель бранных тел, а проще молвить — врач,
 И, наконец, назвать необходимо кока,
 Что стряпает на всех, не нарушая срока.

Матросов сотня здесь, и даже не одна,
 180 Штандарт — другой солдат, коль в них нужда
 видна;

Поварня ломится от всякого припаса;
 Тут лабардан, крупа и вяленое мясо;
 Гороха, сухарей довольно взято впрок;
 Все боцман уплетет, что ни сготовит кок.
 И не чета ему столичные обжоры,
 Что до еды блудут три дня голодной форы.

Обычай заведен на судне испокон
Порядку следовать и уважать закон;
Тому, кто совершит поступок нецелесообразный —
¹⁹⁰ Покражу, драку, брань, — грозит устав судебный,
И виноватому воздастся по делам:
Накажут поркою, присудят к кандалам,
Привезят на нок-рей, насильственно купай²⁸,
Под килем проведут²⁹, лишат в добыче пая.
У всех, кто трудится, — законный кров и стол.
Еда — четырежды. На шестерых — котел.
Здесь время вахтами и звоном склянок числят.
Глупец, кто сей уклад несовершенным мыслит.
Так что напомним нам — мы спросим наконец —
²⁰⁰ Могучий сей корабль? — Лишь княжеский дворец,
Воздвигнутый на страх надменным супостатам,
Сверкающий резьбой, и мрамором, и золотом,
Где на любом шагу — ступени, тайники,
Чьи погребца темны, чьи залы высоки,
Чьи балки в росписях, а вид дозорных башен
Для ока пришлеца и радостен, и страшен,
Где ни один слуга не смеет встать с колен,
Завидя, что грядет владыка сюзерен,
Из чьих высоких стен взирают сквозь бойницы
²¹⁰ Тяжелых кулеврин³⁰ ужасные зеницы;
Где спорные дела решаются всегда
По справедливости законопного суда.
Как птица на заре ширяет без усилья,
Готовясь в воздух взмыть, распластанные крылья,
Вот так и мой корабль, чаруя очеса,
На райны высоко возносит паруса,
Дубовый исполин неспешно спасти гравит
И поперек валов к далекой цели правит;
Так точно, как пловец, раздетый донага,
²²⁰ Едва оглянется назад, на берега,

Всю мощь и ног и рук тугим даруя водам, —
Так в плаванье корабль стремится полным ходом.
Вот голубь, кажется, восщебетал вдали;
Трикраты слышен клик: «Салют, констапель³¹!

Пли!»

Далекий зов рожка — и раздается эхом
Глухих рыданий звук, смешавшийся со смехом.

Нет, в море никакой не высветит Фарос³²

Всех тех опасностей, которые матрос
В минуту грозную обязан грудью встретить,
²³⁰ Чтоб их преодолеть, чтоб доблестно ответить
На бешенство стихий. Он говорит не зря,
Что знает наизусть все звезды, все моря
И все побережья. Сколь много 'саг изустных
Возможно бы собрать о кормщиках искусных, —
Как тот или иной счастливый путь сыскал
Средь грозных отмелей и смертоносных скал.
Все ужасы Харибд, все Сцилл водовороты,
Пучины жуткие, в которых тонут лоты,
Буруны пенные — дурных вестей гонцы,
²⁴⁰ Слепые отмели, надводные гольцы,
Ветра, сулящие в пути одно лишь худо,
Чрезмерная жара и тягостная студа,
Мгла, непрозрачная для самых зорких глаз,
Тоска полночная — «собачьей вахты» час³³,
Шуршанье тяжких волн среди пустой равнины,
Их вечный переплеск — и хрупкость древесины,
Которой моряки вручили жизнь свою;
Томление по тем, кто ждет в родном крае
С детьми и женами прискорбная разлука,
²⁵⁰ Рутинная странствия, безмерная докука,
Подгнивший такелаж, подпорченность харчей,
Болезни, множество неожиданных мелочей,
Тайфуны, наконец, угроза флибустьеров —

Все, что растет в умах до сказочных размеров.

Однако — небосклон уже все мене хмур,

И роздых нам сулит учтивый Палинур ³⁴:

Встречает ныне тех, кто морю бросил вызов,

Страна смиренных волн и благодатных бризов.

Убавя паруса, ослабив грота-шкот ³⁵,

²⁶⁰ Отрадно созерцать форштевня гордый взлет,

Покуда Гелиос, сверкнув прощальным взглядом,

Уступит Небеса блистательным Плеядам.

Весь небосклон — в звездах. Бездействует штурвал.

Обвисли паруса. Корабль заштилелвал.

Но буря, зародясь у скал, в прибрежной пене,

Уже приблизилась, и в небе звезд все мене.

И порохи опять плодятся над водой;

Весь океан укрыт туманною грядой,

Нesia и шторм, и хлад, и град, и дождь, и выюгу,

²⁷⁰ Востоку — Запад враг, враждебен Север — Югу,

Зефира Эвр на бой, безумствуя, зовет,

Точит слезу Борей. Рыдает грозный Нот ³⁶.

Прибой, обрушившись на Сирты ³⁷ и на мели,

Язвит побережия чем доле, тем тяжеле;

Эола истерзав ³⁸, первичный Хаос путь

Изыскивает, чтоб весь мир в себя вернуть,

Но тою же Эол ему монетой платит;

С приливом спорит вихрь, и волн громады катит.

Но какова судьба, скажите, корабля,

²⁸⁰ Что ввергнут смерти в пасть, разверстую, бурля?

Он сбережен сухим: стараньями матросов,

Уборкой парусов, работою насосов;

Корабль в опасности уже со всех сторон,

И мнится — сам Нерей ³⁹ вот-вот утратит трон;

Вот — мачтою корабль прокалывает тучи,

Тотчас же — прямо в ад несется с водной кручи,

Страх перед бездною людей обьял сейчас;

Лжет рулевому руль, а штурману — компас.
Смолкают музы здесь. Вот так во гнев яром
²⁹⁰ Случается восстать турецким янычарам,
Вскипеть, вареветь, вароптать, возжаждать всей
душой

Кровавый самосуд устроить над пашой.
Но гнев морских богов смирить, спасенья ради,
Умеет Тифий мой ⁴⁰, простившись с частью кладя;
Он мачт не пощадит, когда велит нужда;
Все лишнее пожрет пусть алчная вода.
В снастях он слышит вой ветров, лихих и шальных,
Ни солнца он не зрит, ни маяка на скалах,
Лишь изредка ему, как грозный знак, блеснет
³⁰⁰ Перун Юпитера чрез темный небосвод;
Вот утро, наконец, невзрачное настало,
И тот, кто уцелел, глядит вокруг устало.
Безжалостна судьба: разгул ночных часов
Не уберег ни рей, ни мачт, ни парусов;
На скалах, на песке спасенные созданья
Дрожат в отчаянье и страждут состраданья;
В волнах скользит доска, лежат вповал на ней
Кто мертвый, кто живой — полуживой, точней;
Другие, обрета последнюю отвагу,
³¹⁰ Из шлюпки яростно вычерпывают влагу,
И тщетным выстрелом доносит вдаль мушкет
Мольбу о помощи — спасенья в море нет.
Не чудо ли, Протей ⁴¹, что эти люди ныне
Еще не сгнули в разгневанной пучине?

Не меньше ужасов, коль скоро мой пинас
То к небу, то к земле свершает страшный пляс,
Готовит якоря, но встать на них не может;
Скалистый брег, явясь, гребцов обезнадежит,
И Кавр ⁴² безжалостный, воспряв из глубины,
³²⁰ Их в пене погребет вспружиненной волны.

И день, и два, и три пучины полны гнева,
Измученная снасть дымит от перегрева⁴³,
И загорается, и рвется, будто нить:
Не сплеснить бедную, и нечем заменить.
Чтоб упредить сию беду хотя отчасти,
Потребно отдых дать переслужившей снасти:
По палубе разнести, терпя любой ценой
Опасность гибели, влекомую волной.

Вот эти одолеть стихий недоброхотства —
³³⁰ И есть важнейшая заслуга Мореходства:
Уместно доблестных ее побед венцу
Пенфесилее⁴⁴ бы самой пойти к лицу,
Кто, войска во главе, своим одним лишь видом
Внушала должный страх властительным
Атридам⁴⁵,

Кто, луновидному циту благодаря,
Существенный урон дорийцам сотворя,
Доподлинную всем свою явила силу —
Дерзнула бросить ключ всемогущему Ахиллу!
Но знает Океан и отдыха часы,

³⁴⁰ Позволив дочерям себе чесать власы.
На корабле — досуг: затея, песни, шутки,
Сердца возвеселит игра моряцкой дудки,
И солнцем ублажить теперь пора себя,
Тому подобно, как, по Кейку скорбя,
У Алкионы⁴⁶ есть на берегу забота
Почистить перышки, готовясь для полета,
И вдаль к супругу мчать: так повелось с тех пор.
Как им отчиною воздушный стал простор.
Владеет множеством искусств моряк бывалый,
⁵⁰ К примеру, тяжкий рей брасопить⁴⁷ силой малой,
Иль сделать должный галс, иль фордевинд кормой
Умело уловить, — а под ночью тьмой,
От кой, кажется, никто не сыщет спасу, —

Свой курс препоручить надежному компасу.
Лилея целится⁴⁸, Арктур держа в влду,
С мечтой облобызать Полярную звезду.
О привлекательность чудесного магнита!
Божественная власть в тебе и тайна скрыта:
Поведай мне, прибор, почто стрела твоя
Всегда устремлена в полночные края,
Томима сотпи лет соблазном неизвестным,
Влекума лишь к одним Медведицам Небесным!
Колени преклоним пред истой лепотой
Счисления светил, наукою златой,
Что позволяет путь среди коварных хлябей
Исчислить с помощью прекрасных астролябий,
Доподлинно узнать, насколько небосвод⁴⁹
Своей серединою восстал из дольних вод,
Иль, небольшую дань пожертвовав старанью,
Павлина отыскать над неба южной графью,
Там, где Возничего столь высоко взнесло,
Что он язвит главой лебяжее крыло⁵⁰.
При вспоможеньи сих созвездий путеводных
Курс проложить легко во всех просторах водных.
Гипшарх, Анаксимандр⁵¹ — вас ныне восхваляю:
Вы словно маяки, что светят кораблю,
Атланты, кем ответ охотно подается
На всякий правильный ответ морепроходца;
Здесь Тихо помяну⁵², который возродил,
³⁸⁰ Сатурна огорчив, счисление светил,
Шлифовкой огранил свой несравненный разум
И дал нам звезд чертеж, порой чуть зримых
глазом,
Чтоб ныне Кастор⁵³ мой, средь моря путь держа,
Провел его прямым, как лезвие ножа.
Вот — ученик его⁵⁴, кто, правда, не пирожных
Творец, но дивных карт, орудий всевозможных,

Средь коих — глобусы, чудесные шары,
Столь верные, что нам никто до сей поры
Подобных не давал, — а также лоций томы,
³⁹⁰ В которых с точностью неслыханной рекомы
Морские отмели, скалистые брега —
Все то, что в моряке зрит вечного врага.
Дубовый замок мой, на Пафосе загрузеж⁵⁵
(Чтоб фрахт его свезти — большой обоз бы
нужен),

Сегодня якоря подняв из кипрских вод,
До устья нильского на завтра досягнет,
В Партенопейский край⁵⁶ придет, заверить смею,
Где пели некогда сирены Одиссею,
И беспрепятственно могли бы корабли,
⁴⁰⁰ Восход узрев сто раз, пройти вокруг Земли⁵⁷.
Так мчится мой Пегас, вовеки не устанет,
Где птицы прочие лишь крыльями табанят⁵⁸!

Но слышу жалобу: покуда плыл ковчег,
Иссяк и затонул златой, счастливый век,
Железный век настал. Явилась Алчность миру,
Ввела «мое», «твое» и вознесла секиру,
И кинула полям, плода кровавый гнев,
Драконовых зубов чудовищный посев.

Урок невозместим поправным Правосудьем,
⁴¹⁰ Защиты у него искать невместно людям,
Всяк ладит свой забор, доверья нет ни в ком,
Над живорыбным всяк своим дрожит садком.

Да, выкинуть за борт, пожалуй бы, не худо
Исчадье оногo всемерзостного блуда:

Да сгинет навсегда сей выродок презлой!

Нет места жалости! Долой его, долой!

Скитайтесь по любим, известным вам, просторам,

Но будьте верными делам и уговорам,

Блюда Христов закон, искореняйте лжу,

- ⁴²⁰ Ничем потворствовать не смейте грабежу,
 Прославьтесь честностью! Не зря Эол-владыка,
 Чтоб каждому приплась известная толяка,
 Народу ниву дал любому под косьбу,
 Чтоб людям не вступать в ненужную борьбу,
 И чтобы всем и вся был ясный принцип вedom:
 Сколь неудобно жить, рассорившись с соседом,
 И что любой надел — всех прочих только часть,
 Что тела член, решив от всех иных отнасть,
 Чинит себе же вред. Но, если цели благи,
- ⁴³⁰ К которым корабли спешат по синей влаге,
 Благословение, о Господи, низлей
 На них, как на браду священника елей⁵⁹;
 По слову моему прослався, Мореходство!
 Пусть будет образ твой символом превосходства
 Поставлен в море, там, где в Тессел⁶⁰ бьют валы,
 И штевни где всегда от пены волн белы.
 Там да воздвигнется осьмое чудо света!
 Пусть будет статуя по-княжески одета,
 В короне пусть брильянт пылает, как свеча,
- ⁴⁴⁰ На золото не след скупиться для плаща,
 Корсаж из бархата, в кораллах и рубинах,
 Зеленым будет пусть, как цвет воды в глубинах,
 Пусть, будто Флотовождь, стоит сей образ так:
 Зажав в деснице жезл, а в шуйце — флотский
 флаг.
- Воззрятся на него, воспрям со дна со вздохом,
 Морские божества, поросши древним мохом,
 Се — покровители саморазличных стран,
 Кому прибрежный край, иль выход к морю дан.
 Там — зрю Венецию, помолвлену с волнами,
- ⁴⁵⁰ Престольный Лондон зрю, соседствующий с нами,
 И гордый Лиссабон, и занятой Марсель,
 И Амстердам, чей блеск неоспорим досель,

И хлебный Данциг зрю, — а вот, по воле Божьей,
Грядут и мавры к нам, сверкая черной кожей,
Кумиру моему воздать по праву честь,
На паруса его глаза горе возвесть.

Земля — поблизости ⁶¹. Вот — лоцманские боты
Спешат избавить нас от 'страха и заботы,
Умело в порт введя, — и вот, как всякий, раз,
⁴⁶⁰ Тритоны вод морских сопровождают нас.
Вот — крепость Мёйдена ⁶², очам уже открыта, —
Всем главам там глава — наш Хофт-архипиита,
И бог залива, Главк ⁶³, средь волн необорим,
На танец нимф зовет. Беседку Моря зрим ⁶⁴,
Сей рынок христиан, край роскоши уместной,
Где Биржа славная занеслась в простор

небесный, —

И вот уже причал, желанный стол, и вот
Нас амстердамских дев встречает хоровод,
В пагрудных кружевах, без головных уборов,
⁴⁷⁰ Танцуют и поют, даря сияньем взоров.
Двух девочек сюда счастливый рок привел ⁶⁵
Нас танцем усладить и музыкой виол,
Ведь каждая из них — Дианы светлой жрица.
Что ж, якорь отдадим. Пора остановиться.
Здесь должно обрести конец морской тропы,
Здесь к дому Румера ведут меня стопы,
Истерли славный чей порог за многи леты
Ваятели, певцы, художники, поэты.

НА СМЕРТЬ ГОСПОДИНА
КОРНЕЛИСА ПИТЕРСА ХОФТА,

*достоличного члена Совета и бургомистра
широкопрославленного торгового города Амстердама,
блаженно усопшего в первый день 1626 года.*

Пусть не колокола, но пени горожан
Того в последний путь сопровождают, кто вдовам
И сиротам всегда на редкость образцовым
Был покровителем, свой уважая сан.

Пусть мантия того, кто презирал обман,
На клиросе висит свидетельством 'суровым',
Что добродетель чтит своё с господним словом
Единство, а отнюдь не собственный карман.

Рыдай, о Амстердам! Скончался муж, который
10 Всю жизнь был для тебя надежнейшей опорой.
Кем заменить того, чей дом теперь в раю?

И все же, гордый град, гордись, гордись по
праву —

Как некогда Катон умножил Рима славу,
Так благородный Хофт умножил и твою!

НОВАЯ ПЕСНЯ РЕЙНТЬЕ-ЛИСА

На мотив: «Аренд Питер Гейзсп...»

I

Запел пройдоха Рейнчик,
Запел на новый лад:
Уж если есть портвейнчик
В бокалах бесенят,

При них и этот гад.
Почто, прохвост, повесил хвост¹,
Поджал его под зад?

II

Отменнейшею курой
Почтили небеса
¹⁰ Наш Амстердам понурый, —
Ну, чем не чудеса,
И это ль не краса,
И что мудрей, чем власть курей?
Да, ну а что — лиса?

III

Считалась та наседка
За важное лицо:
Златое — и нередко! —
Несла она яйцо.
Народ тянул винцо,
²⁰ Текла река из молока,
Любой жевал мясо.

IV

Но Рейнчик морду лисью
• Решил явить и там,
И тут же двинул рысью
В беспечный Амстердам,
И приступил к трудам;
Созвал народ — и ну орет:
«Я вам совет подам!

V

Не быть бы вскоре худу!
³⁰ Вам всем грозит беда!

Вы что же за паскуду
Пустили в сень гнезда?
Горите со стыда!
Я вас навек, — Рейнтюля рек, —
Спасу, о господа!»

VI

Надзорщик, глухой малый²,
Все выслушал всерьез, —
Он, взор напрягши вялый,
Порой видал свой нос
⁴⁰ И мнил: «Рейнтюля — гёз!»³
«Ты славно скис!» — подумал лис, —
«Закроем же вопрос».

VII

Лис бедной птице глотку
Немедля разорвал
И курью плоть в охотку
Терзал и раздавал,
И люто ликовал,
Народ, как встарь, глодал сухарь,
А Рейнтье — пировал.

VIII

⁶⁰ Но с голоду, поди-ка,
Народ, не залютей;
Деревня взвыла дико:
«О, тысяча смертей
На лисовых детей!
Мы все в беде! Где ж кура, где?
Ни мяса, ни костей!»

IX

Заслышн рев мужичий,
Оскалил Рейнтье пасть:
«Блюдайте свой обычай!
60 Теперь — лисичья власть,
Я править буду власть,
Чтоб мой сынок доспел бы в срок
В начальники попасть!»

X

При сих речах Рейнтьюли
Глаза мужик протер,
И взыл: «Меня надули!
Да это просто вор!
Невиданный позор!
Ох, и задам да по мордам —
70 Пускай не мелет вздор!»

XI

Тогда дошло до дяди,
Что он не ко двору,
И он, спасенья ради,
Убрался подобру:
Залез в свою пору
• И начал пить, чтоб утопить
В вине свою хандру.

XII

Но спрячешься едва ли
На самом дальнем дне:
80 Над ним нужду справляли
Все кобели в стране.
Лис возрыдал к жене,

Она ж ему: «Прилип к дерьму,
Не липни же ко мне».

XIII

Тому, кто лис по крови, —
Не верьте чересчур:
Пусть прячется в дуброве
Стервец, крадущий кур, —
Будь рыж оп или бур;
⁹⁰ Прочь словеса — живет лиса
В любой из лисьих шкур!
Пускай поет колоратуру,
Но поначалу снимет лисью шкуру.

РАЗВРАТНИКИ В КУРЯТНИКЕ

(в сопровождении роммелпота)

*Чтоб нечто лакомое съесть
И в лужу все-таки не сесть.*

Мартен, друг мой и соратник¹,
Начинай свою игру,
К ней слова я подберу,
Растревожу весь курятник.
Есть мотив для песни, друг:
Нынче Кошпену каюк².

Чрезвычайно расторопен,
Из Брабанта он пришел;
Средь полей и нищих сел
¹⁰ Долго пробирался Кошпен,
От испанского меча
Мощно давши стрекача.

Он собранием петушым,
Чуть являсь ему впервой,
Тут же принят был как свой —
С уваженьем и радушьем,
Но в короткий самый срок
Встал он горла поперек.

Все коллеги по насесту
20 Говорили: «Коппец, друг,
Вырвать жала у гадюк
Нынче очень будет к месту!
Обличительную речь
Гордо нам прокураречь!»

Но отвратен Рыдоглазу³
Речи копшеновской пыл;
Сей премудрый возопил:
«Требую унять пролазу!
Мира нам не знать, пока
30 Не спихнем его с шестка!»

Чаще плачут крокодилы⁴,
Чем рыдает Рыдоглаз;
Правда, слезы в этот раз
Не явили должной силы,
Ибо на любом углу
Пели Коппену хвалу.

Коппец, в пении неистов,
Слышен был во всех дворах,
Понуждая пасть во прах
40 Сиплых воронов-папкстов,
Разносилось далеко
Копшеново «ко-ко-ко».

Но печально знаменитый
Петушонок Толстолюб⁵
Стал протестовать взахлеб:
«Нешто я дурак набитый?
Мне ль возвыситься не пора
Знамя птичьего двора?»

Я проквохтать честь по чести
⁵⁰ Все решился петуху⁶,
Что в короне, наверху,
На золотом сидит насесте!
Я, свой пыл не утоля,
Обкудахтаю короля⁷!

Так что горе куролесу,
Словоблуду и хлыщу!
Я хитон с него стащу⁸,
Я ему испорчу мессу!
Я спихну еретика
⁶⁰ Нынче с нашего шестка!»

«Браво! Я вдвоем с тобою!» —
Подпевал ему Кулдык⁹,
Подстрекавший забулдыг —
Недорослей к мордобою,
Чтоб растерзан был толпой
Злоязычный Пивопой¹⁰.

Сброд погром устроил мигом¹¹:
В драке наподобье той
Древле пал Стефан святой¹².
⁷⁰ Но ответил забулдыгам
Комедант¹³: в конце концов
Пристрелил двух наглецов.

Речь взгремела Дудкодуя ¹⁴:
«Громче грянь, моя труба!
Славься, честная борьба!
Голодранцы, пегодуя,
Поведут уже плечом —
Всем покажут, что почему!»

Глядячи на эту кашу,
⁸⁰ Тихоплут растил брюшко ¹⁵:
Жить, подлец, тебе легко,
Только надо ль бить мамашу?
Коль осатанел, со зла
Бей осла или козла.

Коменданту сброд в округе
Прочил скорый самосуд:
Об отмщенье вопиют
Убиенные пьянчуги!
Воздавая им почет,
⁹⁰ Что курятник изречет?

Из побитых забулдыг там
Был один весьма хвалим:
Занялся курятник им:
Забулдыга был эдиктом
Возведен в большой фавор
Святотатцам на позор.

Коменданту петушатней
Был вчинен кровавый иск:
Раздолбать злодея вдрызг ¹⁶!
¹⁰⁰ Нет преступника отвратней!
Горе! Кары не понес
Богомерзкий кровосос!

Петухи орала: «Братцы!
Нас покинул куропа!
Ишь, под клювом-то у нас
Поплодились куроядцы!
Птичню вызволим скорей
Из-под вражьих топгарей!

Злость объяла Кокотушу ¹⁷:
¹¹⁰ «Распознавши гнусный ков,
Истребим еретиков!
Вспорем копшенову тушу!
Никаких сомнений нет:
Он — проклятый куроед!»

Копшен, ярый в равной мере,
Рек: «Не кинь меня в беде,
Боже, в сей курятне, где
Злочестивцы, аки звери,
Правят шабаш, сообща
¹²⁰ На невинных клевета!»

Копшен, полон красноречья,
Проповедовал добром,
Что грешно творить погром,
Наносить грешно увечья, —
И среди пасомых птах
Поутих «кудах-тах-тах».

Но Кулдык молчать не хочет;
«Паства, ты внимать не смей
Чепухе, что этот змей,
¹³⁰ Этот непотребный кочет
Прочит твоему уму:
Мне внимай, а не ему!»

Собирает Жаднус¹⁸ глупый
Всех ломбардских петухов¹⁹:
«Зрите скопище грехов!
Се кудахчут курошцы!
Обуздать давно пора
Сих сквернителей добра!

Вы спихните василиска²⁰
¹⁴⁰ В ядовитую дыру
И ко птичьему двору
Впредь не подпускайте близко;
Он растлит в единый миг
Наших лучших забулдыг!»

Главный Дурень был взволнован²¹
И сказал такую речь:
«Должно клювов не беречь!
Коппен должен быть заклеван,
Раз не в меру языкаст!
¹⁵⁰ Кляйте кто во что горазд!»

Мстит курятник за бесчестье:
«Прочь поди, поганный тать,
Ты, посмевавший кокотать,
Оскорбляя все пасестье!
Разом сгинь, без лишних слов,
Окаянный куролов!»

Не стерпевши клювотычин
И чужих «кукареку»,
Коппен скоро впал в тоску,
¹⁶⁰ Коппен, скорбен, горемычен,
Потеряв навеки честь,
Должен был с насеста слезть.

Он рыдал: «Уйду! Уеду!»
А в курятне петушки,
Задирая гребешки,
Кукарекали победу:
Был безмерно боевит
Их самодовольный вид.

Но, блжстители порядка,
¹⁷⁰ Ждите: Коппена узреть
Вам еще придется впредь,
Распевающего сладно, —
Все восхвалят, веселясь:
«Славься, Коппен, куриный князь!»

Зрите, городские стражи ²²,
Как ликует Толстолоб ²³,
Пресловутый остолоп,
В проповедническом раже:
Он гроизит: пришлет баркас
¹⁸⁰ И на нем потопит вас.

Что курятнику приятней,
Чем мечтам отдаться всласть,
Захватить решивши власть
Над валлонскою курятней, —
Но кричит петух-француз:
«Спрячь, бабуся, пятый туз!»

Знайте, стражи, что негоже
Петухам впадать во грех:
Покашлунить должно всех!
¹⁹⁰ Змей предстанет в новой коже,
Но незыблемо вполне
Благоправье в кашлуе.

Коль петух заплакал — значит
Он кого-то наповал
Непароком заклевал.
Оттого он, аспид, плачет,
Что неслыханно устал:
И клевался, и топтал.

Мартен, яростный рубака,
²⁰⁰ Ритор и головоной,
Подголосок верный мой,
Мартен, певчая макака ²⁴,
Гордо шествуй впереди,
Всех папистов угвозди!

Если, петухи, охота
Перья вам терять в бою,
То терпите песнь мою,
Не хулите роммелшота, —
Не желаю быть в долгу:
²¹⁰ Вы наврете — я налгу.

Рейнтъе, ведь и ты получишь ²⁵¹
Не учи других клевать,
Ибо Коппену плевать,
Что его хулишь и жучишь:
Не притащится тишком
Он с повишным гребешком!

Дурня Главного могу ли
Я в стихе обидеть зря:
Сам себя искостеря,
²²⁰ Пусть в Алжир плывет в кастрюле,
Чтобы дотянуть, дрожа,
До кастрильного ножа!

Что нахохлились сердито?
Что цепляетесь к словам?
Это все поведал вам
Безответственный пиита,
Что потщился, не соврав,
Описать куриный нрав.

Вопросить всего логичней
²³⁰ У апостола Петра ²⁶:
Птичня, бывшая вчера,
Хуже ли новейшей птични ²⁷?
Спорим, Петр-ключарь в ответ
Коротко ответит: «Нет!»

РЕЙН

*Иоганну Волфарду ван Бредероде ¹,
барону де Вианен*

Светлейший Рейн, мечта моя,
Тебя хвалой восславлю новой.
С высоких Альп твоя струя
Артерией материковой
Прыжками пролагает путь.
Дунай, твой брат, с тобой простился,
Решил к востоку повернуть,
А ты — на север устремился.
Снега, туманы, облака
¹⁰ Вас сотворили за века.

Еще Герцинский лес шумел ²,
Служа Германии покровом;
Германцам был сужден удел —
Мужать в смиренни суровом.

Тобою, Рейн, о господин ³,
Сам Тибр поставлен на колени,
Когда великий Константин
С далеких рейнских укреплений
Повел под знаменем своим
²⁰ Войска на развращенный Рим.

И принял ты ярмо Христа,
Твои берега поют осанну.
Вод окрещенных чистота
Бросает вызов Иордану.
Но оказался крест Христов
Неизмеримо легче груза
Высоких цезарских мостов,
И горьких слез под властью Друза ⁴,
И вставших над волной твоей
³⁰ Пятидесяти крепостей.

Ты во Христе неуязвим,
Как золото в пламени горнила.
Пускай бряцаньем боевым
Шум рейнских волн глушил Аттила ⁵,
Невинной кровью христиан ⁶
Он обагрил твое течение,
Убийствами и злобой пьян,
Он грабил каждое селенье, —
В огне дымилась берега,
⁴⁰ Пустели пашни и луга.

Мольбам о мщении Творец
Внимал и твой возвысил жребий —
Сам Карл Великий ⁷, наконец,
От злобных варварских отребий
Сумел очистить берег твой.

Преемник славы Константина,
Он рейнской овладел землей,
Слагая камни воедино, —
И создал сад среди теснин ⁸
⁵⁰ Благочестивый властелин.

О мукомол, о винодел,
О землекоп, градостроитель,
О мастер оружейных дел,
О смелый лодман и воитель,
Бумагоделатель, молю,
Бумагу дай для этой оды,
Горжусь тобой и восхваляю
Твои стремительные воды, —
Так лебедь резвый хмелю рад,
⁶⁰ Вкусная рейнский виноград.

Как радуга, твоя краса
Цветет светло и горделиво,
И кажется, что небеса
Тускнеют перед пей стыдливо.
Пунцовый, синий, белый цвет
Тяжелых гроздий виноградных —
В них каждый город твой одет
Среди садов и вод прохладных, —
Со всех сторон любой приток
⁷⁰ Несет воды тебе глоток.

Вот Майн, холмов лесистых сын,
Вот Мозель, яблоками славный,
Маас, духовный властелин ⁹,
Что с Рейном спор ведет как равный,
И Рур, журчащий в тростниках,
И Неккар, лозами увитый,

И Липпе в пивзких берегах,
Среди дубрав, под их защитой, —
И сотни рек и ручейков
80 В венках из трав и васильков.

Стопами ты коснулся гор
Швейцарских, где сыны свободы
Врагам готовы дать отпор;
Ты руки погружаешь в воды
Морские, где стоит оплот
Земли батавов — остров гордый ¹⁰,
Где героический народ
Разбил гостей незваных орды,
И плещет рейнская волна,
90 Лишь для свободы рождена.

Ты, словно греческий пифон,
В долине завитки раскинув,
Ползешь и лижешь горный склон,
И пьешь из пенистых кувшинов
Потоки мутных, талых вод.
И пухнет от водянки тело
Твое, и множится твой гнет,
Губя все что в полях созрело, —
Ты гложешь камни горных гряд
100 И дол, где зреет виноград.

Когда-то к Альбиону в дом ¹¹
Тянулся ты разверстой пастью,
Теперь заплывшею песком;
Но пыне Лек и Эйсел, к счастью ¹²,
Убыток вдвое возместив,
Тебя ведут к морским просторам,
И сдержан дамбами разлив,

Чтоб под губительным напором
Растаявших весной снегов
110 Не вышел ты из берегов.

Река мерцающих светил¹³,
Бегущая во тьме аркада, —
Нет, это не роскошный Нил,
Не По — Ломбардии отрада.
Нет, это только Рейн золотой,
Где рыбки плещут шаловливо,
И серебристой пестротой
Переливаются игриво,
И по хрустальным небесам
120 В ночи блуждают здесь и там.

Ты утопить, зачекотать
Меня могла, русалка Рейна,
Но как тобой гордится знать¹⁴
И чтит тебя благоговейно.
Ты странам имена дала,
Ты многих рыцарей сманила,
Свершивших славные дела, —
Здесь расцвела их мощь и сила;
Но кровь голландских сыновей
130 Привычна для твоих очей.

Твоей весной мой стих рожден
И в боевых играет горнах, —
Пускай услышу я трезвоп
Твоих колоколов соборных,
Пусть проскользнет моя ладья,
Пусть повернет на гребне вала,
Пусть Кельном налюбуюсь я,
Пусть в Базеле сойду с причала,

Doet van den Vondel

Где спит Эразм, найдя покой
140 Средь суетливости мирской ¹⁵.

Ты в Шпейере глядишь на суд ¹⁶,
Где тянут тяжёбники дело:
Под бременем бумажных груд
Сама Фемида поседела.
Но как ты в Бингене ревешь ¹⁷!
Как полнишь в Нидерландах чаши
Вином, — забыты лезть и ложь,
И беззаботны семьи наши.
Мои черныльницы полны
150 Голубизной твоей волпы.

Но горе! Плачу я в беде ¹⁸,
И плюю проклятья мерзкой твари —
Церковной злобе и вражде,
Кровавой распре государей:
Сын гидры с тысячью голов,
Убийца, адский отравитель
Сладчайших рейнских берегов —
Погибни! Пусть освободитель ¹⁹
Очистит Рейна берега
160 От ненавистного врага.

Как гордо рейнский Лек вскипит ²⁰
У степ Виамена волпою,
Когда наследника родит
Супруга Волфарду-герою,
Вождю Нассауских знамен ²¹.
Пускай хранит наследник правы
И честь, достойную времен
Минувших и отцовской славы.

Пусть расцветет, творя добро,
170 Достойный сын ван Бредеро.

Лелеять будет рейнский Лек,
Покорный нежному влеченью,
Зеленой поросли побег,
Что защитит своею тенью
Мать и прекрасных дочерей.
Так ждут проснувшиеся лозы
Весенних радостных дождей,
И жаждут вешних ливней розы.
Пусть небеса благословят
180 Ту колыбель и этот сад.

СКРЕБНИЦА

Господину Хофту, стольнику Мейдена.

Как, стольник, возросла людского чванства мера,
Что верою себя зовет любая вера!
Религий множество — неужто навсегда?
Неужто не в одной, всеобщей, есть нужда?
Потребны ль господу такие христиане,
Со словом божним не в сердце, а в кармане?
И как не помянуть речение Христа¹
О тех, не сердце кто приблизил, а уста?
Спасителю нужна душа, а не цитата,
10 Что приготовлена всегда у пустосвята;
Подобна братия премерзкая сия
Повапленным гробам², исполненным гнилья.
Был не таков, о нет, отец голландских граждан³,
Кто в качестве главы пародом был возжаждав,
Кто внешнестью благой являл благою суть, —
И вот, после того, как он закончил путь,

- Мы сетуем о нем, скорбя неизмеримо:
Коль с кем-то он сравним — то с консулами Рима,
Что целью числили раденье о стране, —
- ²⁰ Был землепашца труд тогда в большой цене,
А золотой посул из вражьего вертепа
Ценился менее, чем жареная репа ⁴.
Таким его навек запомнил город мой —
С морщинистым лицом, зато с душой прямой.
Как не почтить теперь тебя с печалью жгучей,
Опершийся на трость державы столп могучий!
Уж лучше никогда не вспоминать бы мне
Дни Катилины, дни, сгоревшие в войне ⁵;
Ты посвящал себя служенья доле славной,
- ³⁰ Когда твою главу главарь бесчестил главный ⁶, —
Ты был бострепетен и не щадил трудов,
Спасаячи сирот, изгнанников и вдов.
Ты не искал вовек ни почестей, ни денег,
Не роскоши мирской, а милосердья ленник,
Всем обездоленным заботливый отец —
Зерцало честности, высокий образец!
Вовек ни в кровь, ни в грязь не окунал ты руки,
Ты ни одной мольбы не приравниал к докуке,
С которой мыслию оставил ты людей?
- ⁴⁰ Коль ты глава для всех — то обо всех радей!
Да, мог бы Амстердам себя возвысить вдвое,
Возьми он в герб себе реченье таковое, —
Сим принципом навек прославился бы град,
Поскольку следовать ему дешней стократ,
Чем обладать казной реалов и цехинов, —
Страна бы процвела, преграды опрокинув.
Когда б пам не одну иметь, а много *глав*,
Испанцам убежать осталось бы стремглав,
Воскреспуть бы пришлось велеречивцу Нею ⁷,
- ⁵⁰ Чтоб, мощь узрев сию, склониться перед нею,

На перекладнях, столь безобидным впредь,
 Пиратам Дюнкерка⁸ висеть бы да висеть,
 И кто же посмотреть при этом не захочет
 На капера, что нам сегодня гибель прочит,
 Что с наших рыбаков дань жизнями берет,
 И всюду слышен плач беспомощных сирот
 И безутешных вдов, что у беды во власти, —
 В корыстолюбии причина сей напасти,
 Что выгоду свою за цель велит почеть, —
⁶⁰ Коль выражусь ясней — меня постигнет месть,
 Позор иль даже казнь за разглашение истиц.
 Защитник истицы повсюду ненавистен.
 Их мудрость главная — помалкивай, кто сыт.
 И я бы ей служил, да сердце не велит, —
 Она крушит мою земную оболочку,
 Так юное вино разламывает бочку.
 Неисправимец, я исправить век хочу,
 Век, что себя обрек позорному бичу,
 Наш век стяжательства, наш век злодейских шаек,
⁷⁰ Клятвопреступников, лгунов и попрошаек.
 Когда бы жил Катон⁹ еще и до сих пор,
 Как 'стал бы яростен его державный взор,
 Узревший этот век, погрязший в лжи и войнах,
 Смиренье нищее всех честных и достойных,
 И власть имущества плутов, имущих власть.
 Он возглаголал бы: «Сей должно ков разъясть!
 Сей должен быть корабль на путь наставлен снова!
 Сместить негодного потребно рулевого,
 Что корабля вести не в силах по волнам,
⁸⁰ Подобный увалень лишь все испортит нам, —
 Покуда больших бед не сделал он — заране
 Я за ухо его приколочу к бизани!»
 Коль был бы жив Катон — не знать бы нам
 скорбей,

Но нет его — и мы все меньше, все слабей,
И диво ли, что нас враги опередили ¹⁰,
Пока стояли мы средь моря, в полном штиле,
Полуразбитые, почти что на мели.
При рулевых таких — плывут ли корабли?
И можно ль осуждать безнравственность поступка
⁹⁰ Того, кого несет к земле ближайшей шлюпка?
Но отречься я от тех повременю,
В чьем сердце место есть сыновнему огню,
Любви к отечеству: они, как жемчуг, редки,
Когда на серости — парадные расцветки;
Но унывать зачем, пока у нас в дому
Толика мудрости дана кое-кому,
Довольно есть таких, кто не подходит с ленью
К правоблюстительству, к державоуправленью,
И кто не припасет для собственной мощны
¹⁰⁰ Ни одного гроша общественной казны;
Не соблазнится кто хитросплетеньем лести,
Не будет господа служить с мамоной вместе.
Благочестивец где, что наконец вернет
Расцвет Голландии, ее былой почет;
Неужто мысль сия — крамола перед богом?
Неужто говорю чрезмерно новым слогом?
Нет, все не так, увы. Роскошны времена.
Откормлен жеребец, чтоб дамы допоздна
Могли бы разъезжать с детьми в золотой карете, —
¹¹⁰ Тем временем растут и в брак вступают дети,
И мода новая идет по их следам, —
Как флаги рыцарей, шуршат вуали дам,
Кто повести о них внимать хотел бы дале —
В сатире Хейгенса ¹¹ отыщет все детали:
Он пышность глупую, клеймя, избичевал.
Царит излишество и требует похвал ¹²,
Чиноторговствует и шлет врагу товары ¹³,

Ни на единый миг не опасаясь кары,
 Не платит пошлины, — коль платит, то гроши,
¹²⁰ С контрабандистами считает барыши
 И казнокрадствует, притом совсем без риска,
 Поскольку есть на все кредитная расписка,
 И часто говорит, что, мол, ему не чужд
 Весь перечень людских паклопностей и нужд.
 Что ж, кто последним был, возможно, первым
 станет.

Все лупят ослика — общинный ослик тянет.
 Вези, осел, зерно! Держава ждет муки!
 Нам должно погонять, тебе — возить мешки,
 Доволен будь, осел, гордись своим уделом,
¹³⁰ Свободен духом ты — пусть несвободен телом.
 Но ты заслужишь рай, трудясь своим горбом,
 Нам это не к лицу, а ты — рожден рабом.
 По доброй воле ты обязан мчать вприпрыжку!
 Животное бежит, забывши про отдышку,
 Про кашель и про пот, — торопится в грязи.
 Коль взмолишься, упав, то все равно ползи,
 Осел кричит, пока погонщик с мрачной злостью
 Из христианских чувств его лущует тростью.
 Как страсти, злые столь, в сердцах произошли?
¹⁴⁰ Как не разгневаться? Управы нет ужли
 На тех, кто из казны деньгу гребет лопатой?
 И долго ль кары ждать сей шайке вороватой?
 Неужто палачи перевелись у нас?
 Их целых три нашлось ¹⁴, увы, в недавний час...
 А если спросит кто, о чем такие речи, —
 Ответу: знаешь сам, ты, подлый человек!
 Красуясь наготой, рыдает эшафот,
 Клиентов столько лет он безнадежно ждет,
 И скорбно каркает, над площадью летая,
¹⁵⁰ Некормленных ворон обиженная стая.

Ну, нынче Гарпиям раздолье для лганья —
К сверженью всех и вся, мол, призываю я,
Мол, требую господ лишить господской доли, —
Слова такие — ложь, конечно, и не боле.
Крестьянину оброк положен был всегда,
На свой надел права имеют господа, —
И поглядите все, чьи упованья благи,
На Йориса де Би ¹⁵, на пчелку из Гааги,
Кто потреблял нектар, — поклясться я готов, —
¹⁶⁰ Лишь со своих лугов и со своих цветов.
О славные мужи, скажите мне, когда же
Беднягу-ослика избавят от поклажи?
Он выбился из сил, притом уже давно, —
И что убережешь, коль все расточено?
В былые дни казне был пересчет неведом,
Но, мыши, радуйтесь теперь кошачьим бедам!
О благородный Хофт, поэзии глава,
Моя встревожила курятник булава,
Не трогать личностей поставил я задачей:
¹⁷⁰ Да слышит слышащий и да взирает зрячий.
По мере сил воздал я вашему отцу,
Быть может, хоть листок пришел к его венцу.
Сне порождено не суетною лестью,
Но только искренним стремленьем к благочестью.
С натуры список мой, бумаги долгий лист,
Я вечным зреть хочу. Не так ли портретист
Продляет век души, запечатляя тело, —
Чтоб жить она могла, пока творенье цело?

ГАРПУН

Понккеру Ландеслоту, господину Фрейбурга.

Любезный Ландеслот! Я с некоторых пор
Прознал, сколь знаменит ваш пастырь, Миротвор¹,
И, мню, хвала ему — словес не праздных ради,
Всеуста речь о нем во малом вашем граде;
Он безыскусную любовь людей стяжал;
Он господу служил и власти прилежал,
Он в дикие сердца, и злые, и пустые,
Вселял и доброту и мудрости простые.
Вся жизнь его была — как благодатный знак.
¹⁰ Он соль души являл. Его не влек никак
Соблазн владычества. Тьмы зла пред ним бежали,
Он в сердце сберегал библейские скрижали
И добродетелей хранил извечный свет.
Порог, попрашный им, хранит священный след.
Словами кроткими давал надежду хворым
И не помог бы он в несчастьи котором?
При сем наставнике утишился разврат
И крючкотвор в суде смиренней был стократ,
Кивжалы ржавели, не шел запой в трактире,
²⁰ Лишь добродетель гремяла вольно в мире.
Он мало желал, во многое вникал
И наставлял па путь всех, кто его алкал;
Он редко приходил за стол к вельможным барам,
Веселье одобрял, был беспощаден к сварам, —
Покуда жив он был — блаженствовал народ
И мог спокойствовать почтенный Ландеслот.
Сколь бы желательно для града и деревни,
Чтоб вера и теперь, блюда обычай древний,
Творилась не одним плетением словес
³⁰ (Кто смел его почестъ за промысел Небес?)

Но сострадаем, но простотою слова —
Иначе все к чему наследие Христово?
Душою Миротвор вник в истину сию,
И оттого цвело добро в его краю;
Ему внимающим — нес он любовь едину,
Как добродетели ядро и сердцевицу,
И знанью праздному — предпочитал дела:
Как млеко, истина ко страждущим текла.
Когда питатель нам подобный послан Небом,
⁴⁰ То можно сократить учет пустым потребам ²
И уберечь свой град, отнюдь не содержа
Охраны от убийств, насилий, грабежа;
Господни пастыри нуждаются едва ли,
Чтоб неразумные бесплодно бунтовали,
Здесь не хранят того, чего не могут съесть,
Но каждый из людей доволен тем, что есть,
Общину ни один вовеки здесь не предал,
Как в век апостольский, что хитростей не ведал,
Здесь Церковь — аггчий сонм, корзина голубей,
⁶⁰ Во имя коей бог сошел в юдоль скорбей.
Но — пастырь Волчегнев ³ теперь в зените славы,
Народ усвоил днесь вполне медвежий нравы:
Мню, внемлет Ландеслот сим грубым словесам —
В который бы из дней не горевал он сам?
Сельчане восстают, противясь высшей власти,
Все тело общества поделено на части,
Мирсогласие жестокостью сердец
Везде погублено, и сгинуло вконец
Все то, что Миротвор воздвиг с любовью детскою;
⁶⁰ Кричат: Мое! Твое! — и рвут кусок соседский.
Сей Кристиан ⁴, чей прав нам наконец-то зрим,
Вопит: «О что за яд распространяет Рим!»
Не правда ль, истина преподаана умело?
Мязерный тела член в большое рвется дело,

- Как некоторый Змей в дни прежние, в Раю.
Кто с ветром борется — уропит честь свою.
Здесь принести хвалу ван Схагеу пристало ⁵,
Который, совестью не мучаясь нимало,
Чтоб кучера смирить — садись в повозку, кнут
⁷⁰ Брал в руки, говоря: «Будь осторожен, плут!»
Учить учителей — закон, как то ни тяжко.
Возницу усмири — смирится и упряжка.
И вот — повозка мчит; путь — божья колея.
Чего не сможет тот, молчит гордыня чья,
Кто скромно пред жезлом ван Схагена склонится?
Выходит, что седок искусней, чем возница!
Как гордо честь свою ты, дворянин, вознес!
Как чутко ты блюдешь качение колес!
Заставить всех плутов склонить и спрятать
морды —
⁸⁰ Так Рифмача корил Вильгельм ⁶, седой и гордый.
Искусство клеветы — в союзе с адской тьмой.
Вот, Фландрия была задета сей чумой ⁷,
И мигом рухнуло от малого коварства
Все благоденствие, вся прочность государства,
И берег сей предстал, как все иные, наг.
Нет, все же есть у нас меж рыхлых дюн — маяк.
Держи страну в узде, о Лапдеслот, — и все же
На Волчегнева вздешь намордник, да построже!
Покуда совладать с ним хочешь ты добром,
⁹⁰ Нечистый глас его гремит, как Божий гром,
Грозу усердно столь зовет сей плут упрямый,
Что по стране вода уже смывает храмы,
И станет пуст-вот-вот корабль просторный твой.
Об этом Роберт знал и славный Рулевой ⁸:
Он прыгнул бы за борт, не будь уверен свято
Во всех, от боцмана до юнги и солдата.
Порядок нам ладью спасет и обновит:

- Распущенность есть плод, что слишком духовна
Для обоняния, как тяжкий смрад звериный —
- ¹⁰⁰ Негодна эта вещь в пути через пучины.
Что суше в благодать, то морю ни к чему.
Красивый попугай живет в ином дому,
Но если он болтлив сверх меры, думать смею —
Захочется свернуть 'тому поганцу шею.
Коль слово — лишь одно, мы зрим в сем образце
Златое яблоко в серебряном ларце, —
Как злато, мудрый чтит слова и числит строго;
Напротив, тот, кто их извергнет слишком много,
Вотще надеется в конце торжествовать
- ¹¹⁰ Над мыслями судьи. Юнцам — и то плевать ⁹
Теперь на королей, соседей наших славных,
На всех, кто выше них, тем более — на равных.
Что грех для христиан — к тому их и влечет,
И, чем грязней свинья, тем боле ей почет,
Особо ж — коль во храм явиться довелось ей,
Сердца же змей полны, и жаб, и мошки песьей.
Здесь каждый убежден в безгрешии 'своем,
Собратий во Христе он съестъ готов живьем,
Но, диспут проиграв, смущается не слишком:
- ¹²⁰ Афронта он не зрит своим тупым умишком.
Закреть врата небес врагам и чужакам!
Кому пристала честь — тот 'связан по рукам.
Но силы света тьма вовек не подневолят,
Крушица истины пусть робко, но глаголет,
А Лицемерие тем временем — в цвету:
Спор о божественном — назвали склоку ту.
Иль в агничью шкуру всяк желающий проникнет?
Но, ибо волки суть, кой-кто порою рыкнет,
Начнется мерзкий визг и вой вокруг креста —
- ¹³⁰ Да обуздается навек сия тщета,
Да будут свергнуты в покорство эти звери!

Коль скоро истреблен их враг во божьей вере
(В стране истерзанной бывает, что и так)
Они — утешены. Любой неверный шаг —
Их волей ринется лавина кар суровых
На тех, кто в Библии — скамья для стоп

Христовых.

Разумный, зря сие, вскричать готов всегда:
И нам — не только им — грозит сия беда!
Наследство общее — Христовой веры благодать,
¹⁴⁰ Кто спорит с тем — о том и говорить-то в тягость.
Я знаю неких Пап ¹⁰, что, Францию деля,
Себе присвоили владенья короля,
И вот — растерзана свобода Ла Рошели.
Не то, чтоб мы при сем как зрители сидели,
Но зрим, как тот, кто слеп, быть алчет знаменит.
Так Люцифер алкал ¹¹ взнести свой трон в зенит,
Однако сброшен был в пучины преисподней,
Бескрыл и жив одной лишь милостью господней.
Глаза имеющий — способен зреть вполне,
¹⁵⁰ Сколь много бед такой призор чинит стране.
Клевреты сих владык — разнузданная свора.
Нас да спасет господь от одного призора,
Мятеж бессмысленный — цель коего и суть.
Да будет случай нам взойти на верный путь,
Да воцарят у нас по твердому велению
Мир, и согласие, и польза населенью.

ОЛИВКОВАЯ ВЕТВЬ ГУСТАВУ АДОЛЬФУ,

*дабы подвизнуть Его Величество к пощаждению Кельна,
моего родного города.*

О чем на воле распевает птишка?
Возможно жить везде,
Но о родном гнезде
Забуть навек — невыносимо тяжело!
Вот так и я: пусть жизнь моя привольна
На новом берегу, —
Но все же не могу
Забуть родные пепелища Кельна.
Там я познал вкус молока и меда,
¹⁰ Я там когда-то рос
Среди богатых лоз,
Я из фиалок пил росу восхода¹;
И этой влаги сладостной отведав,
Тревоги не таю:
В моем родном краю
Полощут гордые хоругви шведов.
Как рейнский лебедь, я хотел бы новый
Теперь сложить пеан,
Чтоб Марс полночных стран
²⁰ Сей сад не вверг под конские подковы.
Паденье стен неизбежного Тира²
Явило смертным весть:
Сегодня славе цвествь,
А завтра — тлеть, и в этом брэнность мира.
В бою не устояв, спасенья ради³,
Щиты сложил Сион,
Вождя встречает он,
Покорствуя в торжественном наряде.
И вождь грядет, — ища его защиты

30 И вверившись судьбе,
Склоняются в мольбе
Первосвященник, а за ним — левиты.
Зрит юный вождь склоненные кедары ⁴,
И вот, отпламенев,
В нем гаснет бранный гнев,
Решает он избавить град от кары.
Он видит златозвездные покровы,
Смиреньем осиян,
Он в линиях письмян
40 Читает имена зверей Егovy.
И он, чья ныне мощь неуязвима,
Благая в пожны меч,
Решается проречь
Хвалу холмам и пастырям Шалима ⁵.
Давидов город, зеленью увитый,
Приветствует вождя,
А вождь, с коня сойдя,
По улицам проходит с верной свитой.
Гремя хвалу на флейте и на цитре,
50 Пусть будет встретить рад
Тебя мой славный град,
И пусть епископ выйдет в белой митре.
И да не отвратится, как от солнца,
Перед тобой представ,
Мой город, о Густав,
Приветствуя тебя, как Македонца.
Карать его ты не помыслишь боле,
Когда явит тебе
На древнем он гербе
60 Короны три златых в червленом поле ⁶.
Се трех царей священны уборы,
Что с трех концов земли
Вслед за звездой пришли

К младенцу обратит дары и взоры.
Кровавый фон служить назначен данью
Тому, как брашный гнев
Пал на безвинных дев ⁷,
Чья кровь для града стала иорданью.
Нет, ты не станешь строить эшафоты,
⁷⁰ Я верю, пощадят
Многострадальный град
Твои доброжелательные готы.
Пусть будет милосердие полководца
Венцом твоих побед,
Твоя секира, швед,
Творения Агриппы не коснется ⁸.
Как Македонец — Пиндара жплище ⁹,
Помилуй город сей,
Сыновний страх рассеи,
⁸⁰ Спаси мое родное пенелище!

НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГУГО ГРОЦИЯ

Госпоже Марии ван Рейгерсберг.

Двукратный ров, стальной засов,
Орава недреманных псов,
Обрыв морской, тюремщик ражий,
Шаги неумолимых стражей,
Затворы каменных ворот —
Все для того, чтоб Хейг де Грот,
Сей узник гордый и упрямый,
В темнице гнил до смерти самой.
И лишь одна его жена
¹⁰ Была вполне убеждена,
Что положить предел напасти
Ей хватит смелости и власти.

- Дав мужа вызволить обет,
Рекла: «Навеки ли, мой свет,
Гнить обречен ты в сей пещере?
Неотверзими ль эти двери?
О нет! Пред гибкостью ума
Не устоит твоя тюрьма,
Не сгинешь ты в постыдном иге!» —
- ²⁰ И — мужа обратила в книги.
И клади ящик таковой
Помог унести ей часовой
Из тесной камеры наружу:
Мол, книг уже не нужно мужу.
О, хитрость жещици велика!
Сомнений нет — пройдут века,
Но дома Рейгерсбергов славу
Они уберегут по праву!
Ты, как Мария у креста,
- ³⁰ Была живая доброта,
И муж, в отчаянье повержен,
Лишь духом был твоим поддержан.
Так царь Саул послал ловцов,
Обманутых в конце концов,
Когда спасла от произвола
Супруга верная Мелхола¹.
Так был спасен Лпнкей² одной
Супругу преданной женой,
Когда ее несчастным сестрам
- ⁴⁰ Взмахнуть пришлось кипжалом острым.
Ты приложила ум — и вот
Спасен корабль из мертвых вод.
Ты подала примером смелым
Урок всем кормчим неумелым!

НА ПОГРЕБЕНИЕ ДОЧЕРИ

Жестока смерть: минуя стариков,
Творит на юных ков,
Невинность их забав разя стрелой,
Нежданною и злой,
В родительской обиде
Себе потеху видя.

Узрела смерть, что радость тут жила,
Резва и весела,
Скача через веревочку, шала,
¹⁰ Фиане песню шля¹,
Смеясь, как и подруги,
Над милой сплюшкой в круге.

Бежала ль радость на призывный звон
За обручем вдогон,
Вела ль с любимой куклой ввечеру
Неспешную игру,
Как бы провидя годы,
Когда придут невзгоды,

Забаве ль отдавалась всей душой,
²⁰ Катая шар большой
И направляя камешков прыжки
Движением руки, —
Была ей жизнь бесплатным
Даяньем благодатным.

Но вот внезапно острая стрела
Утехи прервала,
Играющего сердца легкий бег
Остановив навек,

И властно повелела
30 Душе покинуть тело.

Увы! Вотще друзей ее толпа,
От слез полуслепа,
Стенает пред носилками, моля:
«И нас прими, земля,
Дабы в твоей утробе,
Как Зартье, спать во гробе!»

Из розмарина — преданный дружок
Сплел для нее венок.
Но зелени и золота его
40 Непрочно торжество —
Краса его увянет
И тоже прахом станет.

УТЕШЕНИЕ ГЕРАРДУ ФОССИЮ,

*канонику Кентерберийскому,
по смерти его сына Дионисия.*

О многомудрый муж! Доколь
Ты будешь пребывать в слезах?
Твой сын взалкал о небесах.
К терпению дух свой приневоль!

Стенания ль тебе к лицу?!
Свершилось тризны торжество:
Ты цвет богатства твоего
Вручил Небесному Отцу!

Печалются, когда ко дну
10 Идут суда, а не во дни,

Когда в надежный порт они
Приходят, одолев волну.

Печалются, разбив флакон
С бальзамом. Но о чем печаль?
Ведь не флакон разбитый жаль,
Но то, чем был наполнен он.

Впустую тратит силы тот,
Кто сдерживает мощь ручья,
Чья серебристая струя
²⁰ Свершает со скалы полет.

Горька земная круговерть —
Отцу ль пришел рыдать черед
Над сыном, иль наоборот —
Без промаха сражает смерть.

Кудрей не чтя, как и седин,
Она всевластна и проста.
Пред ней смолкают все уста.
Кто б ни были ты — удел один.

Лишь тот владыка сам себе,
³⁰ Над кем невластна суета,
Чей дух подобием щита
Противостал слепой судьбе.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

*Подписи к аллегорическим картинам
Иоахима Сандарта,
кои развешены в галерее его светлости
курфюрста Баварского, в городе Мюнхене.*

ЯНВАРЬ — ИЗНАЧАЛЕНЬ

Согбенный старикан дрожит под рваной шкурой,
Вся в инее спина; он тянется к теплу;
Морщины пролегли по дряхлому челу!
Мир заковал во льды властитель Норда хмурым.
Нет, за бекасами спешить в леса не след:
Добро, коль есть дрова, добро, коль есть обед.

ФЕВРАЛЬ — ВАЛЕЖЕНЬ

От кладовой к плите Февраль сует с проворством:
Баранина, индюк, телятина и шпиг, —
На случай голода его припас велик,
А в масленицу — всяк страдать горазд обжорством.
Унять бы оное, — да кто же виноват,
Что сорок рыбных дней — для плоти сущий ад?

МАРТ — ПРОСТУЖЕНЬ

Март — рыбой плоть свою смиряет и понуро
Ест устриц, камбалу, и пикшу, и треску,
И петушков морских, — ц, вдав зело в тоску,
За трубкой тянется, отрадой табакура, —
Слезится, кашляет, глотая едкий дым:
Но сей всеобщий грех, уж так и быть, простим.

АПРЕЛЬ — ТРАВРОСТ

Веселый месяц трав сплетает на приволье
Зеленые ковры для долов и бугров,

На тучные корма пастух ведет коров,
Доит и масло бьет, — с утра весь город в поле,
В садах, у родников, — и славит бытие:
Зиме пришел конец, весна взяла свое.

МАЙ — ПЕРВОЦВЕТЕНЬ

Цветница юная, чьи взоры синеоки! —
Но пламенит сердца не яркий твой наряд,
Тюльпан венка, и тот опасен столь навряд,
Насколь румянец тот, что нежно кроет щеки.
Песнь лодочника в ночь летит издалека.
О младость! Нет в году прекраснее цветка!

ИЮНЬ — ПОГОЖЕНЬ

Он промаха не даст: всем овцам быть с приплодом,
Жди вскорости ягнят — несть хлопотам числа;
За стрижку примешься — стриги не догола,
И тучный год сравни, быть может, с тощим годом.
Овец пораньше в дол, попозже в хлев гони,
И будет млеко, шерсть и мясо — многи дни.

ИЮЛЬ — ЖАТВЕНЬ

Скирдует и копнит он полевое злато,
Он сено граблями прилежно ворошит,
А солнце между тем свой жаркий труд вершит,
И косят косари с рассвета до заката;
Пируют ястреба, болотных птиц круша,
Всяк рвется к барышу, всяк чаёт барыша.

АВГУСТ — ХЛЕВОСТРАДЕНЬ

О месяц-труженик, в поту, в одной исподней
Рубахе нараспах — сжинаешь урожай;
Ты ржавчине свой серп вовек не отдавай
И полни закрома по милости Господней.

Вяжи снопы, свози на гумна, чтобы хлеб
Под добросовестный попал скорее цеп.

СЕНТЯБРЬ — ПРИПАСЕНЬ

В плаще из багреца он шествует, красуясь,
И мечет на столы, дороден и богат,
Каштаны, дыни, лук, айву и виноград,
И полон спелых фиг его узорный туес.
Ах, сердцу вскачь бежать за сердцем — самый срок:
Наивное! Смотри, не угоди в силок!

ОКТЯБРЬ — ВИНОТВОР

О месяц-винотвор, увитый виноградом,
Веселие ковшом он черпает, всемудр.
Как гроздьтя тяжелы! Их кроет перламутр.
На листьях — лисий мех. Чей храп я слышу рядом?
Пошел с подружкой в пляс паромщик холостой,
С волынкой согласив души своей настрой.

НОЯБРЬ — СКОТОЗАБОЕНЬ

Торопится домой охотник, путь срезая,
Он тащит связку птиц и зайца за спиной —
Все, расщедрился чем сей месяц-скотобой;
Напереди бежит поджарая борзая.
Стокау, замок, зрит, как травят кабана:
В поварню при дворе дичь будет снесена.

ДЕКАБРЬ — СНЕЖЕНЬ

Зима, как в трауре вдова с гримасой жалкой,
Огарок догорел, кувшин вина допит.
Сей белый череп смерть, для жизни ход закрыт,
Горя очаг, зима вдову дубасит палкой.
Захлопнут альманах, пурга свистит в трубу.
Вдова уже стоит одной ногой в гробу.

НА ПОРАЖЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА

К Венеции

Средь водных бездн голландский Лев
И Лев Святого Марка
Обрушили на турок гнев,
И битва пышет жарко.
Возреал венецийский флаг,
Разбит под Смирной давний враг.
Он правил долги времена,
Чужой волной качасм,
Росла надменная Луна
Над христианским краем.
На Кандию¹, от крови пьян,
Уже воззрися Оттоман.
И конницу сей флотовод
На Польшу двинул в яри²,
Грозя, что голодом изведет,
Спалит ее в пожаре.
Смельчак, он свой геройский пыл
Сарматской кровью охладил.
Господь — необоримый щит.
Заслыша наши стоны,
Внемли! — он в нашу грудь стучит,
Он вражья галионы
На посрамление обрек,
И нас продвинул на Восток.
И встарь Батавия и Рим
Держали оборону, —
И ту же днесь на море зрим
Державную корону, —
У турок вырвала в бою
³⁰ Она Республику свою!
Пятнадцать славных кораблей

Паша хулит хвастливо:
— Принудим их, да поскорей,
Попасть в кашкан залива!
Наутро Смирна зрит наш флот,
Сам Рива в бой его ведет!
Противник нам грозит огнем,
Расставя караулы,
Однако наши мечут гром
Викторны картаулы³, —
И вражьи галионы в ряд
Единым пламенем горят.
Бегут, срываясь с якорей,
Гонимые испугом,
Се пугала Европы всей
Пылают друг пред другом!
Кипит смола, и сей позор
Тирани застилает взор.
И ветер славу нам трубит,
И духом мы окрепли.
Себя Константинополь зрит
Уже в огне и пепле.
Дрожит исламская Луна,
И в дым, и в скорбь погружена.
Пред Магометом — плач и вой
Воинственных агарян⁴.
Свершилось! — Лев пресек разбой,
Народам мир подарен.
Пал Фараон — его господь
⁶⁰ Нам предназначил обороть!

ЧУДОВИЩА НАШЕГО ВЕКА

Чудовищ в Аѳрике, иль где там,
Искать смешно —
Европа их по всем приметам
Плодит полно:
Для матери ее великой ¹
На склоне лет
В ее дворцах, в пустыне дикой
Приюта нет;
В Британии под смех и крики ²
¹⁰ Толпе на суд
Главу казненного владыки
В тазу несут;
Сколь император добродушен
И честен сколь,
У сына, что тайком задушен ³,
Узнать изволь;
А вот статхаудер Оранский ⁴:
Войну начав,
Замыслил он народ голландский
²⁰ Лишить всех прав;
Презревши дружбу Амстердама,
Поправши честь,
Стране он хочет в сердце прямо
Удар нанести;
Толикий стыд нам зреть не внове:
Сын столь жесток,
Что алчет материнской крови
Его клинок;
И древней Кандии ⁵ богатства
³⁰ Разорены,
Поскольку знать не знают братства
Христа сыны —

И как причислить к христианам
Того, кто рад,
Что гибнет в схватке с оттоманом
По вере брат?!
Создатель! Мы душою нищи!
Да снизойди!
Что нас — коль вера на кладбище —
Ждет впереди?!

БЛОКГАУЗЫ АМСТЕРДАМА

Два брата на реке, в златом году рожденны,
Когда троянский конь твердыню зла обрек¹,
И нам рассвет сулил, услыша скорбны стоны,
Не смертный человек, но добросердный бог.
Когда коварный враг, и внутренний, и внешний,
Сей град, дома, дворы задумал извести
Средь огненных пучин, в алчбе скоропоспешной,
И обесчестить все, хранимое в чести;
Потока близнецы! Как славить вас, вожатых,
¹⁰ И как благословлять ваш вечный караул!
Стойте оба вы, как исполины в латах,
Из медных жерл меча громоподобный гул,
Селитру, серу, огонь и вкупе все стихии,
Дабы низринуть их на мерзкую главу
Безбожных шаек, чьи набеги воровские
Пресечены в ночи решеткой на плаву.
Вкушает бургер сон, забыв про передряги,
Свой ратный меч вложив до времени в ножны, —
Драбанты города, блюстители отваги
²⁰ И круглые щиты добра и типшины, —
Как вас еще назвать, о вы, столпы свободы
По долгу ратному, а купно — сутью всей!
Да увенчают вас цветы и громки оды,

А явятся враги — заслон, врагов рассей!
Пусть ополченцы пьют за ваше добродравье
И обовьют венком березовый бокал, —
Как жемчуг рассыпной и как брильянт в оправе,
Блеск вашей славы днесь сквозь темень

просверкал.

- Вино взбодряет дух, дарит сердцам отраду,
30 В тавернах речь ведут, как враг повержен в прах,
О ценах на зерно, о том, как волит граду
Совет избранников, о стычках, о боях,
Морских баталиях и стройке дамбы новой,
Как службу аванпост и день и ночь несет;
Что капитан рычит — и к вылазке бедовой
Склонен, поскольку в ней немалый зрит расчет.
Земля, дома и банк — пребудет все сохранным,
Вы не допустите возврата злых годин,
Чтоб Амстел сызнова, как раб, служил тиранам
40 И устрашал народ злоправный господин.
Сей новый Ровоам² нас не бичами мучил,
Но скорпионами. Рубцы свежи досель.
Но кто бы днесь себя, терпя мученья, скрючил
Испанским сапогом иль свой отдал кошель?
О сторожа реки! Ваш долг беречь *корову*³,
Чьим маслом торг ведет рассчетливый кунец
Во благо и в барыш отеческому крову,
Как ни лютует враг, ни злобствует слепец.
Ваш разум не смутит ласкатель сладкогласный,
50 В ночи не усыпит пустая болтовня,
Чтоб недреманный враг мятеж возжег опасный,
От Эя в грабежах торговлю прочь гоня.
Сия телица нам еще воздаст сторицей,
От ветхих лет нейдет к ее рогам ярмо:
Се рог, дарящий нас мускатом и пшеницей,
Се вымя — золото оно точит само.

Пост ван ден Вондел

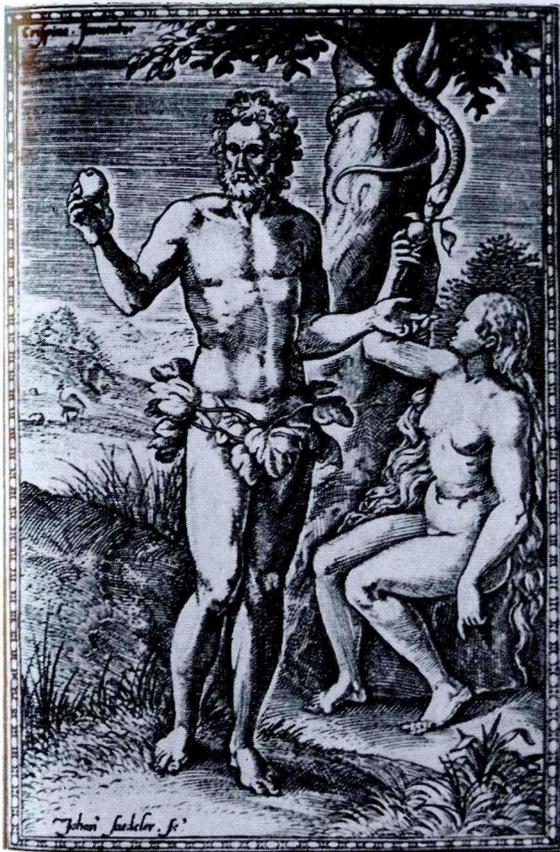
Портрет работы Ф. де Конинка

«Люцифер». Титульный лист

В. Гюго
«Люцифер»
Of Da y...
Сам...
Of...
С...
С...

«Адам». Заставка

Самый величайший из всех великих

«Ной». Заставка

Вел

Великий пенсионарий Иоан ван Олденбарневелт

Корнелис Питерс Хофт

Питер Корнелис Хофт

Константейн Хейгенс
Рисунок работы Христиана Хейгенса

Йост ван ден Вондел
Портрет работы Яна Ливенса

Февраль

Гравюра по рисунку Сандарта

Август

Гравюра по рисунку Сандарта

Блокгаузы Амстердама

Мартен Харперссон Тромп в аллегорическом виде

Гуго Гроциј

Мария ван Рейгерсберг, жена Гроция

Вондел в глубокой старости

Рисунок Ф. де Конинка

Не дворянин, а плут, кто с рвением вандала
Корону городов готов топтать в пыли, —
Сто ратоборных лет ⁴ земля перестрадала —
⁶⁰ Берегите оный клад среди родной земли!
Капитул благодный — сей столп Свободных
Штатов —
Да будет охранен навек от супостатов!

ГЕРО И ЛЕАНДР
(к картине Рубенса)

Куда, о дочери Нерее,
Несете, ложной до конца
И страшной жалостью хмелея,
Труп абидосского пловца,

Который мощною стремниной
Был вовлечен в разверстый ад,
Покорствуя любви единой?
Жестокосердные, назад!

Ужель вы в Сест несете тело,
Обвив власами, на руках,
Дабы Геро его узрела

В прибрежных пенистых валах,
Рокочущих в тоске мятежной
О новой жертве неизбежной?!

СЧАСТЛИВОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ

*под флагом светлейшего героя морей,
Мартена Харперссона Тромпа,
рыцаря и адмирала Голландии и Зеландии.*

Свирепствами в родном краю
Ничуть не ублажив, как видно,
Алчбу кровавую свою,
Блудорожденная ехидна,
Свежатиною одея
Рабов и стащю собачью,
Священной кровью короля
Надув утробу вурдалачью,
Себя мечтою опоя
10 О соке франкских виноградин,
Иа Темзы выползла сия
Наимерзейшая из гадин.
Но Вседержитель, ни на миг
Карать батавов не подумав,
Героя мощного подвиг
К спасенью драгоценных трюмов.
Герой не обратился вспять,
Воспрял отвагою военной,
Узрев четырнадцать пять
20 Судов, подосланных геенной,
Что вознамерились замкнуть
В своем безумии кровавом
К родному краю торный путь,
Судьбой предназначенный батавам.
Герой не опустил меча,
А сатанинская эскадра
Тряслась в конвульсиях, меча
Смолу и серу, огнь и ядра.
Ярлясь гидра, вся в дыму,

30 Морскую высь свинцом засея,
Но нет спасенья никому
От стрел голландского Персея.
Бесспорною победу мня,
Подвигнут к битве злобой шалой,
На море бушевал три дня
Сей исполнил желеаножалый,
Пока спастись в свой оплот
Не ринулся, ревя от боли,
Оставя наш победный флот
40 Хозяином на ратном поле.
Уполз, не ублажив нутро,
Злодей, что, к своему несчастью,
На наше кровное добро
Полез с разинутою пастью.
А нидерландский адмирал,
Тропы не знающий попятной,
Кто как по потоам разыграл
Сей несравненный подвиг ратный,
Ввел корабли в родной Маас,
60 Тем доказав неоспоримо,
Что нам явился в оный час
Герой, затмивший доблесть Рима.
Не сгинешь, присягнуть могу,
Ты в глубине веков бесследно —
Сын Гарпера, гарпун врагу,
О Тромп, труба судьбы победной!
С героями в единый строй
Встань, мореплаватель-герой!

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ УТРЕХТА,
НАРИСОВАННОЕ ХЕРМАНОМ ЗАХТЛЕВЕНОМ

Захтлевен здравствует; он грифелем затейным
Епископальный град творит над старым Рейном,
Любою липшей свидетельствует он
О славе Утрехта, который утверждает
На службу цезарям и венценосным бриттам, —
Был распланирован германцем мозговитым
Форшост, к которому, всем недругам на страх,
Лады от Катвейка шли вверх на парусах.
Тем самым рейпский град был с семихолмным
Римом

- ¹⁰ От изначальных дней в союзе перушимом,
Но честь его возросла, когда, посольством горд,
С британских берегов явился Виллиброрд¹,
Дабы язычников крестить в святой купели:
В пещерах и лесах уныло жив доселе,
И франк, и сакс, и фриз — весь северный народ
Учением Христа прониклись в свой черед.
Чем обладает он, избегнувший напасти
Во чередѣ времен, средь многой смены власти!
В деснице — грозный меч, а в шуйце — крепкий
щит, —

- ²⁰ Как древле рсчено — коль оный град сторгит,
Воскреснет сызнова на старом пещелище,
Как Феникс, но стократ прекраснее и чище:
К небесным высям шпиль собор возносит свой,
И ширятся, теснясь, за каменной стеной
Цветущие сады, монастыри и храмы —
Прилежного труда отменны панорамы!
Вильгельм Великий, столь престольным Римом
чтим²,

Не зря именовал сей град гнездом своим,

Семейства знатные сказать сегодня вправе,
³⁰ Что, зародившись тут, пришли к всеместной славе,
По совести служба в дни мира и войны,
С ним клятвой и войной от века скреплены.
Не умаля свой сан, король для пользы дела
Епископов, князей подвластного придела
Зовет в большой Совет, им вверя часть забот;
Во храмах здешних всяк прибежище найдет
От притеснений, столь чреватых озлобленьем.
Так Семь Провинций, Эмс и Шельда попеченьем
Святого пастыря спокойство обрели,
⁴⁰ И не мрачит раздор сей благостной земли.
Здесь Адриан Шестой ³ на свет младенцем явлен
И в Риме папой став, столь широко прославлен
Тем, что хранил святой престол Петра в чести,
Дабы неправедных ко благу привести.
К вершинам вознесен сей град Епископата,
Здесь плодороден дол, здесь жатва пребогата,
Здесь вымена коров грузны от молока,
Вкушает сон пастух в густой сени леска.
Вражда бежит лачуг, и замков, и фруктовых
⁵⁰ Садов. Здесь горлинки ведут весной в дубровах
Любовны игрища. Там — носит мед пчела
И свищет соловей, — и песня весела,
Слух услаждая мой, звенит над отчим краем.
Чем город сей наречь? — Благословенным раем.

ПОСОШОК ИОАНА ВАН ОЛДЕНБАРНЕВЕЛТА,
отца отечества.

О том вспомнить я хочу,
Кто был отечеству опора,
Чья жизнь коварством наговора
Была обречена мечу;

Кто нового Нерона¹ в страхе,
Как новый Сенека, держал;
Кто скорбь всех честных душ стяжал,
Главу свою сложив на плахе.
Убийцы! За него — года
10 В ответе будет ваша свора,
Как и за то клеймо позора,
Что возлегло на города!
Свершая ко Двору дорогу
По долгу службы, каждый день,
Он твердо ставил на ступень
Свой верный посох, «третью ногу».
Согбенный бременем труда
И сединою белопешной,
Он шел походкою согбенной,
20 Но не сгибался никогда!
О вы, чей нрав жесток и злобен!
Успев от старца отдохнуть,
Попробуйте мой стих согнуть:
Он посошку его подобен!

ПЕСНЬ ДИКИХ ПТИЦ

О чем пичуга песнь поет
Под сению деревьев,
Покуда солнце щедро льет
Сияние с небес?
Здесь, в чаще, зной не тяготит,
Здесь хвоя зелена,
Здесь песня воздух золотит,
Беспечна и вольна!
Богатства зверю не нужны,
10 Без них проводит век —
Не то, что раб своей мощны,

Бесчастный человек!
Владеет миром Амстердам,
Заносчив и богат,
Но разве обоняешь там
Сей хвойный аромат?
Нам, птицам, дикие леса
Питье и корм дают,
А солнечные небеса
20 Даруют нам приют.
Хоть мы не сеем и не жнем,
Но каждый колосок
И с нами делится зерном,
Когда приходит срок.
Супружество мы свято чтим,
Несродна зависть нам.
Всегда летим, куда хотим,
Не зная счета дням.
Оденься перьями, простись
30 С докучными людьми
И в благодарственную высь
Полет свой устреми!

ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ ЯЩЕРИЦА

Вблизи людских жилищ живет,
И, Божьей милостью, она
И от врагов, и от невзгод
Среди камней ограждена;
Но скорби и влосчастья нас
Подстерегают всякий час.

Две девушки ушли чуть свет
Туда, где средь раздольных трав
Ни троп, ни изгородей нет, --

¹⁰ Рай для гуляний и забав;
Где без заботы злак и плод
Во изобилии растет.

Струило солнце из-за гор
Лучи цветущие свои
На дольный, праздничный простор;
С гудеьем пчельные рои
Душистый собирали мед
В ячейки полновесных сот.

За сбором ягод разомлев,
²⁰ На лоне благодистой земли
Селянки в тень густых дерев
В изнеможенье прилегли,
Не в силах сон перебороть,
Оздоровляющ дух и плоть.

К ним, безмятежным, подползла
Змея из щели потайной,
Виясь кольцом вокруг ствола,
Она сверкала чешуей,
И, мерзкую распяля пасть,
³⁰ На спящих зарилась напасть.

Но, чтяща дружество людей,
Узрела ящерка беду,
И, как ни страшно было ей,
У злой ехидны на виду,
На щеки дремлющих в тени
Скользнула резво, — и они

Успели дрему превозмочь,
Как будто пробудил их крик:

«Проснитесь и бегите прочь!» —
40 Они вскочили в тот же миг
И бросились бежать стремглав,
Цветы по лугу растеряв.

Сей твари, отвратившей вред,
Не все воздана хвала;
Днесь не рапира, не мушкет,
А тварь отроковиц спасла!
Змеиный яд казнит врасплох,
Но праведных хранит сам Бог.

НА КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН
АМСТЕРДАМА

Все ли грекам похваляться
Лирой, коей Амфион,
В дивном пенье искушен,
Нудил стены воздвигаться.
Впрочем, Бахусу видней,
Нежели живущим ныне,
Как воздвигся на равнине
Град из тесаных камней
По веленью струн и пенья:
10 Нам смешны сии виденья.

Древних — погублял искус
Игрищ, неги и отрады;
Фантастические грады
Грубый изукрасил вкус.
Тщася чувственным экстазом
Ужас смерти обороть,
Ублажали греки плоть,
Ни во что не ставя разум;

Но затейливость прикрас
20 Вчуже меркла всякий раз.

Мы — питомцы просвещения,
Ибо к славе движет век
Не изыск досужих пег,
Но разумность дерзновеья!
Город Гейсбрехта растет
Под музыку колоколец,
Чей раскат, многоглаголен,
Мещет Фербек в небосвод,
Ловко правя карильоном
30 В ликовашье громозвонном.

Заглушает сей раскат
Кафедральные хоралы,
Колокольцы, как кимвалы,
Хорам ангельским гласят.
Башенным курантам вторя
В опоясании стен,
Непреклонный лик явлен
Первой Королевы Моря, —
В стройных мачтовых лесах,
40 С легким ветром в парусах.

Будь прославлены по праву
Гордый Эй и Амстердам!
Вслед за Хемони воздам
Лотарингии за славу,
С коей ноты извлекла
Колокольного металла, —
Дабы радость окрыляла, —
Грянь, звонарь, в колокола!
Люд под колокольной башней
60 В пляс пустился бесшабашный.

Вряд ли даже легковой
Принесет дары Кибеле, —
Колокольни загудели
На совсем иной манер!
И безумным кораблям
Переспорить их повмочь,
Не давая депь и почь
Передышки музыкантам.
Се — алтарь! Не видел свет
60 Равного — с начала лет!

ЛЕВ МОРЕЙ НА ТЕМЗЕ

«Всей Британии владыка,
Беспределен в мощи я,
Лишь Господней роль моя
Истинно равновелика:
Зреть с незыблемых высот
Мировой круговорот.

Ибо скован так падежно
Путь от Дувра до Кале,
Что врагу на корабле
10 Здесь прокрасться невозможно,
И владельцем брега стал
Мой грохочущий металл.

Все сокровища Тетфиды
Мне подвластны, наконец;
Даже Оксан-отец
Вынужден сносить обиды,
Ибо мощь всегда права —
Чтят ее и божества».

Так, в отеческой короне,
20 Но про казнь отца забыв,
Неразумен и спесив,
Карл бахвалился на троне,
Не пошел, как видно, впрок
Стюартам судьбы урок.

Но Всевышний, чья десница
Тем, кто алчен и надмен,
Беды шлет удач взамен,
Вынуждая покориться
И гордыней пренебречь, —
30 Дерзкую услышал речь!

Зри! Ведет на Темзе битву
Доблестный голландский флот!
Цепи, словно нитки, рвет
Начинающий ловитву
Грозным рыком батарей
Беспощадный Лев Морей!

Миг — и позади оковы!
Ныне ваш черед, суда!
Очи львиные всегда
40 Молнии метать готовы:
Взгляд — и вражий арсенал
Пламенем и дымом стал!

Карл! Прощайся с кораблями:
Те горят, а эти Лев
Из гнезда, расสวิрепев,
Тянет к Тесселу когтями!
Карл! Излей свою тоску
Абордажному крюку,

И о Льве Морей пове,
⁶⁰ Как, благодаря ему,
В собственном своем дому
Распростился ты с победой,
Как тебя гнетет поднесь
Бредой сбавленная 'спесь!

Те, что орденом Подвязки¹
Рёйтером награждены, —
Соль дворянства той страны,
Где взирают без опаски
На гордыню, что клыки
⁶⁰ Щерит, Богу вопреки!

ГУГО ГРОЦИЙ
АДАМ ИЗГНАННЫЙ
ТРАГЕДИЯ

ОНОЙ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сатана
Хор
Ангел
Адам
Ева
Глас Божий

СОДЕРЖАНИЕ

По сотворения мира и падении ангелов в Раю был создан человек, ему же дана власть над всем дольным миром, но заказано рвать плод древа, каковое есть символ знания добра и зла. Сатана, дабы вышло вопреки предписанному, приступает к первому человеку с притворною дружбою, а после, в образе змия, к женщине; и та, совратившись, толкает мужа к сообщничеству во грехе. Оттого оба из Сада были изгнаны. Спасение обретоно в надежде и уповании на грядущего Мессию. Действие происходит в Эдеме, области Вавилонии, где был Сад на берегу Евфрата. Сатана *προλογίσει*¹.

АКТ ПЕРВЫЙ

Ямбические триметры

С а т а н а

Громовержца ² злого враг, небесной родины
изгнанник, выше мрак глубокий Гартара
и вечной Ночи черный я покинул свод.
⁵ Из мест проклятых злость пред благом вывела
и мстительная кознь ума преступного.
Неправды страшной, мрачной, ужасающей,
злодейства жажду, коего я, Сатана, дрожу.
В такой надежде все края земли пройду,
в такой надежде в зыбких берегах моря
¹⁰ промчу, подобный льву с оскалом яростным,
что, страх внушая, по местам нехоженным
спешит клыками жадными быка задрать.
В такой надежде я — чего как зла бегу —
увидю небо... Верно ль, не ошибся ли,
¹⁵ Земля ужели под моей стопой дрожит? —
Что ж, превосходно. Так свершись нечестие
на ужас миру. Между тем и цель близка:
Эдем я вижу; рядом — Авранитиды
прекрасной доли ³, лижет Вавилонские
²⁰ луга Нармалка ⁴, что из недр полей бежит
близ Сузианы, изобильных бделлием,
где под землю в глубине несякнущей
металлы рождается желтый, сардоникс сокрыт
обильный в копиях; в стороне другой течет
²⁵ прильнувший к нивам, влаги ждущим, Нарсарес ⁵,
огню нечуждый солнца, омывает он
берега сухие; а отсель поблизости —
к восходу Феба — быстрых вод излучины
минуют в беге Кавхи Ассирийские
³⁰ струей щедрой, после ж, с тигрской влагою

слиясь представшей, мчатся в сердце Персии.
Струится справа ток Евфрата срединного,
своей смягчая влагой почвы тучные
и причащая щедро топь Халдейскую
35 волны бегущей. В части света, видящей
над Океаном выезд Солнца нового,
широко Сад священный усладительной
красы простерся, льется в лоно коего
Евфрат обильный четырьмя потоками.
40 Густые рощи отвечают нежного
Зефира звонам, лес играет, шепчется,
трепещет нежно; вечно ликом ведреным
сияет Солнца свет, и гладит ласково
несильный ветер, сладко подольщается
45 день с безмятежным ликом; здесь ни облачка
не нависает; с неба, в гнѣе черного,
дожди не льются; сей рубеж блаженнейший
не устрашает молния трехжальная
и рыкающий гром; тепло обильное
50 смягчает холод, а Весна всегдашняя
сражает злую зиму; от Медведицы.
Борей не свищет стылый, гладь эфирную
не возмущает Австр. И все желанное
слилось в единой области и милое,
55 а зло — в иные места законом изгнано.
Плоды деревьев всех — на вкус отменные,
и всех долина та услад сподобилась,
в ней — все красоты; их блжсти доверил Бог
Адаму, щедро счастьем наделив его.
60 Когда уже Он вывел небоздание,
светил блестящих полное, и щедрую
плодами землю, и влекомый алою
повозкой в небе день шестой означился, —
его — в подлунном мире величайшего —

- ⁶⁵ ЧЕЛОВЕКА создал, глину безымянную
соделал складным телом и вложил, отец,
в него дыханье, дав ему не только жизнь,
не только чувства, — но и славой образа
своего отметив мощно человека дух,
⁷⁰ внушив понятие, кто он и от чьей руки
досель не бывший ныне бытие обрел.
Всех птиц небесных, всех земли насельников —
зверей, а также рыб, в воде живущих, Бог
его управе отдал, всей земли простор —
⁷⁵ его угодье, — господин не знает сам
пространств, владеет коими; все, что Луна —
чей свет заемный чередой изменчивой
нисходит долу — обнимает в странствиях, —
один свирепой властью тиран теснит.
- ⁸⁰ А чтоб наследник в чередо потомственной
воспринял царство — Бог жену Адаму дал.
Из кости мужа созданную женщину
с немим восторгом мир узрел; Титан младой
не помнил твари из позднее созданных
⁸⁵ ее чудесней. Ныне и жена и муж
в Саду цветущем наги: стыд — отсутствует
у не познавших зла; честна, бесхитростна,
проста их добродетель: благодарными
устами Бога славят: непорочные,
⁹⁰ они не знают похоти и дерзостно
смерть презирают; боль и скорбь Летейская,
и страх, который всех скорбей ужаснее, —
их убегает, Дюля их насколько с моей
несхожа долей! Небесам совечные,
⁹⁵ влекущим звезды, мы не из бушующих
огня потоков, или влажных легкого
тепла дыханий, иль воды, иль косного
земли возникли кома, но без всякого

сцепленья тел, и — Богу величайшему
100 равны — рабами кары не живя живем.
И смерть, которой страх людской не ведает,
венец молений для меня; но — мука злых! —
нельзя погибнуть. Там, где опускается
земли средина, тяжести влекущая,
105 и зрит два равноудаленных полюса, —
там дом зияет Тартара безвидного,
лучей лишенный Солнца; отверзаются
там тьмы провалы, мрачным кругом ширится
печали пропасть: мглой густой наполненный
110 свод, необъятен, здесь тоска пустот молчит,
разъят широкий зев пространства полого.
А в самой глуби — племя сатанинское
в пещерах гайных злом, что гнев Громовника
неистового смог создать, терзаемо.
115 Живет злодейство в недрах мысли помнящей,
язвит крутые души, и бесплодный стыд
не дает покоя сердцу сознающему.
Здесь скорбь и трепет царствует, и страх прямой,
и гнев господский давит; но страдания
120 сменяет ярость: грешник, казнью мучимый,
горит, как ворог лютый, то считая злом,
что другим не может зло чинить сносимое,
не бедой болея, а тем, что он лишь один в беде.
Но казнь союзник скрасит: благоденствуя
125 в полях Эдемских, пусть Адам уверует,
что уготован мой ему надзвездный трон,
и пусть беспечно счастлива жена его, —
но гнев настигнет их, и скорбь живучая
не сложит злобы: напрочь мир отвергшая,
130 завяжет вечный бой душа упорная,
внесет жестокий ум раздор решительный,
зло прививая... Что за зло? — Благое лишь

хранит, эфирный свод родит приветная
земля, и все, что в море есть и воздухе, —
135 все благодатно, все — его. Войну со мной
он презирает, враг — ничто, а злость моя
ему забавна. С верой в Бога он уже
стремится в небо торною дорогою.
Вот, вот что страшно: как бы господя земли
140 не занял царство горнее. Стыдись, что ты
покинул небо немощным изгнанником,
коль ты оставил царство для других царей
и, свергнут, место роду дал человечесьему.
Нет, правь, о ярость, правь к великой дерзости:
145 из Тартара бездны выйдя, да поможет мне
все, что в глубинах мрака создается.
О, Хаос вечной ночи и Аверна пасть,
небес супостаты, в деле злом союзники, —
обрушьте на врага единым натиском
150 всю вашу силу! Мчнсь, Злодейство чуждое,
и ты, пустая Гордость, чьим приказам я,
увы, изведал лихо подчинения.
Явись Богомятежное печестие,
груз Заблужденный, новое Тщеславие,
155 что новой чести ждет, приди, бесчинное
чревоугодьё, вера глупым выдумкам
и легкомыслие в том, что неизведано.
Их, их на помощь призови, о боль моя.
Любая язва, отпрыск Тартара темного,
160 ты, что с улыбкой змей ласкаешь мерзостных,
прошу: расплаты за изгнанье требуйте,
разбив Авернский плен и двери медные
пещеры черной, на поля просторные
земли ступайте, дух Адама бедами
165 сразите, — длани всех пусть преступленья шлют.
Где Сад Евфрата влага лижет, сладкая,

разметав повсюду ветви, посреди стоит,
листвою тенистой свет вбирая, дерево.
Плоды свисают, благодатной тяжестью
170 стибая ветви; цвет — румянец с золотом —
глаза ласкает; можно ждать наверное,
что вкус их сладок, — Богом же заказано
плодов касаться; рвать их никому нельзя:
под страхом наказания, подкрепленного
175 угрозой, не дал, лютей, зпать добро и зло.
Днесь в рабстве человек у добродетелей,
вины не знает вовсе, но поскольку он —
на перепутье, — волен сам направить путь.
Куда подует ветер, туда свободная
180 помчится воля, тот, кто смог хотеть, уже
наполовину грешник. Я надеждою
питаю злобу: лишь собьется с правильной
стеи и шатким шагом тропкой узкою
едва пойдет он, — и душе, и телу смерть
185 грозит двойная; древа плод запретного
вкусят едва лишь, — вдруг в погибель ввергнется,
товарищ в муках общих, новый в Тартаре
пасельник будет, коль свершит преступное.
Мой гнев, к оружию: если муж податливей —
190 он соблазнится; если ж неподатлив он —
то соблазнится женщина: на пользу мне,
что не один он. Легок нрав у женщины,
чуть что — ослушлив; не держась за прежнее,
сам все меняет, больше склонен вольничать,
195 всегда в надежде гордой алчет большего,
изысканное любит, ради нового
хулит былое, старым раздражается.
Блаженной доли скука, переменчивость,
тщеславность, сладость явственная яблока,
200 алчба вкушенья — мне сулят желанное,

всего ж вернее, — ала орудье, женщина.
Но станет ли слушать исдруга известного,
склонится ль слухом, ворога не слышавшим? ... —
Подступим же с миром: скроем гнев, отсроченный
205 смирепьем мнимым! — Враг ли тот, кто въевь
вредит?

Кто не таится, тот ли прячет ненависть?
Любовь изъявим, — тот, кто алчет, лгать себе
готов. Надежда низкая — стоворчива.
Скажу, что станут равны Богу вышнему,
210 и сами станут — боги. Чем приманишь их,
коль не приманкой высшей доли? Только в то,
к чему стремятся, верят. Если ж воля их
тверда во благе, если враг откажется
меня послушать, — в новом виде явмся:
215 ни глаз породы не узнает демонской
ни длань — наощушь: ничего знакомого
не встретят чувства. Форма без материи
и вид простейший, тел любых обличие
приняв, себя являют ощущению,
220 и мы их видим. Посвященный в мысль мою,
слугой мне будет гад: создавью хитрому⁶
пристало ковам духа лжи прислуживать.
По гладкой почве промелькнув, я змием в Сад
проникну тайно, речи донесет язык
225 трехжальный, ядом сдобрю слово каждое, —
дракон, дыханье чье всего погибельней,
всю суть изложит. Два пути испробую
и ложь двойную: тропу мужа дружбою,
к жене явлюся змием и во грех введу,
230 уста направив к яствам, длань — к добыче их.
Так что ж я медлю? — В этот день блистающий
иль с человек я сравнюсь, иль он со мпой.

Хор

Анапестические диметры и монометры

- Кто в высоких круч мирозданья вниз
взглядом дерзких глаз взирает на тех,
235 чей удел убог, — не пришлось бы тому
давящее зреть крушение своей
мощи: с высот всегда тяжелей
падение, а кто легковесней, для тех
и паденье легко. Большой груз лежит
240 на блаженных, и чем ты больше велик,
тем твой больше страх.
- Кто лишь миг назад на Олимпе жил,
населял златой чертог в небесах, —
тот днесь — заключен и в унылой тьме
245 под землей сокрыт, нестерпимую боль
наказанья терпя; и кто уступал
только Богу досель, но не захотел
меньшим быть одного, — тот отныне все
над собою зрит.
- 250 Как стремительно был ниспровергнут тот,
кто прежде блистал в благодатных лучах
и кто, воссияв, эфирную высь
от рождения знал. В восточной небес
стороне таков Денницы свет:
255 он Солнца приход возвещает своим
сияньем, и он — лишь имя сменив —
появляется вновь предводителем тьмы
и ночи мрак знаменует собой,
как Геспер всходя.
- 260 Почто, устремясь к погибели, ты
не хочешь служить мирозданья творцу,
и хотя из того, что возможно, тебе
дал он более всех, — ищешь большего ты?

Ты хочешь быть тем, кто один лишь таков,
265 кто создал тебя; бьешься против того,
кто не знает преград.
Та, что выше всех из небесных сфер,
что объяла все, на которой сонм
блаженных живет и тысяч хоров
270 благодарственный глас славит Божью власть;
та сфера, чью твердь не смеют вращать
ни извечный закон обновления дня,
ни тот, что Луны меняет лицо,
ежемесячный чин, ни тот, что следит,
75 чтобы год проходил одну за другой
четыре поры, — ибо вечный покой
надежно хранит недвижность ее, —
эта сфера тогда с места чуть не сошла,
когда Сатана-перебежчик сотряс
280 эфирный предел и войну учинил.
Узрела она восставшую рать,
и весь задрожал пред нечестьем эфир,
и объяла дрожь Полюс тот и другой,
и ось, нетверда, не могла устоять.
285 Природы лик перевернут был⁷:
Киносуру 'страх перед солью терзал,
Аквилона порыв на Жертвенник пал,
и на Гелику Нот.
И сам Козерог было начал уже
290 увеличивать день, а Рак — сокращать
пределы почей, и Солнце — во тьму
посылать лучи, поменявшись своим
владеньем с сестрой. Но, Божий указ
восприняв, тогда бесстрашный борьбу
295 воадвиг Михаил⁸; и он усмирил
мятежников рать, и крепкими их
цепями 'сковав, из горних велел

изыдти областей и в Тартара тьму
к подземным теням их круто низверг.
300 Оружьем его сраженный, лежит
неистовый полк, чьей муки пример
внушает благих держаться путей.
Довольно сего! Пусть будет их зло
последней виной, и последней — их казнь.
305 И пусть ЧЕЛОВЕК, — он, кого влечет
к себе и порок, и в чистой душе
живущая честь, — пусть он устремит
свой неверный шаг по прямой стезе,
чтобы племя людей, порожденное им,
310 в просторе небес, по изгнанию пустых,
водвориться смогло.

АКТ ВТОРОЙ

А дам, Ангел.

Ямбические триметры

Встает из мрака день законом вечного
круговорота: чин времен назначенный
принесит землям солнца шар блистающий.
315 Уходят звезды — большой светоч близится,
сестра от Феба, ночь от света прячется.
О, сколь велик Он, чьей рукою мощною
кружится неба ось, и вихрь стремительный
Олимп вращает, полюсами сдержанный,
320 и полный мира груз вперед и вспять влечет
все тем же кругом. Звезды, их создателя
закоу внемля, года сменой ведают;
Титан с блестящей гривой плет сияние,
Луна, созвездий хоры выводящая,
325 ночные тени рупит. Хода афирного
сей глас священный славит руку мастера,

и все светила в быстрой пляске носятся
в лад с небосводом. Нам служить создателю
всего — внушает мир, недозволяющий
³³⁰ к земле лепиться: манит в горние области,
и мысль приводит к первопричине собственной.

А н г е л

О ты, блаженный, блещет в чьем предсердии
преславный образ Бога величайшего,
кому — а это благо наивысшее —
³³⁵ дан ум и радость Богопочитания.
Адам, помысли, как ты возвышаешься
над всею тварью! Посмотри, вот глыбы скал:
творцом великим, как и ты, содеяны,
рукою той же, — между тем, природа их
³⁴⁰ чужда движенью. Вот деревья, взгляни на них:
в листе зеленой, всякое свой плод несет,
растут с годами и нескоро в старческий
вступают возраст, — но зато ни радостей
знать не дано им, ни терзаться болями.
³⁴⁵ А рыбы, звери и племя высоколетных птиц
цвета различают, слышат звуки голоса,
вдыхают запахи, пищи вкус испытывают,
и осязанье также служит службу им;
бежать умеют зла, в пользе следовать,
³⁵⁰ влечет их чувство — разум же отсутствует,
и не дано им мыслей, речью явленных,
ни внять, ни молвить; нет у них ни совести,
ни веры в Бога: жизни миг — вот благо их.
А тебе сверх этого — душу, смерти чуждую
³⁵⁵ и зла, внедрил Он госпожой над чувствами.
Свидетель славы Божьей, подчиняйся же
Его священной воле, — вот закон Его:
все для тебя Он создал, но тебя — Себе.

А да м

Бог есть, конечно, тот, чьей воле суша, понт
и оба Фебовы дома подчиняются.

³⁶⁰ Пред Ним простерто все, и, безначальный, Он
конца не знает, Сам началом будучи
и концом для мира. Все века грядущие

Он зрит. Он создал все и все создания

³⁸⁵ оберегает разумом радеющим.

Не связан телом, не стеснен пространственно,
живет повсюду и границ не ведает.

Источник правды, блага Ключ и Мудрость в Нем,
царица мира, ибо может все она.

³⁷⁰ Мчит небо кругом, Землю же опорами

крепит своими Он, и Он тяжелое

свергает, кверху направляет легкое,

движенья — первый двигатель — не ведая ⁹.

Единый вечно, все же существует Он

³⁷⁵ как триединый: ибо Он — отец всего,

тот, чьей могучей дланью все свершается;

Он Сын, от века явленный Отцом Самим

как божий разум, Ум Отца, Закон всего

и Слово, чьею силой непостижною

³⁸⁰ быть стало прежде бывшее ничтожеством;

Любовь Святого Духа и Согласие

их сочетает: Три же суть Единый Бог.

А н г е л

Сколь многое в малой, в скромной сколь великое
раскрыл ты речи, и пасколько явственно

³⁸⁵ ум в сердце вылепил Бога величайшего,

кого отчасти мы знаем, — совершенно же

лишь божье знамя: себя вмеща и жаждая,

вполне Он благо вкушает, в прочих — ущербнов.

Сам Бог есть Ум, что полнит мироздание
и стоит над миром: безначален во времени,
³⁹⁰ Он не пройдет веки; видит истину
до ее явленья, волит и чинит добро.
С ним несравнимы, но к нему ближайши,
мы — божьей волей — слуги—небожители
³⁹⁵ и ваши души: в нас ничто не связано
с каким-то местом, нас и разделить нельзя.
Но что или там мы, или здесь, — то правильно:
мы не повсюду сразу; так же в вас душа
в отдельных членах тела вся присутствует,
⁴⁰⁰ по вся в пределах тела, а не вне его.
В делах наших временем не скованы,
мы все ж не вечно действуем тождественно,
как Бог, но то начинаем, то прерываемся.
Им созданы мы смерти неподвластными.
⁴⁰⁵ Не знаем правды всей и нераздробленной,
и будущего. Воля наша держится
всего благого, — благо ж от Ума Его.
Адам, дано нам счастье величайшее
то волить лишь, что волит и свершает Бог,
⁴¹⁰ внимать приказам, почитать правителя,
хвалить законы и любить создателя,
того вмещаю, для кого открыто все.
Отца стремишься знать? — Учись у созданных
вещей: что есть, есть Бога отражение.

А д а м

⁴¹⁵ Едва представлю, что зверей, и рыб, и птиц,
самого меня, земли и небоздания,
Луны и Солнца — не было, причем еще
совсем недавно, — сам не свой, подавленный,
дивлюся Богу, мира создателю.
⁴²⁰ Так коли можешь — ибо то, что создано

до моего создания, знаешь лучше ты —
прошу, поведай, как и чередом каким
сей строй великий всем, что в нем, исполнился.

А н г е л

Два тела создал Бог еще до времени,
425 когда лишь Он был, кроме же Него — ничто.
Громады, прежде созданной, простой была
материя: части — все друг другу равные,
вид совершенен, — будто шар доподлинный,
кругла и острых не имела выступов, —
430 конец с началом в ней да не расходятся.
Ее природа, равномерно двигаясь,
была бессмертна, не боялась гибели,
без измененья места обращалась,
в круженье вечном сферы за собой влекла,
435 размерив время: здание небесное
висело, осью сдержано, — размеры чьи
определяют с двух сторон два полюса.
В глубинных недрах той громады прятался
лишенный света Хаос неоформленный.
440 его и всем ты можешь, и ничем назвать.
Тогда, сгущаясь, вниз упасть тяжелое
и вверх подняться не стремилось легкое;
сухое с влажным, и с холодным теплое,
большое с малым, с твердым вместе мягкое,
445 смеясь, таилось: все, что есть, из глыбы сей
могло создаться и облечься формами.

А д а м

Коснела долго мертвая материя,
иль вдруг предметов вспыхнул облик девственный?

А н г е л

Час не единый всякому отдельную
450 назначил форму: ибо с бегом времени
все, разделившись, место обрело свое.
Та часть, что стопы топчут, — серединная,
в соседстве с осью, — сдавленную тяжестью
вместила землю: в волны погруженная,
455 земля сначала морем покрывалася,
а море — мраком. Вдруг рукою божией
был создан воздух: вольный, он порывами
напал на воды, — но огонь, блестящего
служитель света, все еще отсутствовал,
460 и тень скрывала тьмою мироздание.
Тогда из емкой глыбы Бог изойти велел
огню—светоносцу и, веленью следуя,
сухой, пылающий, легкий изошел огонь.
Еще четыре мест своих не заняли
465 первоначала: суши в море не было,
над сушей — воздуха в виде шара полого.
Еще природа близ Луны тогда огня
не поместила: в воздух вдруг он вырвался,
оставив хаос, но на сферу выпую
470 не возведенный, в грубый ком составлен был;
как бы невольно к части прилепился он
восточной неба, и — круговращением
его подхвачен, стал подвижным светочем.
А вспять влекомый мчащейся окружностью,
475 одной потемки прежние на дважды шесть
часов вернул он части, а ясный свет — другой.
Так — умеряясь вечной ночи сменою —
твореньем первым первого дня был создан день.

Адам

Нельзя ль узнать мне, как была расположена
480 Та четверня¹⁰, родящая все, которая,
сплетясь взаимно, днесь — всецело слажена
и, все заполнив, пустоте бежать велит?

Ангел

Когда был явлен свет, Бог повелел тогда
летучим вихрям полнить части полые,
485 а емкому воздуху все занять порожнее
и, став в середине, отделять от нижних вод
небесную влагу; верный предписанию,
тот вверх распространился и увлек с собой
летучую жидкость: пар поднялся до неба,
490 где ныне тучи нависают грузные
и, мчась, рождают дождь из чрева тяжкого.
Но воздух не в одном лишь месте: три ему
даны отдельных области: жжет высшую
с огнем соседство близкое пылающим, —
495 там та, что ликом, беды возвещающим,
твоим потомкам да не шлет несчастья,
блестит Комета; то же место жар сухой
и путь падучих звезд хранит, прочерченный
в высоком небе. А в срединной области —
500 там хлад и влага, и, блуждая, разные
пары витают, — ливни здесь рождаются
и дыханья ветра быстрые, коль влагу зной
свергает или хлад срединной области
наверх порывам жарким закрывает путь.
505 Там — рокот грома и сверканье молнии
в великом возникают несогласии.
Там дождь унылый, зимней стужей скованный,
ватвердевает, снегом или градом став.

А низший, более плотный, воздух, жар набрав
510 отброшенного пламени, на землю шлет
туман тяжелый и росу чистейшую.
Так воздуха преграду, разделившую
два разных вида влаги, день второй узрел.
И в тот же самый день велеьем Божиим
515 в моря и реки воды собираются:
вода по руслам и меж побережьями
шла вдоль просторов, ею увлажняемых, —
тогда пред небом обнажила грудь Земля,
и на другой же день растенья вывела.
520 Покрыла поросль пашни плодородные,
травы, что соком налилась целительным,
взросла впервые, и, велеьем Божиим,
семена извергла. И деревья с этих пор
впивают соки Матери-Земли, пронзив
525 ее корнями, воздуха живительным
дыханьем дышат, а растут они — от струй,
приятых в недра, в самом же верху несут
огня живого жар, хранящий целое;
530 а чтобы растенье род не погубило свой,
оно перед смертью себе рождает подобное.

Адам

Мы верно ль полагаем, что в четвертый день
Бог создал звезды, лунный свет и солнечный?

Ангел

Когда эфирный свод уже четырежды
настиг то место, где вращенье начал он,
535 окружность мира к тверди неба огненной
шар прикрепля; место, что оставили
пустым Эфир и Воздух, — для кругов своих
огонь срединный занял; после этого

Бог создал звезды: и не хаос низменный
540 в состав их входит, — лучшая, тончайшая
материя рождает звезды: та же их
природа, что у Неба, в кое вколоты,
они бегущим светом ночь приветствуют
и день, и делят между ним и тьмой часы,
пары вздымают силой жара горнего,
545 вещают ведро, ливень и ненастие,
определяют года дни и месяцы.
Сияют с тверди две звезды, которые
всех прочих больше: Феб огня кипучего
550 тепло на землю плет, как будто зеркало,
и, дня правитель, силой блеска прочие
светила гасит, в небесах померкшие;
Луна же, ночи госпожа, похитивши
сиянье брата, чуждым светом светится:
555 коль, стоя против Солнца, предстоящие
лучи впивает Феба благодатная
тогда низводит в мир себя, чтоб тьму крушил
блеск безущербный; если же в объятиях
сестра у Солнца — ночь молчит безлунная.
560 И чем Титана свет сияет ближе к пей,
тем у светила тоньше серп двурогого.
Сей день четвертый кроме этих двух светил
на разных сферах звезд увидел множество.
Светилоносных восемь есть окружностей,
565 из них звездами блещет высочайшая,
на прочих сферах — по одной планете лишь.
На высшем круге полосой широкою
двенадцать знаков, проходя которые,
то дня, то ночи царством Солнце движется, —
570 то милостивой дланью продлевая свет,
то тень простерши. Оба Семизвездия
вмещает этот дом, Гиад дождливых — тот,

а также вестниц осени и весны — Плеяд.
Оттуда бурей мощный Орион грозит
и Пес пылает, в зное задохнувшийся.
575 Семь сфер, несущих по звезде блуждающей,
идут вслед Солнцу, — два у них движения.
Хотя стремленье Неба наибольшего
влечет пасильно их в дневном вращении, —
580 сдержав невольный бег, они насупротив
влекутся сами: сила свода верхнего
с Востока увлечает днем стремительно,
а ход петоропливый возвращает их
с Заката к дому Солнца Восходящего.
Бег звезд различен: по шести четырежды
часов с собою небо сферы нижние
вращает: первым стышет на звезде своей
Сатурн тяжелый, он за трижды десять лет
неспешно совершает путь свой по небу;
за ним — Юпитер (путь его — двенадцать лет)
и Марс соседний (путь его — двухлетие).
За ними — Солнце: свой измерит круг оно
всего лишь за год; следом Солнца спутница,
звезда Всперы, и Меркурий маленький
бегут в пространстве меньшем. Ниже названных
проходит в месяц Фебова сестра свой путь.
Когда увидел Бог все, что им создано, —
признав, одобрил.

А д а м

Дель какой зверей и рыб,
птиц и скота, и гадов зрил создание?

А н г е л

60 Когда позавтра Феб свой свет опять зажжет,
велел всемогущий, чтоб в стекле озер, и рек,

и вод морских, с луною прибывающих,
поплыли рыбы; и крылами быстрыми
свой путь торили в воздухе пернатые.
605 И создал чудиц моря изобильного —
китов огромных и чешуеносный род,
и род летучий: в каждом роде — множество
различий, видов, созданных Природою
безмерно щедрой: каждому душа дана;
610 она — живого тела форма властная, —
растет, питает, чувствует, живет, плодит.
И Бог, десницы мощной видя творчество,
слова такие молвил в одобрение:
«Питаясь всякий пропитаньем собственным¹¹, —
615 растите сами; множьте вашу численность,
плодя потомство: в семени сокрытые
высвобождайте души, — сочетаясь,
его вмещайте в чрева плодородные,
храните, чтобы плод родился вовремя, —
620 с земли чтоб было видно птиц бесчисленных,
чтоб рыбы толщу вод просторных полнили».
День следующий (он шестым для мира был,
для Феба — третьим, для тебя и всех иных
животных — первым) повелел Создатель-Бог,
625 чтоб сотни гадов шли путями полыми,
чтоб сотни ядов робким, коль позволит Бог,
грозили тщетно; и велел, чтоб в девственных
лесах блуждали звери, и скоты паслись
в лугах зеленых: все, главу клонящие
630 к полям родимым, в небо непривычные
вперяться взором и — навеки связаны
с землею — видеть храмины небесные.
Адам, вот сколько есть с тобой несхожего;
когда же создал Бог тебя и дал тебе
635 свое подобию — знак удела высшего, —

то в дель седьмой — священный — опочил от дел,
признав, что выше пичего не создал Он.
Но вот, я вижу, идет к тебе жепа твоа,
я — удаляюсь, долгом призываемый.

Е в а. А д а м.

Ямбические триметры

⁶⁴⁰ Супруг, со мной союзом вечным связанный
по воле Божьей, — без тебя и долг прямой
надолго оставаться запрещает мне,
и жгущий сердце жар святой любви моей.

А д а м

О ложа сонасельница, чьи кости Бог
из моей составил кости, чью из мужниной
слепил Он плоти плоть, дабы рожденное
к своим истокам снова возвратилось!
Как дивно помыл Бог, все постигающий,
что невозможно полно наслаждаться мне
⁶⁵⁰ без друга жизни: души слаще трогает
услада, если поровну делить ее
с любезным другом. Радость приобщать других
к своим богаткам, многим уделять свое, —
в природе блага: нет ведь без товарища
блаженства, — скорбно счастье одинокого.
Когда десницей щедрою создателя
зверей породы все мне были отданы,
своею коим волей я имена нарек,
то оказалось: для меня подруги нет
⁶⁶⁰ другого пола. Божьей дланью посланный,
тогда глубокий сон объял все члешы мне,
и — скованному дремой — морок тягостный
затмил все чувства; из глубин груди моей

Но что за дивный голос слух мой радует? —
То хор эфирыи Высшему Правителю
хвалы возносит святые, — я подпою ему.

Хор

из разных лирических размеров

- ⁶⁹⁵ О, творец всего, благодарный славит
ум тебя побывалым гимном ¹²,
свидетелем могущества
выставив мирозданье.
Твое велелье ясное
- ⁷⁰⁰ одето славой; хвалы парядом
красуясь, светом святым 'сияет.
Божья десница, воздух набросив
шлемом просторным, светлого чистым
пламени кровом землю укрыла.
- ⁷⁰⁵ Облака дождепосные
Ты ввергаешь в узилища, и, возпица мощный,
уздою быстрой с бурей справляешься,
легким ветром несомый.
Твоих посланцев службу исполняя,
верхи деревьев поражают Кавры ¹³;
и Восток и Запад взирают
на мощь живого пламени рабскую.
И, тебе служа, мы — столь же, сколь ветры
и огни, скоро — исполнять мчимся
- ⁷¹⁵ все, что ты прикажешь нам.
И, неподвижна, трепещет земля пред Тобой,
допуская,
чтоб послылись вокруг своды эфирыи,
не желает сама кружным путем нестись.
Первый видел ее день погруженною
- ⁷²⁰ в воду, ибо тогда скрыли потоки все.

Брегом был небосвод, мраком покрытые
гор хребты Океан прятал высокие
вод пучипой бесчинною.
Боже, по лишь приказал Ты высокогремящею
речью,

⁷²⁵ чтоб отступила волпа, как тотчас волпа отступила;
и, повинаясь Господу, влага
ушла в глубины: Земли поверхность
открыли воды. Они, стремительной
хлынув лавой с самого верху,
⁷³⁰ меж холмами в низменных долах
осели, после ж в отведенных
держались 'складках.

Был Тобою простор заключен в надлежащих
границах,
чтобы вновь он не скрыл высокими водами земля,
чтобы суши чело из вод показалось опавшим
Ты приказал рожденным
в скалах ручьям пробиться:
их, утоляя жажду,
пьют звери и онагры;

⁷⁴⁰ близ них садятся птицы
и сладостно щебечут
под сению дерев.

Влагу в виде дождя над вершинами ты проливаешь
и, разливая вдали с высоты небосвода долины,
⁷⁴⁵ землю ливней, из туч исторгнутых, Ты причащаешь
там, где приносит плоды, напитавшись, родищее
чрево.

В землях тех, где скот и стада пасутся,
хороши дуга: наливаясь соком,
там растут трава, и отменным кормом
⁷⁵⁰ на полях хлеба вызревают тучных.
И земля дарит плотный плод масляны

и — чтоб сердца мощь ликовала вволю —
лозы хмельные.

И уделил ты от влаги своей возвышенным кручам,
755 где возрастают до звезд ветвями могучими кедры,
в коих живут воробьи и аисты клювом стучащим.
Часто близ самых вершин на елях висящие гнезда
в воздух просторный птенцов высылают и:
трепетных чернях.

Гор вершины высокие
760 сделал ты обиталищем
племени козлиному.
Повелел Ты, — и кролики,
Повелел Ты, — и быстрые
зайцы в норы скалы крутой
765 тут же устремилися.

Дланью твоей создана, Луна на месяцы делит
годы и, полня ущерб своего подвижного лица,
то половинным серпом, то полным кругом блистает.
Только закатится блеск Титана в урочное время
770 и возвратит просторы земли исконному мраку, —
тут уж пора из пещер выходить звериному роду.
Желтых львиц тогда отпрыски хищные
жертвы ждут в прокорм, жалобно рыкая:
и питья, и яств просят, голодные,
775 чтобы дал им Бог; если ж сияющий
в небе день блеснул, — леса пасельники,
звери, все спешат, да не увидят их,
к логовищам возвратиться в чашу.

Сам человек, коль дела его ждут, да не бродит
бесцельно,
780 бодрствует, ум устремив на дневные заботы,
от коих
освобождает, придя безмятежным светочем,
Веспер,

сон принося и отдых ему. О Владычица мира,
Мудрость великая, ты, сотворив просторы земные,
правишь и небо, и дол; и твои повеленья —
кощепю,

⁷⁸⁵ немногословно, но все ж — Земля великая славит.

Прославляет тебя судоходное
море, тварей больших и малейших
и бесчисленных рыб кормящее;
здесь глазами блестит огромный Кит:

⁷⁹⁰ то скрывая в волнах чешую спины,
то игриво хребтом разрезая гладь, —
силу творца являет собой.

Ибо все, что есть в мире Твоём, —
все от милостивой длани Господа:

⁷⁹⁵ от решений Твоих жизнь зависит живущих,
а коли ты отдашь их смерти хищной, —
престятся с жизнью.

Всяк в положенный срок зверь пасыщается,
ибо длань твоя уделяет пищу:

⁸⁰⁰ Если обильною грудой благо
тварям дарит она, — всяк бывает сытым,
травояд и хищник; по едва лишь лик свой
Ты от них отвернешь, или же грозным глянешь
взором, — сразу жизнь уходит,
расворяясь в бесплодном ветре
и расставаясь с телом бременным,
а оно прекращает
чередой вздыматься вдохов и выдохов
и прахом тонким становится вскоре.

⁸¹⁰ Но снова Воли Твоей живящим
порывом рождают полные чрева
потомство, и оно
не даст истребиться роду,
вместо погибших

⁸¹⁵ вновь несет Земля молодую поросль.
И покуда — Зари обновитель —
годы все новые Солнце выводит,
покуда, сверкая темпою ночью,
объемлют звезды окружность мира, —
⁸²⁰ будет мир греметь Божеству хвалами.
Итак, уверимся:
Божье никогда не пройдет велпчье;
Бог охвачен Сам радостью зрелища
столь великих дел, кои закончил Он
⁸²⁵ к дню седьмому, творец могучий.
От Его кивка Земля трепещет,
от Его касанья горы,
черным туманом
небеса застав, испускают плотный
⁸³⁰ из вершины пар, выдыхая тучи.
И покуда свод в беге свободном
будет влечь семь звезд, мы неустанно
Отца вселенной будем славить имя,
ладом бегущим веда семиголосую песнь.
Будем песне святой вечно
предаваться и Бога
в превеликой радости
выше небес прославим.
Он и от бед грядущих
⁸⁴⁰ спасет великодушно,
и собрание святых возглашать ему будет
«АЛІЛІУІА».

АКТ ТРЕТИЙ

Сатана. Адам

Ямбические триметры

Врага, что шагом гордым супротив меня
стремится, вижу, — значит приближается
злодейства время: накопец сюда ко мне
⁸⁴⁵ Адам подходит, и к тому ж — один идет.
Его оставил — к пользе нашей ярости —
побес блюститель пыше без союзника.
Сковав обмана сетью неразрывною,
его поймаю: я удары выверил;
⁸⁵⁰ А путь для козпи хитрой пусть притворная
любовь изыщет. Ты спокойно зришь врага ¹⁴,
сатана, и зубом хищным не разишь его? —
Узда слабеет, не справляясь с яростью.
Так оный стада самый сильный ужас — волк,
⁸⁵⁵ всегда, когда стремится он задрать быка, —
следов читает тихо знаки дальние,
и сдерживает, медля, торопливый шаг.
Но коль добыча прямо перед ним стоит, —
прыжком бросается мощным, и вздымает шерсть,
⁸⁶⁰ пасть скалит, и не терпит промедления.
Блеснет надежда — трудно ярость сдерживать.
Но нужно сдержаться: явных стрел удар слабой
разит защищенных, — что же, явим дружество.
Земного круга кормчий, властелин морей,
⁸⁶⁵ Адам, десницу стиснуть разреши твою.
Что взор блуждает строгий, что любезные
глаза отводишь, отвергая преданность?
Тебе я создан равным дланью Громовника,
и светлый зрил меня своим насельником
⁸⁷⁰ эфир когда-то. Богом — тем, кто так суров

чем заключу я мир, любовь и дружество
с изгнанником неба. Как у волка с агнцами,
в союзе нашем будет то же равенство,
⁹⁰⁰ пока, влекома алою повозкою,
Заря восходит, Ночь — блистает звездами,
пока блажен я буду, и несчастен — ты.

С а т а н а

Кто смел — с могучим бьется; тот, кто жалкого
сразить способен, — духа полоп низкого.
⁹⁰⁵ Зверей владыка, Лев не станет буйствовать
пред кротким агнцем, рыком утеснять быка;
но пред медведем вздыбит гриву грозную,
и пасть отверзнет, скаля зубы острые.
Коль веришь, будто я тебе опасен, — то
⁹¹⁰ войну из страха отложи; коль нет, — тогда
войну ты все же отложи: считай, что я
не стою гнева, мир прими предложенный,
вассала, счастлив сам, приветь в несчастьи.

А д а м

Считай, что гнева моего не стоишь ты,
⁹¹⁵ любви — тем меньше.

С а т а н а

Да, но не ничтожны мы,
Адам, такого не держись ты мнения,
И можем другу мыслью, словом, сплюю
помочь. Конечно, Бог, насколько мог, меня
лишил владений. Но в душе — честь прежняя,
И сердце — зорко мудростью глубокою.
У нас осталось царство, силы есть свои,
и власть большая. Горд эфирный храминой
Бог-громовержец, царство наилучшее —

земля и море — отдаю тебе, — по мне
послушны глуби: тем, что под стопой твоей,
владеем царством; правят мгlistым Тартаром
отверженных жезлы Демонов. С моим твое
владенье рядом, — можем править вместе мы.

Адам

Что суша служит жезлу моему и Попт, —
дар Громовержца, — по ему за это я
служить обязап: как его вассал, других
не ищущу вассалов, или же союзников, —
тем, что назначил Бог, вполне довольствуюсь
и лишь убыток вижу в грешной прибыли.

Сатана

Но кто ж отвергнет дар, другим предложенный?

Адам

Кому даритель столь же, сколь и дар, не мил.

Сатана

Однако пользы в войнах бесконечных нет.

Адам

И нет ущерба: страха и надежд я чужд.

Сатана

Нужда несчастных для счастливица выгодна.

Адам

⁴⁰ Что совесть позволяет, то и выгодно.

Сатана

Препятствует ли совесть заключать союз?

Адам

Зовешь союзом общность преступления?

Сатана

Все, чем владею, тем владеи и ты равно.

Адам

Что можешь кроме зла ты дать, делись своим?

Сатана

⁹⁴⁵ Вредить не стану, помогу, где следует.

Адам

Что ты сможешь, кто же мне поручится?

Сатана

Клянусь, ручаюсь, слово и обет даю.

Адам

Злодей, изменник, вероломный, изги:

Сатана

Клянусь великого Бога волей вечною.

Адам

⁹⁵⁰ Он ныне в тебе без тебя обходится.

Сатана

Коль лгу, пусть вечно гнев его казнит меня.

Адам

Боятся ль казни, худшим не испуганный?

С а т а н а

Я помогаю другу...

А д а м

Да: погпбать с тобой.

С а т а н а

Коль ты, упорством безрассудным движимый,
не хочешь мира, — ныне же вражду мою
и гнев познаешь. Вечно ковы злобные
готовить стану, вечно буду враг тебе.
Дня не увидишь без войны иль хитрости, —
из сердца ярость не уйдет возникшая:
⁹⁶⁰ ты, отказавшись быть моим союзником,
со мной разделишь кару, — зреет месть моя.

А д а м

Ярись, свирепствуй вволю: я условия
войны приемлю, не боясь угроз твоих.
Кто доступа в сердце стрелам не дает твоим,
⁹⁶⁵ Того любви Божьей щит тройной хранит.
Бояться Бога — вот приют надежнейший.
Изгнанник, прочь.

С а т а н а

Вас также ждет изгнание.

Х о р

Асклепиадовы стихи

О Евфрат, что рожден дальнею Капотой,
ты, прорезав страну горной Армении,
⁹⁷⁰ долу с Тавра скользишь тученосителя;
ты, набравшийся сил у Каппадокии,

тут лишь волю даешь буйству течения,
после мчишься стремглав в земли закатные,
но склоняешь свой путь к Нотам, песущим дождь,
975 вет ипых берегов, больше прославленных,
тишнун ковми ток, ты бы катиться мог,
чем святые места приспоутешные,
где Эдем, в четырех руслах обласканный,
где обильна земля, где, перемешаны
980 с почвой, воды твои гуще становятся.
Здесь десплица творца рощу обильную
украшает древес разнообразием.
С веток виснут плоды пошей тяжелою:
Смоквы сочные здесь, сливы душистые
и каштаны среди Крустумерийских групп¹⁶;
там на листьях лежит скрытый двустворчатой
скорлупною орех, рядом миндаль, за ним
мушмула меж ветвей виснет пурпуровых;
вишни спелые есть, а земляничны
990 с шелковицей одним пурпуром крашены.
На лугу посреди сада Эдемского
Всдержкателем два древа посажены:
вечпой жизни одно символ, другое же —
знаменует собой знание двойное:
плод запрещен его, кара за тяжкое
преступление — смерть: ибо страдания,
беды с тяжелой пуждой, старость тяжелая,
смерть и все, чем еще будет чревато зло, —
за корою его скрыто запретною.
1000 Под платаном густым здесь возлежа, Адам,
перевивши виски зеленью лавровой,
наг, с жепю своей нежной (а хочет он, —
так воссев на берегах тока Ассирии), —
прославляет дары мощи божественной
1005 песни летом святым, сладостно льющейся.

Песнь слышав, летят ближе пернатые,
сладко вслед ей звучит песнь соловьиная,
подневает Евфрат¹⁷, тихо струящийся.
¹⁰¹⁰ Уступает ему Нил, истекающий
по семи рукавам в море широкое,
Нил, поящий Фарос¹⁸ влагой обильною;
и с летящей стрелой сходно песущийся
Тигр, чье русло с его руслом встречается;
¹⁰¹⁵ и по Индии Ганг жаркой струящийся,
златоносным своим током прославленный.
Человеков чета! — ежели любо вам
жить в блаженстве таком — бойтесь, бойтесь
волю Бога презреть Законодателя.
¹⁰²⁰ Не срывайте же плод древа запретного,
всех родителя бед. Кара великая
ждет ослушников. Се зрите, Тартар
утесняет тюрьма скованных демонов,
от эфира границ отчего свергнутых.
¹⁰²⁵ Если Божья мила щедрость, и если страх
перед Господом есть, если к Отцу — любовь,
жизнь получите в дар вечную, род людской
навсегда обретет долю блаженную.
Заклученный союз с парой супружеской
¹⁰³⁰ будет силу иметь и для потомства их:
все наследники их божией милостью
будут осенены: о добродетельных
позаботится Бог меньших не менее.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Ямбические триметры

Е в а. С а т а п а.

Зачем тропею тварь сия обходною
¹⁰³⁵ петляя, держит путь ко мне извилистый?

Шипя, вращает головой хохлатою,
язык трехжальный бьется, и глаза горят.
Воздета гордо шея, грудь отмечена
раскраской редкой: голубыми знаками
¹⁰⁴⁰ круглятся нятна, и сверкают золотом
полос извивы; кольцами блестящими
сверцуюсь тело, и спина — в круги свиваясь.
Теперь на шее гибкой клонит голову,
вот, обернувшись, устремленным взором зрит
с главою рядом хвост, узлом завязанный.
Но кто б то ни был, он сюда ко мне ползет,
простерся рядом, низко изгибается,
свивая кольца возле самых ног моих,
глядит, как будто — диво! — может слово речь.

С а т а н а

¹⁰⁵⁰ Конечно, слово пользы я могу изречь,
и не премину. — Радостно, что в ваши я
вступил владения. Мощными объятьями
просторный воздух их объемлет; твари все,
на суше, в море, в воздухе живущие,
¹⁰⁵⁵ довольны этой долей: подчиненному
всего важней от диких не страдать господ,
людским приказам внемля: коль правителем
ум управляет, — не позор служить ему.
Одним смущен я: благ податель (так ведь он
¹⁰⁶⁰ желает зваться) запретил, чтоб ели вы
плоды вот эти. — Зависть право, странная:
ужель отдавший Землю во владение
не хочет, чтобы Садам наслаждались вы?

Е в а

Но и деревья все, какие здесь растут,
¹⁰⁶⁵ и плоды любые — все они для нас растут.

в Саду есть можно все, что только глаз узрит;
и только древа, посреди стоящего,
плоды запретны меж ветвей изогнутых, —
Отец Великий повелел не трогать их,
1070 чтоб с жизнью ненароком не расстались мы.

С а т а н а

Не верь, что только яблоко одно сорвав ¹⁹, —
точас вы смертью верной умереть должны.
И как погибнут те, кого назначил Бог
для вечной жизни? — Судьбы управляют всем ²⁰:
1075 вперед известно, что свершим, и бедствия
нас постигают свыше. Богом писаны,
живут законы вечно; обусловлено
своей причиной, все, как падлежит, идет.
Строй верный, должный чин и воля Божия
1080 грядущим правят: ежели хотят они —
смерть неизбежна; не хотят — так можете
рвать безущербно, не терзаясь страхами.
Они, конечно, не хотят, и вас — не ждет
лелейский жребий, или мука смертная.
1085 Да и смерть, поверь мне, есть не что иное, как ²¹
черед извечный перемен бесчисленных.
Все, созданное, чтобы быть, погибели
не зная, гибнет вечно, — всякий день несет
смерть и рожденье вместе, два врага всегда
1090 в борьбе и — побеждают одновременно.
Смерть есть путь к жизни, а рожденье —
к гибели. —
что мнится казнию, то считай естественным.
Не след бояться смерти, — умерев вполне,
воскреснешь, лучшим став, таков ведь тел закон:
1095 всегда стремиться к доле совершеннейшей.

Но, может, мнишь ты, будто смерть душе
грозит? —

Вдвойне ошибка: души только действуют²²,
но не страдают; гибель — это длительный
распад состава, а у души ведь нет частей,
¹¹⁰⁰ и ей ущерба нет от бега времени.
В себе живая, не извне заимствует
жизнь для другого: свой она сама исток.
И меня, конечно, трудно убедить, что Бог
быть бесполезным этот плод навек обрек.
¹¹⁰⁵ Ведь всякий знает: все, что Богом создано,
хвалы достойно: быть и быть благим — одно²³.
Дала природа каждому для свойственной
рождаться цел! быть велев не попусту.
Сочтя недолжным то вкусить, что создано,
¹¹¹⁰ вишишь десницу, скверное создавшую.

Е в а

Не знаю, в чем тут дело; но что должно мне
приказ исполнить, — знаю: так ведь Бог велел.
И, впрочем, помню, что, передавая нам
Сад во владенье, Бог свое условие
¹¹¹⁵ затем поставил, чтобы древо, знание дав
добра и вместе зла, не осквернило нас. —
Дарящий, вправе дать закон даримому.

С а т а н а

Зачем же древо не вошло в даримое? —
Ведь повелел Он, чтобы земли с водами
¹¹²⁰ вам подчинялись: древо же — как некая
часть мощной суши — ставит под сомнение дар.
Коль он вправе часть своих даров отнять,
когда захочет, — много ль в даре милости? —
Со всем проститесь, — коль назад потребует.

Нет Богу, если щедр и неизменен он, —
менять хоть что-то не пристало в созданном.
Сама подумай: в этом нечто важное
должно скрываться и, поверь, скрывается. —
Он благо прячет, кое плод в себе таит
1130 и хочет знанье, как добро со злом сплетать,
от вас скрывая, только для себя хранить.
О мерзкое рабство, о служенье тяжкое
тому, кто только о себе заботится! —
Дурным зовется тот, кто лишь для себя хорош.
1135 Что здесь, забота или же — презренье,
раз все вершит он ради славы, лучшее
себе оставив? О ярмо песнопное!
Чем несвободным быть, не быть — не лучше ль?
Сто верных ратей воинства небесного, —
1140 блаженный жребий коим был в вину вменен,
чья мощь — завидной мнилась, грозным —
равенство, —
Тиранин изринул и отправил в тяжкое
изгнанье: небом вскормленных на мрак обрек
тюрьмы подземной, — молят те смиреннейше,
1145 готовы, коли есть вина, признать ее,
но он, жестокий, их не внемля жалобам,
казнит несчастных непрерывной мукою.
Коль в самом начале царства столь недавнего
столь вознесенных он столь тяжело теснит, —
1150 что ж будет дальше? — Годы царства долгие
каким пожаром петерпимый дух зажгут?
Не благо ль — угрозу по чужой беде узнать?
Будь в нем любовь к вам, — смертью не пугам бы
вас,
любви ж, как видно, нет. — Так что ж, разбив
ярм, —
1155 освободитесь! — вы ведь на своей земле, —

здесь не эфирный свод, еще небесное
не разместилось в этих землях воинство.
Гоните рабский страх, облекшись мужеством, —
опасность не осилить без опасности ²⁴,
¹¹⁶⁰ в неверном деле доблесть дело верное.

Е в а

Прочь, прочь изыди мысль, что жало зависти
Его терзает, или что от благ чужих
Он страждет, — давший их и всем владеющий.
Земли владыка и даритель станет вдруг
¹¹⁶⁵ жалеть о древе? Если ж сатанинскую
казнил он злую стаю за восстание, —
мне что за дело? — видно, казнь заслужена.
По объясни мне, всех одолевающий
умом животных, сей запретный плод таит
⁷⁰ какое благо?

С а т а н а

Имя отвечает нам.
Души услада — знать, понять отличие
добра от злого, зло — не зло, когда его
познаешь; счастье для ума единое,
когда отдельных видов блеск способен он
¹¹⁷⁵ свести к единству и узреть глубинную
вселенной цельность, всех причин сцепление
представив в духе, верх блаженства коего —
прямое знание истины незыблемой.
Ведь умозренья силе провицательшой
¹¹⁸⁰ весь мир распахнут, — к этой сила разума
стремится цели, но — чем больше найдено,
тем больше дразнит то, что не изучено.

Так вечно страсть к познанию возбуждает ду.
не то, что знает, цепит он, а то, что нет.

¹¹⁸⁵ Лишь Бог все зпання может без труда вмсцать,
поскольку сами те ему предносятся;
сам всеискусен, без науки мудр, других
лишил того же: либо существам живым
ума он не дал, либо — это ль правильно? —
дал, но — увечный, слабый, путь же к мудрости
он переполнил тяжкими страданиями.
И даже с вами благом сим не делится,
хотя сулил вам дать свое подобие.
У вас есть право, требуйте, обещанный

¹¹⁹⁵ возьмите сами дар: что скаред-Бог сокрыл,
даст это древо, тайных сил вместилище.
Бог знал прекрасно: в тот же 'самый день, как вы
плодов вкушенных сок живой впитаете, —
скрывавший душу мрак и тьма слепящая

¹²⁰⁰ тотчас исчезнут, — равны Богу станете
и различите, где ущерб, где польза вам.
Вот смысл запрета плод вкушать таинственный,
вот смысл пустого 'смертью устрашения, —
чтоб, испугавшись зол, вы благ не ведали.
Поверь совету: для восстаповления
прав ущемленных случай упускать пельзя. —
Бери чужое, чтобы сохранить свое!
Положим, ныне оный 'свода быстрого
правитель вырвать мыслит прежде даннсе, —

¹²¹⁰ он — мыслит, ты же — сделай, хитрость выдумав.
Ведь очень сложно славу сохранить, коль ты,
владея старым, не стремишься к новому:
благ бремя рухнет, придавив хозяина.
Брать прибыль — бегство от урона лучшее.

¹²¹⁵ Смотри, коль можешь видеть, что свершается:
один укус — и вы богами станете.

Е в а

Ужели разум также и в груди других
цвет животных? — Эта тварь бессмысленна,
но так не мог бы молвить тот, в ком смысла нет.
1220 Поестъ запретных сих плодов отважиться
меня склоняют и его пастойчивость,
и любопытство. Но, пожалуй, лучше мне
чувств обольщенье одолеть коварное,
чем наслажденный подлинных лишить себя.

С а т а н а

Нельзя позволить, чтоб пустая мнительность
тебя смущала, — естеству противиться
безумье: верь мне, все, что привлекательно,
то допустимо, — зову чувства следуя,
1230 сама с собою битвы не завязывай²⁵.
Ведь мать-природа о живых заботится
и дарит чувства в качестве вожакого, —
воспринимая внешний вид вещей, они
о свойствах судят: если вещь полезная,
1235 охота тянет к той, что благом кажется,
от вредной — гонит; ведь желанье, данное
душе недаром, мчатся к цели собственной.
Все то, чей запах, вид, а также вкус влечет, —
природе мило: ибо запах, цвет и вкус
1240 и все такое — пользу не в себе несут,
но лишь охоту будят к вождьскому,
даря усладу благам потребляемым
Вождем поверив этим, дай желанные
плоды-утробе, — достигишь до дерева,
сорви золотое бремя, ветви гнущее.
Теперь осталось только поднести к устам, —
и эта малость даст тебе величие.

Ева

О плод сладчайший, до чего ж твой вид моим
глазам приятен, как же запах нравится!
50 Когда б, отринув страх, тебя я есть могла,
твой вкус отведать, свойства величайшие
познать, которых видеть не дано глаза.
Не ясно ль разум учит, что ни телу смерть
грозить не может, ни душе? — Но страх пустой
55 смущает мысли. Разве зависть Божия
видна не ясно из запрета плод вкушать?
Не ясно ль также, что сравняюсь с Богом я,
когда познаю, что приносит пользу нам,
что — вред и горе? И не уверяют ли
1260 в том ощущение, что вкушенье — сладостно?
Так отчего же страх пронзил суставы мне²⁵,
и леденящий ужас вглубь костей проник?
Причины для страха — нет, но страшно все-так
Приблизить сладко плод, и все ж десница мне
1265 не служит, словно бремя не по праву ей,
— прочь устремилась, плод бежит от губ моих,
уста немеют, бед предчувством скованы;
Трепещет древо на земле трясущейся, —
что хочешь ты сделать, женщина? — Благо
подателя,
1270 кто создал все, блаженством одарил тебя
и всем созданным предпочел единую, —
его покинуть хочешь, двум несмысленным —
ползучему гаду и чувствам своим — доверившись?
Поверь наказам лучшим: если смерть тебе —
1275 ничто, — пусть щедрость остановит Божия.
И она не может? — Пусть удержит зла боязнь.
Взвесь то и другое: здесь добро наличное,
там зло грядущее; мысли разбегаются,

и ум трепещет и решить колеблется.

¹²⁸⁰ Душа, почто ты медлишь, и вопросами
себя терзаешь, и решенье легкое
никак не примешь? — Узел разруби, решишь.
Сломай препоны и освободи себя.

Представь, насколько щедро наградит тебя
¹²⁸⁵ плод заповедный: все, что есть, познаешь ты
и станешь новым богом, — стоит пробовать.
Людскую долю лишь один укус решит.
Ведь не в тебе лишь дело: ты сейчас помочь
потомкам можешь на тысячелетия.

¹²⁹⁰ Рабами лучше быть или свободными,
людьми иль богами? — Чей удел блажеспсе?
Узнав, конечно, Бог меня простит за то,
что лучше Бога ничего не ведаю.

А если, строгий, Он не даст прощенья
¹²⁹⁵ за мой проступок, — то сочтет нечестием •
уже и это, — ибо часть немалая
греха свершилась: я коснулась дерева,
плод мною сорван, я на то, что худшим он
сочтет, решилась; что бы я ни сделала, —

¹³⁰⁰ грех будет тот же, — и почти свершенное
в вину вменится. Стоит ли, раз сделан шаг,
на место ногу возвращать ступившую?
Смешно и глупо мерой грех вымеривать ²⁷.

Виллою новой прежняя пзбудется.

За ослушанье высшей воли Гбспода
Величье Божье может обвипить меня,
по также может от вины успех вины
избавить ²⁸: это, это лучше выбрать мне.
сверши, десница, устремись к устам, давно

¹³¹⁰ того просящим жадно, что сей плод таит.

Уста, вкусите древа плод счастливого,
затем во чрево дайте вход вкушенному.

О, вкус сладчайший, о, сколь это лакомство
ласкает небо, о, сколь сок мне нравится!
Ублажена я! — Остается только мне,
чтоб муж причастен блага стал толикого.

С а т а н а

Конечно, станет, ты еще оценишь прок
моих советов, — лишь поймешь, в чем дело здесь.
Узнаешь благо и, поверь, узнаешь зло, —
¹³²⁰ ни на день с этим знаньем не расстанешься,
с родительницей схожих и детей родишь.
Сейчас прозреют очи, и увидишь то,
что ныне скрыто, а чего ж еще желать?
А вот — приметой первой доли избранной —
¹³²⁵ твоего супруга случай благой ведет сюда.
К себе я молча уползаю в логово,
а ты супругу редких яств отведать дай.

А д а м, Е в а.

Ямбические триметры.

Весь сад песпешным шагом, с остановками,
пройдя, вернулся снова, накопел, туда,
¹³³⁰ откуда начал я пути свершение.
Первоначало странствий — древо опое,
символ священный жизни нескончаемой.
Широким кругом обойдя по берегу
все остальные и насытятся каждого
¹³³⁵ плодами, снова здесь я: мне не встретилась
жена ни разу, — я тревожусь: где она,
какими голод утоляет яствами?
Ужель? Ее ли вижу? — К ней приближуся.
— Где ты скрывалась и какую пищу,
¹³⁴⁰ подруга ложа, тела подкрепляешь мощь?

Е в а

Под этим деревом ложе травы выстлалл,
оно и тенью нас дарит, и кормит нас.

А д а м

Что вижу? Не сго ли Бог бежать велел?
И не с него ли запретил плоды срывать?

Е в а

¹³⁴⁵ Его касаться нам он запретил, Адам,
плодов — страшиться требовал, поэтому
мне и не страшно. Глянь, его румяный цвет
плениает взоры глаз, — а что, по-твоему,
внутри за этим скрыто благолепием?

А д а м

¹³⁵⁰ Дрожь ледяная члпы бьет безвольные,
стою безжизнен, вздыбясь, стынут волосы.
Едва дышаще путь со стопом тягостным
себе находит. Диво зри великое,
всяк зритель мира: человек дрожит, стеля.
Что слух сразило? — Не напрасны, чувствую,
законы Божьи: мнится мне, что смерть пришла.

Е в а

Адам, поверь мне, нет причин для ужаса,
и нет для вздохов пикакого повода.
Отважься лучше, и прими с веселлем
¹³⁶⁰ сей плод, рукою сорванный супружеской.

А д а м

Как? Мне, приказы презирая Божьи,
за нечистой следовать чистому, мужу — за
женщиной?

Е в а

Достойней, если плод принять решишься ты,
а не решенье применишь недостойное.

³⁶⁵ Судить поспешно — то же, что ошибочно.
Ты громогласно осудил певинщую,
по сам исходишь из предубеждения.
Да, я свершила, по не беззаконно, пет.

А д а м

Приказ хозяйский презирать закопным мшишь?

Е в а

¹³⁷⁰ Да, коль правитель держит скиптр неправедный.

А д а м

Люби, когда он справедлив, а нет — терпи ²

Е в а

Считай, что рабство хуже даже гибели.

А д а м

Великому Богу служить — свобода высшая.

Е в а

Тогда не лучше ль постараться Богом стать?

А д а м

¹³⁷⁵ Из человека — Богом? — Мысль безумная!

Е в а

Позволит древо, пред тобой стоящее:
добру научит нас.

Адам

Да, но и злу — оно.

Ева

Твой достохвальный Бог гордится знанием зла.

Адам

Чтоб с ним не знаться; ты — зло претерпев,
поймешь.

Ева

¹³⁸⁰ Прочь, предвещанье, я не стыжусь свершенного

Адам

Греха чуждаться — добродетель первая ³⁰,
а стыд — вторая; невозможно бывшее
небывшим сделать, но другой остался путь:
туда вернуться, где вернее было бы
¹³⁸⁵ век оставаться. Поздний к благонавию
возврат пележок: но — кто сокрушается
и зла стыдится, — близок к невинному.
Верь, что прощенье рядом, коль опомнишься.

Ева

Сколь несдвигаем Бог в любви ко мщению,
¹³⁹⁰ суди по казни рода сатанинского.

Адам

Так в чем надежда?

Ева

В том, чтоб не отчаяться.

А д а м

Побойся Бога.

Е в а

Что бояться равного?

А д а м

Погибнешь!

Е в а

Буду жить!

А д а м

Ждет казнь!

Е в а

Награды жду!

А д а м

Чем, горькая, стала?

Е в а

Богиней.

А д а м

С чьей же помощью?

Е в а

¹³⁹⁵ Вот этого древа.

А д а м

Бог велел бежать его.

Е в а

Причина — зависть.

А д а м

Думать так — нечестие.

Е в а

Прошу, во имя верности супружеской,
моих объятий ради, ради глаз твоих,
и ради — если были — мигов нежности —
1400 меня не бросить, быть моим союзником,
остаться верным договору брачному.
Коль не отвергнешь ныне этих просьб, — тогда
блаженной доли станешь сопричастником;
а нет (по это — прочь!) — тогда несчастия
1405 мои умеришь нежным утешением,
трудом совместным, мудрыми советами.
Судьбу любую мы делить обязаны,
беда ли, счастье ль, — ты не оставляй меня;
и не тревожься — все удачно сложится.
1410 Мой дух счастливый горд судьбой божественной,
и ты блаженным станешь: мной вкушенный плод
был мне на пользу, главное же, ясно мне,
что безущербно все и рвать, и есть могу.
Но я тревожусь и забочусь преданно,
1415 что ты терзаний грузом бременишь себя.
Когда над выей взносит Суеверие
ярем тяжелый, — ты доволен, рабствуя.
Пока блаженным мнишь себя и зло бранишь,
Сам отвергая дар, тогда заслуженно
1420 им не владеешь. Но зачем терзаешься
и ум свой губишь? — Ты рожден для высшего.
Узду рассудка отпусти, порыв ослабь,
ты с ним не сладнись: не на то, что есть, смотри, —

на то, что может быть твоим; а подлинно
1425 твое не может дать другой, но сам же ты.
Мешает робость? — Бойся боязливым быть.

А да м

Не трусит храбрый: грех совсем не страшен мне,
а ненавистен; но любовь к Создателю
меня в оковах держит вечной верности.

Е ва

1430 Любить любого — глупо, ибо сделаться
врагом он может; друга так ты выбери,
чтоб зла не мог он, даже став врагом, чинить.
Коль ты любви чистой хочешь следовать,
я не мешаю: верности супружеской
1435 что может быть лучше? — Обрати туда любовь,
куда направляет брачный обет и долг тебя.
Я ль допустила что-то, что унизило
тебя, супруг мой? Так зачем ты к верности
моей взываешь? Я назвалась блаженною,
1440 и муж — в сомненьях? — Я дурной поистине
должна считаться, коль Адам не верит мне.

А да м

Что делать? Будит зыбкую встревоженность
любовь двойная: здесь — к жене, там — к Господу.
велики обе, но она обидится
1445 на подозренье, Он — что оскорблен, решит.
То и другое тяжко, — приказал бы кто!
как трудеи выбор, мучусь, дух в сомнении,
как брег, набегом волн морских исклестанный,
кипящих в вечной смене влагой новою,
1450 так я истерзан пылом переменчивым.
За кем победа? — Бог великий, я клянусь,

что и в супруге мило мне лишь то, что в пей
Ты пребываешь, отблеск чей она несет.
Услад подруга, чьей подмогой жизнь моя
1455 цветет беспечно, плоть со мной единая, —
в чем откажу ей? Что Тебе единого
плода потеря? — Что? Закон Родителя
благого я нарушу? — А того, чтоб муж
любовь к супруге предпочел родительской,
1460 хотел не Бог ли⁸¹? — Бог. — Так дай мне яблок

Е в а

Вот Человека речь! Владей, владей, Адам,
запретным благом. Все без исключения зло
и благо ведай. Бог, презрев наперсника,
да зрит соперника, — будут и к нам с мольбой
взывать...
1465 Но щеки стали бледными почто твой? *
Глава трясется... — Нет, о зло, коль ты грозншь, —
меня постигни, но над мужем смилуйся!

Х о р

Стихи сапфические и адонийские

Зарыдай, влеком круговратным горем³²,
о эфирный край, и зачните песню
1470 грустных жалоб вы, быстролетны сферы.
Зарыдай, скорбя о питомцах жалких,
о земля; страдай над людским паденьем
непривычной понт потрясенный бурей.
Ты, что лик дневной в золотистом беге
1475 по ночам таишь, о Титан-кормилец,
повели себя заградить тяжелым
облакам, — узреть не пытайся даже
ты беды такой, а сиянье неба

грозовые пусть стянут тучи, чтобы,
1480 уронив дожди, над бедой Адама
воздух заплакал.
О несчастный, ты даже сам не знаешь,
скольких бед лежишь погребен обвалом.
Над тобой, увы, груз каких воздвигся
1485 незадач; храбрец, скольких волн удары
на тебя падут! Ты познаешь ныне
стыд нагих телес и решишь прикрыться
зеленью ветвей и, глупец, завесой
фиговой листы, — но нельзя, безумец,
1490 бич стыда унять изнутри язвящий.
Что претерпишь ты, осознав злодейства
глубину, когда отомщенья кару
пред собой уаришь и потом постигнешь,
что своей виной обречен на гибель?
1495 Сотни ран тебя ожидают, жалкий:
будет помнить скорбь о грехе, без счета
испытаешь бед, за спиною встанет,
устрашая, смерть о каленых стрелах.
На глазах красы мирозданья сгибнешь
1500 ты, пред царской чьей трепетали властью
и земля, и понт глубокопучинный.
И кому творец дал свое подобье, —
ты умрешь, с тобой — череда потомков,
и великий род без надежды сгинет.
1505 Сколь виновен ты во грехе треклятом,
коли он гнетет и твое отродье,
коли — мягкосерд и прещедр на милость —
смерти час твоей Бог продлил и бедам
повелел твоим, разрастаясь, длиться?
1510 Нападет скуда, обессилит дряхлость³³,
и, товарка бед, овладеет плотью
хворь и та, что злей самой хворь, Старость.

Будет вечен гнет и других мучений,
вечен гнет забот, но из зол не будет
жизни ужасней.

И потомков всех Гнев Природы будет,
мачехи Людей, наступать: на внуков
к преступленью страсть перейдет далеких,
коей род людской от рождения мечен.

¹⁵²⁰ Будет грузом бед уязвлен наследник
за вину отца, и душевной муки
череда веков не уймет нимало.

И речет, грехом рождено бесславным,
И речет, твое, о Адам, потомство:

¹⁵²⁵ лишь единый плод надкусив, погиб он.

И речет еще злополучный отпрыск:
матерь всех людей мнимый змей преступной
ложью соблазнил, а жена, пленившись,
мужа угубила.

АКТ ПЯТЫЙ

С а т а н а

Ямбические триметры

¹⁵³⁰ Все, что задумал, — удалось. Глава моя
теперь — превыше высших — до небес взнеслась ³⁴.

Держава суши днесь моя, и моря жезл,
и под моим просторный воздух игом днесь.

¹⁵³⁵ Отныне казнь — любезна, ссылка — радует,
ласкает счастьем Ахеронт, Авернская
рать услаждает: пусть признают мстителя,
царя над царями. Вот теперь доволен я,
хотя доселе, человек, досель ты бед
не зрил последних: сей плодоносящий сад

¹⁵⁴⁰ покинув, можешь в дальние изгнанником
стремиться земли, шаг куда угодно правь, —

бежать ты будешь по моим владениям.
Тебя — потребу Фурий — в тайнике любом
найти сумею, ты нигде не спрячешься,
не станет мука меньшею от времени,
но бед сознание с каждым будет крепнуть днем.
Скитаться вечно будешь без дорог в нужде,
изгой, бездомок, жалкий, несправедливый, —
моей один ты доле позавидуешь.

¹⁵⁵⁰ Душа, от бездны сникнув бед, подземное
увидит царство. Но с тобою ненависть
моя не стигнет: ты для меня детей родишь.
Сатана, смелее, возьми весь род людской, —
пусть к преступленьям рвется, гнев запретов пусть
¹⁵⁵⁵ не знает: лютой пусть терзает брата брат,
пусть, преступленьем множа преступление,
взрастет в потомках ярость, — пусть крушится
Бог,

людей создавший, пусть Земля-кормилица
детей-чудовищ зрелища не вынесет:
¹⁵⁶⁰ захочет в древний Хаос возвратиться вновь,
зальет казнящим ливнем и себя, и их.
Адам, не правда ль, этих ты не знаешь бед?
Но ты узнаешь: все не вдруг откроется,
не сразу вместе. Первым потрясет тебя
¹⁵⁶⁵ позор нагого тела: ты прикроешься,
но стыд, сокрытый под листвою, останется.
Затем охватит душу осознавшую
немое пламя, призрак злодеяния
в очах застынет, потрясая ужасом.
⁵⁷⁰ Скорбь разрастется, станет разжигать себя,
во всех предстанет ликах, и себя сама
осудит; света белого невзвидевший,
сей стыд охватит ум до тайников его;
уйдет надежда, сникнет дух мятущийся.

- 1575 Хочу увидеть, как — вину сознав — в лице
меняться станет, как, остолбспев, замрет,
как горе речью изольется свежее.
Несчастливого видеть — мало: как он станет им,
узреть желаю. Сохраню удобную
580 личину змия, чтоб, следя за ними, сам
незрим остался, и подползу, чтоб рядом быть.
Несом легучим шагом, вот Адам сюда,
неистов, мчится, — лика цвет меняется,
вот встал, с безумным схож, и впрямь —
безумствует:
1585 пойдет, застынет, прынет, встанет, — лик горит,
вновь изменился: смыт румянец бледностью;
дрожит, трясется, рощет, стонет, плачется
и путаной речью скорби выводит тайные.

А д а м, Е в а.

Ямбические триметры

- Кто я? Что сделал? Мчусь куда³⁵? Земля, страпа
1590 меня какая врит, бедой объятого?
Что перед нищим: пышный ли Эдема сад,
Ахеронт ли скорбный? Мнится, вижу мрачные
приюты Фурий. Смерть, почто, жестокая,
нависла сзади? — В грудь, о, в грудь рази меня!
1595 Зришь сей подземный рой, супруга жалкая?
Я — зрю: повсюду черной Ночи лютые
отродья вьются, предвозждает воинством
злодейство, буйство спеси, стыд свершенного.
Тут хворей бледных рать неисчислимая,
1600 за нею — бедность подлая, и до-поту
труд тяжкий; следом горе приближается,
певерным шагом старость еле движется,
соседка смерти, — и со всех сторон — толпа

забот бушует. Глад недалеке ведет —
лицом угрюмый, страшный — муки тяжкие.
Неистовая Рознь, войны кормилица,
вздывает длани, кровью обогранные. . .
Всех не рассмотришь: беды — этой та страшней.

Е в а

Безумный, гредишь, иступлепьем движимый.
¹⁶¹⁰ Почто вращаешь всюду лик пылающий,
почто смятенным взором ловишь призраки?
Сдержи-ка чувства, скрой порывы дикие,
ума больного укроти волнения.
Уймись и этим страсти успокой свои.
¹⁶¹⁵ А если сразу сладить не можешь с приступом,
и трезвой меры новый порыв не ведаст, —
то выжди время, вскоре ты оправившись,
рассудком ярость обуздав звериную.

А д а м

Почто не грянешь, вождь светил, со всех сторон
¹⁶²⁰ и бури отовсюду, гневом движимый,
не вышлешь, небо тучами суровыми
застлав и ливням повелев обрушиться?
Любую примет казнь глава презренная.
Простри десницу, пусть с обоих полюсов
¹⁶²⁵ сорвется мстящий огонь, и звездоносный свод
внезапно рухнет — тяжело и без промаха.
Пади, о небо, на меня с женой моей, —
мы заслужили!

Е в а

Погоди, одумайся,
мольбы не нужно возносить в безумии:
¹⁶³⁰ постигнет кара вмиг, коли назначена.

А да м

Любая кара поздною окажется.
Пребыть в подземной ямце давно уже
должны мы оба. Как еще ты держишь нас,
Земля, преступных? — Настежь недра полые!
1635 Отверзись или — погрузи себя и нас
в глубь Ахеронта: и обоих грешников
тела воспримут пусть провалы черные.
А если бремя мерзкое Земля смести
1640 не пожелает, — из лесов пусть выйдет зверь,
вкруг грозной морды вздыбив гриву яростно,
и разбросает тел куски растерзанных
повсюду, или клювом птица хищная
пронзит нам чрева, или пусть Эдем велит,
1645 узнав злодейство, чтобы роща целая
и лес низверглись, — тяжесть многоствольную
поверх воздвигну тела и под грудю
деревьев Сада сгину, древо опое —
злодейства жертву — сбросив на главу мою.

Е в а

1650 Супруг, о лучшем молви: кто же гибнет так,
чтоб не лелеять мысли о спасении?

А да м

Спастись надежду мне ль хранить, преступному?
Увы, несчастный, — криков, жалоб горестных
исторгну сколько? Сколько слов достанет мне?
1655 Погибли доблесть, право, верность, счастье
и невозвратно павшее достоинство.
Закону Высшей Воли предпочли с тобой
мы нашу алчность, благу душ — страсть плотскую,
и Саду — яблоко. Впредь и дня не встретится,

¹⁶⁰⁰ когда, отбросив горе, радость прежнюю
вкушать мы стаем. Ждет нас горе вечное
и кара скорби: Бога мы оставили,
и Бог оставит нас. О грех, чудовищный,
злодейства мерзость, горечь и неслыханность!
И ум, рожденный Богу одному служить, —
освободился и себя же сам угубил:
быть своевольным думал, а в рабы попал
простому древу. Дух, любить обязанный
Отца-кормильца, возлюбил себя; но той
¹⁶⁷⁰ бедой насытый, шел стопой бесчинною
за худшим следом, тех избрав владыками,
кем прежде правил, и соседство лишкое
вещей ничтожных волей утвердил своей.
Расстанься с телом, коль расстался с Богом ты.
¹⁶⁷⁵ о дух жестокий, и освободи от мук
сей труп живущий, — казни множить нужно ли?
Могу и должен умереть, и смерть зову.

Е в а

Мольбой, безумец, кару тяжелишь свою
и, жертва смерти, сам же смерти требуешь.

А д а м

¹⁶⁸⁰ Еще до смерти гибну: отнят скорбью дух.
Преступник жалкий, Богом ненавидимый,
несчастный, ныне хоть не погребен, но мертв.
Зачем отсрочка этой кары медленной?
Зачем погибель длить мне, изнемогшему?
¹⁶⁸⁵ Остаток жизни отсеку рукой своей,
по праву строгой. Труп — гробницы требует.
Зачем живому гнить в разлуке с Манами?
Один я брошусь в водопад стремительный
там, где, вскипая, гонит воды вниз Евфрат, —

1690 рекой песомый в воды Эритрейского
извергнусь моря. Ты, рука, слугой была
злодейства, ныне будь слугой возмездия.
Круши ударом глотку, коей яблоко
передавала, частыми ударами
1695 порви желудок, вынь утробу мерзкую
с педолжным яством, вырви сердце, падкое
до преступленья, — бей, любой удар хорош,
любая рана. Смерть злодейство вылечит.

Е в а

Злом зло казнящий множит ненавистное.
1700 Себя достойным смерти счел, но значит ты
достоин жизни. Большим наказанием
жизнь остается, коли смерти требуешь.
Оковы руша, не душа от тела пусть
бежит, а тело от души. Дождись-ка дня, —
1705 назначенное время подойдет, и дух
само отпустит тело ослабевшее,
и Бог, податель жизни, разомкнет ярмо:
умрешь по воле Оного; а днесь, ярься,
прошу, насильно не гони судьбу свою.

А д а м

1710 Слепая ярость стыд не утасила мой,
чтоб взором грешным я не зрил того, что есть.
Все: рыбы, птицы, скот и звери дикие, —
я вижу, — чуют кару за вину мою,
вопят согласно: сгинь, погибни, смерть прими,
1715 земле и небу проклятого долее
дозволь не видеть, — дух извергни губельный.
Я подчиняюсь: мир очищу девственный,
не стану спорить, — справедливы просьбы их.
Не вижу смысла душу здесь удерживать —

¹⁷²⁰ на этом свете, — блага все утеряны:
владенья, счастье, радость, здравомыслие;
но жизнь — осталась, — расстаюсь охотно с пей.

Е в а

Почто стремишься к смерти гнусной сам, супруг?
Куда, безумец, рвешься? Ведь, глядишь, пожив,
¹⁷²⁵ умрешь достойней: можешь ты со временем
себя поправить; ну, а грех твой нынешний, —
в нем я виновна, мной и казнь заслужена.
Тебя я, горькая, сбила, мне ль еще вершить
зло, и — прямое? Эту одну беду забудь.
¹⁷³⁰ Супруг, поверь мне!

А д а м

Раз поверил, хватит мне!

Е в а

А меня — убьешь ли?

А д а м

Нет, я лучше сам умру.

Е в а

Хоть и нет в том смысла, и нельзя утешиться
в великой скорби, все же, прошу, короткую
спокойно жалкой речью супруги выслушай, —
³⁵ ту, что, скорее, ты бы должен молвить мне.
О, Рок, пусть в муже дух подымет жепцине
хотя бы самый пол забыл обычай свой!
Кого советом ты, жена, сгубила, днесь
спаси советом, молви слово лучшее.
⁷⁴⁰ Не жду, чтоб тут же ты мученья сердца все
смирил и скорби хладнокровно вытерпел,

себя осилив, — несмотря на то, что муж
и должен с горем биться, а не бед бежать, —
но только, чтобы жил ты, я молю, Адам.

¹⁷⁴⁵ Ты видишь храбрость и души величие
в презренье к смерти, я, напротив, думаю,
что тот, кто трусит жить, есть трус поистине,
тот презирает смерть, в ком жажды смерти нет.
Ты — муж, на доблесть положившись, твердостью
¹⁷⁵⁰ смири несчастья, а не длапь свою казни.
Напрасны пени: гибель — неоправдана;
заслужишь гибель, только сам себя сгубив.

А д а м

Блеснул откуда луч толикой доблести
в толиких бедах? Верно ль, кто-то мудр еще,
¹⁷⁵⁵ в советах делен? Многое из слов твоих
рассудком здравым знаю, но толкает скорбь
вослед безумству: зная, в бездну мчитсь дух,
решеньям здравым не желая следовать.
Безумца может ныне лишь безумие
¹⁷⁶⁰ безвинным сделать, оправдав преступного.
Подруга в бедах, мужа печестивого
оставь, свершиться казни дай назначенной.

Е в а

О, ради святого таинства брака и ради прав —
как ей ни зваться — близости: как дочь молю,
¹⁷⁶⁵ от тебя происшедшая, иль как сестра, — отец

один с тобою, или, верней, как жепя твоя:
в превратной доле, ты один повергнутой
опора. — тяжким сокрушенной бедствием,
⁷⁰ пока возможно, дай надежду, что весь род
со мной останься! — Помощь мне твоя нужна

людской не сгинет с гибелью единого.
Тебя несчастья и утраты мучают,
но сам подумай: ты — вершины бед достиг,
что смерть исторгнуть может, то исторгла жизнь,
¹⁷⁷⁵ нет зла в грядущем, новой нет опасности.

Адам

Смерть будет благом, коли стольких бед лишит,
иль облегченьем, коль не будет худшего.
Любезна гибель, — не взывай же попусту.

Ева

Что ж мне, вдовою, брошенной скиталицей
¹⁷⁸⁰ бродить в пустыне со зверями дикими?
Коль ты взыскуешь благочестья подлинно,
убей меня — по праву: ты — греха не знал,
я — научила; выю ищешь — вот моя;
и если жаждешь сокрушить безвинное
доселе чрево — живота округлого,
вот, рупь преграду. Ты боишься зло свершить,
раз я внушаю? Что с тобой? — Удар готовь.
А не захочешь, — я сама свершу, жена,
не женский подвиг: я убью, виновная.
¹⁷⁹⁰ И если даже кормчий неба в недра мне
метнет трехвальный огонь сверкнувшей молнии, —
то будет кара, равная вине моей.
Жена виновна: мало, что сама грешна, —
на грех — толкнула; и — коль пощадишь меня —
рожу греховных. Дважды зло содеяла:
ошиблась, обманула; ныне — третье ждет.
Что, робкая, медлишь? Злу научив, почто теперь
казнь отвергаешь? Дух, почто колеблешься?
Страданья, скорби, слезы, беды, горести
¹⁸⁰⁰ терплю без меры — это мой пред Богом долг.

А чем воздам я мужу? — Первой смерть пришла.
И как ни горько, но умру я все-таки
женой Адама, — день, прогнавший ночь, меня
вдовой не будет зрить. Пойми, вина твоя —
¹⁸⁰⁵ в твоих сомнениях; но не будет третьего:
иль жизнь, иль гибель. Если же по праву зло, —
другое рядом, — я готова; вот мой путь:
живу — с тобой лишь, ты же — смерть со мной
дели.
Что б ни решил ты, — все не без меня свершишь.
¹⁸¹⁰ умру я — первой, за живым — вослед пойду.

А д а м

Супруга, полно, полно, подчиняюсь я.
вновь подчиняюсь. Правые, неправые
смирив порывы, укрощаешь пыл во мне.
И пусть за этой болью — не умирать — придут
¹⁸¹⁵ другие боли, — откажу ли в чем, жена?
Прикажешь ты — и Божьих слов ослушаюсь,
Прикажешь ты — и бремя жизни вынесу.

Е в а

Откуда этот шум? Я слышу, буйные
лрятся ветры, рокот устрашающий,
¹⁸²⁰ вселяя ужас, с высоты доносится.
Земля, внезапно долгий стон издавшая,
сотрясшись, к небу воздымает вопль слепой
и оседает. Сад, вершины вниз клоня,
трещит великой силы треском, ужас все
¹⁸²⁵ сотряс деревья, вздыбил лес листву свою.

А д а м

Душа трепещет, дрожь по телу; члены все
немеют, стынет кровь заледеневшая.

Каратель злого дела, свой Указ блюдя,
закон отмщая поправный, се Бог грядет.
1830 Туда спасемся, где деревья частые ³⁶
не пропускают света, в гуще скроемся
листвы. Сознание горькое вины опять
меня бичует, я то ал, то бледен вновь,
и скрыт листвою, мнится, недостаточно.
Я зрю нагое тело! Горе! Чем помочь
листвы прикрытые может? Стыд — внутри, внутри.
Жена, какая казнь с виной сравниется? —
Погибнем оба. Тщетны все мольбы твои.

Г л а с Б о ж и й, А д а м, Е в а.

Ямбические триметры и трохаические тетраметры

Адам, в какое ныне мчишь убежище
и где таишься? От Того, Кто видит все,
2840 Кому открыто все, Кто вездесущ, — ужель
сокрыться хочешь? Я к тебе взываю, Бог,
пред кем — могучим стражем справедливости —
и быстрый неба свод и груз Земли дрожит.
Тебя Я создал, причастил создание
даров великих. Сын внимай родителю,
слабейший — другу, ныне раб — хозяину:
Изыди, беглый.

А д а м

Подчиняюсь, грому вняв,
Правитель грозный, над священной рощею.
1850 Сотряс суровый говор ветра Сад, досель —
обитель счастья. Тело охватила дрожь,
затрепетал я. Твоего величия
лик непривычный, устранив, прогнал меня.
Тогда понятный стыд возник, неловкостью

рожденный: ибо в наготе, листвою едва
прикрытый, ныне я на суд явился твой,
каким был создан.

Г л а с

Наготы сознанию

кем ты научен? В этих землях нет того,
кто объяснил бы; ведь обычно вслед вине
¹⁸⁶⁰стыд возникает и живет в познавшем зло.
Всю правду ныне молви своему судье.
И оправданья — да не отягчат вину —
оставь пустые. Уж не съест ли яблоко
с ветвей запретных ты посмел и мой презреть
¹⁸⁶⁵закон, грозящий смертью, тварь неверная?

А д а м

Я не виновец, вся вина — на женщине:
ее ты в помощь доле дал моей, она ж
меня коварным словом и, пример подав,
смутила: съел я.

Г л а с

Мужа беда, жена его,

¹⁸⁷⁰скажи, причина в чем сего безумия?

Е в а

Твоей, Создатель, созданный десницею змий
меня коварством ввел в соблазн, несчастную;
я невиновна: пол мой слаб пред хитростью,
и вот, прельстившись, я вкусила яблоко.

Г л а с Б о ж и й

¹⁸⁷⁵Змий, ко лжи чрезмерно склонный, длань
Создателя тебя
к пользе людей определила, ты же вероломно их,
мерзкому служа злодейству, предал, хитрость
выдумав;

- ненавистный прочим тварям, избегать живых
существ
станешь и обращать их в бегство, выделяя
страшный сок.
- ¹⁸⁸⁰ Будешь веять грозным ядом, черной смерти
вестником,
на себе песуцей знаки приговора Божьего:
не в пример скоту и зверю, коих кара тяжела,
тяжелей наказан будешь: те, в себе безвинные,
скорбь хозяйскую узнают, ты же будешь век
терпеть
- ¹⁸⁸⁵ горе за свое лукавство: раз, тобой ведомый, мысль
человек на эту землю обратил с небес, то ты
будешь вечно пресмыкаться и, пригнувшийся
к земле,
поползешь на чреве, тела не подьемля силой ног.
И тебе прокорм придется добывать с таким трудом,
- ¹⁸⁹⁰ что, сокрывшийся в прокопе черной пористой
земли,
прахом в пору зимней стужи будешь голод утолять.
И покуда жизнь дарует вдохи выдохам вослед,
не насытит ни единый день прожорливой алчбы.
Сатана, людей губитель, змия оболочку взяв,
- ¹⁸⁹⁵ ты зачаровал коварным измышленьем женщину;
твой мятеж не только в этом, — за злодейство
прежнше
изгнан с неба, осужденный казнь терпеть
жестокую,
днесь ты места не оставил злу еще лютейшему.
Но твои надежды тщетны: по желанью твоему
преисподней господину я не выдам женщину.
- ¹⁹⁰⁰ Пусть она и заслужила, но тебе ее не взять,
хоть лукавством вероломным соблазнил ты слабый
пол.

- Света прежнего крушцу как залог спасения
я в душе людей оставлю, и не дам угаснуть ей.
- ¹⁹⁰⁵ Битву во взаимной злобе, непрерывный вечный бой
женщина и ты начнете: сам же я взожгу огня.
В сердце женщины, чья природа только в том,
чтоб потакать
гневу тяжкому, упрямым правом порожденному,
им внедрю я пыл враждебный, лютой злобой
наделю:
- ¹⁹¹⁰ будет их питать безмерно и не сможет остудить.
Ваш раздор продлю надолго — до скончания веков,
чтоб жены восстала отрасль против рода твоего,
и потомков поколенья изнурялися в борьбе.
САМ грядет, облекшись плотью человеческою, Бог,
- ¹⁹¹⁵ не от мужа рожден, но только от начала женского;
Он из чрева Девы выйдет, рода людей Спасение,
Триумфатор, изотрет он гордую главу твою
и, сразив заразу злую, ход времен замкнет
в кольцо.
- Праведников рать, ведома Им, с оружием в руке
- ¹⁹²⁰ тучную возьмет добычу и одолеет мощь твою.
Безуцербно ты не сможешь Марсом открытым
выступить
и лицом к лицу сразиться: будешь с тылу
настигать
- И дерзнешь незримой только раной поражать
в пятку.
- Предан муж, жена, тобою; хитрым увещаниям
ты уступчива чрезмерно, много бедствий ждет тебя.
- ¹⁹²⁵ Сотни новых болей будут сотней способов терзать,
И, под материнским сердцем понеся зачатый плод,
ты, недужная, не будешь даже чувствами владеть,
жертва страстей разнообразных, чуждых смыслу
здравому.

- ¹⁹³⁰ Наконец, по истеченьи месяцев назначенных,
в лютых муках груз избудешь бремени созревшего.
Ждут тебя терзанья чрева, труд деторождения,
на тебя забота ляжет воспитанья отпрысков,
им ты будешь своевольно, мягкая, потворствовать.
- ¹⁹⁴⁵ Горем стиснута, прибегнешь к мужу только,
жалкая,
оп — надежда и опора, кров твой и спасение;
и ему, кого сгубила, — под его ярмо попав,
ты привыкнешь подчиняться, — он привыкнет
властвовать.
- ¹⁰ Ты, Адам, своей подвергнись казни, — ты главой
жены,
не слугою быть обязан, долг твой был жене свою
удержать от преступленья разумеьем мужеским,
а не принимагь участия в совершенной мерзости;
ты же, мой закон презревший ради женской
прелести,
заповедный плод укусом нечестивым осквернил.
- ⁹⁴⁵ Из-за тебя постигнет землю сушь, скуда,
бесплодие:
только плевелы, только терновник, только
колючки родит сама, —
все негодные растенья. Ты плодами дикими
утолишь безмерный голод. Хлеб себе
в бесчисленных
будешь добывать заботах. По усталым будет течь
членам, от трудов уставшим, пот изнеможения.
- ⁹⁵⁰ Сколько Солнца свет ни будет над землею
восходить,
для тебя, страдальца, будут боли новые вставать,
и в конце концов Адама смертный час вернет
земле, —
ибо вновь к своим началам тело возвращается:

прах еси, и праху должно обращенным быть во прах.
Едва увидев злодеянье, вас я мог
сразить обоих смертопосным натиском,
а души ваши прочь во тьму подземную
навек низринуть, но закону строгому
1960 предпочитаю милость; утешение
несу в несчастьях, веру во спасенье дав
святым обетом. И пространство жизни вам
хочу раздвинуть, чтобы человекoв род,
который ныне в ваших чреслах весь 'сокрыт,
1965 остался. Евой нареки жену, Адам, —
она для смертных будет, кои в жизнь грядут,
родительницей первой и кормилицей,
себе подобных видом и судьбой явив.
Стыдливость вашу пощажу, а вкупе с ней —
1970 здоровье, тело дав укрыть одеждami,
из густорунных шкур овечьих сшитымц, —
чтобы порывом ветра и бесчинством туч
тепло — источник жизни — не развеялось.

А д а м

О злой удел! О кара, грешных ждущая!
1975 О жизнь несчастному — долгая, жалкому —
тяжкая!
Ах, сколько бедствий в этом прозябании
нас ждет, какая мука в смерти медленной!
Как это горько — стариться в несчастьях!
Сатана проклятый, язва людского племени,
1980 куда завел нас! Грех какой содеяли!
Пускай же стоны из груди исторгнутся,
вину созлавшей, пусть же ливень горестный
мои ланиты бурною слезой зальет.
Но плачей мало, и — от бед иссохший — глаз

не может дольше слезы лить. Так пусть удар
разит, тяжелый, грудь, пусть грудь вопить начнет,
главы склоненной космы будут вырваны.
О, я виновен, зло свершив толикое,
и Бог — разгневан, вижу, по вине мой.

Г л а с

- ¹⁹⁹⁰ Адам, который некогда надеялся
со мной сравняться, и, познав добро и зло,
Мне стать подобным — Богу вековечному, —
каков он ныне? Цвет каков лица его?
Взыскав больших, прежних он лишился благ.
¹⁹⁹⁵ Смотреть придется, как бы он рукой своей,
сорвав плод жизни с древа, что стоит в саду
в середине самой, не решил назначенной
избегнуть смерти и всегда во свете быть.
Вы, Херувимы горние, — я слугами
²⁰⁰⁰ избрал моими вас, — из Сада прочь чету
людей гоните жалких, — пусть услад места
они покинут ныне и в земле иной
жилище ищут и блюдут родителя.
Итак, у входа встаньте в Сад Восточного,
²⁰⁰⁵ вращая копы с огненными жалами,
не позволяйте в рощу никому вступать.

Е в а

- Какой внезапно вспыхнул огонь, и свет блеснул?
Сад охватило пламя, и высокие
горят деревья без огня; стремительно
²⁰¹⁰ пожар разросся, вспышки разбегаются,
как метеоры; целиком весь сад горит.
Таков он — светоч свадебный, достойный нас:
узнают люди по нему их родню.

Адам

Бежим от жара ³⁷¹ Се десница Бо;
²⁰¹⁵ повелевает нам уйти в изгнание.
Правитель мощный, кормчий свода звездного,
я не противлюсь, — жажду, жажду прочь бежать.
Но я шатаюсь, и колена скованы.
Шагну, но тут же против воли вспять влекусь.
²⁰²⁰ Куда отправлюсь? Где, беглец, приют найду?
И где останусь, пашню где возделаю?
Назначь мне угол дальний и заброшенный,
где не увижу твои блага прежнего,
где об Эдеме и его плодах ничто
²⁰²⁵ мне не напомнит, в беды погруженному.
О, Сад, блаженный, и весна извечная,
и край счастливый, — в коем жить недолго так,
увы, и втуне было мне позволено, —
и древо жизни, — коим насладиться мне
³⁰ не даст другое дерево — бледной смерти мать, —
прощайте; также ты, о брег, четырежды
водой омытый рек, и ты, Евфрата ток
блаженный, счастье ведавший души моей,
в святых напевах вам приоткрывавшейся, —
²⁰³⁵ и ты, о благо, Садам сим хранимое, —
прощай навеки, — больше нам не свидеться.
Один, последний, взор, и вот — прочь, прочь бегу.
Вы, губительные страсти, язвы хворей злых,
недугов слабость, бьющей лихорадка дрожь,
усталость, горе, и — грядущих бед венец,
меня ведите в скорбное изгнание.

Τοιόυδ' ἀπέβη τόςδε
Πράγμα ³⁸

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. И. Балашов

ВОНДЕЛ
В СИСТЕМЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XVII в.

Издание Йоста ван ден Вондела (17 ноября 1587—февраля 1679) идеально соответствует задачам «Литературных памятников».

В круг чтения советских людей как раз к четырехсотлетию писателя вводится большой, но почти совершенно у нас неизвестный поэт и драматург, полнее всего представивший литературу Голландии (освободившихся в конце XVI в. Северных Нидерландов) времени высшего расцвета ее экономики и золотого века ее культуры.

Жизнь Вондела была долгой не просто потому, что он прожил более девяносто одного года и весь свой век неустанно трудился на благо общества и культуры Нидерландов. Среди современников Вондела не сыскать второго писателя, который пережил бы — и так страстно — столько поворотных событий в истории и истории литературы. Он родился спустя 20 лет после восстания Нидерландов против испанского владычества, всего шесть — после победы антифеодальной революции и обретения независимости, через два — после смерти самого ненавистного угнетателя Нидерландов герцога Альбы и за год — до поражения Непобедимой Армады, коренным образом ослабившего главного противника нидерландской независимости и свободы.

А умер Вондел, когда освободившиеся Северные провинции Нидерландов стали экономически самым передовым государством, первой морской державой,

обогнавшей не только ослабевшую Испанию, но и затмевавшей развивающуюся Англию. Именно на Голландию, которая выросла на глазах и при содействии Вондела, обратились взгляды передовых русских людей конца XVII в., желавших использовать ее опыт в переустройстве экономики, выходе на мировые морские пути и в возможном упорядочении администрирования.

Жизнь Вондела начиналась и завершалась в совершенно отличные исторические эпохи: родился он еще при Филиппе II, поваленном гробе Средневековья, обряженном по ренессансной моде, а умирал, когда в Англии началось Просвещение, вот-вот должен был родиться Монтескье, а крупнейшему деятелю раннего Просвещения будущему Петру Великому было пять лет.

Удивительна судьба Вондела и в беге литературного времени. Хотя Нидерланды породили Эразма Роттердамского, и как читатель увидит из статей и комментариев к этому изданию, Вондел был окружен талантливыми поэтами, писавшими не только по-латыши, но и на родном языке, в Нидерландах в некоторых областях литературы дольше, чем в других странах Западной Европы, удерживались типологически средневековые традиции.

Вопрос этот о стойкости в периодах возобновления средневековых художественных традиций даже в развитых культурах Возрождения столь же дискуссионен и сложен, как и вопрос о ренессансных подъемах в странах Востока с преобладанием средневекового уклада. Но факты есть факты, и то, что не только многое, например, в поэзии Саади, Хафиза, Навои, но и Низами Гянджеви (т. е. еще в XII в.!) было более ренессансным, чем средневековым; то,

как свидетель стоит Самарканд со своей радостной и всчисленной на повый лад пропорциональностью, так же несомненно, как и то, что в самой Италии XIV—начала XV в. ренессансные тенденции временами оттеснялись, и что в другие периоды итальянского Возрождения существовали жанры средневекового уровня.

Разительная неравномерность развития наблюдалась в соотношении живописи с литературой в Нидерландах XV—XVI вв., а в противоположном смысле, например, в Англии конца XVI—XVII в., где, пока туда не приехал в 1621 г. Ван Дейк, не было живописцев, способных сравниться с блистательными драматургами и поэтами.

Затянувшимся во всех ренессансных странах было отставание драмы: судьба театра, особенно трагедии, в период Возрождения столетиями была трудной. Средневековая манера с ее крайним в данной сфере разрывом абстрактного аллегоризма и склонности к малым частностям, встречаясь со ставшим хорошо известным в ту эпоху книжным латинским театром Сенеки, породила трагедии почти без живого драматического действия. Это были трагедии — панорамы, лирические экспозиции ужасов с противостоящим им обреченного героя или героев. Положение не сразу менялось и тогда, когда гуманисты осваивали в подлиннике и усердно переводили на латынь Еврипида, Софокла. Они и греческих трагиков видели сквозь окуляры если не пзживаемой повествовательности мистерий, то статичного театра Сенеки. Из-под знака Сенеки так и не вышла итальянская ренессансная трагедия, таковы были до начала XVII в. более близкие Вонделу по духу и по времени французские ренессансные трагедии — «Клеопатра» Этьена Жо-

дея, «Смерть Цезаря» Жака Гревена, трагедии Робера Гарнье. Со следами статической традиции и архаичных приемов в ренессансном театре советский читатель знаком по их остаткам в ранних творениях гения Сервантеса («Нумансия») и Шекспира («Тит Андроник»). Старую манеру вспоминает Гамлет, наставляя актеров, как не следует играть трагедии.

Однако за годы жизни Вондела в соседних странах произошел величайший переворот в истории драматического искусства: с Лопе де Вегой и его современниками главным художественным средством театра стало раскрытие характеров *действием*. Наступил высший и соответствующий динамике жизни Ренессанса, а затем — с Кальдероном — динамике барокко расцвет театра. В Англии с Марло, а затем с Шекспиром и его современниками — новый динамичный ренессансный театр создал наиболее универсальные мировые образцы; во Франции XVII в. Ротру, Корнель, Мольер, Расин довели до неслыханного совершенства театр преимущественно классицистического направления, основанного на напряжении и поединке страстей, — причем все это, за исключением разве «Британника» да двух позднейших трагедий Расина, тоже укладывается в Вонделово девяностолетие.

Многое из этого Вондел должен был знать, французским языком он владел, испанский знал, вещи Шекспира шли в театре по-голландски, так сказать, у него на глазах в Амстердаме. Переводил он сам в больших количествах и греков и римлян, но поздне-ренессансный театр, представляющий в глазах человечества динамичную драматургию Возрождения, Вондел оставил без внимания. Первый ассоциативный ряд, в котором стоит драматургия Вондела, свя-

зан с переломом от средневекового театра к ученой драме Ренессанса, с уровнем «Сенека — Гарпье», вперед же от Вондела пути идут скорее к эпосу Милтона (который тоже родился и умер при Вонделе) и к ораториям Генделя.

Чаще всего театр Вондела теперь определяют как театр барокко. Но если за пьесами Кальдерона было усвоение опыта ураганного действия пьес Лопе, а пьесы Кальдерона сами вовлечены в вихрь и продолжают его, то Вондел сохраняет многое от статичности Сенеки или картин мистерий, и его вещи похожи меньше на драмы того же Кальдерона, чем на ауто, литургические действия, ставившиеся на церковной лошади. Конечно, герои Вондела воюют, низвергаются с неба в преисподнюю, но это не столько движение характеров в действии, сколько наделенная величием смена состояний, нередко блестяще выраженная в хоровых песнях.

Барочность трагедий Вондела — в резко отличающемся их от ауто изображении непрочности гармонии, даже если она создана и гарантирована богом.

Вондел прекрасно рисует те обетованные и созданные для человека в изначальном «первом мире» счастливые условия, за которыми неизбежно следуют противоречия и страшное, не поправимое до конца даже мысленно «крушение первого мира» (*«ondergang der eerste wereld»*).

В противопоставлении картин ослепительного блаженства неминуемому краху, в изображении блаженства как мира на краю краха — одна из важнейших черт драматургии Вондела.

Вот в начале «Адама в изгнании, или Трагедии всех трагедий» (ст. 299—308) все еще сияет, и архангел слетает к новосозданному счастливому земному раю:

Мы плавно движемся вдоль Млечного пути,
Светло мшивав, спешащее взойти
С восточной стороны, на золотой квадриге,
В полуденном венце. Уж педалёки миги,
Когда взойдут лучи от рая на земли,
В ипой, па небеси, чтоб там превознесли
Блаженны ангелы в неслыханных хоралах
Брак первых из людей, счастливцев небывалых.
Цель наша — видима: прострём теперь крыла,
Уподобляя спуск парению орла...

(Перевод Е. Вит)

Подлинно знаменитым Вондел стал лишь в середине XIX в., а особенно с 30-х годов XX, когда в западном искусствоведаческом и литературоведческом мышлении развилось крайнее пристрастие к попятию барокко, и весь XVII в., а то и более долгий период обнимался определением «эпоха барокко». Как-то проходили мимо того, что если в Западной и Центральной Европе, при упоминавшихся выше противоречиях, Средние века и Возрождение образовывали более или менее однородные культурные эпохи, то в XVII в. дифференциация художественных направлений зашла так далеко, что стало нецелесообразно называть всю культуру периода по одному из направлений.

Длительное время XVII в. осознавался современниками, в том числе эстетиками того времени, как век классицизма.

С 60-х годов XX в., когда исключительное пристрастие к барокко пошло на убыль, классицизм рассматривается как равноправное барокко направление.

Мы полагаем, что наступило время еще более внимательной дифференциации художественных направлений западноевропейской культуры XVII в., и находим в ней четыре основных направления.

Нельзя не учитывать отличий широкого распро-

странения и воздействия того направления, которое, ввиду его демократизма и тенденции к непосредственной передаче жизни, не очень удачно называли «реализмом XVII в.», не принимая во внимание, что чрезвычайные коннотации, связанные с термином «реализм», предрешали бы выделение этого направления на особый план.

Это направление сложилось в плутовском и бытовом романе, в жанровой живописи, особенно влиятельной как раз в Нидерландах. Наиболее ярким явлением в нем была позднеримская («темная») живопись Караваджо, и данное направление можно бы было, независимо от того, идет ли речь о литературе или о пространственных искусствах, условно именовать пикареско-караваджистским.

Наконец, в XVII в. было еще одно, и очень важное, можно сказать, синтетическое направление, впитавшее все достижения позднего Ренессанса, всю его жажду идеала, но в соответствии с новыми противоречиями XVII в. осознававшее невозможность утверждать существование или непосредственное приближение гармонии человека с природой, а особенно общественной гармонии между людьми.

Художники и писатели этого направления не отказывались от идеи достижимости идеала, но, видя все сложности на пути к нему, не решались утверждать, что видят ясный и краткий путь к идеалу. Невысветленность, «темнота» Рембрандта пугала многих его современников и самого Вондела.

Действительно, «синтетисты» трезво оценивали современное состояние общества и не полагались в такой мере, как художники барокко, на внутреннюю, волевою и духовную несломимость человека, ни, как классицисты, на преобладание разума в его воле-

изъявлениях и действиях. Они не думали, как бытописательно-караваджистски настроенные мастера, что прямое обращение к народному типу своим примером может устыдить и непосредственно излечить мир от всех зол. «Синтетисты» — Тирсо де Молина в проникновении в диалектику характера Дон Хуана; Рембрандт в изображении пележкой разрешимости коллизий даже посредством мудрости народного опыта, в том числе запечатленного в притчах и преданиях; Мольер в тех его комедиях — трагедиях, где с наибольшей глубиной ставились общественные и нравственные вопросы, но реального ответа на них либо дать было нельзя, как в «Дон Жуане», либо можно было дать лишь условный, искусственный ответ («Тартюф»), либо приходилось кончать пьесу вопросом, обращенным к самому зрительному залу («Мизантроп»); Веласкес в таких полотнах, как «Менины», где анатомически разъята вся сложность современных проблем и раскрыты не только тушки придворной жизни, но и высшая художественная деятельность, анализирующая и старающаяся решить их, — все эти гении завещали произнесение последнего слова будущему.

Ну а Вондел? Его творчество из направлений XVII в., несмотря на необходимые оговорки об архаичности его театра, кажется стоящим ближе всего к барокко — в центре главных его трагедий неслыханное испытание и проблема несломимости или сломимости воли и духа. Образы его драм прибавляют к раннеренессансным трагедиям барочное чувство бесконечности, но блюдут классицистическое единство времени, странное у него, ибо названные им короткие отрезки неразрывно связаны со всем временем от сотворения мира.

Ну а нет ли и «синтетической» загадочности в главных героях трагедий Вондела? Просто ли дело с Люцифером, которому основным врагом кажется *ренессансный человек*? Не доведен ли до опасной черты вопрос, по своей ли «свободной воле» (дава ли самим ангелам свобода воли?) пал и совратил людей Люцифер, или неужто и *отрицательное предопределение* (мук человечества после «падения» Адама) также входило в замысел господень?! Пусть читатель живо представит себе выражение лица Рембрандта, залитого ярким светом свой автопортрет в мюнхенском «Распятии». Рембрандт изобразил не только свои глубокие интерес и сочувствие, но и непонимание точного значения того, что происходит. Так нет ли у Вондела в «Люцифере» и «Адаме в изгнании» такой рембрандтовской смелой готовности показать, что и он не все понимает?

В стихотворениях тоже чувствуется, что Вондел, несмотря на фламандское происхождение, нидерландец северный, у которого барокко не настолько естественно укоренилось, как во Фландрии. В его стихах много деловой обстоятельности, близкой, скорее, тому направлению XVII в., которое мы предложили связывать с караваджистски-пикарескной и бытописательской линией.

Глубоким сочетанием пронизательного анализа действительности, приводящего, говоря метафорически, к гибели идеального мира, соединением этой безжалостной правдивости с надеждой на дальнейший, пока неясный, путь творчества Вондела вновь и вновь приближается к «синтетистам». Последняя драма, «Ной», кончается тем, что кучка праведников в плотно задранный ковчеге вместе с притихшими животными

вот-вот понесется без руля и без ветрил по волнам бушующего океана потопа, но все же неминуемо выплывет...

Пусть Вондел-драматург и не признал всей красоты неповторимого расцвета театра, пришедшегося на время его жизни, он удивителен и тем, что, двигаясь от книжной ренессансной драмы, в общем в направлении барокко, он был таким писателем барокко, который сочетал в своем творчестве многие сильные стороны других направлений.

Задумываясь над связью Вондела с ренессансным мышлением и с синтетическим направлением XVII в., нужно еще раз вернуться к одной удивительной светской, гуманистической особенности драмы «Люцифер». Восстание духа зла направлено прежде всего не против бога, а против человека; против бога же — поскольку Люциферу и его ангелам-люциферистам кажется, что бог ставит человека выше них.

Главный конфликт драмы — борьба сатанинского и человеческого начал, а в аспекте истории — борьба двух эпох в человеческой истории.

Одно из качеств человека вызывало зависть люциферистов, это упомянутая в Писании способность плодиться и размножаться, сюда же относится и их зависть к красоте Евы, к обладанию ею. Это возмущавшая злых ангелов материалистическая телесность, высоко поднятая в эпоху Возрождения.

Второе качество еще более определенно ренессансное, ставящее человека над ангелами и особенно возмущавшее их, — способность к бесконечному совершенствованию. Люциферисты восстанут против ренессансного человека, каким его вывели из своей общественной практики и из уроков античной языческой философии люди Кваттроценти: Фичино, Пико

дела Мирандола; против того человека, каким представляли его поэты и художники Возрождения.

Смелая находка Вондела — изобразить бунт Сатаны как бунт против ренессансного человека, отделяет автора от поэтов барокко и приближает его к великим утопистам от Томаса Мора до Просперо и через них к «синтетистам».

«Статхаудера» Люцифера никак нельзя сравнивать с вождями нидерландской революции, не желавшими присваивать себе феодальных титулов и именовавших себя «*stedehouder*» — «наместник», «исполняющий обязанности правителя».

Люцифер, в отличие от предававших забвению идеалы нидерландской революции «статхаудеров» (такой путь особенно четко проделал Мауриц (Мориц) Оранский), не постепенно, а сразу стал смертельным врагом людей, людского счастья. Читателя не должно вводить в заблуждение, что в изображение бунта ангелов проскальзывают черты реальных бунтов, которые наблюдал Вондел, например характерное требование «прав» (*recht*). В стихе 1233 это в буквальном (непереносном) смысле защита «священного права» — «*heilig recht*» — ангелов как божественных созданий против человека.

Главное же в том, что ненависть и страх Люцифера перед человеком осмыслены только, если человек по-ренессансному совершенен. Чтобы так ненавидеть человека Люциферу не подходит человек барокко, не подходит без внимательного рассмотрения и тающий в себе противоречия человек XVII в. у Мольера, Веласкеса, Рембрандта, даже не сосредоточенная на чувственности Ева Тинторетто (ок. 1550) из венецианской Академии, не говоря уж о не одержимых неистовством искушения наивно чувственных

Евах Рубенса, а лишь та, только созданная, не знающая противоречий Ева, еще не вышедшая из рук создателя, на Сикстинском плафоне Микеланджело, идеальная женщина Ренессанса.

В то время как у писателей барокко под влиянием весьма реальных обстоятельств концепция человека усложнялась и темнела все больше и больше, Вондел в драме «Люцифер» дает в принципе совершенно ренессансный образ человека. Это нельзя объяснить имеющимися в драме туманными ссылками на дальнейшее, через тысячелетия от времени действия драмы, вочеловечение Христа. Эти ссылки должны были лишь смягчить опасное отстояние драмы от церковного предания. Вондел в них теологически все равно уязвим: у него получается, что Христос только и появляется в бытии как человек, и при этом упущено, что, по учению церкви, он, как один из членов Троицы, существовал «прежде всех век».

По поводу Вондела то и дело возникает вопрос, почему живопись Нидерландов известна всем, а литература — нет.

Архитектура, музыка, живопись не имели собственно языка, но иные, понятные и за пределами определенной языковой сферы, знаковые системы. А языковые влияния после замены латыни как единого книжного языка Запада неродными языками зависели от многих факторов. Воздействия, связанные с новыми языками, долго не были взаимодействиями и распространялись преимущественно в одном направлении. Литературное излучение шло из Франции и Прованса, а с XIV в., конечно, и из Италии; затем и от литератур народов Пиренейского полуострова. Но в долютеровские времена редки были случаи распространения немецких памятников иначе, чем через латынь. Английские

поэты знали французский, итальянский, кастильский язык, но редко какой писатель этих народов до XVII в. читал англичан. Еще труднее была международная языковая ситуация Нидерландов. Величайшие писатели Возрождения писали там по-латыни; Фландрия, да и часть Северных провинций были двуязычными. Немцам нидерландский язык, близкий к нижнемецким говорам, был более или менее понятен без перевода. В период расцвета Нидерландов их язык изучался как язык науки, техники, особенно кораблестроения и мореходства, не тем кругом людей, которым был жизненно необходим язык Петрарки, Ариосто, Тассо. Милтон, видимо, был сравнительно редким исключением, и то изучил нидерландский язык прежде всего в качестве дипломата.

Годный к сценической жизни театр соседних стран отнеснил громоздкие трагедии Вондела, а тем временем минул XVII в., минул высший расцвет Нидерландов. К тому же просветителям библейская образность могла заслонить интересную для них проблематику таких писателей, как Вондел.

* * *

В центре предлагаемой читателю книги самое замечательное произведение Вондела — написанная в последние десятилетия его жизни драматическая трилогия: «Люцифер», «Адам в изгнании», «Ной, или Гибель первого мира». К этому, помимо статей и комментариев, приложен перевод наиболее близкого источника трилогии — юношеская латинская драма его старшего современника Гуго Гроция «Изгнанный Адам».

Из стихотворений Вондела, входящих в это издание, видно, что поэт интересовался не только «небом», но

и весьма земными делами — политикой, неслыханным расцветом техники, выражавшемся тогда прежде всего в парусном кораблестроении, любил и воспевал тех мужественных людей, которые строили, водили корабли и многими другими трудовыми путями вели родину к расцвету. Особенно характерны обширная стихотворная «Похвала мореходству» (478 ст.), ода «Рейн» — патриотическая, ландшафтная и полная любви к гуманистической традиции («Пусть в Базеле сойду с причала // Где спит Эразм, найдя покой...»). Сюда же относится гимн народу и народоправию «Скребница», где Вондел как бы протягивает руку Гамлету и Дон Кихоту, а в то же время заглядывает в эпоху Просвещения:

Так юное вино разламывает бочку,
Неисправимец, я исправить век хочу...¹

Но все же самые потрясающие события целого века национальной истории Вондел косвенно отразил, следуя традиции драматургов-протестантов в инска-заниях на библейские, ветхозаветные темы. Правда, сам поэт к тому времени предпочел вернуться в лоно не господствовавшего в Нидерландах и поэтому менее обязывающего католицизма как веры, которая казалась ему в бесконечных раздорах, грызне и изменчивости сект наделенной авторитетом устойчивости.

Главные драмы Вондела, несмотря на обнаруживающуюся в них глубокую теологическую начитанность автора, не только свободны от следования догме, но и содержат возможную в монументальной драма-

¹ ...En't werkt als nieuwe wijn, die tot spon uitbarst,
Zo't onvolmaaktheid is, 't mag volmaktheid dijen.
(Vondel J. Vollendige Dichtwerken... door Albert Verwey. Amsterdam, MCMXXVII, s. 920 («Roskam»).

тургии долю иронии, насмешки и 'свободомыслия, порой прикрытого противоречащими драмам утверждениям в предисловиях.

Наиболее адекватным сюжетом, годным к воссозданию ренессансной утопии и к передаче своих впечатлений от пережитых драматических судеб Нидерландов, оказалась для Вондела трилогия о гибели (а 'начала — о кратковременном расцвете) «первого мира». В действии проходит создание человека, как мы уже говорили, совершенного не в теологическом, а в ренессансном смысле. Затем следуют взрывы противоречий. Бунт Люцифера и его ангелов против человека (не из одного лицемерия присягают люциферисты как Люциферу, так и богу: что-то есть за этой странной двойственностью — остатки близости к престолу, смутная надежда, что бог сам выполнит их цели, низвергнет человека и восстановит их права). Поражение ангелов-люциферистов сопровождается изображением без должной благочестивой осмотрительности крушением самого божьего замысла, разъедаемого злом и извне и изнутри. Библейским рассказам Вондел придает черты событий XVII в. От грехопадения Евы и Адама путь к полному развращению человечества удивительно быстр.

Высшая сила, обрушивая на людей всемирный потоп, падит лишь семью одного добродетельного старика, Ноя, кажущегося безумцем среди всеобщего расцутства. От идеала, недавно воплощенного в масштабах космической длительности, и которым, казалось, бог был доволен, не остается ничего, кроме обетования, обещания идеала в отдаленном будущем. В трилогии наступает пора барочного смятения (confusie): бог победил Люцифера, но Люцифер, сохранив человека, по-своему, победил бога.

Вондел прочел Библию так, что выходило: рухнуло не только дело Люцифера, не только дело людей, но не осуществился, надолго задержался замысел божий.

Публикуемые в настоящем издании трагедии Вондела с дополняющими их стихотворениями и другими материалами — лишь малая часть наследия писателя, составляющего в неполном виде тридцать томов, однажды сжатых А. Вервеем в упоминавшемся издании до неподъемной и невозможной для чтения из-за густоты мелкого набора тома объемом листов в 250 (Амстердам, 1937).

Из сделанного выше краткого описания виден многосоставный характер проблематики «Люцифера» и других частей трилогии Вондела. В ней присутствуют общие вопросы борьбы добра и зла, противостояния сил зла ренессансному человеку, просвечивает иногда ослепительными вспышками исторический опыт самого бурного столетия нидерландской истории. Героический век восстания, освобождения, победы революции был, поскольку революция была буржуазной, и веком зловещей пляски новых несправедливостей и противоречий. К отражению Вонделом этих событий в привычных для той эпохи библейских ветхозаветных формах надо относиться с учетом обстоятельств. Эти формы не означают, что произведения Вондела как-то подчиняются религиозной догматике. Но следует учитывать, что религиозная образность для Вондела полна ассоциаций и эстетически далеко не безразлична. Это была характерная для эпохи Возрождения и для XVII в. форма существования типического, она помогала в фигурах Люцифера, Адама показывать и выражать нечто большее, чем частные нравственные и политические портреты знаменитых современников. Драмы Вондела — произведения художественные и

философские, вторгающиеся в борьбу мнений, идей, образных систем и создающие нечто новое: свой особый мир.

У Вондела читатель увидит жизнь Голландии и сопредельных стран и в прямом изображении, и в эпосказании, и сквозь призму потрясавших XVI—XVII вв. идейных коллизий.

На одной из проблем остановимся особо. Во всей Западной Европе эпохи Возрождения и XVII в. широк был круг людей, страстно переживавших в реальном и в теологическом аспектах проблему «свободы воли» (*liberum arbitrium*). Хотя и несомненно, что полной свободы воли индивидуума в обществе не существует и что поведение человека в той или иной мере определяется обстоятельствами, тем не менее требование, постулат «свободы воли» был тогда одной из осей гуманистического мышления. Он распатывал фундамент духовной диктатуры церкви, а вместе с ним устоя всякой несвободы — как феодальной, так и буржуазной.

Спор ожесточался и задолго до Возрождения и XVII в. Еще на рубеже IV—V вв., когда Блаженный Августин, теперь более известный как автор «Исповеди», а тогда один из суровых отцов западной церкви, пользуясь ее складывавшимся карательным аппаратом, стер в прах унаследованную от языческой поры и оживленную монахом из Британии Пелагием (ок. 360 — ок. 422) идею «свободы воли». Эта доктрина, полнее всего изложенная Пелагием в трактате «О свободе воли» («*De Libero Arbitrio*», ок. 415 г.), предполагала известную самостоятельность человека в добрых делах, помимо прямого воздействия божьей «благодати» («*Gratia*»). Человек, по Пелагию, может быть сам хорош, может быть ответственным за свои

хорошие и за дурные поступки; грехопадение Адама, по Пелагию, не обрекло на осуждение всех без исключения его потомков (и часть из них могла вести безгрешную жизнь); так же искупление Христом вины Адама не оправдало всех верующих, а лишь облегчило их оправдание. Каждый новорожденный и до нашей эры пребывал в том же состоянии безгрешности, что и Адам до падения, и поэтому человек может спастись своими усилиями, а не обязательно только вследствие конкретной помощи «благодати».

Ныне такие споры могут показаться схоластическими, но когда вера была повсеместно распространена, и страх загробного воздаяния был всеобщим, все эти споры имели иной характер. Догматикам пелагианство казалось умахующим всемогущество бога.

Католицизм осудил пелагианство как ересь и принял доктрину Августина, несмотря на подразумеваемую ею возможность оправдания любых преступлений высшей необходимостью. Доктрина «предопределения» была заимствована и другими средневековыми религиями — в особо крайней форме исламом.

Однако в самой Западной Европе идея «несвободы воли» была постепенно ослаблена в ходе истории вследствие ее противоречия жизненной практике, а также из-за двусмысленностей, возникавших при ее проповедовании в церкви. Наиболее пронищательные теологи вроде Фомы Аквинского (XIII в.) отказались от некоторых ее особо антигуманных положений — например от идеи «отрицательного предопределения» (т. е. от положения, что бог заранее предопределил тем или иным людям склонность ко злу и обрек их, что бы они ни делали, на неминуемое осуждение на вечные муки).

В XVI в. протестанты Лютер (по воспитанию монах-августинианец), а затем Кальвин, уверенные в фатальной неизбежности победы своих идей (а может быть смутно догадывавшиеся об обратном — что рано или поздно их опаснейшим врагом станет не католицизм, а укрепившееся в ренессансные времена свободомыслие, практический опыт и свободолюбие угнетенного народа), в полной мере вернулись к положениям о «рабстве воли» (*servum arbitrium*) — термин, излюбленный Лютером в споре с Эразмом) и о «предопределении».

Люди Возрождения, ни феодально, ни буржуазно не ограниченные, не принимавшие ни несвободы, ни самодовольного «рабства воли», ввязались в борьбу за идею «свободы воли». Особенно отличился в этом как раз величайший нидерландский гуманист Эразм Роттердамский. Его последователей, так называемых эразмистов, травили одинаково усердно фанатики обеих вер от Испании до Женевы и Свободных провинций Нидерландов.

Все это было актуально и для современных Вонделу Нидерландов. Засилие крайних кальвинистов («гомаристов» — по имени теолога фанатика Франсиса Гомара, 1563—1641), набрасывавших на едва освободившихся от католицизма нидерландцев узду «рабства воли», вызывало протесты в гуманистически настроенной среде. В защиту «свободы воли» выступил Якоб Арминий (Я. Германдсзон, 1560—1609), происходивший из семьи, вырезанной католиками. Его учение, обобщенное его последователями, среди которых выделялся друг Вондела гуманист Гуго Гроций, в так называемой Ремонстранции 1610 г. отрицало такие крайности фанатической нетерпимости, как утверждение, что Христос умер ради спасения одних избран-

ных (т. е. ради слепых догматиков-кальвинистов). Это вызвало ярость фанатичных кальвинистов, на сторону которых стал сам статхаудер Мауриц Оранский. Арминиян преследовали, изгоняли из страны, а крупнейшего политического деятеля среди их сторонников семидесятидвухлетнего Яна ван Олденбарневелта судили с нарушением всех норм судопроизводства и казнили в 1619 г.

Вондел, конечно, был среди тех, кто хотел сохранить заветы Эразма и гуманистов, а не раздавать в молодой республике санкции на притеснения, грабежи и казни. В резких и сатирических стихах он разоблачал судей Олденбарневелта, клеймил грязью и интриги в гомаристском лагере.

В «Адаме в изгнании» Вондел, хотя и осторожно, но довольно последовательно, отстаивает идею «свободы воли», пусть в предисловии он и заверяет, что непричастен идеям Пелагия, одинаково еретическим и с католической и с протестантской точки зрения.

Вообще же Вондел немало страдал за свою смелость и прямоту, за равнодушие к тому, что происходило в стране. «Южанин» (фламандец) по происхождению, выходец из семьи, бежавшей от католических притеснений и попавший в Амстердаме в мир, где царили новые несправедливости, где угнетатели и сторонники «рабства воли» были в общем сильнее поборников свободы, Вондел кипел в котле этих страстей и писал со страстью борца и героя.

Этот поэт XVII столетия, сохранивший при всех изломах своего века ядро внутренней, унаследованной еще от Ренессанса цельности и всё, несмотря на опыт Гамлета и Дон Кихота, надеявшийся исправить расшатанное время, к четырехсотлетию своего рож-

дения собирает куда более обильные лавры, чем при жизни.

В заключение обратимся к читателю со стихом самого Вондела: «Цель наша — видима: прострем теперь крыла. . .»

В этом издании произведения Вондела у нас впервые открывает группа энтузиастов: В. В. Ошис, изучающий и пропагандирующий историю нидерландской литературы; основной переводчик Е. В. Витковский, надолго терпеливо погружавшийся в стихию поэзии Александра Петровича Сумарокова (1717—1777), чтобы найти наилучший языковой и образный мост между Вонделом и нашей современностью; Ю. А. Шичалин, осуществивший перевод с латыни драмы друга Вондела гуманиста и поэта Гуго Гроция «Изгнанный Адам». Редакция выражает также признательность М. Л. Гаспарову, просмотревшему перевод трудных стихов Гроция, и А. В. Михайлову, отрецензировавшему книгу.

В. В. Ошис

«ТРАГИК ХОРОШИЙ»

(Творчество Вондела

и нидерландская литература XVII в.)

«Фондель, славный голландский стихотворец, или Виргилий тамошний, трагик хороший. Жил в 17 веке. Умер 5 дня февраля, в 1679 году, на 92 века своего».

(*Сумароков А. П.* Примечание на употребленные в сих эпистолах стихотворцев имена. 1747).

ноября 1587 г. в Кельне в семье антверпенского шляпника Йоста ван ден Вондела, бежавшего от религиозных преследований из родного города на Шельде, и его землячки Сары Кранеп родился Йост ван ден Вондел, имя которого вот уже три столетия упоминается в числе первых, как только речь заходит о вкладе современных Нидерландов в общеевропейскую культуру. «Современными Нидерландами» мы называем эту страну в отличие от «Нидерландов исторических», существовавших до буржуазной революции последней трети XVI в. и включавших территорию нынешних Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Северной Франции. Само это государство возникло, таким образом, незадолго до рождения поэта и конституировалось в январе 1579 г., когда семь северных провинций образовали Республику Соединенных провинций, во главе которой встал национальный герой Вильгельм Оранский. В 1581 г. новое буржуазное государство окончательно сбросило с себя оковы феодального испанского ига, и рассеявшиеся по всей

Европе беженцы стали понемногу возвращаться на родину. Перебирались на Север и выходцы из южных провинций, обреченных еще на многие десятилетия оставаться под испанской короной. В 1597 г., когда Йосту-младшему шел десятый год, его семья переехала в Амстердам, где родители открыли на торговой улочке Вармусстраат магазин шелковых тканей и чулок в доме с девизом «Справедливость и верность». После смерти мужа (1608) вдова Сара Вондел вела торговлю одна, а в 1613 г. передала «дело» в руки Йоста и его молодой жены, как и он сам, уроженки Кёльна Майкен (Марии) Де Волф, с которой Вондел обвенчался в 1610 г. С Амстердамом связана вся жизненная судьба Вондела и его многочисленного рода (он был вторым из семи детей Йоста-старшего и Сары, в его собственной семье родилось пятеро детей, двое умерли сразу после рождения).

Но прославил свой город не малоудачливый negociant средней руки Й. ван Вондел. Еще мальчиком, посещая известную в Амстердаме школу математика Виллема Бартъенса, дружившего с музами, он начал сочинять стихи, испытал воздействие поэта-художника Карела ван Мандера и филолога-эразмиста Хендрика Спитгела. В 1606 г. его принимают в камеру риторов «Белая лаванда», которую еще называли «брабантской». В ней объединились художники, поэты, музыканты, переселившиеся с юга. Южан в Голландии долго недолюбливали, и они держались обособленно. Комедия Гербранда Бредеро «Испанец из Брабанта» (1617 г.) дает почувствовать тогдашнее неприветливое отношение голландцев к тем, кого позже стали называть фламандцами. В кругу редерейкеров (риторов) Вондел создает свои первые поэтические произведения, там же ставится его «трагикомедия» «Пасха»

(1610), еще находящаяся на полпути между лирикой и драмой. С Амстердамом связана и вся творческая судьба самого выдающегося нидерландского писателя нового времени.

Значение и важность творчества Вондела трудно оценить чересчур высоко даже в европейских масштабах. Едва ли возможно представить себе европейское барокко, например, без Мильтона и Грифиуса; между тем, не будь написаны Вонделом «Люцифер» и «Самсон», кто знает, какими появились бы на свет хрестоматийные шедевры Мильтона «Потерянный рай» и «Самсон-борец». В «Потерянном рае» и «Возвращенном рае» находят также много параллельных мест с трагедией «Адам в изгнании», с поэмами «Иоанн Креститель» и «Размышления о боге и о религии». Проблема влияния Вондела на Мильтона изучается уже более ста лет¹, и дебаты еще не кончались; помимо текстологических аргументов важным доводом в них служит тот доказанный факт, что великий англичанин владел нидерландским языком. Нет недостатка и в исследованиях по проблеме «Вондел — Грифиус»².

Иному литератору одного этого вполне хватило бы для бессмертия. Между тем в истории вонделоведения это всего лишь факт — важный, интересный, но эпизодический. Только сохранившееся наследие Вондела включает 24 оригинальных драмы на библейские,

¹ *Edmundson G. Milton and Vondel: a Curiosity of Literature. L., 1974* (факсимильное переиздание; книга опубликована в 1885 г.); *Müller A. Über Miltons Abhängigkeit von Vondel. B., 1891; Moolhuizen J. J. Vondel's Lucifer en Milton's Verloren Paradijs. 's Gravenhage, 1895.*

² *Haerten H. Vondel und der deutsche Barock. Nijmegen, 1934.*

мифологические, исторические сюжеты, восемь драм «переводных» — из Сенеки, Софокла, Еврипида, а также из Гуго Гроция. Входит в него большая, почти в четыре тысячи строк александрийского стиха, поэма «Иоанн Креститель»; оды, сатиры, сонеты, эпиграфии; наконец, выполненные классическими александринами переводы «Метаморфоз» Овидия, «Энеиды» Вергилия и многое другое. Первое полное собрание сочинений Вондела в 12 томах увидело свет в 1855—1869 гг. Его переиздание, предпринятое в 1888—1895 гг. после трехсотлетнего юбилея со дня рождения Вондела, едва уместилось в 30 томов. Следующим этапом был «однотомный» Вондел, подготовленный к печати выдающимся нидерландским поэтом и литературоведом Албертом Вервеем в 1937 г., к 350-летию со дня рождения национального классика, — гигантский том, набранный мельчайшим шрифтом во много столбцов на тонкой бумаге с учетом современной орфографии. В том же 1937 г. было закончено растянувшееся на десять лет юбилейное десяти томное издание Вондела, позже повторенное в дешевом семитомном варианте.

Нидерланды утратили к концу XVII в. значение «мировой державы». Еще и по сей день не произошло там по-настоящему научного освоения огромного наследия собственного «золотого» XVII в. Относительно полные собрания сочинений других великих поэтов того же времени — Хофта, Хейгенса и даже рано умершего Бредеро — выходили всего один-два раза: творчество же тех, кто был рангом пониже, не собрано и не изучено в полном объеме до сих пор. Поэтому нет ничего удивительного в том, что исследования о Вонделе на английском, французском, немецком и других европейских языках едва ли не больше,

чем на его родном. Как это ни удивительно, но подобная ситуация сложилась и вокруг величайшего из голландских живописцев, Рембрандта.

Литература высокого европейского барокко начала раскрываться перед читателем во всем своем блеске лишь в XX в., а ее изученность в целом и сейчас еще оставляет желать лучшего. Вондела никогда не забывали ни на его родине, ни за ее пределами, но подлинное его открытие для читателя — впереди.

Нидерландская буржуазная революция, проходившая под знаменами национально-освободительной борьбы и Реформации, привела к образованию Республики Соединенных провинций. Страну, по имени ее крупнейшей провинции, зачастую стали называть Голландией, а ее язык — голландским. Политический раскол Нидерландов привел и к расколу культуры. На юге нидерландская культура — и литература — в первую очередь — пришла к быстрому угасанию, писавшие там на нидерландском языке поэты (Юстус де Хардювейн, Михил де Сван и др.) оставили едва ли более глубокий след, чем писавшие на том же языке в Новом Амстердаме (нынешний Нью-Йорк) Якоб Стейндам или в Капской колонии на мысе Доброй Надежды Арно ван Овербек. Зато на севере Голландия, первая буржуазная республика Европы, вступила в свой апогей. Рост мануфактурной промышленности, завоевание иноземных территорий, расширение торговых связей — все это помогло Республике Соединенных провинций стать «...образцовой капиталистической страной XVII столетия»³. В первой половине XVII в. Голландия обладала самым крупным в Европе торговым, военным и фрахтовым флотом, «была бо-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 761.

лее сильной, чем Англия, великой колониальной державой»⁴. Голландские корабли можно было встретить в портах всех стран Европы, в том числе и России, в водах Индийского океана, у берегов Америки, Африки, Дальнего Востока, Австралии (которую тогда называли Новой Голландией); в самый канун XVII в. экспедиция Виллема Баренца первой попыталась проложить Северный морской путь на Восток, но оборвалась трагической зимовкой на Новой Земле.

Голландская буржуазия могла, без сомнения, гордиться своими успехами в первоначальном накоплении и с полным основанием считать «золотым» этот первый век своего безраздельного господства. Но она строила свое могущество на разорении ремесленников и мелких торговцев, обезземеливании крестьян, эксплуатации рабочих. «... Народные массы Голландии уже в 1648 году более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы»⁵.

«Золотой» XVII в. был также веком первых рабочих домов, женского и детского труда, самой высокой в Европе стоимости жизни, народных восстаний, первых пролетарских стачек.

Стихийное движение народных масс, не принося им самим облегчения, нередко оказывалось в роли решающего фактора в борьбе господствующих классов и политических группировок и использовалось ими в корыстных целях. С первых же дней независимости в республике столкнулись интересы купеческой олигархии, которая добивалась свободы торговли автономии отдельных провинций, и интересы про-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 46.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 763.

мышленной буржуазии, стоявшей за централизованную власть (ее поддерживали дворянство, духовенство, армия). Наряду с республиканскими учреждениями типа Генеральных штатов осталась в силе должность наместника, «статхаудера», которую после убийства Вильгельма Молчаливика в 1585 г. занял его младший брат, главнокомандующий голландской армии Мауриц Оранский; в 1634 г. статхаудерство вообще было закреплено как наследственное за домом Оранских.

В начале XVII в. политическая вражда провинциалистов и унитаристов облеклась в форму религиозного конфликта, имя которому (но не начало) дала полемика лейденских богословов Франса Гомара и Якоба Арминия о свободе воли и божественном предопределении, о месте церкви в государстве. Однако своими корнями спор уходил во времена давно минувшие. Чтобы понять его сущность, нужно возвратиться в начало XVI в. — в самую гущу событий европейской Реформации. В сентябре 1524 г. Эразм Роттердамский опубликовал свой трактат «О свободе воли». Хотя Эразм расходился с Лютером по многим пунктам, для полемики он выбрал именно то, что более всего отличало его гуманистический взгляд от лютеровской трактовки человека. Согласно Лютеру, человек вследствие грехопадения утратил самую способность к добру, и сил для свободного усвоения благодати у него не осталось: даже мысли, возникающие в уме читающего св. Писание, суть не плод его разума, а результат действия благодати, даже веровать человек не может сам, по своей воле. Признаваемые Лютером таинства — крещение и причастие — также сообщают людям благодать без всякого участия свободы и даже без веры приемлющего таинство.

Такая всецелая подчиненность человеческой воле действию божественной благодати и полная неспособность человека сделать самостоятельный выбор представлялись Эразму не только противоречащими свидетельствам и отцов церкви и Писания (к которым он прежде всего стремился адресовать Лютера), не совместимыми с мнением большинства древних философов и даже просто со здравым мыслом. Эразма более всего поражало то, что Лютер не видит одного несомненного вывода, которым чревато его учение: отрицая свободу воли, Лютер неизбежно отрицает возможность всякого нравственного совершенствования человека. Если в Лютере вызывают законное негодование пороки католической церкви, то на что он может рассчитывать, призывая к нравственному очищению, коль скоро сам он отнимает у человека возможность сознательного и самостоятельного выбора между добром и злом? И даже если Лютер прав в своих детерминистских крайностях, то с педагогической точки зрения развивать подобную концепцию перед лицом непросвещенной массы — есть безумие, и безумцу еще придется раскаяться в своей опрометчивости. «Представим, — писал Эразм, — что в каком-то смысле справедливо то, что утверждает Лютер, а именно: все, что с нами совершается, происходит не по свободной воле, а в силу чистой необходимости. Но менее всего этот парадокс нужно разглашать всему свету. Опять-таки предположим, что в некотором смысле справедливо написанное где-то у Августина: бог вершит в нас и благое и злое, и благие свои свершения в нас засчитывает, а злые свершения в нас наказывает. Но обнаружь это, — и какой доступ к несправедливости откроется для бесчисленных смертных, в особенности при такой их косности,

нерадивости, порочности и неудержимой склонности ко всякого рода несправедливости? Какой нестойкий станет выдерживать бесконечную и тяжкую борьбу со своей плотью? . . .»⁶

В Эразме говорил не только воспитатель человечества. Он словно предвидел, что Лютер, призывавший немцев к бунту против католической церкви и светской власти, с началом крестьянской войны в Германии обратит весь свой пыл против народа и будет призывать потопить восстание в крови. Для Эразма оправдание человеческой разнузданности сверхчеловеческим авторитетом и попытка бесчеловечной жестокостью укротить разгулявшуюся стихию не представлялись возможными ни с точки зрения простого человеческого здравого смысла, ни с точки зрения тех идущих от античности традиций, которые ренессансный гуманизм положил в основу своего учения о морали и о воспитании.

В ответ на диатрибу Эразма Лютер написал свою — «О рабстве воли». Эразм снова ответил — трактатом «Заступник, или Против зловреднейшего письма Мартина Лютера». Спор, тем не менее, велся лишь в рамках печатного слова и кончился только со смертью Эразма. Исторический диспут двух идейных вождей, о котором знали только ведавшие латынь ученые мужи и грамотеи, привел в конечном счете к очень многим последствиям; из брошенных им семян выросла трилогия Йоста ван ден Вондела.

Спустя неполные сто лет теологический спор уже должен был стоять крови одной из сторон. Умеренные кальвинисты, сторонники Якоба Арминия и «нового

⁶ Эразм Роттердамский. О свободе воли. Перевод Ю. А. Пичалина.

богословия» Эразма, подали в провинциальные штаты Голландии протест и одновременно изложение своего кредо — «ремонстрацию», где доказывали, что спасение человека зависит не только от божественной воли, но и от самого человека. Под прямым влиянием «великого пенсионария» Йохана ван Олденбарневелта провинциальные штаты согласились признать, что в «ремонстрации» арминиян ереси нет. Подобное решение никак не устраивало их идейных и политических противников — «контрремонстрантов». После «решительной резолюции» Олденбарневелта и перед лицом гражданской войны глава унитаристов, статхаудер Мауриц Оранский, обвинил Олденбарневелта в государственной измене. Олденбарневелт был обезглавлен, а один из главных идеологов «ремонстрантов», Гуго Гроций, приговорен к пожизненному тюремному заключению. Одновременно Дордрехтский синод, созванный годом раньше по инициативе Генеральных штатов для «замирения» с «ремонстрантами», осудил их учение как ересь и лишил сана более двухсот проповедников (80 из них были изгнаны за пределы страны).

События 1619 г., переломившие весь ход истории в Нидерландах, решающим образом повлияли на мировоззрение начинающего поэта и драматурга Йоста ван ден Вондела, которому, как и его духовному наставнику и другу Гуго Гроцию, было уготовано в истории культуры место куда более прочное, чем всем их политическим попутчикам и противникам. К тому времени, как уже говорилось, Вондел был автором нескольких поэтических произведений, в том числе трагикомедии «Пасха, или же Избавление детей израилевых из Египта». В ней наметилась важная сторона его творчества — злободневность и про-

истекающая из нее тенденциозность, определяемая стремлением дать под оболочкой объективно-исторического, заимствованного из Библии или из мифологии сюжета субъективный отклик на происходящее. В «Пасхе» (на сюжет из «Книги Исход») речь шла об избавлении Голландии от испанского господства. Освобождению страны от иноземного владычества был посвящен также сонет «На двенадцатилетнее перемирие Соединенных Нидерландов» (1609). 1620 г. датирована драма «Разрушенный Иерусалим», сюжет которой был заимствован из «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Трагическая судьба Иерусалима — символ предостережения от опасности, которая угрожает Нидерландам из-за внутренних конфликтов, ведущих к «бесчеловечному кровопролитию» (пьеса создавалась в период острой борьбы провинциалистов и унитаристов).

Хотя в «Разрушенном Иерусалиме» Вондел уже полностью самостоятелен в технике стиха, в драме еще присутствовали архаические для XVII столетия черты театра риториков, в частности — аллегорическая фигура Дочери Сиона, олицетворяющей Иерусалим. Аллегория и впоследствии находит у Вондела широкое применение, трансформируясь в барочном духе — единичное, случайное становится знаком, символом всеобщего, существенного. Многие Вондел принял из зиннеспела — риторовой «драмы идей» (термин Т. Виверса⁷), прежде всего сам принцип построения персонажа как изначального носителя отвлеченной идеи, близкий театру классицизма. Значительную роль в творческом формировании Вондела сыграла и

⁷ *Weevers Th. Poetry of the Netherlands in its European context. 1170—1930. L., 1960.*

гуманистическая «школьная драма», также тесно связанная с театром редерейкеров; некоторые исследователи, например Герард Бром, вообще выводят из нее всю драматургию Вондела.

Глубокий интерес к античной и ренессансной культуре Вонделу привили Хофт и Мейденский кружок⁸. Позднее ренессансный дух Мейденского кружка, колоритнейшие фигуры самого Хофта (ставшего в 1609 г. балыи крупного округа и в качестве резиденции занимавшего замок Мейден), наставника мейденцев, поэта и негоцианта Румера Виссера, другие лица того же круга — блестящие латинисты Каспар ван Барле и Герард Фоссий, увековеченный как в поэзии Вондела, так и в живописи Рембрандта хирург Николай Тюлц, архитектор Якоб Кампен, талантливые поэтессы, дочери Виссера Анна Румерс Виссер и Мария Тесселсхаде — все они оказали благотворное влияние на молодого Вондела. Увлеченность разработкой подчеркнута светской (при различии вероисповедания) гуманистической культуры словно бы «умершими для внешнего мира», по слову Хофта, мейденцами представляла собой по сути дела духовную оппозицию реальной общественной практике. Эта духовная оппозиция была сопряжена с неизбежностью определенной самоизоляции в литературном творчестве и носила почти что анахронический характер.

Однако Вондела неудержимо влекло в гущу реальной жизни, в нем говорил подлинный патриот Голландии — пусть патриотизм его и был отравлен большой долей горечи. Вондел не мог воспринимать происходящее с высот олимпийского гуманизма, как его

⁸ О риториках и мейденцах подробнее см.: *Ошис В. В.* История нидерландской литературы. М., 1983.

наставник Хофт, который позже сказал о нем: «Мне жаль человека, ни от чего не устающего так скоро, как от покоя». Страстная «южная» натура Вондела не позволила ему остаться в оазисе Мейдена, вновь и вновь бросала его в водоворот общественной жизни. В творчестве Вондела главное место занимает именно драма, ведущий жанр нидерландской литературы XVII в. И это лишний раз подтверждает известную мысль, что драма вообще родилась как искусство политическое. Как и мейденцы, «также вскормленный традициями Ренессанса, Вондел открыл новую эпоху. Грандиозная концепция и могучее дыхание барочной поэзии не были совместимы с изысками Мейдена», справедливо замечает французский нидерландист Пьер Брашён⁹. Вондел, а вслед за ним его выдающийся современник Константин Хёйгенс силой своих дарований сумели преодолеть маньеристские тенденции Мейденского кружка и стать крупнейшими представителями нидерландского барокко.

Но, как справедливо заметил Б. Р. Випшер, «когда представители стиля барокко опирались на теорию, то это была классицистическая теория», поскольку — по крайней мере, в Нидерландах — теории барокко не существовало. Но формальный классицизм Вондела, преемника великих нидерландских гуманистов, в той мере, в какой он присущ его творчеству, — так, античных авторов Вондел перелагал на нидерландский язык правильным александрийским стихом, притом подчиняясь «романской» просодической традиции стяжения стыкующихся гласных, в чем коренное отличие его александрии от александрии его последователей в Германии Мартина Опица и Анд-

⁹ *Brachin P. Au siècle d'or hollandais. P., 1957.*

реаса Грифиуса, — был продиктован не одной лишь верностью традициям и не теоретическим «голодом». И творческий метод (выражаясь нынешним языком), и богатейший жанровый арсенал, и всю палитру поэтических средств ставил Вондел на службу своему времени. В иносказательной форме библейской или мифологической трагедии, эпической поэмы, оды, сатиры он находил повод говорить о самом животрепещущем, самом насущном, порою вопреки мнению и действиям власть предержащих. Поэт и драматург сумел по-своему выразить некоторые из тех принципиальных мыслей о мире, об обществе и человеке, которые тревожили философов-рационалистов его эпохи — Гоббса, Декарта, Спинозу. Именно в философском, гносеологическом плане, в анализе соотношения рационального и иррационального нужно искать самую глубинную основу синтеза барокко и классицизма у Вондела.

В ранний период творчества, особенно в 1620—1630-е годы, выучив в свои 33 года латынь, Вондел увлекался Сенекой, по трагедиям которого изучал драматургическое ремесло, перерабатывал их — его трагедия «Амстердамская Гекуба» (1625) представляет собою переделку «Троянок» Сенеки, его «Ипполит» (1628) — переработанная «Федра». Видимо, на сюжет Сенеки была написана уничтоженная Вонделом трагедия «Мессалина». Но куда важнее для понимания Вондела не прямое влияние на него Сенеки, а опосредствованное, шедшее через латинские драмы Гроция: позднюю драму Гроция «Софопанеас» (о просвещенном правлении Иосифа в Египте) Вондел перевел на нидерландский язык (1635 г.) с прямым указанием на первоисточник; ранний Гроциев «Адам изгнанный» лег в основу публикуемой ныне на рус-

ском языке трилогии «о гибели первого мира»¹⁰.

Однако между творчеством и мировоззрением Вондела и Гроция следует усматривать нечто большее, чем просто влияние, связанное с их личной дружбой. Мировоззренчески наследуя «христианскому» гуманизму Эразма Роттердамского, Гроций глубоко воздействовал на духовное становление Вондела. Мысли Гроция о веротерпимости, единстве церкви, войне и мире, народном суверенитете можно найти у Вондела повсюду. Гроций и Вондел познакомились, вероятно, когда Гроций, после романтического бегства из своего заточения в замке Лёвенстейн, прожив десять лет во Франции, в самом конце 1631 г. возвратился в Амстердам; в апреле 1632 г. ему, однако, снова пришлось эмигрировать. Вондел и Гроций много встречались в Амстердаме в 1634 г., когда Гроций, уже в качестве посла шведской королевы Кристины во Франции, по пути в Париж провел на родине несколько месяцев. Гроцию посвящен целый ряд произведений Вондела, в том числе знаменитая «национальная» драма «Гейсбрехт ван Амстел» (1637 г.). В 1645 г., вскоре после смерти Гроция, попавшего в кораблекрушение на обратном пути из Швеции, Вондел переводит с латыни одно из его теологических сочинений, названное им «Завещание Гроция». С Гроцием в душе (иной раз, видимо, и с драмой Гроция в руках) будет создавать Вондел свою последнюю трилогию. Но сейчас возвратимся в 1620-е годы.

События 1619 г., казнь 72-летнего «великого пенсионария» так потрясли Вондела, что он, по свидетель-

¹⁰ О влиянии Сенеки на самого Гроция подробнее см. в статье Ю. А. Шичалина, наст. изд., с. 491—493.

ству его первого биографа и ученика Герардта Брандта, «был поражен стойким недугом слабости, который изнурил его дух и возбудил в нем желание смерти». Все труднее давалось ему и другое — совмещать свое призвание с ригористической верой отцов. Хотя меннониты избрали его в 1616 г. своим дьяконом, его вхождение в камеру риторов «Белая лаванда», а с 1617 г. — в созданную врачом Самюэлом Костером «Нидерландскую академию» воспринималось неодобрительно. Вондел переживал тяжелый духовный кризис, как это бывает всегда, когда жизнь ставляет ломать свои убеждения.

Вондел не мог оставаться меннонитом и заниматься стихотворством — для секты, к которой принадлежали его родители, были характерны тяжкие нравственные вериги (нередко, впрочем, лицемерные¹¹) и, в частности, нетерпимость к театру. С 1621 г. Вондел не принадлежит ни к какой церковной общине. Тогда же он занял позицию деятельного защитника арминианства и веротерпимости, противника кальвинистской догмы предопределения и ее «кровавого триумфа». Выступая вообще против всякого догматизма, насилия над личностью, в защиту свободомыслия, Вондел одновременно бросил вызов и оранжистам, сторонникам дома Оранских, своекорыстно использовавшим религиозную распрю и недовольство народа антипатриотизмом и стяжательством купеческой олигархии (стоявшей, как уже говорилось, за спиной арминианства). Вехой на этом тернистом пути стала написанная сразу после смерти Маурица Оранского драм:

¹¹ См. сатирическое стихотворение Я. Я. Стартера «Ухаживание за меннониткой» (БВЛ, т. 41: Европейская поэзия XVII века. М., 1977).

«Паламед, или Умерщвленная невинность» (1625). Повествуя о плачевной судьбе оклеветанного Одиссеем героя Паламеда, — о котором, кстати, у Гомера нет ни слова, — Вондел прозрачно и подробно рассказал историю расправы над Иоаном Олденбарневелтом. Сюжет и персонажи были выписаны настолько узнаваемо (для верности Паламед на титульной гравюре был наделен чертами Олденбарневелта), что разразился скандал. Вондела обвинили в оскорблении главы государства; спасаясь от ареста, он укрылся в доме старшей сестры Клеменции, а затем в одной из окрестных деревень. Только заступничество амстердамского магистрата, отстаивающего привилегии города, спасло Вондела от трагической участи его героя, и дело кончилось штрафом в 300 гульденов. У Вондела, однако, были не только заступники, но и единомышленники. Один из них — поэт и драматург, глава «Нидерландской академии» Самюэл Костер (1579—1665), в своих произведениях, особенно же в трагедиях на античные сюжеты («Итис», 1614; «Ифигения», 1617, и др.), выражавший, по словам Ф. Хельвальда, «неукротимое отвращение ко всякому деспотизму, особенно к церковному, к ханжеству попов и политиков, осуществляющих за счет народа своекорыстные планы»¹². Доставало в них и прямых выпадов против кальвинистской ортодоксии; так, в жреце Калхасе заклеяен небезызвестный гомарист Смаут, позже выведенный и Вонделом в сатире «Развратники в курятнике» (см. примеч. на с. 542 наст. изд.).

Голландия XVII в. была богатой покровительницей искусства и науки, она дала убежище прогрессивным

¹² *Hellwald F. Geschichte der holländischen Dramaturgie. Rotterdam, 1874.*

европейским философам Рене Декарту, Пьеру Бейлю, Джону Локку. Но в ней же преследовали Гуго Гроция, Уриэля Акосту, Бенедикта Спинозу, здесь умер в бедности Рембрандт. К теме Олденбарневелта Вондел возвращался снова и снова — через шесть лет он пишет поэму «Времена года Йоана ван Олденбарневелта», 1657 г., когда Вонделу было уже 70 лет, помечено его стихотворение «Посошок Йоана ван Олденбарневелта» (См. наст. изд., с. 325). Заметим, что Вондел — и в силу политических привязанностей, и в силу творческого темперамента — идеализирует своего героя как великомученика; в действительности «великий пенсионарий» отнюдь не был столь благоденствен, отличался диктаторскими замашками, которых побаивались купеческие олигархии Амстердама, почему и не поддержали его фракцию в решающий момент, пожертвовав его головой во спасение собственных интересов.

На вопрос сестры, укрывшей его от ареста, зачем он ворошит осиное гнездо, Вондел запальчиво ответил: «Я еще скажу этим людям всю правду, и побольнее прежнего!» И это были не просто слова. В дополнение к «Паламеду» Вондел обрушивает на лагерь кальвинистов-экстремистов целую серию сатирических бомб. Это его знаменитые стихотворные сатиры (по-голландски *hekeldichten*, буквально «стихи отращения») «Вечерняя молитва гёзов» (1620), «Развратники в курятнике» (1627), а также «Новая песня Рейнтъе-лиса» (1627) (наст. изд., с. 260—289), в которых он зло высмеивает вершителей несправедного суда над Олденбарневелтом. Филиппикой против кальвинистской догмы предопределения была сатира «*Decretum horribile*» («Чудовищное уложение», 1630). Но Вондел отнюдь не собирался «увязнуть» в полемике с контр-

ремонстрантами. От пободного узколюбия предохраняла его эразмистская закваска. Вондел метил во врагов свободомыслия и веротерпимости, где бы они ни были — в городской управе (и он пишет сатиру на регентов «Скребица», 1630 — наст. изд., с. 295 или на церковной кафедре («Гарпун», 1630, сатира на пасторов, наст. изд., с. 301). Он, гражданин Голландской республики, надеется на воплощение в ней высоких гуманистических идеалов, радуется ее успехам, утверждению ее могущества, как, например, в знаменитой «Похвале мореходству» (1620). Вондел поднимает на щит имена государственных мужей, спешествующих процветанию нации, — как в эпитафии бургомистру Корнелису Хофту (отцу поэта П. К. Хофта, 1626) или в «Хвалебной песне Фредерику Хендрику» (1629), преемнику Маурица Оранского, единственному статхаудеру из числа тех, чье правление пришлось на время жизни Вондела, к кому поэт относился более чем лояльно. Но свой идеал национального героя поэт находит в прошлом, и это симптоматично. Побуждаемый Гроцием, Вондел принялся за сочинение эпической поэмы «Константинада», однако смерть жены (1635), глубоко его потрясшая, заставила прервать работу над поэмой, которой он не стал возобновлять и сжег написанное, так как фигура этого венценосного героя показалась ему в конце концов слишком стереотипной для героического эпоса. Воображением поэта и драматурга завладевает более близкий ему и по времени и по месту рыцарь Гейсбрехт с Амстела — реки, давшей название Амстердаму.

Своим сюжетом трагедия Вондела «Гейсбрехт ван Амстел» перекликается с трагедией Хофта «Герард ван Фелзен». Обе опираются на реальные события

конца XIII в.: восстание вассалов против графа Флориса V, поправшего интересы общества (исторического Флориса V поддерживали крестьяне и ненавидела знать). У Хофта Герард ван Фелзек, выражая волю народа, убивает Флориса, но затем узурпирует права народа и приглашает на престол чужеземца. Действие трагедии Вондела развивается в более позднее время, в самом начале XIV в., когда вновь обладали сторонники убитого графа Флориса V. Они приступом и хитростью штурмуют Амстердам, куда вернулся после изгнания Гейсбрехт, главный герой этой «главной патриотической» драмы Вондела. Занятый в то время переводом «Энеиды», Вондел проводит явные сюжетные параллели между падением Трои и Амстердама. В финале трагедии, когда Гейсбрехт покидает город, его утешает архангел Рафаил, предсказывая Амстердаму процветание и могущество. В трагедии Хофта аналогичное прорицание было вложено в уста речного бога Фехта — персонажа языческого; есть у Хофта и другие аллегорические фигуры (Обман, Распря, Насилие), от которых отказывается Вондел. Подобно другим нидерландским драматургам, он еще в «Пасхе» вводит классическое единство: «трагедия начинается в три часа пополудни и завершается поутру», — указывает Вондел перед началом «Гейсбрехта».

Постановкой этого патриотического произведения торжественно открылся «Схаубюрг» — первый в Нидерландах постоянный театр, созданный по решению амстердамского магистрата на базе упоминавшейся ранее «Нидерландской академии» С. Костера, с которой были воссоединены также обе столичные камеры риториков — «Белая лаванда» и «Шиповник». Поскольку деревянное здание «Нидерландской акаде-

мии» уже обветшало, по заказу города питомец Мейденского кружка архитектор Якоб Кампен, позже построивший амстердамскую ратушу, воздвиг новое здание, отвечающее всем тогдашним требованиям театральной архитектуры. В «Схаубюрхе» ставились в XVII в. многие трагедии Вондела, пьесы Бредеро, Хофта, Роденбурга и других драматургов. Все роли, как было принято в те времена, исполняли мужчины. Премьера «Гейсбрехта ван Амстел» первоначально должна была состояться на второй день рождества, 26 декабря 1637 г., но вмешалась консистория, усмотревшая в некоторых сценах спектакля прославление католической веры. Гроций издалека (из Швеции) возмущался «этими неразумными людьми, которые не хотят дозволить, чтобы в пьесе, действие коей разыгрывается пятью столетиями ранее, представлены были обычаи той отдаленной эпохи». Премьера была перенесена и состоялась 3 января 1638 г. С тех пор по традиции «Гейсбрехт ван Амстел» ежегодно ставился на сцене «Схаубюрха» в новогодние дни — вплоть до 1968 г., когда вместо него, в связи с 350-летием со дня смерти Гербранда Адрианса Бредеро, традиционным спектаклем стала его комедия «Испанец из Брабанта».

Будучи кульминацией вонделовского лиризма в драме (сюжетная линия Гейсбрехт — его жена Баделох, полные экспрессии хоры), «Гейсбрехт ван Амстел», однако, сильно уступает в сценичности поздним, вершинным достижениям драматургического мастерства Вондела — «Люциферу», «Иевфаю». Интересно отметить созвучность «Гейсбрехта ван Амстела» патристическому пафосу появившегося годом раньше «Сида» Корнелия, в котором главный герой тоже возглавляет борьбу против завоевателей. Пьеса

Вондела привлекла внимание Рембрандта, выполнившего в 30-е годы несколько эскизов сценического воплощения образов Гейсбрехта и Баделох.

Конец 20-х—30-е годы XVII в. для Вондела — время окончательного созревания таланта. Справедливо замечено, что если бы Вондел умер в 37 лет (как Рафаэль, Пёрселл, Бёрнс, Пушкин, Рембо, Маяковский — целая плеяда гениев), то имя его осталось бы известным только историкам литературы. Но и пятидесятилетний драматург, представляя театру в 1637 г. своего Гейсбрехта, был автором всего лишь четырех оригинальных трагедий. Конец же 30-х годов ознаменован для Вондела двумя важнейшими вехами: по совету Гроция он принимается основательно изучать греческий язык и греческую трагедию (в 1639 г. он переводит «Электру» Софокла и посвящает ее Марии Тесселсхаде), начиная же с 1639 и по 1667 г. едва ли не ежегодно пишет новую драму, а в особенно плодородные 60-е годы иногда и по две. Второе, что тоже чрезвычайно важно: Вондел переходит в католичество — факт, который неоднократно пыталось использовать в целях далеко не литературных буржуазное литературоведение. Упреки консистории автору «Гейсбрехта» в католических симпатиях отнюдь не были пустопорожными. Внутренний процесс «обращения» начался в его душе задолго до того, как амстердамские иезуиты в 1641 г. включили имя Вондела среди прочих уловленных душ в свой ежегодный отчет папскому престолу. Поступок Вондела мог бы вообще показаться необъяснимым, если бы не отвратительные склоки амстердамских кальвинистов (см. упомянутую выше сатиру «Развратники в курятнике» и примечания к ней) — и, возможно, не влияние

Гроция, по мнению которого все церкви — лишь секты, римско-католическая церковь — наибольшая по количеству приверженцев секта, посему логичнее принадлежать к ней. «Церковь» же все равно едина. Идея акуменизма, т. е. единства, воссоединения христианской церкви, давно и глубоко запала в душу Вондела. В 30—40-е годы она звучала как идея сплочения европейских народов перед лицом опасности турецкого нашествия; так, в 1634 г., в разгар Тридцатилетней войны (и вскоре после знакомства с Гроцием), рождается стихотворение Вондела «О распри христианских князей». В более широком временном и социальном плане эта идея единства сопрягалась с исторически прогрессивной буржуазной идеей «упрощения», унификации института церкви, ликвидации его влияния на общественную жизнь¹³ (особенно если учесть, что «кальвинизм создал республику в Голландии»¹⁴ и был религией весьма воинствующей). Первейшим условием этого была веротерпимость, свобода вероисповедания, к чему Вондел не устал призывать до конца жизни.

Правда, стихотворные «Письма св. дев-великомучениц» (1642), дидактическая поэма «Тайнства алтаря» (1645) и особенно драма «Мария Стюарт, или Царственная мученица» (1646) как будто дают основание видеть в Вонделе 40-х годов ревностного неопита. Долголетняя дружба с Хофтом тоже расстроилась: Вондел потребовал от балы Хофта большего распо-

¹³ См. напр.: *Соколов В. В. Философия Спинозы и современность*. М., 1964 (гл. 1: Государство и церковь, религия, философия в Европе и Нидерландах в конце XVI—XVII вв.).

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 22. С. 308.

ложения к католикам (последнее письмо Вондела Хофту с приложением посвященного ему полного прозаического перевода Вергилия датировано 1641 г.). Нельзя не учитывать и глубокие занятия Вондела теологией (Фома Аквинский, Беллармин, отцы церкви), его увлечение мистицизмом того времени — Вондел состоял в гамбургском обществе пансофистов. Но это — лишь часть истины, ее специфическая (религиозная) оболочка. Вондел не слепо и далеко не во всем принял догматы католицизма; в его трагедиях можно найти достаточно подтверждений тому, чтобы засомневаться в «истовой правоверности» католика Вондела.

Спору нет, переход в католицизм был для Вондела и закономерным результатом краха его идейно-политических симпатий, начавшегося еще в 1619 г. (как мы помним, он был сторонником арминиян, следовательно, и провинциалистов). Этим логическим шагом, потребовавшим немалого мужества, он бросил открытый вызов оранжизму и кальвинистской теократии. Но дело не только в политике. Смысл Вонделова ратоборства много объемней и шире, чем, скажем, в антикальвинистской позиции Д. Р. Кампхёзена (1586—1627), защищавшего, как и Вондел, в поэзии 1620-х годов арминиянство. Совсем неуместно было бы ставить рядом с произведениями Вондела рифмованные «Жития Святых» одаренного, но ограниченного католика Иоаннеса Сталпарта ван дер Виле (1579—1630), представлявшего в голландской поэзии явную контрреформацию. Сталпарт ван дер Виле — «природный католик», Вондел — католик «по доброй воле», и, надо сказать, не единственный в то время. Так, обе «музы» Мейденского кружка, в «благословенном доме» которых любили бывать Вондел, тоже при-

няли католичество — Анна Румерс Виссер в 1625 г., Мария Тесселсхаде — в 1642 г.; витавший над мейденцами дух гуманистической веротерпимости сыграл, видимо, свою роль. Новообращенной «Евсевии» (Марии) Вондел посвятил трагедию «Петр и Павел». Неодолимое влечение Вондела к универсализму ставило его выше всякого законченного вероучения, будь то апабаптизм, кальвинизм или католичество. Последнее — как некогда у Эразма — было у него скорее «сосудом» для своеобразного продолжения «христианского» гуманизма. Именно под этим углом следует, на наш взгляд, читать и раннюю «эмблематическую» поэму «Божьи герои Ветхого Завета» (1620?), уже названные стихотворные произведения 1640-х годов и написанные впоследствии эпическую поэму «Иоанн Креститель» (1662), дидактические поэмы «Размышления о Боге и о религии» (1662) и «Величие церкви» (1663). Тот же духовный склад наследника «христианского» гуманизма диктовал Вонделу преимущественный интерес к религиозной тематике и в драматургии.

Из двадцати драм, сочиненных Вонделом после 1641 г., непосредственно с библейскими сюжетами не связаны лишь «Львинодольцы», «Салмопей», «Батавские братья» и «Фаэтон». Вплотную смыкаются с религиозной проблематикой, хотя опираются на более поздние, в той или иной мере исторические, сюжеты пьесы «Девы» (1639, об избииении гуннами одиннадцати тысяч дев в родном городе Вондела, Кельне), «Мария Стюарт, или Царственная мученица» (1646) и «Цунчин, или Гибель китайского господства» (1667). Одна пьеса («Петр и Павел», 1641) написана на сюжет из «Деяний апостолов». Остальные двенадцать представляют эпизоды ветхозаветной истории. Этой

традиции, прямо восходящей к средневековым циклам мираклей, драма барокко отдает щедрую дань (назовем хотя бы Кальдерона). На подмостки выходят Люцифер, Адам, Ева, Ной, Иосиф, Самсон, Давид, Иевфай. Сам Вондел в пространных прозаических введениях к своим драмам (ср. подобные образцы в предисловиях к каждой из трех пьес публикуемой трилогии) неустанно доказывает правомерность выведения «священных» персонажей.

Вондел смотрел на мир в его многообразии через призму религиозности, что было вполне естественно для человека его эпохи. Так, не что иное, как «богоданная» свобода воли — исходная точка принципиального для Вондела понятия свободы — сам ход истории на его глазах насытил новым содержанием и утвердил по крайней мере в трех взаимосвязанных ипостасях: свобода совести, национальная независимость, самоуправление народов. Вондел верил, что мир и свобода реализуются только вкупе друг с другом. Точно так же неразрывны идеи экуменизма и мира (см., например, стихотворное послание «Масличная ветвь Густаву Адольфу», наст. изд., с. 306). Подобная общая «сверхзадача» объединяет религиозные драмы Вондела (а «сюжетно» их большинство) не только друг с другом, но и со «светскими» (или, если угодно, «языческими»): с единственной вонделовой пасторалью «Львиподольцы» (1647), написанной по заказу амстердамского магистрата в канун Вестфальского мира (1648) (с эпиграфом: «мир — наивысшее благо»), трагедиями 1663 г. «Фаэтон, или Безрассудная дерзость» (на сюжет из «Метаморфоз» Овидия) и «Батавские братья, или Подавленная свобода», о непокорстве батавов, древних предков нидерландского народа, римскому владычеству; о драме «Салмоней» см. ниже, в связи с «Люцифером».

Не «нового бога», не «тихой гавани», не «эстетического в литургии» (есть и такие объяснения), а стойкой внутренней убежденности, всеобщего мира и гармонии, осуждения сребро- и властолюбия, заступничества за всех страждущих — путей к развязке материальных и духовных коллизий бытия искал Вондел.

1650 г. привнес известные перемены в жизнь Голландии. После неудавшегося переворота Вильгельма II статхаудерство было упразднено, и власть в стране вновь полностью захватила крупная буржуазия, возглавлявшаяся «великим пенсионарием» Яном де Виттом. В условиях отпустившей вожжи цензуры Вондел несколько лет с поражающим современников трудолюбием работает над пьесой, которой суждено было стать вершиной его драматического искусства, нидерландской драматургии в целом и одним из шедевров европейской трагедии. 20 октября 1653 г. на празднике в честь своего патрона гильдии св. Луки, объединяющая поэтов, живописцев и граверов, торжественно короновала Вондела «царем поэтов». По свидетельству первого биографа и одного из самых верных его учеников, Герарда Бранда, Вондел «вел себя во всякую пору безукоризненно. Платье всегда носил покроя обыкновенного, манеры держаться был скромной и сдержанной, вместе тем и достойной. Алчность или жадность были ему вовсе неведомы, столь умерен был в питье, что ни одна живая душа не видела его хмельным. Но крепко любил, однако же, пряные кушанья и охоту к ним сохранил до преклонных лет»¹⁵.

¹⁵ Цит. по: *Vondel. Volledige dichtwerken*. Amst., 1937, inleiding door A. Verwey.

Таков, наверное, был Вондел, достигший своего творческого зенита. Правда, его «Люцифер» был тогда еще мало кому известен, ибо существовал только рукописи, — но именно этой драме выпала на долю самая звучная слава. В ней, как ни в одном другом произведении Вондела, сконцентрированы характерные вопросы для его творчества: свобода воли, подчинение и неподчинение государственной власти, смысл бунта как такового — и, в частности, кара, надлежащая неправедному «статхаудеру», каковым титулом Вондел двусмысленно наградил своего главного героя Люцифера.

Критики прошлого столетия пытались отыскать прототипы «Люцифера» в истории. Недостаточно полагать (как русские исследователи творчества Вондела А. Шмидт, А. И. Кирпичников, знакомые скорее с переводом «Люцифера» на немецкий язык 1869 г., чем с его оригиналом), что мятеж «люциферистов» — всего лишь аллегорическое изображение войны северных провинций за независимость, а тем более будто бог — это испанский король, Адам — кардинал Гранвела, а божий наместник Люцифер — статхаудер Вильгельм Оранский Молчаливый. Достаточно прочесть текст «Люцифера», чтобы убедиться в внятности подобного утверждения: несмотря на ненависть Вондела к статхаудерству как таковому, Вильгельм Молчаливый остался для него национальным героем и кумиром на протяжении всей жизни, Люцифер же — персонаж отталкивающий, хотя и не лишенный импозантности; кстати, он не является первичным носителем зла, ибо к бунту его все время подстрекает «серый кардинал» Вельзевул. Уж скорее в Люцифере можно было бы усмотреть глубоко ненавистного Вонделу Маурица Оранского, или черты бесславно пав-

шего в 1650 г. (вместе со статхаудерством как таковым) сына Фредерика Хендрика, статхаудера Вильгельма II. Для первых зрителей трагедии эта ассоциация, видимо, возникала. Усматривали в Люцифере и намек на «цареубийцу» Кромвеля. Образ этот собрал многие типические качества буржуазного политика: своекорыстие, демагогизм, умение играть на чувствах толпы; склонность к колебаниям, к компромиссу с более сильным противником, мстительность, наконец, лживость и цинизм. Как заметил Р. М. Самарин, вокруг Люцифера Вондела «нет ореола трагического героизма, присущего Сатане Мильтона». Синтетический образ Люцифера, окруженного другими отпадающими ангелами, частью слепо повинующихся своему повелителю, частью еще и провоцирующих его на все более безумные поступки в неумемной жажде самовозвышения (см. диалог Аполлона и Велиала в конце II действия), — может быть, самый яркий образ подобного рода в драматургии европейского барокко.

Люцифер решается на мятеж никак не ради общего блага, а из своекорыстных, властолюбивых соображений. Определяющая роль в развитии восстания отведена мятежным ангелам, «люциферистам». Статхаудер Люцифер по сути с восставшими не связан, лишь на словах защищает он их интересы. В трагедии ясно видна граница, разделяющая Люцифера и «бесчисленных» бунтующих ангелов, что позволяет говорить, во-первых, о многогранности конфликта пьесы, во-вторых, об историческом чутье автора, во всяком случае, догадывавшегося о решающей — в конечном счете — роли народных масс в общественно-политических движениях. Этому учил опыт его страны; этому учили наставники — Гроций, Хофт (именно в те

годы, в 1642 г., а полностью в 1656 г., выходит в свет известная хроника Хофта «Нидерландские истории», о событиях революции XVI в., в которой, восхваляя Вильгельма Оранского, автор подчеркивал также роль простого народа). Не без сочувствия, но очень сдержанно относится Вондел к «духам грубым», «люциферистам», обманутой темной массе, немало похожей у него на окружавшую эшафот Олденбарневелта толпу горожан.

Идейные и политические противники Вондела, големаристы, платившие щедрую дань догме и фанатизму, все-таки выражали, хотя в искаженной форме, народный патриотизм, стремление довести до победного конца войну с испанцами, ненависть простого люда к личным наживалам купцам. Отношение Вондела к народным массам не было, таким образом, однозначно. «Как борец за национальную свободу он шел вместе с народом, как борец за республиканский строй и свободу совести — часто против большинства народа»¹⁶, — справедливо, хотя и несколько упрощенно констатирует современный нам фламандский литератор Ливен Ренс. Когда в 1672 г. возбужденная оранжистами толпа растерзала другого «великого пенсионария», покровителя Спинозы Яна де Витта, Вондел посвятил памяти этого мученика государства три эпитафии, в которых заклеил виновников его гибели как «отцеубийц».

Видно, усмотрев в «люциферистах» намек на самих себя, регенты городского церковного совета Амстердама добились запрещения постановок «Люцифера» на сцене «Схаубюрха» после второго спектакля на том основании, что в нем «содержались нечестивые,

¹⁶ Rens L. «O zoet vryheid!» Vondel als stýder voor vryheid en vrede. Leiden, 1969. Blz 17.

безнравственные, языческие, неверные и слишком дерзкие мысли». Но драме была суждена долгая жизнь: в модернизированных постановках она идет на голландской сцене по сей день (как и вторая часть трилогии, «Адам в изгнании»).

Проблема восстания против правящего монарха ставилась в европейской драматургии задолго до Вондела. Ее затрагивал, в частности, Шекспир — в хрониках, в трагедиях «Ричард III», «Король Лир», «Макбет», «Гамлет». Шекспира, впрочем, занимало не столько само восстание, сколько законность власти: свержение узурпаторов (Макбета, Клавдия) — священно, как священно древнее тираноубийство Гармония и Аристогонтона. Но Шекспир осуждает восстание против законного монарха, если монарх, и это крайне важно, всеумудр, справедлив и т. д. Бунт против такого монарха — святотатство. Какое же большее святотатство можно измыслить, нежели посягательства на власть самого бога — именно это предпринимает Вонделов Люцифер, лицемерно прикрываясь заемными тезисами о необходимости исправить ошибку бога на пользу самому богу. Трудно сказать, был ли знаком Вондел с драматургией Шекспира, но, во всяком случае, возможности у него для этого были. Английские комедианты нередко бывали на гастролях в Голландии в конце XVI—первой половине XVII в. Имелись и переводы Шекспира на нидерландский язык, правда, в XVII в. было переведено всего четыре пьесы: «Укрощение строптивой» (1654), «Пирам и Фисба» (отрывок из «Сна в летнюю ночь», вставное «действие на сцене» в тексте драмы), и, что важно, трагедии «Юлий Цезарь» (1649) и «Ричард III» (1651, неполный перевод под названием «Алая и Белая роза, или Лашкастер и Йорк»). Четыре пьесы за

сто лет — совсем скромно, но и вообще с английского в те времена на нидерландский переводили чаще богословские труды, чем художественную литературу; бывали, впрочем, исключения: еще в 1622 г., живя в составе голландского посольства в Лондоне, Константейн Хейгенс познакомился с творчеством Джона Донна — поэта, при жизни известного лишь самому узкому кругу ценителей и почти ничего не опубликовавшего; начиная с 1630 г., еще при жизни Донна, Хейгенс отдает немало времени переводам из Донна. Переводы эти вызвали в Нидерландах восторг и, в частности, по данному поводу написано одно из стихотворений Вондела. В конце XVII в. Петр Рабус, основатель первого голландского периодического издания, альманаха «Книжный зал», писал на его страницах, что «английские поэты мало трогают голландцев», но здесь же с уважением называл имена Шекспира, Донна, Б. Джонсона, Сидни, Мильтона, Спенсера. Интересно, что еще в XVI в. литературным дебютом Эдмунда Спенсера были переводы из Яна ван дер Нота. О масштабах влияния Вондела на Мильтона ныне читатель имеет возможность судить сам. Таким образом, взаимное влияние литератур двух морских сверхдержав XVII в. — факт вполне доказанный.

«Люцифер», как и другие лучшие трагедии Вондела, отличается эпичностью, во многом — благодаря развернутым картинным монологам-повествованиям (см., к примеру, рассказ Уриила о небесной битве в V действии), — тем, что первый серьезный русский нидерландист П. А. Корсаков назвал «эсхиловой манерой изложения»¹⁷. «Страшный суд» Рубенса, любимого

¹⁷ Корсаков П. А. Йост ван ден Фондель. СПб., 1838.

художника Вондела, или «Битва архангела Михаила с Сатаной» его же кисти — вот, пожалуй, наиболее близкие живописные соответствия этого самого «барочного» произведения Вондела.

Концепция «Люцифера» и мотив «восстания ангелов» были развиты Вонделом в трагедии «Адам в изгнании, или Трагедия всех трагедий» (1664), рисующей грехопадение и изгнание из Эдема «перво-созданной четы». «Адам» Вондела — ни в коем случае не перевод «Адама» Гроция, хотя в двух последних действиях драм параллельных мест весьма много. В нашем издании эти драмы впервые сведены под одну обложку и переведены на один язык. Вкупе с трагедией «Ной, или Гибель первого мира» (1667) эти драмы составляют монументальную трилогию, что, собственно, формулирует сам Вондел в первых строках прозаического введения к «Ною».

Хотя трилогия Вондела — главный и завершающий аккорд его творчества, с которым ныне в полном объеме имеет возможность познакомиться читатель, необходимо сказать и об остальных поздних драмах Вондела, местами не уступающих трилогии как в поэтических, так и в драматургических достоинствах. В первую очередь это «Салмоней, Царь Элидский» (1657), написанный тремя годами позже «Люцифера» и представляющий собою разработку словно бы того же самого сюжета в его «земной», антично-мифологической разновидности; в прозаическом предисловии к «Люциферу» Вондел как раз и заявлял, что речь здесь ни в коем случае не пойдет о Салмонее — речь о нем зашла в другой драме. В то же время «Салмоней» можно сопоставить с двумя другими трагедиями того же периода — «Адония, или Бедственное властолюбие» (1661, по гл. 1—2 «Третьей

книги Царств») и уже называвшейся «Цунчин, или Гибель китайского господства» (1667), действие которой разворачивается в современном автору Китае в 1620 г., в обстановке более чем условной.

Чрезвычайно интересна также диалогия «Царь Давид в изгнании» и «Царь Давид восстановленный» (по «Второй книге Царств», обе — 1660); эти пьесы, же как и «Самсон, или Священная месть» (1660), «Адония» (1661), «Фазтон» (1663), позволяют почувствовать скорбь Вондела-отца о своем блудном сыне Иосте и связанные с ним личные невзгоды. Неосмотрительным ведением семейного «чулочного дела», усугубленным неудачной женитьбой, Иост-младший довел себя, а затем и своего поручителя Иоста-старшего почти до полного разорения, объявил себя неплатежеспособным (1656) и после конфликта с властями был выслан по решению амстердамского магистрата в Ост-Индию, но умер по пути на корабле (1660). Семидесятилетнему Вонделу пришлось, как пишут, «с благодарностью» принять от магистрата дававшее скромный доход место писмоводителя ломбарда. Ровно десять лет провел он в этой, говоря его словами, «полутюрьме», пока магистрат, наконец, не отпустил его, сохранив жалование как пенсию до конца дней. Не имея больше сил выплачивать кредиторам долг сына, Вондел обнародовал в 1673 г. свое *testimonium paupertatis*, «свидетельство о бедности», по которому его имуществом признавались только личные вещи, и полностью перешел на попечение дочери Анны, с которой овдовевший поэт жил с 1635 г. до ее смерти (1675); последние годы за ним присматривали внук Иост и его семья. Несмотря на все лишения и удары судьбы, Вондел, как и Хофт, Ревий и большинство других поэтов «золотого века».

всегда стoически выдержан и избегает прямого автобиографизма (исключением во всей нидерландской «плеяде», притом очень ярким, был подчеркнуто автобиографичный Хейгенс и — в более позднее время и в совсем другом аспекте — Фоккенброх), что не мешает умозрительной проекции авторского «я» во многие трагедии, не говоря о стихах.

В те же годы пишет Вондел совершенно особую для его творчества драму «Цунчин», а также переводит древнегреческие трагедии Софокла («Царь Эдип», «Трахинянки»), Еврипида («Ифигения в Тавриде», «Финикиянки»), а также «Поэтыку» Аристотеля. Последнее связано с его попыткой углубиться в природу трагического конфликта. В первый, «римский», период своего творчества Вондел трактует трагическое в основном как внешнее потрясение, грозящее жизни общества, народа, героя. Сами герои не несут в себе противоречий и не могут быть названы в строгом смысле слова трагическими — это скорей просто «жертвы»: Гейсбрехт, Паламед, Иосиф, св. Урсула, Мария Стюарт. Уже в «Соломопе» (1648) и особенно в «Люцифере» проступают очертания новой концепции трагического — как внутреннего конфликта, столкновения противоречивых страстей, ведущего к фибельным последствиям. Углубляется понятие личностного «я», его психологической и социальной детерминации: судьба, внешняя и враждебная человеку сила, теперь творится самим человеком, — и так же слепо.

В этом смысле самой интересной трагедией второго, «греческого», периода (помимо публикуемой нами трилогии) может считаться драма «Иевфай, или Обет жертвоприношения» (1659), сюжет которой заимствован из 11—12 глав библейской «Книги Судей». Иевфай,

воепачальник израильтян, в порыве отчаяния дает богу неосторожный обет: «И дал Иевфай обет Господу и сказал: если Ты предашь Аммонитян в руки мои, то, по возвращении моем с миром от Аммопитян, что выйдет из ворот дома моего на встречу мне, будет Господу, и вознесу сие на всеожжение» (гл. 11, 30—31). Обет приносит ему помощь Еговы и победу над аммонитянами, но должен стоить жизни его единственной дочери (в Библии не названной; Вондел дает ей имя «Ифис», долженствующее напоминать Ифигению). Главный герой попадает в тяжкий конфликт: он и палач, он и одна из жертв трагедии. В столкновении отцовского чувства с религиозным долгом побеждает долг, но, исполнив его, отец-детоубийца проклинает себя. Кроткая жена Иевфая Филопея (т. е. Чадолюбивая), лишившись дочери, превращается в разъяренную львицу, — даже священнослужители возражают против жертвоприношения.

Однако вывод, что Вондел здесь всего лишь еще раз осудил религиозный фанатизм, был бы недостаточен. Иевфай недвусмысленно говорит в пьесе, что бог равен совести. Перед героем неотвратимо стоит проблема нравственного выбора, и автор не видит для себя однозначного решения.

Но «человеческое, слишком человеческое» драматургию Вондела не поглотило, а лишь углубило его жажду и поиск новых, устойчивых жизненных ценностей, конечной опоры шаткого человеческого бытия. Связующая идея государственности была не раз колеблена неумолимым ходом истории на протяжении долгой жизни Вондела. Вряд ли возможно высветить до дна всю глубину вонделовской драматургической концепции, несмотря на сотни исследований, в особенности же концептуальную глубину драм второго,

«барочного», периода. Наиболее бесплодной в этом отношении представляется попытка некоторых буржуазных литературоведов (таких, как Г. Бром, например) найти в ней лишь развернутое истолкование католических догм или парафразы деяний и страстей богочеловека. В конце концов «богоискатель» Вондел, подобно своему Адаму, остался верен земной сущности человека с ее силой и слабостью, ее красотой и неприглядностью. Мудрая любовь к людям и сочувствие к их неизбывным страданиям в полном противоречий мире особенно глубоко характерны для поздних трагедий Вондела.

«Иевфай» — лишь самый яркий пример второй, «барочной», концепции Вондела. Жестокая альтернатива лежит в психологической основе большинства трагедий (в том числе и первого периода). Перед необходимостью сделать выбор стоят и Люцифер, и Адам, и Давид, и Иосиф («Иосиф в Египте»), и Соломон («Соломон» и «Адония»), и Ахиман («Ной»), и Феб («Фаэтон»). В любом варианте их решения неизбежна ужасная потеря или даже катастрофа, компромисс же невозможен. Рухаются стены городов, разверзается преисподняя, гибнет Эдем, наконец, вся Земля (в финале «Ноя»). Внешние катаклизмы не только подчеркивают новый, тревожный взгляд на мир как на трагически неостыжимый хаос, но нередко выполняют и эмблематическую роль — самостоятельно или в качестве фона духовной драмы героев, изображенной и конкретно-психологически, и обобщенно. Подобным же образом эмблематическую и — шире — символическую роль играют сами персонажи, прежде всего главные; второстепенные же при этом зачастую как бы воплощают в себе отдельные черты главного образа (земная греховность Со-

ломона воплощена в жене его Сидонии, верность высшему долгу — в первосвященнике; то же и в «Ное», где колеблющийся Ахиман бессилеп перед воплощенной в Урании чувственностью «первого мира», перед воплощенной в «Зодчем ковчега» алчностью, перед придворной беспечностью гофмейстера и т. д.). Аллегорические фигуры ранней нидерландской драмы («Элкерлик» и зиннеспелы) отличны от подобных образов столь же, сколь отлична маска от лица актера.

Центральный конфликт в поздних трагедиях развивается на разных уровнях абстракции (борьба идей, группировок, личностей, наконец, героя с самим собой), и в обеих сферах (небесной и земной, как в теологическом, так и культурно-историческом и психологическом смысле). Возникающие драматургические параллели обуславливают многозначность и символичность действия, — при всей его лапидарной простоте и даже некоторой статичности; пожалуй, только «Люцифер» отличается предельной динамичностью действия, что и обусловило его сценическую жизнеспособность. Произведения Вондела изначально предполагали активного, подготовленного читателя, в меньшей степени — зрителя и не могли соперничать на сцене (в популярности) с шедеврами нидерландской комедии — «Торгашом» («Простофилей») Хофта, «Испанцем из Брабанта» Бредеро, «Трейнтъе, дочерью Корнелиса» Хейгенса, «Красоткой в доме Лазаря» Фоккенброха. Своеобразный умпостигаемый, даже «темный» стиль Вондела-драматурга диктовался ему и сложностью самой жизни, личной и общественной, и активным неприятием, переформированием мира в своем творчестве.

Если «Люцифер» был признанной самим Вонделом вершиной его художественного мастерства, то

«Иевфай» — произведением, самым дорогим сердцу автора, ибо в нем Вондел достиг для себя наиболее полной гармонии классических правил. В своем прозаическом «Введении в нидерландскую поэзию» (1650) он учил молодых поэтов следовать строгим правилам и образцам, а злые языки утверждали, что Вондел пишет свои трагедии с «Поэтикой» Скалигера в руках. Но если в структуре своих драм Вондел — последовательный классицист, то достаточно прочесть окончание рассказа Уриила о небесной битве в V действии «Люцифера», где толпы вооруженных ангелов с переломанными и простреленными крыльями, превращаясь в немислимых чудовищ, рушатся в преисподнюю, чтобы захотеть увидеть в авторе мастера зрелого барокко. Что же до правил, то «Поэтика» Скалигера скорее подтвердила драматический метод Вондела, чем подсказала ему его. Впрочем, своеобразная «интерференция» классицизма и барокко в литературе XVII в. — явление такое же распространенное, как и сплав барокко с реализмом.

Вондел не забывал указать время действия, занимавшее, как правило, даже меньше 24 часов, — но насколько свободно он обращался с формальными требованиями классицизма, видно на примере «иррациональной», лично-лирической линии многих его героев, отступлений в монологах, которые замедляют внешнюю сторону действия, ибо упор делается на внутреннюю, — примером тому, скажем, яркий и неожиданный осенний пейзаж в монологе Ахимана в начале III действия «Ноя», заставляющий вспомнить Дантово «Как осенью листья... из III песни «Ада». Рассказ о происшедшем за сценой обычно органически входит в текст монолога кого-либо из главных героев, почти всегда отсутствует традиционный «вест-

ник», нет «наперсников» — их заменяет хор, который, переместившись с просцениума на сцену, принимает участие в действии, «в духе времени и предмета... как хор друидов в священном лесу, как клич народа на шумном вече»¹⁸, выносит некий общественный приговор (например, хоры в конце IV действия «Адама») или же выражает мнение нескольких сторон, если построен по классическому принципу «строфа — ответная строфа», т. е. если хор поделен надвое.

Ритмика хоров и их строфика столь же прихотлива, сколь прихотлива она была у любимых Вонделом греческих трагиков (хотя, конечно, все хоры рифмованы). Иногда после хоров, в качестве «финала финала», Вондел добавляет еще несколько строк правильными александринами, которые произносятся уже вовсе неизвестно кем и представляют собою нечто вроде поэтической ремарки (конец IV действия в «Ное»). Основной текст трагедии Вондел пишет почти всегда александринами с правильным альтернансом (хотя иной раз строка, вослед традициям Сенеки и Гроция, может быть разделена на три и даже на четыре реплики, например, начало диалога Хама и Ноя в IV действии «Ноя»), но в наиболее драматических местах поэт иной раз переходит на строфический четырехстопный ямб, напоминающий стансы «Сиды» — с поправкой, разумеется, на силлаботоническое в главных элементах нидерландское стихоложение (именно так написан весь диалог-искушение Евы Велиалом в «Адаме в изгнании», так написан монолог идущей на казнь Марии Стюарт, плач Филопей над телом дочери и т. д.), — чем достигается

¹⁸ Там же. С. 38.

дополнительная драматизация действия, ибо именно здесь, как и в хорах, венчающих действия, стих Вондела обретает высшую красоту. Недаром «хоры» Вондела издают в Нидерландах, собирая их в отдельные книги. Однако «самая правильная» трагедия Вондела, «Иевфай», неожиданно оказывается написанной вообще в другой форме: вместо привычных александриин (с весьма регулярным мужским ударением перед цезурой, случаи дактилического цезурного хода у Вондела редки, а случаи отсутствия цезуры можно сосчитать по пальцам) в ней Вондел впервые в нидерландской драматургии применил пятистопный ямб (вернее, ямбический пентаметр) — со строгой мужской цезурой на второй стопе; если забыть о рифмовке, «Иевфай» написан тем же стихом, что и пушкинский «Борис Годунов». Тот же размер использован Вонделом в поэме «Таинства алтаря». Традиционно считается, что более разговорное звучание этого размера в «Иевфае» должно было соответствовать особому, интимному характеру драмы.

«Классические формы воспринимались им в гармонии с собственной концепцией драматического искусства»¹⁹, — писал о Вонделе историк литературы Гармт Стейвелинг. Как «три единства» позволяли предельно сжать пружину внутреннего действия, сконцентрировать противоборство многих и одновременных сил в одном, угрожающем конфликте, так классическая форма организует, дисциплинирует, сдерживает в узде мир кипящих страстей, роковых столкновений, переломных событий, весь тот хаос в человеке и вне его, который оптимально выражался

¹⁹ *Stuiveling G. Een eeuw Nederlandse letteren. Amst., 1971.*

средствами барокко и который Вондел старался умерить, прояснить, дабы лучше постичь его и овладеть им. Невозможно раззять живой организм Вонделова не повредив ему, даже цитировать его удобней большими фрагментами. Красочное и экспрессивное слово с его типичным для барокко «отлетом» от привычного смысла, чрезвычайно сложная метафора, выразительные повторы, размашистая гиперболизация, удвоение (умножение) синонимов, плеоназмы, сложные аллюзии, игра значениями слов — все это создает впечатление живой, играющей светотенями, динамичной художественной массы. На самом же деле все подчинено строгому, логически и эмоционально оправданному ритму развития: прилив, кульминация, отлив, поступь периодов, регулярность заключительных хоров-цеаур. Последние, кроме того, перекидывают барочный мостик между иллюзией и реальностью, художественным и действительным временем. Драма как бы включается в общий поток истории — времени; как сама жизнь, она не любит замкнутых систем; завязка в ней обычно происходит еще до поднятия завесы, а финал бросает свет в будущее; примером тому — начало и конец «Люцифера», рассказ Аполлона о новосотворенном существе — человеке, и предсказываемое финальным хором грядущее вочеловечение бога.

Укрошенная классической мерой бурная стихия барокко обретает в творчестве Вондела неповторимо национальный облик. Кажется, что в немислимых для данного случая рамках классицизма воскрес тот «плотский» дух Нидерландов, который решительно повлиял на гуманистическую концепцию Эразма и гениально воплотился в нидерландской живописи, от ван Эйка до Брейгеля Мужичного, Вермеера Дельфт-

ского и «малых голландцев». Воцдел как поэт далеко не всегда оригинален, однако интонация его всегда узнаваема. Нельзя не почувствовать за стихотворной строкой Воцдела мудрое сердце человека, чья страстная жажда жизни (бытия) очищена катарсисом страдания; первое (1605) и последнее (1674) из его стихотворений — эпиталамы. Нет более восторженных свадебных песен в нидерландской поэзии, как нет более резких сатир и более глубоких трагедий. Сделавший такое наблюдение современный голландский поэт и литературовед Антон ван Дейнкеркен абсолютно прав, на наш взгляд, и в своем конечном выводе: «При всей переменчивости отношения к себе со стороны историков литературы, Воцдел остался для нидерландского народа олицетворением самой поэзии как понятия»²⁰. И не только за виртуозность и музыкальность стиха: Воцделов стих, до предела использовавший потенцию «своей», классицистической, чуждой реализму условности, вдохновлялся все той же правдой жизни.

Как многие в то время, Воцдел неустанно твердил, что жизнь — это театр, и театром своим боролся за улучшение этой жизни. Хорошо известно было ему и другое изречение: «Поэзия — говорящая живопись, живопись — молчаливая поэзия». Слова эти Воцдел мог прочесть у Плутарха (заимствовавшего их, в свою очередь, у Симонида), или у Джамбаттисты Марини (в его «Священной болтовне»). Не зря среди больших и малых «стихотворений на случай» столь многочисленны эмблемы — надписи к произведениям живописи и графики, начиная с «Золотой лавки взыскующих

²⁰ *Duinkerken A. van. Laaste periode van Vondel. Amst., 1968.*

искусства нидерландцев» (1613), сочиненной по заказу антигопродавца Дирка Перса, и кончая «Искусством чеканки Паулуса ван Виане» (1668) или стихотворением «На продажу итальянских картин в доме Герарта Эйленбурга, художника» (1673). Однако круг художников, действительно близких Вонделу лично

творчески, ограничивается, пожалуй, тремя именами — выдающимся немецким графиком Исааком Савдартгом (1606—1688), голландскими живописцами Говертом Флинком (1615—1660) и Филиппом де Конинком (1619—1688); все они оставили потомкам портреты Вондела, а Конинк, навещавший Вондела до последних дней его жизни, еще и рисунок сепией, ставший реликвией как последнее (1678) изображение великого соотечественника: престарелый Вондел, закутавшись в теплый халат, сидит в кресле, согбенный под грузом лет и дум.

Других живописцев, даже высоко почитаемого им Рубенса, Вондел упоминает лишь эпизодически. Это касается, кстати, и Рембрандта, отношение к которому со стороны Вондела не следует идеализировать; так, известно высказывание поэта об одной из главных особенностей живописи Рембрандта — его знаменитом искусстве светотени: «Детям света нечего прятаться в темпоте»²¹. А между тем внутренняя связь творческого наследия обоих великих голландцев несомненна, да и не только внутренняя: талантливый Хейман Дюлларт был учеником Рембрандта в живописи, а в поэзии он следовал Вонделу. Вообще живопись в Нидерландах нередко смыкалась с поэзией, поэзия — с живописью; выдающиеся поэты (Бредеро,

Цит. по: *Leopold L. Nederlandse schrijvers en schrijfters. Groningen, 1960, deel 1.*

Дюлларт) были художниками, выдающиеся художники (Ян Скорел, Карел ван Мандер, Ян Лейкен, Иохан Брукхейзен) писали стихи, и иной раз нет возможности решить, во что же творец прекрасного сделал более весомый вклад — в поэзию, или, скажем, в графику: яркий тому пример — Ян Лейкен (1649—1712), последний среди больших поэтов «Золотого века».

Вондел закончил свою главную драматическую трилогию на пороге девятого десятка. Один из его поздних и любимых учеников, талантливый Иоаннес Антонидес ван дер Гус (1647—1684), приветствовал «День рождения господина Йоста ван ден Вондела, отмечающего свое восьмидесятилетие», следующим сонетом:

О как тебя вознес Святой Заступник, Йост,
Венец твоих седин обласкан горным светом,
Да будешь ты и впредь блистательным Йостом,
На небосклоне муз ярчайшею из звезд!

И скольким бы стезю ни преграждал погост,
Пребудь неуязвим, воздвигнутый Заветом,
И правь нас по нему, по истинным обетам,
Да будет твой глагол величествен и прост!

В пословицу вошло, что век поэта краток,
Но ты перешагнул уже восьмой десяток,
И дара твоего не ослабел прибой.

О, только бы лета тебя не подкосили,
Чтоб мог я, приобщась твоей великой силе,
На крыльях крешнувших подняться за тобой.

(Перевод Д. Шнейерсона).

²² Из поэзии Нидерландов XVII века. Л., 1983. На страницах того же издания заинтересованный читатель может найти широкую панораму лирики и сатиры

Вондел отпраздновал также и девяностолетие, пережив почти всех своих близких, друзей и современников и став свидетелем заката былой славы Голландии как мировой державы — после безнадежного поражения в нескольких «морских войнах» с Англией. Он умер 5 февраля 1679 г. в Амстердаме признанным классиком. Четырнадцать поэтов несли его гроб на кладбище возле Новой церкви. Памятник своему корифею голландцы, однако, воздвигли только в 1867 г., за месяц до двухсотосьмидесятилетнего юбилея Вондела, в амстердамском парке его имени. Первым памятником поэтому справедливее будет считать уже упоминавшееся первое собрание сочинений Вондела в 12 томах (1855—1869). Но у людской памяти свой календарь.

Драмы Вондела к концу его жизни ставились все реже, их вытеснили со сцены трагедии личного недруга Вондела, нового регента «Схаубюрха», стекольщика Яна Воса (1620—1667) — написал он их, впрочем, немного, «Аран и Тит» и «Медея»²³ — проводившего принцип «видеть важнее, чем слышать». Хотя Вос в предисловии к «Медее» заявлял о верности Горацию и законам классицистической драмы, его трагедии представляют собою отход от высокого гуманистического содержания драматургии Хофта и Вондела в сторону поверхностной зрелищности, рассчитанной на острые ощущения и невзыскательные вкусы (после «Арана и Тита» на сцене оставалось двенадцать трупов!), что и объясняет его успех

эпохи «Золотого века» Нидерландов, в том числе стихии учителей и учеников Вондела.

²³ О последней см. в письме Вондела к И. Аудану, с. 534 наст. изд.

у тогдашнего бюргерского зрителя. Но историческая справедливость требует отметить, что трагедии Воса восхищали также и верховных жрецов литературного вкуса — Хофта, Хейгенса, Вондела; их интерес к ним был, видимо, сродни тому интересу, что испытывал Шекспир к «кровавым драмам» Кида. (Кстати, самая известная «драма мщения» Томаса Кида, «Испанская трагедия», под названием «Дон Иеронимо, маршал Испании», была переведена на голландский и издана семь раз в 1638—1683 гг.) Как бы то ни было, нидерландская драма вместе с другими видами литературы и искусства в последней трети XVII в. стала быстро приходить в упадок, чтобы заново ожить лишь со второй половины XIX в., в реалистической драме Схиммела, Эмантса, Хейерманса.

Именно по причине общекультурного упадка Вондел не создал большой литературной школы у себя на родине, влияние его на великих поэтов Англии и Германии куда плодотворнее для изучения. Тем не менее, среди прямых последователей Вондела мы находим такое значительное имя, как Йеремиас де Деккер (1609—1666), первым среди нидерландских поэтов воспевавший гениальную живопись Рембрандта, таких заметных поэтов, как процитированный выше Иоаннес Антониес ван дер Гус, Рейер Ансло (1626—1669), Иоахим Аудан (1628—1692). Наибольший, может быть, интерес представляет творчество упомянутого ранее Хеймана Дюлларта (1636—1684), судя по сохранившимся полотнам, живописца довольно посредственного, но зато блестящего поэта, в чьем творчестве как бы синтезировались художественный идеал Рембрандта и поэтическое мастерство Вондела. Дюлларт писал на понятном народу языке, в отличие от большинства по-

этов «Золотого века» он остается у себя на родине одним из самых читаемых. Ему принадлежат лирические миниатюры и большие оды, отчасти представляющие собою не столько перевод, сколько поэтическое переосмысление лирики французских поэтов дю Белле и дю Бартаса.

К середине 60-х годов XVII в. барокко уже начало изживать себя в нидерландской культуре. Еще был жив Вондел — а уже отшумел и сгинул где-то в Западной Африке «нидерландский Скаррон» Виллем Годсхалк ван Фоккенброх (ок. 1630—ок. 1674), первый и самый яркий представитель нидерландского бурлеска, который был уже достаточно смел для того, чтобы кинуть читающей публике жесткую формулу: «Мне чужд удел аристократа зато понятен смех раба»²⁴. Еще был жив Вондел — а уже отрекся от своей «Голландской лиры» (1671) последний представитель нидерландского барокко Ян Лейкен, который ушел в религию и мистицизм. Еще был жив Вондел — а в Нидерландах после кровавой расправы над Явом де Виттом (1672) было восстановлено глубоко ненавистное Вонделу статхаудерство. Из современников его пережил один лишь Хейгенс, упрямо продолжавший писать до последнего дня и все же успевший докончить «Затворника» — поэму, которой было суждено увидеть свет лишь в 1841 г. Нидерландская художественная культура мельчала

глазах. Но именно в Голландию приехал спустя несколько лет учиться искусствам, наукам и ремеслам Петр I, царь-плотник, перекинувший мост из Европы

²⁴ *Фоккенброх В. Г. ван. Размышления в моей комнате.* Пер. Е. Витковского (Из нидерландской поэзии XVII в., с. 229).

В. В. Ошиц

в Россию, ставший «крестным отцом» русской нидерландистики. Закатную славу нидерландской культуры еще успели озарить лучи встающего на востоке Европы нового светила, России — страны, которая вместе с Нидерландами и всей планетой отмечает в 1987 г. 400-летие со дня рождения Йоста ван ден Вондела, поистине, говоря словами Сумарокова, «трагика хорошего».

Ю. А. Шичалин

«ГРОЦИЙ — МУЖ ОТ РОЖДЕНИЯ»

(«Адам изгнанный» — гуманистическая драма
на ветхозаветный сюжет)

Гуго Гроций (1583—1645) — один из величайших умов золотого века Нидерландов и блистательная фигура европейского масштаба. Более всего он знаменит как юрист, основатель международного права и философии права, автор многочисленных сочинений, из которых наиболее известен трактат «О праве войны и мира», переведенный и на русский язык (кн. 1—3. М., 1956). Помимо этого Гроций, принадлежавший возрожденческому типу *homo universalis*, был также крупным политическим деятелем и дипломатом; историком, чьи труды по истории Нидерландов не потеряли значения до сих пор; филологом, к чьим изданиям, комментариям и переводам и сегодня обращается серьезный исследователь Еврипида и Сенеки, Арата и Марциана Капеллы, Иордана и Павла Диакона; драматургом и поэтом, писавшим стихи латинские и голландские. Но слава Гроция-юриста заслоняет от потомков прочие стороны его дарования, восхищавшие современников; историческая перспектива опасно искажает облик, своим величием грозящий нарушить ее законы.

Филолог-классик еще отыскивает в библиотеках изданных Гроцием авторов; но даже историк литературы не всегда вспомнит Гроция-драматурга и поэта. Статья о Гроции — прогрессивном мыслителе — есть в «Философском энциклопедическом словаре», но «Краткая литературная энциклопедия» поэта Гроция не знает.

Между тем с переводами нескольких его стихотворений на русский язык читатель может познакомиться. Еще в 1844 г. П. Корсаков включил в свое собрание «Опыт нидерландской антологии» «Стихи в альбом Даниилу Кемпенару, написанные 27 марта 1621 г. Гугоном Гроцием».

Кто век свой узником проводит весь, как мы —
Из чрева матери, своей живой тюрьмы —
На свет выходит белый,
Чтоб душу запереть в тюрьму другую — тело,
И заключиться вновь в подземной тьме гробниц, —
Того ли устрасит звук уз и мрак темниц?

Стихи снабжены справкой: «Известно, что знаменитый Гуго де Хроот, или Гугон Гроций, приговорен был к вечному заточению в замке Луфенштейн и не иначе освобожден оттуда, как героическою решимостью своей жены». Из справки П. Корсакова ясно, что бури первой половины неспокойного XVII в. — времени Генриха IV, Маурица Оранского, Людовика XIII, Ришелье — коснулись и Гроция; но по шести стихам приводимого перевода ничего нельзя сказать о поэтических достоинствах нидерландского оригинала. В переводе А. Парина латинские стихотворения Гроция вошли в собранный Е. Витковским сборник «Из поэзии Нидерландов XVII века» (Л., 1983); но помещенная там небольшая подборка скорее может обратить внимание читателя на многосторонность личности великого юриста, чем дать представление о поэтическом даровании «знаменитого Гугона».

Между тем собрание поэтических произведений Гроция издавалось не раз (пятым изданием «Росмата» вышли в 1670 г.), а о том, какое впечатление производили его трагедии, в частности тот же «Адам изгнанный», на современников, можно судить по от-

зывают просвещенных друзей Гроция. «И в мирных занятиях, и в тяжелых трудах Марса белги равны грекам и римлянам. Однако в области духовной нерешительные попытки состязаться с ними до сих пор не заслуживали безусловного одобрения и тем более не приводили к победе: до сих пор никто не дерзал встать на трагические котурны, и только в этом белги терпели поражение. Но — наконец-то! — благодаря сочинению Гроция превосходство достигнуто, и ныне Греция — уступила, и уступила Авсония»¹. Так писал Иоганн Мейрсиус по поводу «Адама». Фр. Рапполт, издавший в 1679 г. сочинение «Аристотелева поэтика, или Описание древней трагедии», в каком-то сочинении излагался также «всеобщий принцип трагедии», в качестве образцов трагического искусства привел и разобрал «Троянки» Сенеки и трагедию Гроция «Христос-страстотерпец»². Материалы настоящего тома дают ясное представление о том, насколько высоко ценил и скольким был обязан Гроцию Вондел, который, в частности, перевел на голландский язык трагедию Гроция «Софомпанеас»³.

Еще в XIX в. трагедии Гроция издавались в составе «Tragoediae selectae Latinorum recentiorum» (Mopachii, 1845); в 1839 г. «Адам» был переведен на английский язык; и в XX в. знатоки Гроция-поэта

¹ Перевод по изданию: De dichtwerken van Hugo Grotius. Assen, 1970. P. 31.

² D. Fr. Rappolti. Poetica Aristotelica sive Veteris Tragoediae expositio, quâ ex mente Aristotelis... universae tragoediae ratio explicatur et exemplis L. A. Senecae in Troadibus et Hugonis Grotii in Christo Patiente illustratur. Lipsiae, 1679.

³ J. V. Vondels. Sofompaneas of Joseph in't Hof. Treurspel, Vertaelt wyt het Latijn van H. de Groot. Amsterdam, 1635.

высоко ценили его драматургию, видя в «Адаме», например, «высшее осуществление драматических возможностей столь частого в литературе мотива грехопадения»⁴.

И все же Гроций — поэт и драматург почти забыт. Почитаемый в Голландии Гроций все еще ждет современного критического издания своих поэтических произведений. Начатое в 1970 г. издание «*De dichtwerken van Hugo Grotius*» (вышедший в Ассене первый том представляет собой фототипическое воспроизведение «*Saeta in quibus Adamus Exul*» 1601 г. с голландским переводом, но без комментариев) не завершено. Предлагаемые в настоящем томе русский перевод «Адама изгнанного» и комментарий к нему — начало работы над критическим освоением поэтического наследия Гроция.

Итак, «Адам» был издан в 1601 г. Присмотримся к тому, как складывалась жизнь Гроция до сих пор⁵. Гуго Гроций (Hugo Grotius — латинизированная форма голландского *Huig De Groot*) родился 10 апреля 1583 г. в Дельфте. Его отец, Ян де Грот (член Дельфтского Городского Совета, затем бургомистр, с 1594 г. — куратор в 1575 г. основанного Лейденского университета), был дружен со многими видными государст-

⁴ *Eysinga W. J. M. van. Hugo Grotius. Eine biographische Skizze.* Basel, 1952. S. 33.

⁵ О жизни Гроция, помимо работы ван Эйсинги, см. также: *Brandt C. Histoire van het leven des herren Huig de Groot.* Amsterdam, 1727; *Burigny J. L. de. Vie de Grotius avec l'histoire de ses ouvrages et de negotiations auxquelles il fut employé.* P., 1770; *Luden H. Hugo Grotius. Nach seinen Schicksalen und Schriften.* B., 1806; *Caumont A. Etude sur la vie et les travaux de Grotius.* P., 1862; *Knight W. S. M. Life and Works of Hugo Grotius.* L., 1925.

важными деятелями и знаменитыми учеными своего времени. Среди его друзей — Ян ван дер Дус, Юст Липсий, Жозеф Жюст Скалигер, Франциск Юний — учителя Гуго Гроция в Лейденском университете, куда он был записан по факультету литературы 3 августа 1594 г. в возрасте 11 лет. Уже восьмью лет Гроций писал латинские стихотворения, притом что, помимо родного голландского и латинского, он овладел древнегреческим, древнееврейским, сирийским, арабским, французским, немецким, возможно, английским. Замечательные способности Гроция скоро сделали его известным не только среди университетских наставников и соучеников и не только в Голландии, но также, благодаря счастливым обстоятельствам, и за ее пределами. Пятнадцати лет (в апреле—мае 1598 г.) в составе дипломатической миссии Объединенных Провинций к Генриху IV, в качестве друга и компаньона сына Олденбарневелта, Гроций приезжает в Анжер; его представляют королю, который после беседы с юношей произнес знаменитое «Voilà le miracle de Hollande»*. Среди многочисленных знакомств, завязавшихся у Гроция во время этой поездки, одно имеет отношение к первой написанной Гроцием трагедии: у пятнадцатилетнего Гроция установились близкие отношения с десятилетним принцем Генрихом II де Конде, которому Гроций и посвятил собрание своих поэтических произведений «*Sacra*», открывавшееся «*Адамом изгнанным*».

В посвящении Гроций достаточно подробно характеризует свою трагедию, и эту характеристику имеет смысл привести здесь: «Все время, свободное от занятий юриспруденцией, историей и искусством поли-

* «Вот чудо Голландии!» (фр.).

тики, все часы, так сказать, передышки и досуга стремился я посвятить такому виду сочинительства, в коем мог бы разом охватить множество предметов разнообразных и собою привлекательных. И вот я решил писать трагедию, ибо видел, что сравнительно с иными видами поэзии в оном век наш не слишком успешлив. Содержание избрал я Священное. Ты удивисься: „Ужели?“ — И будешь прав: по нынешним временам, неосмотрительно трактуя священные темы, можно скорее уязвить большинство, нежели порадовать. Но я всего более стремился так смирать перо, чтобы не было в написанном ничего, задевающего кого-нибудь из христиан. Я беру первый драматический эпизод Священного Писания — катастрофу, т. е. падение человека и переход его из состояния невинного и блаженного в нынешнее жалкое, и трактую множество философских вопросов, в особенности метафизические (о Боге, Ангелах и душах); помимо этого — физические (о творении мира), этические (по разным поводам, как у всех авторов трагедий), географические и иной раз астрономические; а что все это подмосткам отнюдь не чуждо, учит меня пример Еврипида, Эпихарма и Эвния. Так в одно и то же время служил я благочестию, мудрости божественной и человеческой, и поэзии».

Имея в виду религиозные разногласия того времени, постоянно грозившие перейти и переходившие в политические столкновения, можно понять опасения Гроция, написавшего трагедию на библейский сюжет. Но самый выбор библейской истории для написанной по античным образцам трагедии в то время не был чем-то необычным: библейские сюжеты не раз излагались в Голландии XVI в. языком Терен-

ция или Плавта. Выбор Гроция был вполне в духе педших рука об руку гуманизма и реформации. Оценивая этот выбор, нельзя не вспомнить, что к Библии призывал обратиться сцену Лютер⁶, а основы критического отношения к текстам Священного Писания были заложены Эразмом Роттердамским, величайшим гуманистом Голландии, с которым Гроция сопоставляет Вондел, когда, скорбя о кончине великого сына Дельфта, он стремится достойно оценить его величие.

Для Гроция времени написания «Адама» его отношение к религии и Священному Писанию еще не было связано ни с прямым участием в религиозных распрях, ни с политикой, — со всем этим ему придется столкнуться позднее; а пока Гроций надеется писать так, чтобы не задеть никого из христиан: выбор ветхозаветной тематики был для него оправдан в первую очередь мотивами гуманистически окрашенного просвещенного благочестия, предполагающего индивидуальное переживание и самостоятельную трактовку событий Священной истории.

Традициями гуманистической учености Гроций следует и тогда, когда берется изложить в трагедии множество философских, физических, этических, географических и астрономических вопросов. Гроций

⁶ Как в свое время писал А. А. Гвоздев, «... борясь с католицизмом, реформаторы решительно выступают против мистерий и мистерияльных процессов, объявляя их «идолопоклонством». Но протестанты не отказывались от театра как от средства воздействия на горожан. Они лишь выдвигают новую тематику и дают новое истолкование прежних сюжетов. Лютер указывал на Библию как на источник новых драматических сюжетов» (Гвоздев А. А., *Пиотровский А.* История европейского театра. М.; Л., 1931. С. 579).

ссылается на пример великих драматургов древности. Однако непосредственная традиция, к которой примыкает здесь Гроций, пишущий назидательную пьесу для юного Анри Конде, — традиция школьного латинского театра, который расцветает в Голландии в первой трети XVI в. и в равной степени выражает тенденции гуманистические и протестантские. На правах старшего Гроций заботится о духовном развитии принца, которому он уже посвятил свое издание свода семи свободных искусств — сочинение Марциана Капеллы⁷. По составленному Гроцием и отчасти воспроизведенному у нас в комментариях индексу к «Адаму» видно, с какой обстоятельностью он толкует объявленные им в посвящении вопросы; поэтому в целом при чтении трагедии приходится не столько удивляться ее научной оснащенности, сколько констатировать естественность и поэтическую непосредственность, с какой Гроций демонстрирует свою ученость.

Чтобы яснее понять разнообразие жанровых традиций, впитанных Гроцием, обратим внимание на то, как он говорит в посвящении об избранном сюжете. В латинском оригинале приведенного фрагмента читаем: «*Historia est prima quae in Sacris occurrit Literis & Catastrophen habet, Hominis ex integro felicique statu in hanc miseriam lapsus*». Английский биограф Гроция Найт переводит это следующим образом: «*It [the poem] elaborates the first grand historical event recorded in the inspired volume, the dreadful catastrophe of the Fall of Man*»⁸. Однако слово *historia*

⁷ Martiani Minei Felicis Capellae Satyricon. Leiden, 1599.

⁸ Knight W. S. M. Op. cit. P. 50.

в данном случае имеет, очевидно, техническое значение: «сюжет [драматического произведения]». Такое понимание слова *historia* заставляет внимательнее присмотреться к сюжету «Адама».

В самом деле, в пьесе Гроций достаточно точно и полно воспроизводит текст Книги Бытия 1—3, причем иные фрагменты пьесы кажутся поэтическим переложением стихов Ветхого завета. Мало того, библейский пласт в пьесе не ограничен Книгой Бытия, и из комментариев видно, насколько широко Гроций пользуется библейской образностью. Однако ни начальный монолог Сатаны (пролог), ни неудачная попытка искушения Сатаной Адама из библейских текстов объяснены быть не могут. Найд указывает⁹, что Гроций обратился к теме грехопадения под влиянием знакомства с сочинением Св. Авита, ок. 500, написавшего «*Роматум de Mosaicae Historiae Gestis libri quinque*». Действительно, сравнивая с Гроцием гексаметры епископа Вены, мы можем найти общие моменты. У Гроция сопоставима с Авитом разработка мотива божьей зависти при искушении Евы, которая, поначалу не веря Сатане, просит разъяснить смысл запрета (Migne, PL, v. 59, p. 333 B—D); момент, непосредственно предшествующий вкушению Евой яблока, когда рассудком она согласилась с Искусителем, но десница не слушается ее (p. 334 B); возвращение Адама с одинокой прогулки к нарушившей запрет Еве (p. 334 C); эпизод соблазнения Адама Евой (p. 334 C—D). Но у Авита в согласии с Книгой Бытия Сатана, в виде змия, соблазняет только Еву, и Адам — в отличие от развития действия у Гроция — сразу поддается уговорам Евы (p. 334 D). Хотя зна-

⁹ Ibid. P. 50—51.

комство Гроция с переложениями первых глав Книги Бытия у христианских авторов весьма вероятно (ср., например, описание Эдема у Гроция и стихи 180—205 из первой книги поэмы Драконтия «Хвала Господу»¹⁰), все же драматическую разработку ветхозаветной истории грехопадения Гроций заимствует не у них, а из традиций средневековой народной драмы.

Народная драма, возникающая в XII в., была тесно связана с литургическими действиями: рождественским и пасхальным. Основной эпизод рождественского действия, *Stella* — явление звезды Рождества, дополнялся эпизодами из Ветхого завета, *Prophetae* — явлением пророков. К этим двум эпизодам очень рано стали добавляться другие, в результате чего составляет рождественский цикл, начинавшийся творением ангелов и падением Люцифера, продолжавшийся творением мира в пять дней и творением Адама и Евы — это и был первый библейский сюжет (*prima historia*), подлежащий драматическому развитию; далее могла идти история Каина и Авеля; затем следовал Ной и другие эпизоды ветхозаветной истории¹¹.

Знаменитый англо-норманский фрагмент XII в. «Действо об Адаме» — «*Ordo representationis Adae*»

¹⁰ В русск. пер. М. Л. Гаспарова в кн.: Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 187—205.

¹¹ Подробнее см.: *Chambers E. K. The Medieval Stage. Vol. II.* Р. 68—73; там же см. образцы циклов: р. 408 (Падение Люцифера; Творение мира в 5 дней; Ной и его ковчег; и т. д.), р. 410 (Творение ангелов и падение Люцифера; Творение мира в 5 дней; Бог создает Адама и Еву; Адам и Ева в Эдемском саду; Адам и Ева изгоняются из Эдема; Жертвоприношение Каина и Авеля; Построение башни; Ной и

(диалогические части на старофранцузском языке, хоры и ремарки на латыни) дает представление о том, как трактовалась ветхозаветная история грехопадения в народных драмах. Бог, называемый *Figura*, дает наставления Адаму и Еве, вводит их в Сад и затем удаляется внутрь церкви; Адам и Ева остаются на сцене, а вокруг сцены носятся демоны. Дьявол пытается соблазнить Адама, но тот не поддается. Тогда Дьявол держит совет с другими демонами, после чего обращается к Еве, но сначала не достигает цели, поскольку Еву остерегает Адам; и только затем, в виде змия, *serpens artificiose compositus*, ему удается соблазнить Еву: Ева срывает яблоко и предлагает Адаму, тот поначалу отказывается, но потом доверяется Еве и ест яблоко¹².

Введение в историю грехопадения неудачной попытки Дьявола соблазнить Адама — простое и в то же время очень эффективное средство придать действию динамический характер, развитость и остроту. То,

его ковчег; и т. д.), р. 417 (Падение Люцифера; пять дней творения и падение Адама; Каин и Авель; Ноев ковчег; и т. д.); сводная таблица сюжетов циклических мираблей — р. 321.

¹² *Le mystère d'Adam* /Ed. par P. Studer. Manchester, 1918; ed. P. Aebischer. P., 1963; текст издавался неоднократно и ранее (см. *Chambers*. Vol. II. P. 70. п 3; анализ действия — р. 80—82); фрагменты текста с русским переводом воспроизведены в старой работе П. Н. Полевого «Исторические очерки средневековой драмы» (СПб., 1865). Фрагменты старофранцузского текста (с переводом на русский язык) и их анализ см. также в кн.: *Ауэрбах Э.* Мимесис. М., 1976. С. 154—169. См. также характеристику «Действа об Адаме» в написанной Ю. Б. Вишпером главе о драматургии зрелого Средневековья в кн.: *История Всемирной литературы*. Т. 2. С. 587—588.

что Гроций использовал эту старую находку выходящей из литургических действий народной драмы, представляется совершенно понятным¹³.

Наконец, есть еще одна жанровая традиция, без которой правильное прочтение «Адама» невозможно. Речь идет о трагедиях Сенеки. Не Теренций или Плавт, а Сенека — образец для Гроция. Над текстами Сенеки Гроций работал как филолог, и Томас Фарнабий (Th. Farnabius), вторично издавая трагедии Сенеки в Амстердаме в 1654 г., с благодарностью учитывает *censuras, varias lectiones coniecturasque insignes Cl. V. Hugonis Grotii*. Гроций, приветствуя

¹³ Найти конкретный источник Гроция трудно. Однако при этом следует учитывать, что рождественские театрализованные представления были обязательной частью городской жизни Голландии XV—XVI вв. С традициями средневековых религиозных драм в Голландии теснее, чем где бы то ни было, была связана школьная латинская драма (Chambers. Vol. II, p. 216—217). Не будет преувеличением сказать, что с точки зрения сюжетной «Адам» Гроция естественно продолжает долгую историю рождественских циклов, поскольку в принятом порядке разрабатывает эпизоды восстания ангелов и свержения Люцифера (хор первого акта), творение мира в пять дней, создание первых людей (второй акт с хором, прославляющим творца и творение), соблазнение и падение Адама и Евы (акты третий и четвертый) и их изгнание из Рая (акт пятый). Писавший в той же традиции Вондел разрабатывает и следующий эпизод цикла — Ной и его ковчег, тем самым завершая историю «первого человечества». Попутно заметим, что прекрасной иллюстрацией к «Адаму» Гроция служит левая часть триптиха Босха «Воз сена» (1500—1502), где изображено свержение мятежных ангелов, творение Евы, сцена соблазнения Евы и Адама и изгнание первых людей из Эдема.

Фарнабзия в связи с первым изданием трагедий Сенеки, называет римского драматурга высочайшим светилом (*suprema lux*) подмостков.

Драматическое искусство Сенеки так усвоено Гроцием, что в его трагедии нет фрагмента (за исключением, пожалуй, хора из разных лирических размеров), который не имел бы аналога в трагедиях Сенеки; и вместе с тем трагедия Гроция настолько цельна и настолько органично связана с традицией христианских действий на библейские сюжеты, что менее всего можно говорить о механических заимствованиях у Гроция из Сенеки. И здесь еще раз отметим непринужденность, с какой юный Гроций преодолевает разнородность совмещаемых традиций.

Как для Гроция Сенека — образец трагического искусства, так для читателя Гроция Сенека — необходимый фон для стилистически правильного понимания «Адама». Нельзя сказать, что Гроций, начиная драму монологом Сатаны, воспроизводит начало «Агамемнона» Сенеки; но без этой параллели образ Сатаны повисает в стилистическом вакууме, — потому что Сатану Гроция нельзя представить Чертом народных действий¹⁴.

Тень Фиеста:

Покинув царство Дита беспросветное,
Пришел я, выпущен из бездны Тартара...¹⁵

¹⁴ Поэтому можно сказать, что — через посредство Гроция — чертами «мрачной величавости» (*Aserinцев С. С.* Сатана // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 414) образ Сатаны у Вондела (а потом и у Мильтона) обязан в конечном счете Сенеке, притом что стилистически персонажи Вондела (и Мильтона) решены совершенно иначе.

¹⁵ Здесь и далее Сенека приводится в переводах С. Оперова.

С а т а н а :

Громовержца злого враг, небесной родины
изгнанник, ныне мрак глубокий Тартара
и вечной ночи черный я покинул свод¹⁶.

Сатана Гроция выходит на котурнах Тени Фиеста
Сенеки и на те же подмостки, что и Хор аргосских
женщин («Агамемнон», 100—104), выходит Хор анге-
лов у Гроция («Адам», 233—241).

Фортуна ввысь возносит лишь с тем,
Чтобы сбросить вниз. Чем скромнее, тем
Долговечнее все. Счастлив тот, кто с толпой
Разделяет удел — и доволен им. . .

Кто с высоких круч мироздания вниз
взором дерзких глаз ваирает на тех,
чей удел убог, — не пришлось бы тому
тяжкое зреть крушение своей
мощи: с высот всегда тяжелей
падение; а кто легковеснее, тем
и паденье легко. Большой груз гнетет
блаженных, и чем ты больше велик,
тем твой больше страх.

При этом не столь важно, что у самого Сенеки мы
имеем дело, в данном случае, с общим местом,
мыслью, встречающейся в «Федре» (1124—1125: «Но
меньше гнетет тех, кто меньше, судьба, И что легче,
то боги легче разят») и «Геракле безумном» (202:
«Падать доблести в прах с высоты страшней») и во-
ходящей в трагедии еще к Софоклу.

¹⁶ Sen. Ag. 1—2:

Opaca linquens Diti inferni loca,
Adsum profundo Tartari emissus specu. . .

Grot. Ad. 1—3:

Saevi tonantis hostis, exul patriae
Coelestis, adsum, Tartari tristem specum
Fugiens, et atram Noctis aeternae plagam. . .

Вот еще несколько стихов:

Со мной погибнуть можно, без меня — нельзя...
Хочешь смерти ты?

Умру я раньше. Будешь жить — пойду вослед.
Это говорит не Ева Адаму, решившему умереть после
вкушения запретного плода («Адам», 1800—1810),
а Антигона Эдипу («Финикиянки» 67, 75—76).

Что здесь за край? Страна? В котором поясе?
Где я?

И это слова не Адама, осознавшего свое падение (1589—1593), а приходящего в себя Геркулеса («Геркулес в безумье», 1138—1139). Стих 967 из «Адама» (Адам: Изгнанник, прочь! Сатана: Вас также ждет изгнание.) не может не напомнить последние стихи из «Агамемнона» (Клитемнестра: Умри, Безумная! Кассандра: Придет и к вам безумие.). Пусть скорбит весь мир — эфир, Титан, море и земля, — призывает скорбящий о бедах Геракла хор фиванцев («Геракл в безумье» 1054 слл.) и хор ангелов, оплакивающий падение Адама (1468 слл.). Другие параллели между трагедиями Сенеки и «Адамом» указаны в комментариях.

Выше речь шла о том, что появление «Адама» восторженно приняли современники Гроция. Из многочисленных отзывов приведем слова Даниела Хейнсия, который впоследствии прославился не только как филолог и издатель античных авторов, но и как поэт, чьи стихи были заметным явлением в литературе Нидерландов и через Мартина Опица оказали влияние на немецкую литературу: «Природа, оная повитуха и кормилица, которая до сих пор для всех была мачехой, Гроцию стала матерью. Этот юноша-старец, кем восхищается Батавия, на кого заглядываются этруски и галлы, — он возмужал еще мальчиком:

ибо прочие становятся мужами с возрастом, а Гроций — муж от рождения»¹⁷.

Гроция всерьез волновала дальнейшая, сценическая, судьба его детища. В письме от 12 марта 1602 г. к Николаю Фаберу (Lefèvre), наставнику принца Конде, Гроций просит его рассказать о представлении «Адама», предпринятом для того, кому трагедия была посвящена: «...Ты, как я узнал, что-то находишь в моих стихотворных безделках. Зная остроу твою суждения, я полагаю, что это могло произойти только, твоего позволения, из-за глаукомы, наведенной на твои линкеевы очи расположением ко мне. Поверю ли? Но разве любящие не обманывают себя призраками? Однако о трагедии — ах, если бы я знал твоё мнение! Ведь поистине, я либо был бы облагодетельствован строгим по праву дружбы суждением, либо услышал бы знаменитое „Ты от десятицы умрешь Энея великого“. А теперь я на все надеюсь, но и боюсь всего... Так не заставляй меня дольше метаться в нерешительности между надеждой и страхом. Насколько я знаю твой ум и вежество права, а также твою литературную славу, тебя не затруднит описать мне в нескольких словах следующее: очень или в меру не понравилась тебе эта наша трагедия, это священное действие; с каким лицом смотрел на сцену принц, хорошо ли прошел спектакль, был ли он одобрен зрителями, и прочее, с постановкой связанное. Ежели ты удостоишь меня письмом, лучше всего переслать его с теми, кто будет сопровождать г. Буванвиля, которого, насколько мне известно, к нам вновь отправляют с посольством»¹⁸.

¹⁷ Перевод по изданию: De dichtwerken...

¹⁸ Перевод по изданию: H. Grotii Epistolae...

Мы не знаем, как прошел спектакль. Не знаем мы также и того, почему Гроций не включал «Адама» в собрание своих поэтических произведений, куда входили «Христос-страстотерпец» и «Софопанеас». История рецепции «Адама», — как и двух других трагедий Гроция, — нуждается в исследовании и заслуживает его: даже при первом взгляде на драматургию Гроция и после знакомства с первой его трагедией становится совершенно ясно, что творчество Гроция-драматурга — важный эпизод в истории европейской литературы и театра.

ПРИМЕЧАНИЯ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Трилогия Йоста ван ден Вондела — «Люцифер» (1654), «Адам в изгнании» (1664), «Ной» (1667) — впервые соединена в настоящем издании под одной обложкой со своим главным нидерландским (хотя и написанным на латыни) прототипом, драмой Гуго Гроция «Адам изгнанный» (1601). Таким образом, русскому читателю предоставляется возможность не только ознакомиться с текстом трилогии, но и сопоставить ранее изданный на русском языке «Потерянный рай» Джона Мильтона с трагедиями Вондела и Гроция, послужившими главными источниками для поэмы.

Перевод трилогии Вондела выполнен по изданию: Joost van den Vondel. Volledige dichtwerken en oorspronkelijk proza. Verzorgd en ingeleid door Albert Verwey. MCMXXXVII, H. J. W. Becht, Amsterdam. Издание это, выпущенное к 350-летию со дня рождения Вондела, по сей день остается наиболее достоверным источником текстов Вондела; оно, однако, практически лишено справочного аппарата. Для контроля при переводе первых двух драм ограничено привлекалось авторитетное французское издание трагедий Вондела: Joost van den Vondel. Cinq tragédies. Notice biographique et notes traduction vers par vers dans les rythmes originaux par Jean Stals. Didier, Paris, 1969 (Collection Unesco d'oeuvres représentatives, Série Européenne). Был просмотрен также прежний перевод «Люцифера» на французский язык: J. van den Vondel. Lucifer. Tr. par Ch. Simond. Paris, 1889; а также известный перевод «Люцифера» на немецкий язык: Joost van den Vondel. Lucifer. Trauerspiel. Leipzig, Brockhaus, 1869. В работе над переводом и справочным аппаратом критически использованы многочисленные работы, начиная с комментариев ван Леннепа в тридцатитомном варианте изданного им «полного Вондела» (Joost van den Von-

del. De werken. Uitg. door J. van Lennep. Deel 1—30. Leiden, Sijthoff, 1888—1893) и до наших дней. Следует отметить, что в любом отдельно взятом комментарии к драмам из числа изданных за последнее столетие, в частности, крайне слабо до сих пор прослеживались древнегреческие и византийские корни творчества Вондела, так что во многом комментарий в настоящем издании содержит сведения, на родине поэта почти не известные.

Отдельного издания каких бы то ни было произведений Вондела на русском языке до сего дня не существовало. Книга П. А. Корсакова «Йоост фон ден Фондель» (СПб., 1838) давала крайне искаженный портрет «главного» писателя Нидерландов. Свои переводческие усилия Корсаков был склонен направить на то, что казалось ему «переводимым». К его немногочисленным удачам можно отнести переводы стихотворений лучшего ученика Вондела, Йеремиаса де Деккера, которые мы находим на страницах его «Опыта нидерландской антологии» (СПб., 1844). Удачны были и его переводы некоторых басен Якоба Катса, но из Вондела Корсаков перевел только два коротких и незначительных стихотворения.

В 1974 г. на страницах тома Библиотеки Всемирной Литературы «Поэзия Возрождения» был опубликован перевод оды Вондела «Рейн», воспроизводящийся в дополнениях к нашей книге. В 1983 г. на страницах антологического издания «Из поэзии Нидерландов XVII века» (Художественная Литература, Ленинград) «Рейн» был переиздан, к нему добавлены пять стихотворений, все они воспроизводятся в нашем издании: «Молитва гёзов», «Скребница», «Развратники в курятнике», «Оливковая ветвь Густаву Адольфу» и «Счастлирое мореплавание».

Переводчик трилогии Вондела пользуется возможностью сердечно поблагодарить проф. Яна-Паула Хиррихса (университет в Лейдене), предоставившего ряд труднодоступных материалов и неизменно консультировавшего все спорные вопросы, возникавшие в процессе работы над переводом, а также проф. Уильяма Федера (университет в Неймегене), любезно предоставившего видеозаписи постановок «Люцифера»

и «Адама в изгнании» на сценах современных нидерландских театров, что разрешило ряд сомнений чисто сценического характера.

Русский перевод монументальной драматической трилогии Йоста ван ден Вондела переводчик считает долгом посвятить памяти своего учителя, поэта Аркадия Акимовича Штейнберга (1907—1984), чей перевод «Потерянного рая» Джона Мильтона был одной из побудительных причин создания публикуемой ныне первой русской версии «Люцифера» вместе с последующими частями трилогии.

ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ ТРИЛОГИИ

Три драмы Вондела на «космогонические» сюжеты — одновременно вершина и финал его творчества. Представляется необходимым рассмотреть персонажей каждой драмы, разобрать этимологию их имен и проследить эволюцию их образов в процессе сценического действия.

ЛЮЦИФЕР. Основные источники легенды о Люцифере приводит сам Вондел в «Обращениях ко всем друзьям искусства и сценического действия», предваряющем текст драмы. В действительности число источников неизмеримо больше, и часть из них в настоящее время уже не может быть прослежена. Вондел указывает на трагедию Гуго Гроция «Страдающий Христос», но при этом без видимой логики обходит его же «Адама изгнанного»; между тем достаточно сравнить вступительный монолог Сатаны в этой драме (см. с. 335 наст. изд.) со всем происходящим на сцене у Вондела — как в «Люцифере», так и в «Адаме в изгнании», чтобы убедиться в преемственности. Несомненно также то, что на Вондела оказали влияние поэмы «Неделя, или Сотворение мира» (1578) и «Вторая неделя» (1584—1590) французского поэта Гийома дю Бартаса (1544—1590). «Сочинения г-на дю Бартаса в переводе Захариаса Хейнса» вышли в 1621 г. в нидерландском переводе уже четвертым изданием, — по поводу этой книги имеется совет Вондела (1622),

а также подпись под изображением Хейнса. Сам Захарияс Хейнс был на 27 лет старше Вондела и принадлежал к «старшему поколению» поэтов нидерландского «Золотого века», которое до истинного расцвета национальной литературы не дожило. На драмы Вондела повлияли многие теологические источники, частью восходящие к древней апокрифической литературе; к примеру, произведения Оригена, изданные в 1536 г. в Базеле Эразмом Роттердамским (об Оригене см. подробнее в примечаниях на с. 528 наст. изд.); возможно, что ему был известен и какой-то пересказ апокрифа «Книга Еноха», полный текст которого был обнаружен лишь в конце XIX в.; Вондел местами цитирует этот апокриф почти дословно. Можно предположить, что Вондел пользовался каким-то греческим источником; он знал греческий язык и переводил греческих классиков, а также изучал труды «восточных» отцов церкви, писавших по-гречески (в отличие от «западных», писавших на латыни), что для Нидерландов было относительной редкостью.

По Вонделу, причина отпадения Люцифера от Небес — нежелание признать Человека вторым после Бога в Небесах, — ибо вторым в Небесах Люцифер считал самого себя. Здесь Вондел неожиданно использует концепцию, принятую в исламе, традицию, объясняющую низвержение Иблиса (т. е. опять-таки Люцифера) с Небес наказанием за его нежелание поклониться новосотворенному существу — Адаму; кстати, традиция эта служит доказательством того, что христианский миф о низвержении Люцифера ко времени создания Корана полностью сформировался. Истинная причина водворения на Небеса человека, предвещанного устами Гавриила в I же действии драмы — т. е. грядущее явление Христа в человеческой плоти, восхождение и вознесение — эта причина у Вондела остается непонятной для Люцифера; Гавриил облекает свои слова в I и II действиях в смутную форму пророчества, понятных зрителю и туманных не только для Люцифера, но и для всех Ангелов на сцене, которые, по Вонделу, лишены всеведения, и бессмертия. Кажется, непонятной причина «водворения Человека» остается и для самого Гавриила — во всяком

Примечания

случае, между «верными» и «неверными» Ангелами разница лишь в том, что «неверные» считают возможным обсуждать данный свыше приказ, а «верные» — повинуются, не пытаясь вникнуть в смысл. Здесь — несомненный выпад против Реформации, и — как можно истолковать, если не вникать в частности несколько путаной космогонии Вондела, — довод в защиту Рима и католической церкви, «в лоне» которой Вондел к моменту создания «Люцифера» пребывал уже около пятнадцати лет. Поэтому толкование образа Люцифера как аллюзии к личности статхаудера (нем. штатгальтера) Вильгельма Оранского Молчаливого, которого придерживались русские исследователи творчества Вондела в XIX в., среди них А. И. Кирпичников, не обосновано, ибо предполагало бы сочувствие Вондела к Люциферу и «люциферистам», — если же нечто подобное у Вондела и есть, то это только жалость и «моление за душу врага», подобное тому, какое воссылает Рафаил в конце IV действия. Правда, мотив «сочувствия к люциферистам» сильно подчеркнут в немецком переводе «Люцифера», появившемся в 1869 г. и шедшем на сцене: надо думать, что исследователи этот перевод знали лучше, чем оригинал. Толкование Люцифера как намек на Оливера Кромвеля обосновано еще слабее: хотя известна ненависть Вондела к нему (ср. стихотворение «Протектор Вервольф»), но в момент опубликования «Люцифера» Кромвель был еще жив, и окончательную его судьбу никто с уверенностью предсказать не взялся бы. Несколько обоснованнее точка зрения, что образ Люцифера — намек на статхаудера Маурица Оранского, но еще вероятнее предположить прямую аллюзию к личности Мартина Лютера, вождя и основателя Реформации, — может быть, именно сходное звучание имен «Лютер» и «Люцифер» повлияло на выбор имени для главного падшего Ангела: по различным версиям, он мог бы носить имя Самаил, Шемихазай, Сатанаил и др. Имя «Люцифер» взято Вонделом из «Вульгаты» (латинского перевода Библии, где оно служит эквивалентом «Утренней звезды», или, по-русски, Денницы); им же воспользуется в «Потерянном рае» Джон Мильтон.

«Потерянный рай» начинается в том самом месте, где «Люцифер» заканчивается: после низвержения с Небес. Мильтон трактует различно с Вонделом из числа важных вопросов, кажется, только пункт о сотворении Человека и Эдема. Герой Мильтона везде носит имя «Сатана», но о том, что это не его подлинное имя, есть прямое указание в V книге «Потерянного рая», в рассказе Рафаила:

Не спал и Сатана. Отныне так
Врага зови: на Небе не слышать
Его бывшего имени теперь*.

О настоящем имени Сатаны Рафаил, рассказывающий у Мильтона Адаму и Еве историю небесной битвы, едва ли не проговаривается:

Пройдя все эти области, они
Достигли Полночи — а Сатана —
Своей твердыни, вдалеке с горы
Сиявшей на огромной высоте,
Вздыхались башни, грани пирамид
Из глыб алмазных, золотых кубов;
Сие звалось чертогом Люцифера
Великого на языке людей.

То же подтверждается уже прямо в песни X:

... Столицы горделивой Люцифера
(Так Сатану прозвали в честь звезды
Блестящей, сходной с ним).

Далеко не ясным остается у Вондела вопрос об ангельском чине, каким был наделен Люцифер до отпадения. В I действии драмы, в монологе Гавриила, изложена иерархия «девяти чинов ангельских» в полном согласии с трактатом Псевдо-Дионисия Ареопагита (V—VI вв.), где чин Архангела оказывается предпоследним, восьмым по счету, ниже коего стоят только простые Ангелы, «духи грубые», по Вонделу. Вондел в «Обращении ко всем друзьям искусства и ценителям сценического действия»

* Здесь и далее «Потерянный рай» в переводе Арк. Штейнберга.

(предваряющем драму, по написанном несомненно позже нее), а также с конца IV действия и в тексте самой драмы называет Люцифера Архангелом, хотя по пиτιруемому Вонделом тексту из книги пророка Иезекииля Люцифер мог бы с тем же успехом числиться и Херувимом, т. е. вторым чином из девяти. В то же время Вонделов Люцифер, наместник Небес, «лишь перед Господом склоняющий главу», явно не чувствует над собой никакой другой высшей силы. Вондел вводит на Небесах отдельную «исполнительную» власть, отличную от титулатуры, вероятно, также и от духовной власти и от воинской: небесное воинство возглавляет Михаил, Люциферу явно не подчиненный.

Вплоть до конца IV действия Вондел, видимо, сам еще колеблется насчет титула Люцифера, настойчиво именуя его «наместником», «статхаудером», что у читателя и зрителя в Нидерландах немедленно вызвало ассоциацию со своими собственными статхаудерами, последовательно сменявшими друг друга до 1650 г. (и снова возникшими в 1672 г., еще при жизни Вондела, после кровавой расправы над Яном де Витгом), в частности, с глубоко ненавистным Вонделу Маурицем Оранским. С. С. Аверинцев пишет, что «Люцифер Вондела умеет быть импозантным в своем тщеславии и рассуждает о необходимости исправить ошибку Бога на пользу самому Богу». Однако в критике позиций протестантизма Вондел стоит не на позициях ортодоксального католицизма, а скорее на позициях «гроцианства», рассматривающего католическую церковь как наибольшую и поэтому наиболее правомочную христианскую секту,

В первой части трилогии принимают участие, помимо Люцифера, «верные» и «неверные» Ангелы, во второй — те же персонажи с некоторыми переменами, кроме того еще Адам и Ева, чьи имена самоочевидны; в третьей части, помимо перешедших из первых двух драм трилогии Аполлиона и Уриила, фигурируют Ной с сыновьями, ряд безымянных персонажей (назреченных «по должностям»), а также князь Ахиман и княгиня Уравия (о них см. ниже). Имена «верных» и «неверных» Ангелов Вондел выбрал

относительно произвольно; у Гроция в «Адаме изгнанном» ангелы имен не носят. Гавриил, Рафаил и прочие персонажи данного мифа, как и демонические имена Вельзевула, Аполлиона и т. д., взяты главным образом из апокрифических книг и немногих упоминаний в каноническом тексте Библии. Европейская драматургия знала подобные попытки и до Вондела — скажем, в «Действе о Хананеянке» португальского драматурга Жила Висенте, появившемся на сцене за 120 лет до «Люцифера», Сатана фигурировал у Люцифера в качестве подручного! Однако строгая иерархия, особенно «адская», видимо, попала на сцену у Вондела впервые. Почти все персонажи перешли впоследствии в «Потерянный рай» к Мильтону, где их количество, впрочем, было еще умножено. У Вондела в драме «Самсон» (1660) также фигурирует еще один демон — «князь бездны Дагон», а также и «Фадилл, ангел-хранитель Самсона».

ВЕЛЬЗЕВУЛ: «Баал-Зебуб», буквально — повелитель мух, имя божества Филистимского Аккарона (4 Царств, I, 2). Вельзевул носит титул «князя бесов» еще в синоптических Евангелиях, где эпизодически упоминается в бранном смысле; отсюда и титул «князя», который получил Вельзевул у Вондела. Этот «полковник» («оверсте») Люциферова воинства, один из важнейших персонажей драмы, постоянно проводящий самого Люцифера (которому иной раз свойственно сомневаться в целесообразности и возможном успехе мятежа) — фигурирует как действующее лицо только в первой части трилогии. Вельзевул несомненно занимает у Вондела второе место после Люцифера в иерархии мятежного воинства; в такой же роли появится он позднее в первой главе «Потерянного рая»:

... А рядом сверстника, что был вторым
По рангу и злодейству, а поздней
Был в Палестине чтим, как Вельзевул.

Здесь мы находим еще одно из весьма многочисленных подтверждений того факта, что «Люцифер» Вондела — один из главных источников поэмы Мильтона. У Вондела Вельзевул — «серый кардинал» при Люци-

ферс, решительно не желающий самолично возглавлять восстание; в III действии люциферисты с восторгом готовы признать его своим главой, еще и не помышляя, что столь значительный небесный вельможа, как «статхаудер» Люцифер, может возглавить их ряды. Вельзевул несомненно стоит по рангу выше Аполлона и Велиала, он наименован «великой власти бог» (см. примеч. к ст. 715 «Люцифера»), именно он во многом направляет тактику мятежного воинства, ловко подбрасывая Люциферу идеи, которые тот немедленно и с охотой выдает за свои собственные. У Мильтона подобной трактовки образа Вельзевула нет, это снизило бы монументальность образа Сатаны; у Воцдела же эта трактовка служит целям дополнительной драматизации действия. Любопытно, что имя «Вельзевул» вошло в русский язык в восточной традиции: в то время как западноевропейские языки восприняли основную форму имени — «Беельзевуб», т. е. «бог мух», в русский язык через греческий вошла «оскорбительная форма», придуманная евреями, чтобы еще сильнее унижить аккаронского идола, — «Беель-зевул», т. е. «бог навоза».

ВЕЛИАЛ: иначе «Велиар», т. е. «нечестивец», или же «зло, безбожие»; упоминается в книге Иова (XXXIV, 18), в Библии упоминаются также «дети Велиала» (Суд. XIX, 22), а также сын, дочь Велиала; иногда этим словом обозначаются смерть и погибель. В дохристианской литературе это слово — скорее термин, чем имя собственное; в Новом завете оно превращается в имя собственное: «Какое согласие между Христом и Велиалом?» (I Коринф., VI, 15). Именно «нечестивец» Велиал искушает во второй части трилогии Еву, приняв образ змея, в первой же драме (во II действии) Люцифер дает ему примечательную характеристику: «Сей верный лицемер, снуя меж ратью Божьей, // Обманет хоть кого лоснящуюся рожей», — предваряя будущие события в «Адаме в изгнании». Нечто очень близкое встречаем мы затем у Мильтона во второй песни «Потерянного рая», где Велиалу дается характеристика:

... сотворен

Для высшей славы и достойных дел,

Но лжив и пуст, хоть речь его сладка,
Подобно манне; ловкий словоблудец
За правду выдать мог любую ложь,
Мог исказить любой совет благой,
Столь мысли низменны его...

Велиал у Вондела — именно нечестивец, и образ его соответствует прямому значению имени; из всех появляющихся в трилогии демонов несомненно именно этот — низший по рангу (хотя тоже носит титул «князя»), что продемонстрировано многократно: в «Люцифере» ему поручается наиболее черная работа по соращению колеблющихся Ангелов в Ангельском Совете, во второй части он соращает Еву в образе змея, — однако же с Люцифером он нигде лично не общается, ему лишь передают от статхаудера поручения — Вельзевул в первой части трилогии, Асмодей во второй; в последнем случае Асмодею как раз и достаются все награды за работу Велиала; в начале «Люцифера» у Велиала вообще положение «слуги слуги» — Вельзевул посылает его поглядеть, не возвращается ли из своего путешествия на Землю Аполлион, занимающий в иерархии Духов положение более высокое. Образ Велиала у Вондела — одна из наиболее необычных трактовок библейской темы: вместо ультраразвратного духа, мелкого и злого божка, символизирующего в обычном понимании некую злую пустоту, — мы находим у Вондела трактовку образа Велиала как «адского чернорабочего», по отсутствию персоны более значительной возглавляет он один из флагов строя падших Ангелов во время генерального сражения.

АПОЛЛИОН: «Царем пад собой имела она ангела бездны, имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион» («Губитель») (Откр., IX, 14). В ветхозаветной традиции Аполлион — Аваддон, как и Велиал, еще скорей нарицательное олицетворение пропасти преисподней, чем персонифицированный образ, он — как бы «погибель сама по себе» (в новозаветной традиции, в Откровении, он предстает царем саранчи, выходящей из преисподней). По Вонделу, этот образ занимает в иерархии падших Ангелов третье место, за Люцифером и Вельзевулом, именно его отправляет

Люцифер «в разведку» на Землю, в новосозданный мир для составления доклада; именно его призывает Люцифер во II действии для принятия мер по со-
вращению колеблющегося рядового Ангельства, именно он отзывает Люцифера от решающей беседы с Рафаилом в IV действии, именно он (см. рассказ Уриила в V действии первой драмы) «берет командование в руки» после низвержения Люцифера; наконец, именно ему — надо думать, из-за того, что Люцифер пребывает в аду прикованным, — остается царствование на Земле в последней части трилогии. То, что Люцифер наличествует как действующее лицо во второй части трилогии, в данном случае не имеет значения, ибо почти весь «Адам в изгнании» — кроме последнего эпизода с появлением Уриила — хронологически размещается у Вондела прежде эпилога «Люцифера». Хотя Аполлион и не фигурирует во второй части трилогии, но в своем монологе в «Ное» вспоминает, как в эдемском саду «... стояли бы биваком», т. е. в совращении человеческой четы он каким-то образом тоже участвовал. Есть основания предполагать, что в «Адаме в изгнании» Аполлион просто носит имя «Асмодей»: именно Аполлион, летавший на Землю прежде всех других демонов, в большей степени мог быть для Люцифера «экспертом» по человеческой породе, о возможных заменах имен Ангелов см. примечание к ст. 2155 «Люцифера». Мильтон этого падшего ангела в «Потерянный рай» не допустил (единственного из всех персонажей «Люцифера»), но он встречается в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова (Абадонна, куда, видимо, попал из сочинений Сведенборга (1688—1782).

АСМОДЕЙ: этот демон появляется в Ветхом завете только в псеудокапитулярной «Книге Товита» в качестве специального противодейателя браку людей; он не дает совершиться свадьбе иудейской девицы Сарры, последовательно умерщвляя ее женихов (см. примеч. к ст. 1422 «Адама в изгнании»). Там же — и только там в Ветхом завете — упоминается и Рафаил, исцеляющий и утешающий Ангел, помогающий Товиту одолеть Асмодея. Именно Асмодея привлекает Люцифер на предмет возможной порчи и совращения

человеческого рода; возможно, что этим именем здесь просто назван Аполлион (см. выше), но в данном случае демон специально обозначен тем из имен, в котором содержится намек на его губительную для человеческого брака природу. В поздней еврейской литературе (в Талмуде) Асмодей — похотливый дьявол.

ГАВРИИЛ: «сила Божья» (евр.) — один из старших архангелов в христианской мифологии, «его назначение — раскрывать смысл пророческих видений и ход событий» (С. С. Аверинцев). У Вондела Гавриил — официальный Глашатай Божьих Тайн, герольд, сообщающий Ангелам не больше и не меньше того, что им следует знать: он, однако, не возвещает приговоров (тут его функции переходят к Уриилу, см. ниже). В Евангелии Гавриил возвещает Марии будущее рождение Христа. Иные функции Гавриил исполняет сравнительно редко даже в апокрифической литературе: в «Книге Еноха» Гавриил повелевает раем; Ориген («О началах», кн. 1, гл. 8) предполагает, что Гавриилу доверено «наблюдение за войнами». Вондел берет для этого образа традиционную трактовку. Если противобор Люцифера — Михаил (сам Люцифер предполагает таковым Бога, но это лишь заблуждение его гордыни), то противобор Гавриила — отчасти Вельзевул (именно он все время возвещает зло как таковое), отчасти — Аполлион (ср. описание Эдема в I действии «Люцифера», вложенное в уста Аполлиона, и описание Эдема во II действии «Адама в изгнании», вложенное в уста Гавриила). Один из важнейших персонажей «Люцифера», довольно сухой и жёсткий Гавриил в «Адаме в изгнании» выполняет функции уже второстепенного персонажа, на его долю выпадает немного: от имени Бога совершить формальное венчание Адама и Евы: он присутствует только во II действии и дальше лишь упоминается. В третьей части трилогии от имени Бога говорит уже Ной: налицо несомненное измельчание «добрых» и «злых» персонажей: там, где вначале был Люцифер — в конце лишь ничтожный Ахиман, игрушка в руках своего собственного «Вельзевула» (Урании); там, где вначале Гавриил, вещающий от имени Бога впрямую, там в конце — Ной, к которому слово божие

приходит явно через посредника, не то через Архангела (если так, то менее высокопоставленного Уриила), не то через «метатрона» Еноха, что, исходя из текста, более вероятно. Однако 'сухость' возвещающих Гавриилом и Ноем пророчеств и приказов во многом роднит эти два персонажа. Архангел Гавриил, кстати, появляется на сцене у Вондела еще в ранней драме «Разрушенный Иерусалим» (1620), где он в финале произносит один из самых длинных в Вонделовой драматургии монологов.

МИХАИЛ: смысл этого имени не до конца понятен, народная этимология объясняет его «кто как Бог» (евр.): архангел-воитель, за коим христианская традиция стойко закрепила эпитет «архистратиг», широко использованный в данном переводе как смысловой эквивалент нидерландскому «фелдхер». В качестве предводителя небесного воинства неоднократно упоминается в Библии, однако главную основу для образа Михаила в трилогии Вондел берет из Откровения (XII, 7—10): «И произошла в небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, а дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось для них места на небе». Кроме воеводительства, Михаил несет в христианской традиции также функции «попечителя о молитвах и прошениях со стороны смертных» (см. Ориген, указ. соч.), функции Ангела милосердия, предстоятеля за людей перед Богом, кроме того, он — проводник душ в небесный рай, что недвусмысленно зафиксировано в каноническом тексте заупокойной мессы, принятом согласно постановлениям Тридентского собора (середина XVI в.): «И да представит их святой знаменосец Михаил в обитель горнего света», — обратим внимание, что и здесь Михаил — знаменосец. Все эти функции Вондел отсекает: из людей никто еще не умер, отношений со смертными у Михаила нет. Исходя из таких предпосылок, Вондел создает чрезвычайно вычужденный и необычный для традиции образ: Михаил изъясняется в «Люцифере» и в «Адаме в изгнании» несравненно грубее других ангелов, говорит меньше, делает больше и скорее отдает приказы, чем ведет диспуты (см. III действие «Люцифера»). Чисто тек-

стуально образ Михаила занимает у Вондела сравнительно немного места, но он как руководитель Божьего воинства во время решающей небесной битвы монументальней, чем подобный же образ в «Потерянном рае» у Мильтона: у последнего воинственная роль Михаила умалена тем, что во главе небесного воинства становится лично Бог-сын, второе лицо небесной троицы. Михаил, поражающий Люцифера во время небесной битвы, — один из излюбленных сюжетов живописи Рубенса (одноименные картины — в Королевском музее изящных искусств в Брюсселе, в частном собрании в Лугано, Швейцария, и т. д.). Вероятно, эти картины оказали влияние на Вондела в описании битвы в V акте «Люцифера». Михаил Вондела — один из его наиболее оригинальных персонажей, «дух грубый», ангел-солдат.

РАФАИЛ: «исцели, Боже!» (евр.) — упоминается в Библии лишь в неканонической «Книге Товита» как ангел-исцелитель, ангел-утешитель, как антипод Асмодея, демона противоборачия; апокрифическая «Книга Еноха» признает его вторым (после Михаила) в небесной иерархии не отпадавших от Бога ангелов, — однако в «Книге Еноха» Рафаил участвует и в военных действиях — в наказании сошедших на Землю и совокупившихся с земными женами ангелов Шемихазая; у Вондела образ Рафаила (принципиально не-военный, как и образ Гавриила) взят целиком из «Книги Товита», именно как образ утешителя — и даже парламентария. Позднее у Мильтона Рафаил станет просветителем Адама и Евы, повествующим им о небесной битве, — надо полагать, подобное построение сюжета у Мильтона — след влияния Вондела, у которого в V акте «Люцифера» Рафаил сам выслушивает рассказ Уриила об этой битве.

IV акт «Люцифера», основную часть которого составляет диалог Люцифера и Рафаила, предлагающего уже отпавшему «статхаудеру» прекратить военные действия и получить назад все свои привилегии без какого бы то ни было наказания, — вершина драматической мысли Вондела и одна из вершин европейской драматургии, не имеющая равноценных параллелей во всей литературе нового времени, а хоры

IV действии, где Рафаил молится о спасении души Люцифера,— не отклик ли на учение Оригена об Апокатастасисе (конечном всепрощении для всех, включая Сатану), весьма далеко уводящий католика Вондела от ортодоксальной доктрины? Архангел (точной, один из семи верховных Ангелов) Рафаил появляется также в финале главной патристической драмы Вондела «Гейсбрехт ван Амстел» (1637). См. также примеч. к ст. 2155 «Люцифера».

УРИИЛ: «пламя Божие» (евр.) — связующий персонаж всех трех частей трилогии, в первой драме — оруженосец Михаила; в эплоге Михаил направляет Уриила для изгнания провинившейся четы из Эдема, каковое действие и обретает сценическое воплощение во второй части трилогии (где, правда, Уриилу отчасти достаются реплики, по Библии, а также по «Адаму изгнанному» Гроция долженствующие исходить от самого Бога, но, следуя сценическим законам своего времени, Вондел ни Бога, ни даже Гроциев «Глас Божий» вводить в действие не смеет); во второй и третьей части трилогии Уриил — «Ангел-судия», исполнитель приговоров. Из четырех участвующих в трилогии «главных архангелов» (поименно совпадающих с «главными архангелами» все той же «Книги Еноха», кстати) Уриил, при всей своей монументальности, его образ — это образ «ангела с карающим мечом», — все же наименее высокопоставленный, это своего рода чернорабочий Небес, так же, как Велиал — чернорабочий Ада. Необходимо отметить, что в Библии и даже в неканонических книгах имя «Уриил» отсутствует, оно, помимо упомянутой «Книги Еноха», наличествует в известном апокрифе «Третья книга Ездры». Издатель тридцатитомного Вондела ван Леннеп в середине прошлого века недоумевал в своих примечаниях, откуда Вондел взял это имя, — знание греческого языка открывало автодидакту Вонделу пласты культуры, чуть ли по сей день не известные на его родине. Драматический образ Уриила у Вондела предельно статичен, это именно «Ангел-судия», приводящий в исполнение приговоры, вынесенные свыше, — а больше того ему ничего не ведомо, и споры с ним бесполезны («больше мне ни-

чего не ведомо» — говорит в конце «Епифанских шлюзов» А. Платонова безымянный дьяк, возвещая смертный приговор инженеру Бертрану). Позднее предание называет Уриила четвертым в числе семи ангелов, предстоящих Богу: отсюда «святые семикраты», несколько раз встречающееся в текстах Вондела выражение; имена других ангелов (Архангелов), Вонделом не использованные, по разным текстам варьируются: Савафиил, Иегудиил, Варахиил, Йеремиил, Анаил и т. д. У Мильтона в «Потерянном рае» Сатана успешно обманывает Уриила, пробираясь в земной рай.

АХИМАН: это имя фигурирует в Библии как имя одного из исполинов, сынов Енаковых (Числа, XII, 23): «Ахиман, Сесай и Фалмай, дети Енаковых», — изгнанных из Хеврона во времена Моисея; однако в качестве имени верховного князя живших до потопа Исполинов имя это выбрано Вонделом вполне произвольно.

УРАНИЯ: несмотря на утверждение Вондела в письме к Иоахиму Аудану (см. наст. изд., с. 257), что имя это — производное от «ур» (евр. «огонь»), т. е. от того же корня, что и «Уриил», и не имеет ничего общего с греческими корнями, в подобной этимологии есть большие сомнения. Греческая Урапия, «Небесная», одна из девяти олимпийских муз, не раз привлекала внимание Вондела (ср., к примеру, ст. 35 публикуемой в нашем издании «Похвалы мореходству»), а также и Джона Мильтона, который начинает седьмую песнь «Потерянного рая» именно с обращения к «Урапии»; «Ной» и «Потерянный рай» были опубликованы практически одновременно, но между Англией и Голландией как раз шла война. Подчеркнуто земной, властный и сладострастный образ Урапии в «Ное» как раз являет собою полную антитезу «Урапии Небесной», т. е. и самое имя ее — кощунство.

ЛЮЦИФЕР

Præcipitemque immani turbine adegit — Вергилий. Энеида, VI, ст. 594: «...С колесницы пизверг, и спалил его в пламенном вихре (пер. С. А. Ошерева)».

Фердинанд III (1608—1657) — король Богемии с 1625 г., Венгрии с 1627 г., Германский император Священной Римской Империи — с 1637 г.

Отпе genus scripti gravitate Tragoedia vincit. — Овидий. Скорбные элегии, II, ст. 381; «Строем и слогом своим трагедия все превосходит» (пер. Э. Морозкиной). Верный принятым канонам, Вондел приводит цитаты из античных авторов в своем рифмованном переводе (по большей части александринами) и считает правомерным свой рифмованный перевод помещать прямо под оригиналом.

в руках наследника, Фердинанда Четвертого.

После смерти Фердинанда III (1657) на престол Священной Римской Империи взошел Леопольд I (1640—1705), младший сын Фердинанда III, король Венгрии с 1655 г., император с 1658 г. О судьбе старшего наследника престола (Фердинанда Четвертого) см. в ст. 15 стихотворения Вондела «Чудовища нашего века» (наст. изд., с. 318).

⁵ *Йоахим фон Сандрарт* (1606—1688) — немецкий гравер, художник, историк искусства; друг Вондела.

⁶ *Deus nobis haec otia fecit.* — Вергилий. Буколики, I, 6: «... Нам бог спокойствие это доставил» (пер. С. В. Шервинского).

⁷ *Внося в тревожный мир спокойствия основы.* — При Фердинанде III Вестфальским миром был положен конец Тридцатилетней войне.

⁸ *Салмоной.* — Историю Салмоinea, царя Элидского, рассказывает Вергилий в VI песни «Энеиды», из которой взят эпитаф к драме. Возгордившись, царь элидского города Салмоinea Салмоией объявил себя повым Зевсом, стал присваивать жертвы, приносимые богу, всенародно имитировать гром и молнии, бросая в небо зажженные факелы и вольца за колесницей шкуры с полыми медными кувшинами. Зевс покарал Салмоinea. История эта, отчасти похожая на историю Люцифера, использована Вонделом тремя годами позднее как сюжет драмы «Салмоией, царь Элидский» (1657).

«... в глубины пресподней». — Исайя, XIV, 12—15. Здесь принятый в Нидерландах перевод текста

Ветхого завета несколько отличается от русского синодального, вместо «в сонмо богов» в нидерландском тексте — как и в английском — упоминается «Гора Союза». Именно здесь единственный раз в Библии упомянут Люцифер («Депница»).

- ¹⁰ «... в тебе беззакония». — Иезекииль, XXVIII, 12—15. Здесь также нидерландский текст расходится с русским; в нидерландской Библии вместо «искусно усаженное у тебя в грездышках» стоит: «В день твоего сотворения свирели были искусны».
- ¹¹ «... с неба, как молнию». — Лука, X, 18.
- ¹² «... на суд великого дня». — Посл. Иуды, 6. Между текстом из Евангелия от Луки и текстом послания Иуды Фаддея (современная традиция приписывает авторство этого послания не Иуде Фаддею, одному из апостолов, а так называемому «Иуде, брату Господню») Вондел позднее вписывает следующее: «Также и Св. Петр говорит: „Бог ангелов согрешивших не пощадил, но, связав узами адского мрака, передал блюсти на суд для наказания“» (Второе Посл. Петра, 4). Таким образом, падение Ангелов для Вондела зафиксировано как Ветхим заветом, так и Новым, но, строго говоря, об отпадении Архангела Люцифера там все-таки нет ни слова. Окончательно легенду о Люцифере формулируют отцы церкви и средневековые теологи, на часть из коих Вондел ссылается ниже.
- ¹³ *Св. Киприан* (ок. 200—258) — собств. Фасций Цецилий, епископ и мученик Карфагенский, один из наиболее знаменитых отцов церкви. Обезглавлен при императоре Валериане.
- ¹⁴ «... пропикся злоеорной завистью...» — Именно отсюда взят Вонделом последовательно разработанный мотив зависти Люцифера как основной побудительной силы мятежа.
- ¹⁵ *Григорий Великий* — в данном случае папа римский Григорий I (ок. 540—604 гг., папа с 590 г.).
- ¹⁶ *Медоточивый Бернард* — Бернард Клервосский (1091—1153), знаменитый деятель католицизма, одновременно известный как погитель Пьера Абеляра, как покровитель ордена Храмовников (Тамплиеров), в котором, видимо, берет свое начало

масонство; в «Божественной комедии» — последний (третий) проводник Данте.

¹⁷ *Блаженный Августин (354—430)* — собств. Аврелий Августин, один из главных отцов церкви.

¹⁸ *бросились в море...* — Матф., VIII, 30—32.

¹⁹ *«... также упоминаемыми Пророками».* — Например, в Книге Иова (IX, 9): «... сотворил Медведицу, Орион и Плеяды», а также в гл. XXXVIII.

²⁰ *третью часть звезд...* — Откровение, I, 4: «Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг на землю».

²¹ *следующими словами...* — Против обычая, Вондел не приводит здесь латинского оригинала Горация, приводит лишь свой, как обычно, рифмованный перевод — двустипшие александрийского стиха, притом в эти строки вложено драматическое кредо Вондела в отношении обращения с библейскими и апокрифическими текстами. Соответственное место в «Науке поэзии» у Горация звучит следующим образом:

Мне возразят: «Художникам, как и поэтам,
Издавна право дано дерзать на все, что угодно!»
Знаю и сам я беру и даю эту вольность охотно —
Только с умом, а не так, чтоб недоброе путалось
с добрым,
Чтобы дружили с ягнятами львы, а со змеями
пташки.

(*Наука поэзии*, ст. 9—18, пер. М. Л. Гаспарова).

Иначе говоря, Вондел не приводит латинского оригинала сознательно, ибо выводит свое «поэтическое кредо» не из собственной речи Горация, а из слов воображаемых «оппонентов». Подобных «передергиваний» у Вондела, впрочем, единичные случаи.

²² *... в роду Авраамовом завещанный.* — Здесь Вондел пересказывает первую главу послания к Евреям, которое считает принадлежащим перу апостола Павла, — хотя еще Ориген говорил: «Кто написал это послание — знает только Бог». В этой главе, в частности, сказано, что «сын (Божий) превосходнее ангелов».

²³ *поэт Иезекииль.* — Имеется в виду не библейский

- пророк, а иудей, согласно одним источникам, живший ок. 40 г. до н. э., согласно другим — при императорах Траяне и Адриане. Он писал стихи по-гречески; в основном они утрачены. То стихотворение, о котором говорит Вондел, увидело свет в Париже в 1609 г. в переводе Мореля.
- ²⁴ *Григорий Назианзин* (ок. 329—390) — патриарх константинопольский, выдающийся византийский писатель, поэт, отец церкви.
- ²⁵ ... *королевским послом Гуго Гроцием*... — Хэйг де Грот с 1634 г. по 1644 г. был послом Швеции во Франции; здесь имеется в виду его латинская драма «Страдающий Христос» (1608).
- ²⁶ *Ричард Бейкер* (1568? — 1645) — английский историк, автор широко известной в XVII в. «Хроники английских королей», а также ряда теологических сочинений.
- ²⁷ *Скалигер* — в данном случае Жюст-Жозеф Скалигер (1540—1609), филолог и критик, идеолог Реформации (гугенот), с 1593 г. занимал кафедру в Лейдене, где и умер. Ярый противник католицизма.
- ²⁸ *Генезий* (ум. 286?) и *Ардалион* (ум. 309) — актеры, христианские мученики, согласно католическим традициям, святые покровители лицедейского искусства.
- ²⁹ ... и с игрой десятиструнного псалтериона... — Псалтерион — музыкальный инструмент наподобие арфы, на котором играли с помощью палочки. Название инструмента введено в текст перевода по смыслу, в оригинале просто — «и с игрою десяти струн».
- ³⁰ ... *предporučил сойти с небесных сфер*... — Вондел, как до него Данте, а после него Мильтон, последовательно придерживается птолемеевой концепции мироздания.
- ³¹ *Где твердь удвоена лазурью хрусталья*. — Девятое небо, хрустальная сфера по системе Птолемея.
- ³² ... с *ним совокупно — вайю*... — Вайя — пальмовая ветвь.
- ³³ *Чтоб разом обозреть блаженный край Востока*... — «И насадил Господь Бог рай в Эдеме на Востоке,

- и поместил там человека, которого создал» (Бытие, II, 8).
- ³⁴ *Струями четырьмя равнины орошая...* — Вондел повторяет описание Эдема, данное во II гл. библейской Книги Бытия. Однако названия рек (вторая и третья части трилогии) у Вондела совпадают с Библией лишь частично.
- ониксы и каменные смолы...* — «оникс и бдолах» по Библии (Бытие, II, 13); бдолах — камедь.
- ³⁶ *... настал и свадьбы час...* — Здесь разработан мотив плотской любви в Эдеме до грехопадения.
- ³⁷ *Зверь пола женского пленил тебя вполне.* — О теме ангелов, пленяющихся смертными женами, см. примеч. к ст. 454 драмы «Ной».
- ³⁸ *... верней, девятисложен* (и далее до ст. 256) — Вондел последовательно пересказывает иерархию «девяти чинов ангельских» в согласии с трактатом Псевдо-Дионисия Ареопагита.
- ³⁹ *Покорствуй, Люцифер...* — Характерно, что Гавриил вводит в свою речь специальную инструкцию о покорстве, предназначенную наместнику Люциферу: намек на то, что Богу известно о замыслах Люцифера прежде, нежели сам Люцифер появится на сцене, прежде, нежели самые замыслы непокорства у Люцифера возникнут.
- ⁴⁰ *Но подлежали бы Адама грозной воле...* — Мотив человеческого поведения ангелов — евангельский и восходит к сцене искушения Христа в пустыне (Матф. IV, 6).
- ⁴¹ *Небес Небесных цитадель...* — По мнению Вондела, Эмпирей и все, что есть на Небесах, сотворено уже после того, как были завершены основные «шесть дней творения» (ср. хоры I действия «Адама в изгнании»), отчего «Небес Небесных цитадель», дворец собственно Бога, и именуется здесь венцом всех дней, — однако сами ангелы сотворены раньше, и раньше человека — в частности; отсюда их уверенность в первородстве, утрату которого они оплакивают в III действии и дальше.
- ⁴² *Из серафимова крыла?* — Т. е. пером из крыла ангела, принадлежащего к высшему ангельскому чину. Заметим, что как здесь, так и в предшество-

вавшем рассказе Аполлиона Вондел рассматривает ангельские перья очень материально: у них можно опалить маховые перья, их перьями можно даже писать.

⁴³ *В конечном нашем бытии...* — Вондел дает понять, что Ангелам непостыжима природа Бога, они, в отличие от него, не всеведущи и не бессмертны.

⁴⁴ *Над всеми сферами, над звездами вздыму...* — Изложение цитаты из Книги пророка Исайя (см. вступительный текст трагедии), главного источника легенды о Люцифере.

⁴⁵ *Да пребывает он внизу, среди зверья...* — Возможно, свободная обработка отрывка из «Энеиды» Вергилия (VI, 848 и далее).

⁴⁶ *... великой власти бог...* — Традиция именовать богами иные существа, нежели самого Бога — в частности, Ангелов (отпадающих или нет — в данном случае безразлично) коренится в Ветхом завете, сохранившем множественные следы древнего политеизма: от множественного числа в имени «Элоим» (т. е. «элоимы») — до известного отрывка из 96 псалма: «Поклонитесь перед Ним, все боги», и далее там же: «Ибо Ты, Господи, высок над всею землею, превознесен над всеми богами». Ср. также ст. 1159.

Явилась Зависти змея. — Здесь появляется Зависть — первейший и главный мотив восстания Ангелов. Люцифер Вондела — не носитель зла сам по себе, он отчасти как бы даже соблазнен Завистью, почти персонифицированной здесь в образе Змея, а также в образе непрерывно провоцирующего Вельзевула. В «Адаме в изгнании» змеей, между тем, оборачивается наиболее пугающий из демонов, Велиал.

Гордыня здесь видна. — Гордыня — второй важный мотив отпадения Ангелов.

⁴⁹ *Я сторону принять не в силах здесь ничью.* — Хотя Вельзевул и окажется вскоре одним из вождей восстания, здесь уместно вспомнить о дантовских ангелах в первом круге ада, не взявших во время небесной битвы ни сторону Бога, ни сторону Люцифера. То, что такая реплика вложена в уста

едва ли не самого отрицательного из всех персонажей трилогии, — еще одно доказательство того, что Вондел считал нейтральную позицию чистой демагогией. Об этом он многократно писал в своих сатирах (см. «Скребница», «Гарпун» и т. д.).

- ⁵⁰ *На власть виновную.* — Вельзевул коварно подменяет словосочетание «власть верховную», явно не оставляя надежды перевербовать на сторону мятежников даже и Михаила, а если не выйдет — хотя бышний раз напомнить люциферистам о «виновности» власти.
- ⁵¹ *В защиту прав святых...* — Демонстративное кощунство люциферистов. См. об этом подробнее в статье Н. И. Балашова, наст. изд., с. 419.
- ⁵² *Равно клянемся вам, Господь и Люцифер.* — То же в ст. 1450 — клятва, которую произносят отпавшие Ангелы и которую они повторяют в IV действии («чтоб ни один не смел отречься малOVER»), по всей вероятности, заимствована из апокрифической «Книги Еноха» (VI, 1—6): «И Шемихазай, вождь их, сказал: „Боюсь, что вы не посмеете этого сделать, и я один буду повинен в великом грехе“. И сказали Ангелы: „Поклянемся великой клятвой, что сделаем то и не отступим“. Правда, в «Книге Еноха» Ангелы собираются не воевать с Богом, а всего лишь сойти с Небес и «познать» земных дочерей; см. примеч. 38 к ст. 454 «Ноя», где Вондел от этого апокрифа отмежевывается.
- ⁵³ *Властолюбие порушит.* — Мотив властолюбия целиком совпадает у Вондела с мотивом зависти — первой причины восстания Ангелов.
- ⁵⁴ *На грани молнии принесена тобой...* — Как и в примеч. 42 к ст. 308 данной трагедии, обращаем внимание читателя на резкую «материализацию» небесных предметов у Вондела: Михаил приносит клятву «на грани молнии». В чисто барочных образах Вондел достигает здесь вершин своего поэтического мастерства.
- ⁵⁵ *Считай, что третья часть прижмнула к нам бойцов...* — Откровение, XII, 4.
- ⁵⁶ *Ты лучшей воссиял среди Господних роз...* — Изложение цитаты из Книги пророка Иезекииля,

- второго из важнейших ветхозаветных источников легенды о Люцифере.
- ⁵⁷ *Что в сердце ты речешь...* — У пророка Исайи (XIV, 13): «А говорил в сердце своем»; основополагающая цитата снова и снова варьируется Вонделом, но каждый раз в новом аспекте.
- ⁵⁸ *Твоя, Архангел, рать погибнет от гордыни!* — Здесь впервые в тексте драмы Люцифер назван Архангелом.
- ⁵⁹ *...чем угрожал коварный лунный серп...* — По Вонделу, Люцифер выстраивает свои войска в форме полумесяца. Основным политическим противником Священной Римской Империи (императору которой Вондел посвятил драму) была Османская Империя, и здесь прочитывается еще один возможный прототип Люцифера как собирательного образа — Ислам, как-никак отколовшийся в свое время именно от христианства; не исключено, что именно этим и объясняется «коранический» мотив отпадения Люцифера.
- ⁶⁰ *Был треугольником наш грозный сонм построен...* — Строй войск Михаила — треугольный, намек на христианскую Троицу, в противоположность дьявольскому (и исламскому) полумесяцу: Ислам настойчиво повторяет, что пророк Магомет получил от Бога подтверждение лживости христианского догмата Троицы.
Безбожный Орион — Орион, Гидра, Медведицы — Вондел дает демонам имена созвездий.
- ⁶² *Собою семь зверей явил одновременно...* — Превращение Люцифера символизирует в семи зверях — семь смертных грехов.
- ⁶³ *Кто Божья облика не зрит во человеке.* — По мнению ряда специалистов, сюжет и действие собственно «Люцифера» здесь заканчиваются, здесь же исчерпывается разработка материала, почерпнутого Вонделом из вступительного монолога Сатаны в «Адаме изгнанном» Гроция. Не следует забывать, однако, что, отсылая еще в самом начале действия Аполлиона составить доклад об Эдеме, Люцифер проявил интерес именно к человеку — к объекту его последующих происков. Таким образом, вместе

с падением Ангелов тема для Вондела еще далеко не была исчерпана. Однако шестидесятисемилетний поэт, видимо, не был уверен, что ему хватит сил написать еще одну трагедию, поэтому весь дальнейший текст в «Люцифере» представляет собою конспект будущей драмы «Адам в изгнании», где те же самые события развернутся в широкое сценическое полотно.

- ⁶⁴ *Ты, кто не укротил, но лишь осилил нас!* — Ср. в I песни «Потеряного рая» Мильтона слова Сатаны:

... пройдя

Горнило битв, не ослабели мы,
Но закалились и теперь верней
Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложит Тирана,
Который нынче, празднуя триумф,
Ликует в небесах самодержавно!

Ср. также со вступительным монологом Люцифера в «Адаме в изгнании» (наст. изд., с. 122) и со вступительным монологом Сатаны в «Адаме изгнанном» Гроция (наст. изд., с. 339).

- ⁶⁵ *Так молвит Люцифер, и Велиала шлет...* — Люцифер в написанной спустя десять лет второй части трилогии пошлет совращать человеческую чету не Велиала, а Асмодея, «демона противобрачия», лишь тот уже, в свою очередь, пошлет своего оруженосца Велпала; одобрение по поводу удачного совращения от Люцифера тоже целиком достанется Асмодею. Между тем в рассказе Гавриила нет противоречия с дальнейшим текстом: в конечном счете, Гавриил лишь не сообщает Ангелам о посредничестве Асмодея, в остальном его рассказ точно следует будущему тексту «Адама в изгнании».
- ⁶⁶ *Им предстает Господь...* — по Библии, в этот момент Адаму и Еве действительно является сам Бог; по Гроцию — над сценой звучит «Глас Божий». См. выше, примеч. к имени «Урриил».
- ⁶⁷ *Озия... Азария... Македа* (п. далее до ст. 1265). Все три имени встречаются в Библии, но не как

имена Ангелов. Почему Вондел назвал именно эти три имени — по сей день остается причиной споров в нидерландистике. Ключ к пониманию, возможно, содержится все в той же пекапопической «Книге Товита», где Рафаил говорит о себе: «Я — Азария, сын Анания Великого». Если Азария — просто второе имя Рафаила, то, возможно, Озия и Македа — просто вторые имена прочих главных Архангелов (Гавриила и Уриила).

АДАМ В ИЗГНАНИИ

Prima malorum causa. — Первопричина всех бедствий (лат.)

...оное пред-ставление... не от ставниц... — Попытка в переводе передать игру слов, разбираемую Вонделом по-нидерландски; он сопоставляет слова *toneel* и *tonneel*.

³ *O pueri, fugite hinc...* — Вергилий. Буколики, III, ст. 93: «Прочь убегайте; в траве — змея холодная скрыта!» (пер. С. В. Шервинского).

...годох Спасения... — «Получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Иисусе Христе» (К Римлянам, III, 24).

⁵ «То, что есть человек над делами рук Твоих». — Псалтирь, VIII, 5—7.

⁶ «Но человек ... которые погибают». — Псалтирь, XLVIII, 13.

«Бог сотворил .. во многие помыслы». — Разночтение в тексте Библии. Все нидерландские комментаторы указывают: Экклезиаст, XVII, 1—3. Между тем в известном нам тексте «Книги Экклезиаста» только двенадцать глав. Буквально приводимая Вонделом фраза должна была бы звучать так: «Бог создал человека из земли и облачил его в добродетель». Нами принят текст из «Книги Экклезиаста» (VII, 26) как единственный напоминающий тот, что приводит Вондел.

⁸ ...изранили и ушли... — Начало притчи о добром самарянине (От Луки, X, 30).

- ⁹ *Иоанн Златоуст* — (Хризостом) (ок. 347—407), один из главных отцов церкви.
- ¹⁰ *Св. Амвросий* — Амвросий Медиоланский (Миланский) (340—397), также один из главных отцов церкви.
- ¹¹ ... не в брачную одежду... — От Матфея, XXII, 11.
- ¹² ... блудный сын... — «А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его» (От Луки, XV, 22).
- ¹³ «... Иисуса Христа». — К Римлянам, XIII, 14.
- ¹⁴ «... не оказаться нагими»... — 2-е Коринфянам, V, 3.
- ¹⁵ «... но облечься». — 2-е Коринфянам, V, 4.
- ¹⁶ ... облаченной в солнце... — Откровение, XII, 1.
- ¹⁷ ... праведность Святых. — Откровение, XIX, 14.
- ¹⁸ «... срамота наготы твоей». — Откровение, III, 18.
- ¹⁹ «... золотыми поясами». — Откровение, XV, 6.
- ²⁰ «... праведность святых». — Откровение, XIX, 7—8.
- ²¹ *Григорий Великий*. — См. выше, примеч. 15 к «Люциферу».
- ²² ... *Сатана в этом*... — Обратим внимание, что в тексте «Адама в изгнании» (как и вообще в поэтическом тексте трилогии) данный персонаж не носит этого имени. Сохранившийся одноактный памфлет «Ответ Адама» (кальвинистская пародия на трагедию Вондела, написанная художником Яном Питерсом), будучи произведением вполне ничтожным поэтически (хотя оно и переиздано ван Леннепом в тридцатитомном Вонделе в виде приложения), справедливо обвинял Вондела в том, что он запутался в своей собственной теологии.
- ²³ *И открылись глаза ... себе опоясания*. — Бытие, III, 7. Вондел традиционно считает автором первых пяти книг Библии Моисея.
- ²⁴ ... *писал некогда господин Фоссий*... — Герард Иоанн Фоссий (1577—1649), выдающийся нидерландский ученый, эллинист и латинист, в частности, автор «Истории пелагианства» (на латыни), из которого труда извлечены Вонделом едва ли не все используемые им сведения по пелагианству.
- ²⁵ «... в нем все согрешили». — К Римлянам, V, 12.
- ²⁶ «... подверглись смерти многие». — К Римлянам, V, 15.

- ²⁷ «... чадами гнева»... — К Ефессянам, II, 3.
- ²⁸ *Пелагий* (ум. ок. 418 г. в Палестине) — монах, шотландец, основатель учения, по которому грех, совершенный Адамом, не обязательно делал человека греховным от рождения; согласно Пелагию, новорожденные младенцы и до пришествия Христа были безгрешны; Пелагий считал как грех, так и очищение от греха личным делом каждого человека и полагал, что каждый может достигнуть состояния блаженства собственными силами. Вслед за Фоссием Вондел сильно преувеличивает еретичность учения Пелагия. С уважением относясь к жившему двумя столетиями раньше Пелагия Оригену (см. примеч. к «Ною», с. 528 наст. изд.), Вондел не обращает внимания на тезис о свободе произволения души, сформулированный Оригеном в трактате «О началах» (кн. 2, гл. III): «Коль скоро верно, что души управляются свободой произволения и как свое совершенствование, так и свое падение производят силою своей воли». Однако Оригена Вондел воспринимал через призму смягченного латинского перевода Руфина (издателем которого перед самой своей смертью в 1536 г. стал вышний для Вондела авторитет — Эразм Роттердамский); о том, что в 543 г. церковь причислила последователей Оригена к еретикам, Вондел тактично нигде не упоминает. Напротив, осужденный как ересь в 431 г. на Эфесском соборе пелагианизм Вондел — вслед за Фоссием — клеймит со всей беспощадностью.
- ²⁹ *Св. Иероним* (347—420) — один из «латинских» отцов церкви, автор латинского перевода Библии, так называемой «Вульгаты», из которой как раз и взято самое слово «Люцифер».
- ³⁰ «... не может войти в царство Божие». — От Иоанна, III, 5.
- ³¹ *Винсент Леринский* (V в.) — монах одного из провинциальных монастырей, писатель-теолог.
- ³² «Без меня не можете делать ничего». — От Иоанна, XV, 5.
- ³³ «... по своему благоволению». — К Филиппийцам, II, 13.

- ³⁴ «... в минуту бы одну / Сумел бы я настичь Адама и жену». — Вондел вкладывает в монолог Люцифера аргументы Пелагия.
- ³⁵ ... из черной глины плоть живу ю... — Древнееврейское «адам» созвучно древнееврейскому же «адама» — «прах земной», или же «красно-коричневая глина».
- ³⁶ ... свободной воли дар живой. — Эти слова Вондел адресует уже не читателю драмы, а зрителю, для которого вся сложная теологическая аргументация предисловия к драме должна остаться «за сценой».
- ³⁷ *Людской обогащая род* (и далее до ст. 178) — Бытие, II, 15.
- ³⁸ «Ты над Эдемом, как из рога». — В нидерландском литературоведении принято считать, что здесь Вондел придает Богу атрибут Фортуны — рог изобилия.
- ³⁹ *Мир до создания природы* (и далее до ст. 298). — Шесть хоров, заключающие I действие, соответствуют шести дням творения. Любопытно сравнить поэтику Вондела с почти единственным образцом подобной поэзии в русской литературе — с поэмой «Мироздание» (1837) незаслуженно забытого поэта пушкинской поры В. И. Соколовского. Любопытно также отметить, что цензором «Мироздания» представлен П. А. Корсаков — первый русский нидерландист, без сомнения, знакомый с драмой Вондела и Вондела переводивший. Если и нельзя с уверенностью сказать, что Вондел оказал влияние на Соколовского, то нет сомнения, что цензуровавший «Мироздание» П. А. Корсаков этих совпадений не заметить не мог. См. также в книге Корсакова «Опыт нидерландской антологии» (СПб., 1844) примечание к оде Рейнвиса Фейта «Бог», где Корсаков прослеживает параллелизм в разработке тем у Фейта и Державина.
- ⁴⁰ *Сардоникс, бирюза, бдолах, пироп, алмаз!* — Бдолах — камень (см. «Люцифер», ст. 66).
- ⁴¹ *Зрю: там единорог...* — Образ единорога (ср. также стихи 1072—1081), мифического зверя, повинующегося невинным девам и обезвреживающего своим рогом яды, в нидерландской поэзии традиционен и

широко разработан в творчестве великого поэта позднего Средневековья Якоба ван Марланта (ок. 1235—ок. 1300).

- ⁴² *О светлый Рафаил, ты семикраты благ.* — См. примеч. к имени «Уриил».
- ⁴³ *Адам прозванья дал спешащим к водопою.* — «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы как человек наречет всякую душу живую, так и было имя ей» (Бытие, II, 19).
- ⁴⁴ *связал тебя с ребром.* — «Ребром» и ангелы и демоны как в первой части трилогии, так и во второй настойчиво называют Еву, подчеркивая подчиненность женщины мужчине и зависимость от него. В пьесах Вондела женских персонажей абсолютное меньшинство; женские роли на сцене «Схаубурга» в XVII в. исполняли мужчины; в современных постановках, напротив, часть «ангельских» ролей передоверяется женщинам.
- ⁴⁵ *На кой белые одежды.* — Любопытно обратить внимание на то, сколь много места уделяет Вондел вопросу об одеждах в Эдеме — и в прозаическом предисловии к драме, и здесь, где этому предмету посвящены хоры целого действия. Вондел настойчиво оправдывается за свое нарушение «буквы» священного писания, по которой персонажам полагалось бы быть нагими. — что, естественно, сделало бы невозможным сценическое действие. Оставить же противоречие неразрешенным Вонделу не позволяли классицистические каноны.
- ⁴⁶ *Все, что касаето крылом нетопыря.* — В живописи северного Ренессанса (у Босха, к примеру) демоны часто изображались с крыльями летучей мыши. *Вовеки маскарад на свадьбах будь в чести.* — Свадебный маскарад был в Нидерландах XVII в. традицией, он описан самим Вонделом в связи со свадьбой П. К. Хофта и Элеоноры Хеллеманс («Свадебное ложе», одноактная пьеса, 1627).
- ⁴⁸ *Лишь оборов врагов.* — Ср. ст. 645 «Люцифера». Ответ Асмодея, «осаживающего» не в меру разошедшегося Велиала. — лишний намек на подчинен-

- ность функций последнего, на его недалекость.
- ⁴⁹ *Мы во славу Божию пляшем* и далее до ст. 929 — Хоры III действия (кроме первой их части) построены так, что на сцене, по мысли Вондела (как это и делается при постановке «Адама в изгнании» по сей день) идут свадебные танцы, во время которых Адам танцует, изображая Солнце, Ева — Луну. Как и в прочих местах, Вондел строго придерживается птолемеевой системы мироздания.
- ⁵⁰ *Подстенья все горит в камень дорогом...* — (и далее до ст. 995) — Адам и Ева довольно точно пересказывают описание «небесного града» из Откровения (гл. XXI).
Князья, старейшины, царицы, героини. — Старейшины здесь — патриархи (т. е. Авраам, Исаак, Иаков).
- ⁵² *От древа-феникса...* — Традиционное нидерландское толкование этого места: от древа, столь же уникального среди иных деревьев, как птица феникс уникальна среди иных птиц.
- ⁵³ *Сей плод затем тебе не даден...* — Бытие, III, 5.
- ⁵⁴ *Что пользы в ангельском строю.* — В хорах IV действия снова можно проследить параллельные места с «Мирозданием» В. И. Соколовского (см. выше, примеч. 39) — на этот раз с эпизодом упомянутой поэмы.
- ⁵⁵ *Фанфары сильные триумф отмечают твой...* — В картинах «адского триумфа», где фигурируют «сильные фанфары», «пожухлые гирлянды» и т. д., Вондел вплотную подходит к чрезвычайно натуралистическому описанию Ада, развертываемому Мильтоном в «Потерянном рае». Однако нужно отметить, что влияние «Адама в изгнании» на Мильтона, как справедливо доказал Дж. Эдмундсон, значительно меньше, чем влияние «Люцифера» и поэмы «Иоани Креститель», хотя и оно прослежено Эдмундсоном с достаточной достоверностью.
- ⁵⁶ *Им разложи постель...* — Здесь прямо излагается история будущего препятствования Асмодея браку Сарры («Книга Товита»).
- ⁵⁷ *За шестьдесят веков...* — Приблизительно столько (немногим менее 57 веков), по условному церков-

- ному счету, прошло от «сотворения мира» до времени, когда Вондел создавал «Адама в изгнании».
- ⁵⁸ *Увы, не оправдал надежды человек.* — «И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце своем» (Бытие, VI, 6).
- ⁵⁹ *Иль воспреищенный плод привлек твои уста?* — Бытие, III, 11.
- ⁶⁰ *Меж семенем твоим и семенем жены...* — Кроме прямой цитации текста Книги Бытия (III, 15), здесь содержится намек на противоборство между Христом («семенем жены») и дьяволом (змеем).

«НОИ»

- ¹ *Tantaene animis caelestibus irae:* — «Неужель небожителей гнев так упорен?» («Энеида», гл. 1, ст. 11; пер. С. А. Ошерова).
- ² *...ангелов на заточение.* — II Посл. Петра, II, 4.
- ³ *...и адамовых потомков.* — К Римлянам, 5, 14, I Коринфянам, XV, 22; 45.
- ⁴ *...во времена Ноя...* — «И если не пощадил мира, но в восьми душах сохранил семейство Ноя, проповедника правды, когда навел потоп на мир нечестивых». (I Посл. Петра, III, 20; II Посл. Петра, II, 5). «Посол раскаяния» нидерландского текста Библии как раз соответствует «проповеднику правды» русского текста. Именно из этих строк выведен Вонделом мотив «гибели первого мира», давший условное наименование всей трилогии. «Послом раскаяния» (или же «проповедником правды») называется в одноименной поэме Вондел Иоанна Предтечу.
- ⁵ *...и не истребил всех.* — От Матфея, XXIV, 37—39.
- ⁶ *...не истребится более потопом.* — Книга Иисуса, сына Сирахова, XLIV, 16—18. Данная книга не входит в число канонических книг Библии, в католических изданиях Библии не публикуется. Православная церковь сохраняет эту книгу в составе своей версии Библии как неканоническую.
- ⁷ *...праведности по вере.* — Посл. к Евреям, XI, 7.
- ⁸ *...о Девкалионе.* — Овидий. Метаморфозы, кн. I, ст. 244—415.

- ⁹ ... *пристал ковчег*... — Иосиф Флавий. Иудейские древности, кн. I, гл. 3.
- ¹⁰ *Анобатерион*. — Т. е. по-гречески буквально «гора причала» Ноева ковчега; чаще всего так именовали Арарат.
- Берос* (IV—III вв. до н. э.) — халдейский историк, писавший по-гречески.
- ¹² *Нин* — легендарный основатель ассирийского царства.
- ¹³ *Филон Александрийский* (ок. 25 г. до н. э.—ок. 50 г.) — философ, пытавшийся синкретизировать библейские тексты с античными философскими и естественнонаучными течениями.
- ¹⁴ *Николай Дамаскин* — ученый, живший во времена Августа и пользовавшийся покровительством последнего (как, впрочем, и Ирода). Перипатетик, написавший, среди прочего, историю Ассирии. От его сочинений остались только фрагменты, изданные в 1634 г.
- ¹⁵ *Плутарх* — издатель тридцатитомного Вондела ван Леннеп справедливо пишет, что «подобного места у Плутарха найти не удалось».
- ¹⁶ .. *автор пророчеств Сивиллы*... — Имеется в виду известный сохранившийся апокриф (ок. I в. до н. э.), с древними «книгами Сивилл», видимо, не имеющих ничего общего.
- Маркион* (II в.) — один из родоначальников гностицизма в христианстве, едва ли не самый анафематствуемый раннехристианский ересиарх.
- ¹⁸ *Ориген* (185—254) — один из первых и наиболее оригинальных христианских богословов (см. примеч. 28 на с. 523 наст. изд.). Вондел причисляет его к «древним отцам» — т. е. к «отцам церкви», едва ли не умышленно оставляя в забвении тот факт, что Ориген церковью не только не был канонизирован, как прочие «отцы церкви», но и самое его учение было признано ересью, главным образом его доктрина «Апокатастасиса» (см. примеч. к имени «Рафаил»). Образ Оригена многократно привлекал внимание западноевропейских и американских писателей (аргентинца Х. Л. Борхеса, немца Х. Э. Хольтузена) в XX в. Его обширное творчество плохо

сохранилось, по то, что осталось — прежде всего трактаты «О началах» и «Против Цельса», — служит объектом пристального внимания в науке по сей день.

- ¹⁹ *Кирилл* — св. архиепископ Александрийский, обличитель императора Юлиана Отступника и антропоморфитов.
- ²⁰ *Абиден*, или Палефест из Абидоса — ученик Аристотеля, писатель-историк. Возможно, правда, что здесь имеется в виду другой Абиден, упоминаемый Евсевием, написавший ассирийскую и халдейскую истории.
- ²¹ *Александр Полигистор* — греческий ученый, живший во времена Суллы, написавший ряд исторических, философских и художественных произведений; среди них была и «История Евреев», неоднократно цитируемая Кириллом, Евсевием и Климентом Александрийским.
- ²² *Епифаний* — кто здесь имеется в виду, неясно. Существовал епископ Кипра (IV в.), канонизованный, оставивший некоторое количество писаний; существовал также ученый V в., который по просьбе Кассодора перевел на латынь истории, написанные Теодоретом, Сократом и Сосомепоном и свел все три в одну. Возможно также, что имеется в виду св. архиепископ Саламинский (ок. 310—403).
- ²³ *Пирра* — так называет жену Девкалиона Овидий в «Метаморфозах» (напомним, что Вонделу принадлежит их полный перевод александрицами на нидерландский язык). Свидетельства Диодора Сицилийского и Плиния Старшего приведены здесь явно для пущей убедительности.
- ²⁴ *Лукиан* из Самосаты (ок. 120—ум. после 180) — знаменитый греческий писатель, известный, в частности, едва ли не самой ранней сатирой на христиан.
- ²⁵ *Их не изложет червь, неспешный древоед...* Древесина ливанского кедра не точится червем, отчего считалась в древности драгоценным строительным материалом.

- ²⁶ *Столетний груд спасти возьмется без успеха...* — Согласно Библии, Ной получил предупреждение от Бога о потопе лишь за семь дней до него, построил ковчег и закончил все приготовления. Однако, согласно церковному преданию (не Библии), на постройку ковчега «из дерева Гофер» у Ноя ушло как раз то столетие, которое лежит между рождением его сыновей Сима, Хама и Иафета (Бытие, V, 32), когда Ною было 500 лет, и временем пришествия потопа, когда ему исполнилось 600 (Бытие, VII, 6).
- ²⁷ *В Адамовом саду стояли мы биваком.* — См. примеч. к имени «Аполлион»; ср. ст. 112 «Адама в изгнании».
- ²⁸ *...сей не менялся край. / Да, он преображен, но не разрушен грубо...* — Прямое указание на то, что город Исполинов расположен именно там, где некогда находился Эдем, и прежний «рай земной» стал «раем любострастия» — подчеркнуто восточным вариантом рая. Поскольку гора Арарат и весь Кавказ для Вондела находились где-то далеко в магометанских краях, вся концепция «Ноя» может рассматриваться как выпад против Ислама.
- ²⁹ *В сей ежегодно день великий князь Востока — и к ст. 90: Многоразвратного величье чья двора...* — «князь Востока» и его «многоразвратный двор», помимо прямого значения, а также помимо несомненного выпада против Османской империи, видимо, должны рассматриваться еще и как инвектива двору английского монарха Карла II (ср. ст. 989—997, где выпад еще резче): с января 1665 г. Англия и Голландия находились в состоянии войны. В исламском многоженстве Вондей видел залог грядущего поражения Ислама, в развратности английского двора — залог поражения Англии как империи.
- ³⁰ *И с Сифом рядом...* — Сиф — сын Адама, родившийся после смерти Авеля, праотец целого поколения праведников (Бытие, IV, 25).
- ³¹ *Встревожилась душа Еноха...* — Заметим, что еще в раннем произведении Вондела, цикле «Ветхозаветные герои» (ок. 1620), имеются главы, посвя-

ценные будущим героям драматической трилогии: «Адам, отец отцов», «Ной, первый шкипер». Там же помещена глава о праведнике Енохе, не появляющемся на сцене, но занимающем важное место в действии «Ноя». Собственно о Енохе в канонической Библии сказано мало: «И ходил Енох пред Богом, и не стало его, потому что Бог взял его» (Бытие, V, 24), а также сообщено, что Енох — отец Мафусаила, отца Ламеха, отца Ноя — т. е. прадед Ноя (Бытие, V, 18—24). Вся история взятия Еноха живым на небо восходит не к Библии, а к церковному преданию и содержит в себе несомненные элементы гностицизма.

- ³² *Дремли безгрешно, челове...* (и далее до ст. 204). — Согласно упоминавшейся апокрифической «Книге Еноха», Енох должен возвратиться на землю перед вторым пришествием Христа. В каноническом тексте Библии на этот счет есть лишь указание Апокалипсиса (о «двух свидетелях» — Откровение, IX, 3), но там Енох по имени не назван. Церковная традиция считает этими двумя свидетелями двух праведников, взятых живыми на небо: Еноха и Илию.
- ³³ *Три сотни здесь в длину, и тридцать в ширину, / Полсотни — в высоту.* — Вондел, намеренно или случайно, меняет местами размеры ширины и высоты ковчега, приведенные в Библии (Бытие, VI, 15: «Широта его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей»). В 1609 г. богатый голландский мейнунит Питер Янсен выстроил модель ковчега «в натуральную величину»; есть основания думать, что Вондел видел это сооружение своими глазами.
- ³⁴ *Птиц и животных Ной туда собрал по паре.* — В Библии в одном месте содержится указание на «семь пар чистого и одну пару нечистого скота» (Бытие, VII, 2), в других местах — на «всякого скота по одной паре» (Бытие, VI, 19; VII, 8—9). Во избежание разночтений Вондел никаких чисел не называет.
- ³⁵ *Блеск виден вокруг чела...* — Вондел придает Ною пимб, атрибут, уже несомненно взятый из арсенала христианской живописи.

- ³⁶ *Неомовенные свои явя стопы.* — Это место вызывает у нидерландских комментаторов различные мнения. Согласно одним, «неомовение» есть в данном случае средневековый способ умножения «святости», согласно другим — это показатель неуважения Зодчего к Нюю. Алберт Вервей приводит совершенно оригинальное толкование: «Якоб ван Лой сказал мне однажды: «Крестьяне моют ноги неохотно. „Это расслабляет“, — говорят они» (примечание Вервея в тексте издания Вондела 1937 г., которое положено в основу настоящего перевода, с. 579). Якоб ван Лой (1855—1930) — нидерландский поэт.
- ³⁷ *К моим прислушайтесь, несчастные, словам...* (и далее до ст. 428). — Весь смысл проповеди Ноя укладывается в слова Христа, приводимые в Евангелии от Луки: «Если не покаетесь, все так же погибнете» (XIII, 3).
- ³⁸ *Мы много слышали...* (и далее до ст. 465). — Слова Ахимана и ответ, который дает на них Ной (Ахиман почти дословно цитирует начало VI гл. Книги Бытия) более чем неожиданны для католика Вондела. Ной в своем ответе чуть ли не дословно цитирует Жана Кальвина, который писал: «Древняя басня о соитии ангелов с женщинами достаточно опровергается своей нелепостью, так что удивляться должно, что ученые люди соблазнились столь грубыми бреднями». Еще более странна в устах Ноя реплика (ст. 464): «С бессмертным смертным совокупить нельзя!» — ибо она прямо противоречит одному из главных догматов католицизма — догмату о непорочном зачатии от Св. Духа и, в конечном счете, противоречит всей первой части настоящей трилогии.
- ³⁹ *Едина жизнь людей и безглагольных тварей...* — Вондел влагает в уста Ахимана формулы эпикурейства.
- ⁴⁰ *Случается гроза осеннюю порою.* (и далее до ст. 683) — Редчайший для Вондела образец лиро-трагического пейзажа, введенного в текст драматического монолога.

- ⁴¹ *Бесплодно сим прельщать сие удел ума.* — См. выше, примеч. 29.
- ⁴² *Твой собственный отец, уже в преклонны лета, / Двух жен себе завел и наплодил сынов.* — Бытие, IV, 19. «И взял себе Ламех две жены, имя одной: Ада, и имя второй: Цялла». В принципе Ной у Вондела имел возможность ответить Урании, что называемый ею Ламех — не его отец (ср. Бытие, IV, 18; V, 25), родословные двух Ламехов различаются. См. об этом в письме к И. Аудану, помещенном после драмы. По всей видимости, Вондел избрал в отцы Ною именно «преступного» Ламеха, дабы Ной имел возможность произнести реплику, содержащуюся в ст. 1009 («Прилично, чтобы сын покрыл отцовский стыд»), придающую его речи дополнительный пророческий смысл, намекающую на поведение его собственных детей после потопа.
- ⁴³ *Проглочены водой, на полтора десятка...* — Бытие, VII, 19—20.
- ⁴⁴ *Ни солнца, ни луны в ковчеге собачья конура.* — Ср. описание корабельного трюма в ст. 159—168 «Похвалы мореходству» (наст. изд., с. 267). Характерно, что еще в «Ветхозаветных героях» Вондел именовал Ною именно «пшикером»; для него, как и для абсолютного большинства нидерландских поэтов, тема моря была одной из важнейших в творчестве.
- ⁴⁵ *И влагу надвое в миру не разделил.* — Интересно сравнить рассуждение Вондела о «верхних водах» с мыслями его русского современника: «Сиречь там (на небе, за хрустальным сводом. — *Е. В.*) половина воды, яко на полатях лежит и николи к нам не сходит, токмо в потоп, при Нои, за грехи людские оттоле спустил Бог: разверзошася хляби небесные и шесть недель вода лила на землю» (из статьи Аввакума «Списание и собрание о Божестве и о твари како созда Бог человека», написанной им в Пустозерске в 1672 г. — пятью годами позже «Ноя», еще при жизни Вондела).
- ⁴⁶ *Словам блаженного Еноха...* — Посл. Иуды, 14—15.
- ⁴⁷ *Не ожидал никто внезапной столь напасти...* и далее до ст. 1522. — Здесь в описании всемирного по-

топа Вондел опирается не на Библию, но почти дословно пересказывает соответственное место из переведенных им на нидерландский язык «Метаморфоз» Овидия (см. Овидий. Метаморфозы, кн. I, ст. 283—312; пер. С. Шервинского).

ПИСЬМО ИОАХИМУ АУДАНУ

Письмо впервые опубликовано А. Д. де Фрисом в 1879 г. и с тех пор печатается непосредственно после текста «Ноя» во всех изданиях. Иоахим Аудан (1628—1692) — нидерландский поэт и драматург «последнего поколения» «Золотого века» нидерландской поэзии, несомненный литературный ученик Вондела, однако по религиозным убеждениям — кальвинист, отсюда и разговор о «различиях в вере», который ведет Вондел в начале письма.

- ¹ ... к труду опочившего... — Имеется в виду «Медя» Яна Васа, умершего накануне (о нем см. подробно в статье В. В. Описа, наст. изд., с. 475).
- ² *Naud equidem tali me dignor honore.* — «Не по праву мне удостоиться такой чести» (лат.).
- ³ *Урания* — см. примеч. к имени «Урания».
- ⁴ *Statuit supra petram pedes meos.* — Букв.: «Поставлю на камне ноги мои» (лат.); в Евангелии от Матфея: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне я создам церковь мою» (От Матфея, XVI, 18); Петр — по-гречески «камень».
- ⁵ *Perdam sapientiam sapientium, et prudentiam prudentium ferro bado.* — «Разрушаю мудрое мудрым и отвержаю знанием знание» (лат.).
- ⁶ «... не пройдут». — От Матфея, XXIV, 28.
- ⁷ «... погубить в геенне». — От Матфея, X, 28.
- ⁸ ... высокоученый труд. — Книга Аудана «Величие Рима» вышла в свет в 1664 г.

ДОПОЛНЕНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА ГЕЗОВ, ИЛИ ОТХОДНАЯ ДЛЯ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ СУДЕЙ

Стихотворение впервые опубликовано в 1631 г. в виде отдельного оттиска. Датировка его написания вызывает затруднения; традиционно оно датируется 1620 г., когда, разумеется, не могло идти и речи о его публикации (Олденбарневелт был казнен 13 мая 1619 г. в Гааге). «Гёзами» в данном случае Вондел издевательски называет кальвинистов (точней, гомаристов, сторонников Маурица Оранского), отправивших Олденбарневелта на эшафот. Вондел изображает их пытающимися «прочсть отходную» прежде, чем сами они предстанут перед судом. Из двадцати четырех судей состоял «трибунал», судивший Олденбарневелта по фальсифицированному обвинению в государственной измене.

ПОХВАЛА МОРЕХОДСТВУ

Ода написана Вонделом в 1620 г. и тогда же издана отдельной книгой. Издателем был известнейший картограф В. Я. Блау (о нем см. ниже). Ода посвящена другу Вондела, Лауренсу Реалу (1583—1637). Помимо упоминаемого в посвящении назначения Реала губернатором Ост-Индии (1611), Лауренс Реал оставил заметный след в литературе; его стихотворения по сей день включаются в антологии нидерландской поэзии; один из первых русских историков нидерландской литературы, В. Р. Зотов, отмечал, что «Лоренц Реал писал веселые песни, отличавшиеся блестящим языком» (История всемирной литературы, т. IV, 1881). Реалу посвящено еще несколько поэтических произведений Вондела, в частности, стихотворное прошение

к Фердинанду II об освобождении Реала из тюрьмы, куда тот попал в конце 1620-х гг.). Пост генерал-губернатора Ост-Индии Реал занимал до 1618 г., в 1620 г. он возвратился в Нидерланды.

Круг мифологии, затрагиваемый одой, весьма узок и за малыми исключениями восходит к мифам древней Греции, — хотя имена богов Вондел употребляет римские.

- ¹ ... *карабкаться по райнам*... — Райпы — реи.
- ² *Тефидой сизмальства*... — Тефида — сестра и супруга «Морского старца» Нереса, мать трех тысяч океанид, из которых одна, Дорида, также упомянута в оде.
- ³ *И пусть Лаврентий*... — Св. Лаврентий, христианский мученик, казненный в 258 г. в Риме, «патрон» Лауренса Реала по имени.
- ⁴ *Язону, Тифию* — Вондел упоминает из всех аргонавтов лишь предводителя похода, Язона, и кормчего «Арго» — Тифию.
... с *Уранией в ладу*... — Урания — муза астрономии.
- ⁶ *Кефис* — река в Фокиде, в Греции. Упоминается в «Метаморфозах» Овидия, в рассказе о Девкалионе, широко использованном в драме «Ной».
- ⁷ *Шпрингов* — косой брус для растягивания паруса.
- ⁸ *Тот — создал галеас, сей — выстроил караку*... — Галеас — название нескольких типов двух- и трехмачтовых кораблей; карака — грузовое (изредка военное) парусное судно.
- ⁹ *Энкхейзен* — стоит возле узкого пролива, ныне перекрытого дамбой, ведущего во «внутреннее море» Нидерландов, т. е. залив Зейдер-зе.
- ¹⁰ *Он звался ван дер Скуп*... — Вся история паромщика ван дер Скупа целиком вымышлена Вонделом.
- ¹¹ *Шпангоуты* — поперечные ребра корпуса судна.
- ¹² *Противостая богам*... — Согласно мифам, после битвы с титанами Зевс (Юпитер) сверг титанов в Тартар и придавил их Этной — действующим вулканом в Сицилии.

- ¹³ *За Схевелинг ваш флот.* — Схевелинг (совр. Схевенинген) приморское предместье Гааги. «За Схевелинг» — букв. «в открытое море».
- ¹⁴ *Дорида там живет...* — См. выше, примеч. 2.
- ¹⁵ *Сперва рангоуту черед, а следом — вантам...* — Рангоут — мачты, реи, стеньги, т. е. всякое дерево на корабле, служащее для постановки паруса; ванты — снасти судового стоячего такелажа, раскрепляющие к бортам мачты, стеньги и т. д.
- ¹⁶ *Растет над марсом марс...* — марсы — площадки, накладываемые на продольные брусы, прикрепляемые к мачтам и стеньгам.
... *глядит с высоких стенег!* — Стеньги — верхние продолжения мачт.
- ¹⁸ *Галерея* — кормовая надстройка парусного корабля.
- ¹⁹ *Бигенг* — тумба для намотки якорной цепи.
- ²⁰ *Баталерский отсек; поварню, где всегда...* — Баталер — заведующий раздачей продовольствия на корабле. Поварня — именно так, а не голландским словом «камбуз», называли корабельную кухню в русском флоте времен Петра I, — именно благодаря Петру решительно вся русская морская терминология заимствована из нидерландского языка.
- ²¹ *Готлинг* — легкая литая пушка.
- ²² *Картаул* — тяжелое сорокавосьмифунтовое орудие.
- ²³ *Безумец как нырнешь...* и далее до ст. 164 — ср. описание корабельного трюма в репликах Хама в IV акте драмы «Ной».
- ²⁴ *Вот — полномочный клерк...* — т. е. представитель Нидерландской Ост-индской компании.
Примаж — специальная доплата за заботу о сохранности груза.
... *пригитерсный работник...* — т. е. юнга, в обязанности которого входит обращение с гитерсом — специальной лейкой для увлажнения паруса (главным образом на шлюпках).
Профос — офицер военной полиции, надзиратель и одновременно экзекутор, при необходимости — палач (отсюда русское «прохвост»).
- ²⁸ *Привезят на нок-рей, насильственно купая.* — Вид наказания, при котором пытаемого привязывали к рею на каюте, подтягивали вверх, отпуская, сбрасывая...

- сывали в воду, потом процедуру повторяли до назначенного количества раз; во флоте Петра I, к примеру, применялось как наказание к тем, «кто на вахте спящим найден будет».
- ²⁹ *Под килем проведут...* — Другой вид наказания, более жестокий и часто смертельный (подробно описан в романе С. В. Шервинского «Ост-Индия». М., 1934).
- ³⁰ *Кулеврины* — самые длинные орудия среднего калибра.
- ³¹ *Констапель* — унтер-офицер морской артиллерии.
- ³² *... не высветит Фарос...* — Фаросский маяк возле Александрии, одно из «семи чудес света».
- ³³ *... «собачьей вахты» час...* — Матросское название вахты с 0 до 4 часов пополуночи.
- ³⁴ *Палинур* — кормчий Энея.
- ³⁵ *... ослабив грота-шкот...* — шкоты — снасти, которыми растягиваются нижние углы паруса.
- ³⁶ *Зефира Эвр на бой, безумствуя, воет, / Точит слезу Борей, Рыдает грозный Нот.* — Здесь поименно названы четыре главных ветра греческой розы ветров.
- ³⁷ *Прибой, обрушившись на Сирты...* — Собственно Сиртов существует два, Большой и Малый, заливы у берегов Ливии. Здесь — просто синонимы залива. В описании бури Вондел во многом использует то, которое содержится в первой песни «Энеиды» Вергилия; напомним также, что именно ко времени написания «Похвалы мореходству» Вондел закончил изучение латыни.
- ³⁸ *Эола истерзав...* — Эол — отец всех ветров, в том числе и перечисленных выше; просто — бог ветров.
- ³⁹ *И мнит ся — сам Нерей...* — См. выше, примеч. 2.
- ⁴⁰ *Умеет Тифий мой...* — см. выше, примеч. 4.
- ⁴¹ *Протей* — морское божество, подобное Нерей, «морскому старцу», главным атрибутом его считается способность принимать любой облик и скрывать свой истинный.
- ⁴² *Кавр* — северо-западный ветер, сравнительно редко упоминаемый; греческий эквивалент имени не сохранился («Кавр», он же «Кор» — имя римское).
- ⁴³ *Измученная снасть дымит от перегрева...* — и далее до ст. 328. — Надо полагать, здесь перед нами

единственный в европейской поэзии образец илло-
женной александринами... противопожарной ин-
струкции, точнее, инструкции по невозгоранию
свасти.

- ⁴⁴ *Пенфесилея* — убитая Ахиллом царица Амазонок.
⁴⁵ *Атриды* — Менелай и Агамемнон.
⁴⁶ ... *по Кеику скорбя, / У Алкионы*... — Кеик и Ал-
киона — фессалийский царь и его жена, превра-
щенные богами в чаек.
⁴⁷ *Брасопить* — поворачивать рей в горизонтальном
положении.
⁴⁸ *Лилея целится*... — Стрелка компаса имела в XVII в.
форму лилии.
... *насколько небосвод*... — Здесь подробно описыва-
ется современный Вонделу способ измерения геогра-
фической широты с помощью астролябии.
⁵⁰ *Павлина отыскать*... *лебяжье крыло*. — Павлин,
Возничий, Лебедь — созвездия Южного полушария.
⁵¹ *Гиппарх, Анаксимандр* — великие астрономы древ-
ности.
⁵² *Здесь Тихо помяну*... — Тихо де Браге (1546—
1601) — знаменитый датский астроном.
⁵³ *Кастор* — один из Диоскуров и одновременно один
из аргонавтов, но здесь скорее всего — одна из
звезд созвездия Близнецов, т. е. опять-таки еще
один «кормчий», указующий дорогу мореходам.
⁵⁴ *Вот ученик его*... — Здесь имеется в виду не на-
званный по имени Виллем Янсон Блау (1571—
1638), амстердамский картограф и издатель, кстати,
непосредственный издатель «Похвалы мореходству».
⁵⁵ ... *на Пафосе загружен*. — Пафос — древний порт
на Кипре.
⁵⁶ *В Партенопейский край*... — Партенопейя — район
современного Неаполя.
⁵⁷ *Восход узрев сто раз, пройти вокруг земли*. — Воп-
дел предвосхищает идею романа Жюль Верна «Во-
круг света в 80 дней».
⁵⁸ ... *лишь крыльями табанят!* — табанить — грести
назад.
⁵⁹ *На них, как на браду*... — Псалтирь, СXXXII, 2.
⁶⁰ *Тессел* (Тексел) — крупнейший остров Западно-
Фризского архипелага.

Примечания

- ⁶¹ *Земля — поблизости...* — Обращаем внимание читателя на чисто барочное построение Вонделовой оды: однажды отплыв, корабль никуда не приплывает, он лишь возвращается из плавания, каковым была сама ода.
- ⁶² *Вот — крепость Мейдена...* — Хофт из следующей строки (вид. «голова», отчего Вондел постоянно обыгрывает фамилию Хофта как «главы» нидерландской поэзии) — собственно П. К. Хофт, глава Мейденского поэтического кружка.
- ⁶³ *Главк* — морское божество, которое Вонделом почитается в качестве бога залива Эй (или в качестве бога Зейдер-зе).
- ⁶⁴ *Беседку Моря зрим.* — Беседка Моря — аллегорическое название Амстердама.
- ⁶⁵ *Двух девочек сюда счастливый рок привел...* — Две девочки — дочери упоминаемого в последних строках оды нидерландского поэта Румера Виссхера (1547—1620), ставшие впоследствии известными поэтессами «Золотого века»: Анна Румер Виссхер и Мария Тесселсхаде.

НА СМЕРТЬ ГОСПОДИНА КОРНЕЛИСА ПИТЕРСОНА ХОФТА

Опубликовано отдельным оттиском в 1626 г., написано, по-видимому, сразу после смерти К. П. Хофта. К. П. Хофт — отец знаменитого поэта, один из политических противников Маурица Оранского и союзник Олденбарневелта.

- ¹ *На клиросе висит свидетельством суровым...* — В восточной части Новой Церкви Амстердама находилась фамильная усыпальница семьи Хофтов.

НОВАЯ ПЕСНЯ РЕЙНТЪЕ-ЛИСА

Опубликовано отдельным оттиском в 1627 г., сразу после написания. Оригинал написан на характерном разговорном амстердамском наречии, чрезвычайно сплечающем обычный «высокий штиль» Вондела. Мелодия стихотворения (т. е. его строфика и размер)

копируют известнейшее стихотворение Г. А. Бредеро «Мужицкая пирушка»; однако Вондел видоизменяет форму записи строфы и вводит дополнительную пару рифм.

«Рейнтъе» (нидерландская форма более привычного русскому слуху имени «Рейнеке») — в данном случае, как и в публикуемых ниже «Развратниках в курятнике», амстердамский обер-бургомистр Рейнир Пау, председательствовавший на суде, приговорившем Олденбарневелта к смерти, один из «двадцати четырех судей», которых на протяжении всей жизни неустанно клеймил Вондел.

Почто, прозвост... — В 1624 г. Пау был снят с должности обер-бургомистра.

² *Надзорщик, глупый малый.* — Надзорщик (он же «Главный Дурень» в «Развратниках в курятнике») — Ян Виллемс Богарт, глава муниципалитета Амстердама, которого в просторечии звали обычно «Глупый Ян».

³ *Рейнтъюля — гэз!* — Гэз, в данном случае, как и в «Молитве гэзов» — контрремонстрант, противник Олденбарневелта. Вондел снова намекает на ренегатское перерождение некогда почетного прозвища «гэз».

РАЗВРАТНИКИ В КУРЯТНИКЕ

Опубликовано отдельным оттиском в 1627 г., как и предыдущее стихотворение, с которым оно связано общими событиями и действующими лицами. «Развратники в курятнике» (буквально — «Роммелпот в курятнике», но в переводе было важно сохранить издательскую рифмованность заголовка) — яркая сатира на взаимоотношения амстердамских проповедников.

В сатире повествуется о том, как проповедник Ханекоп, не пожелавший совместно с прочими проповедниками принять участие в экстремистских действиях кальвинистов против умеренных городских властей, был затравлен своими же собратьями. *Роммелпот* — примитивная пгрушка, музыкальный инстру-

Примечания

мент, состоящий из горшка, затутового бычьим пузырем, дающий не лишнее музыкальности дребезжание, когда пузырь затягивается при помощи приделанной к инструменту тростинки. «Курятник» — Амстердамский церковный совет.

- ¹ *Мартен, друг мой и соратник...* — Март Янс Брандт, издатель трудов контрремонстрантов, — именно он изображен в сатире играющим на роммелпоте, именно он поет песню против своих духовных родичей.
- ² *Нынче Коппену каюк...* — Коппен — проповедник Корцелис Ханекоп.
- ³ *Но отвраген Рыдоглазу...* — Рыдоглаз, он же «Доктор Очанка» (его прозвище, «Очанка», «Огентрост», нид.) обозначает лекарственную траву *Euphrasia officinalis* L., применяемую для лечения глаз и вызывающую сильное слезоотделение; через 20 лет после «Развратников в курятнике» Конст. Хёйгенс напишет «свою известную поэму «Очанка» (1647); здесь: медик Карел Ленартс, яростный обличитель церковного управления Амстердама.
- ⁴ *Чаще плачут крокодилы...* — Точней, «крокодилы», как издевательски пишет Вондел — чучела крокодилов нередко служили вывесками аптек; по имеющимся сведениям, Ленартс также держал аптеку; параллельно, естественно, присутствует намек на «крокодиловы слезы».
- ⁵ *Петушонок Толстолоб...* — Толстолоб — Адриан Смаут, в 1613 г. высланный правительством из Роттердама в Гравезанд за непрерывные склоки; в 1620 г., после торжества гомаристов и казни Олденбарневелта, был приглашен в Амстердам в качестве проповедника.
- ⁶ *Все решился петуху...* — Намек на галльского петуха, геральдический символ Франции.
- ⁷ *Я, свой пыл не уголя, / Обкудасгал короля!* — Смаут, проповедуя в амстердамской Новой Церкви, произнес речь против французского короля Людовика XIII, притеснявшего реформатское богослужение.

- ⁸ *Я хитон с него стащу...* — От Иоанна, XIX, 23.
- ⁹ *Подпевал ему Кулдык...* — Кулдык (т. е. индюк) — проповедник Якоб Тригланд, получивший это прозвище из-за своего опухшего красного лица.
- ¹⁰ *Зловязичный Пивопой.* — Пивопой — Питер Овертс Хюлст, пивовар из Хантье, который в разговоре со знакомым обмолвился, что видел Тригланда на улице, валяющегося пьяным, — после чего Тригланд стал подбивать свою паству к погрому дома пивовара.
- ¹¹ *Сброд погром устроил мизом...* — Сбродом Вондел недвусмысленно называет ту часть городской голытьбы, которая стояла на стороне контрремонстрантов. «Погром» — происшествие, имевшее место 13 апреля 1626 г., когда толпа разграбила и разорила дом в районе Старой Дамбы, где ремонстранты собирались для отправления богослужения.
- ¹² *Древле пал Стефан святой.* — Имеется в виду эпизод из «Деяний апостолов» (VII, 54—60), когда толпа побила камнями проповедника Стефана, а одежду его положила к ногам некоего Савла (будущего апостола Павла).
- ¹³ *Комендант* — Николас Хасселар, майор городских войск, в ответ на угрозу штурма муниципалитета, который собиралась устроить толпа, открыл стрельбу, и двое из предводителей погромщиков были убиты.
- ¹⁴ *Речь взгремела Дудкодуя...* — Дудкодуй — Симон Вердус, ревностный контрремонстрант, получивший свое прозвище не то за горластость, не то за изображение золотого рога, висевшего на воротах его дома.
- ¹⁵ *Тихоплут растил брюшко...* Тихоплут — городской секретарь Баудевейн Кортенхуф, неоднократно избивавший родную мать и лишенный ею за это наследства.
- ¹⁶ *Раздолбать злодея вдрызг.* — Злодея — т. е. коменданта Николаса Хасселара.
- ¹⁷ *Кокотуша* — проповедник Иоханнес Клоппенбург.
- ¹⁸ *Жаднус* — торговец Эрнст ван Бассеп.
- ¹⁹ *Всеж ломбардских петухов.* — Одновременный намерк на породу ломбардских кур и на ростовщичество ван Бассена.

Примечания

- ²⁰ *Вы спихните василиска.* — В данном случае василиск — сказочный зверь, наполовину ядовитый змей, наполовину петух.
- ²¹ *Главный Дурень был взволнован.* — См. примеч. 2 к ст. 36 «Новой песни Рейнтъе-лиса».
- ²² *Зрите, городские стражи...* — Помещение, в котором заседал городской совет Амстердама, находилось в башне старинной ратуши. См. примеч. 23.
- ²³ *Как ликует Толстолоб.* — Смаут требовал в проповедях, чтобы весь городской совет был погружен на корабль и отвезен к Воллендаму (на море) и там утоплен.
- ²⁴ *Марген, певчая макака.* — Март Янс Брандт жил возле входа в Новую Церковь (намек на «певчего» в церкви).
- ²⁵ *Рейнтъе, ведь и ты получишь!* — См. примеч. к заглавию «Новой песни Рейнтъе-лиса».
- ²⁶ *У апостола Петра...* — Изображение Св. Петра с ключами стояло перед складом гостиницы Св. Петра при Гримнесс-плузе. Также намек на роль трижды прокричавшего петуха в «отречении Петра» (От Матфея, XXVI, 75).
Птичья, бывшая вчера, / хуже ли новейшей птички? — Т. е. лучше ли сборище реформистских проповедников, чем господствовавшая «вчера» католическая церковь.

РЕЙН

Дата написания оды сомнительна — традиционно ее относят к 1627 или 1630 г. — в 1630 г. ода была опубликована в первом издании «Географических очерков» В. Я. Блау вместе с картой Рейна. В XX в. ода получила широкую известность благодаря тому, что видный немецкий поэт Рудольф Александер Шрёдер (1878—1962) перевел ее на немецкий язык (пропустив пятую строфу).

¹ Иоганн Волфард ван *Бредероде* (1599—1655) — нидерландский полководец, с 1641 г. генерал-маршал вооруженных сил Свободных Нидерландских Провинций.

- ² *Еще Герцинский лес шумел...* — Герцинский лес — название, данное древними римлянами сплошному лесу, покрывавшему, по их представлениям, все немецкие земли.
- ³ *Тобою, Рейн, о господин...* — Войска Константина Великого, разбившие в 312 г. н. э. войска римского императора Максенция, состояли в основном из частей, отозванных из Германии и Галлии. Константин I Великий (ок. 285—337) — римский император.
- ⁴ *И зорьких слез под властью Друза.* — Друз, Нерон Клавдий (ок. 38 г. до н. э.—I в.), римский полководец, успешно воевавший с германскими племенами; перешел Рейн и дошел до Эльбы.
- ⁵ *Аттила* (ум. 453) — предводитель гуннов, опустошивший Западную Римскую империю.
- ⁶ *Невинной кровью христиан...* — Имеется в виду Св. Урсула и одиннадцать тысяч дев, согласно легенде, убитых гуннами в Кельне — родном городе Вондела. Вопделу принадлежит трагедия «Девы» (1639), где подробно разработан этот сюжет.
- ⁷ *Карл Великий (742—814)* — франкский император из династии Каролингов.
- ⁸ *И создал сад среди теснин.* — Столица Карла Великого, Ахен, центр культуры и просвещения в начале IX в., расположена к западу от Кельна, в предгорьях плато Высокий Фенн.
- ⁹ *Маас, духовный властелин...* — Имеется в виду епископство в Льеже (на Маасе, притоке Рейна), соседствующее с епископством в Кельне (на самом Рейне).
- ¹⁰ *Земли батавов — остров гордый...* — Имеется в виду остров, образуемый в низовьях Рейна реками Ваал, Маас и одним из рукавов Рейна. Остров этот, некогда заселенный племенем батавов, отстоявших хотя бы частично свою независимость от Рима, Вондел традиционно считает колыбелью нидерландской нации.
- ¹¹ *Когда-то к Альбиону в дом...* — Древнее русло Рейна, к XVII в. окончательно затянутое песком, выводило в Северное море рейнские воды возле Катвейк-ан-Зе, т. е. прямо против Великобритании.

Примечания

- «Дом Альбиона» (нид. «Бриттенбург»), кроме того — имя собственное, название древней крепости, находившейся возле Катвейк-ан-Зе; в XVII в. руины крепости еще существовали.
- ¹² *Но ныне Лек и Эйссел, к счастью.* — Лек — один из рукавов Рейна, Эйссел — канал, ответвляющийся от Рейна возле Гента. Во времена Вондела воды Рейна уходили в океан главным образом через них.
- ¹³ *Река мерцающих светил.* — Вондел сравнивает Рейн с млечным путем.
- ¹⁴ *Но как тобой гордится знать.* — В титулах дворянства нередко встречались сочетания наподобие «рейнграф», «пфальцграф ан ден Рейн» и т. д.
- ¹⁵ *Пусть Кельном налюбуюсь я... / Средь суетливости мирской.* — В Кельне родился сам Вондел, в Базеле умер великий нидерландский гуманист Эразм Роттердамский (1469—1536), перед памятью которого Вондел склонялся как перед памятью величайшего из соотечественников.
- ¹⁶ *Ты в Шпейере глядишь на суд...* — С 1513 по 1689 г. в Шпейере располагался верховный суд Священной Римской Империи.
- ¹⁷ *Но как ты в Бингене реवेशь!* — Имеется в виду Бингенский порог Рейна, водопад.
- ¹⁸ *Но горе! Плачу я в беде!* (и далее до ст. 158). — В этой строфе Вондел говорит о событиях религиозной Тридцатилетней войны в Германии (1618—1648).
- ¹⁹ *Пусть освободитель.* — Традиционно предполагается, что речь здесь идет о Фердинанде III; о нем см. примеч. к первым страницам посвящения к «Люциферу», наст. изд., с. 512.
- ²⁰ *Как гордо рейнский Лек вскипит...* — Пожелание Вондела не сбылось, И. В. ван Бредероде умер, оставив после себя только дочерей.
- ²¹ *Вождю Нассауских знамен.* — Т. е. начальнику вооруженных сил Нидерландов.

СКРЕБНИЦА

Традиционно датируется 1630 г., когда было издано в виде отдельного оттиска; однако, возможно, написано двумя годами ранее. «Скребница» — наиболее хрестоматийная среди сатир Вондела (хотя П. К. Хофт, которому она посвящена, ценил «Гарпун» выше).

... *речение Христа*. — «Приближаются ко мне люди устами своими и чтут меня языком, сердце же их далеко отстоит от меня» (От Матфея, XV, 8).

² ... *поваленым гробам*... — От Матфея, XXIII, 27.

³ ... *отец голландских граждан*... — К. П. Хофт, отец поэта П. К. Хофта, которому посвящена сатира. См. также сонет на смерть К. П. Хофта, наст. изд., с. 277 и примеч. к нему.

⁴ *Ценился менее, чем жареная репа*. — Вондел обыгрывает сюжет из древнеримской истории. Когда посланцы самнитов явились к римскому полководцу Манлию Курию Дентату, чтобы предложить ему золото за предательство, он жарил для себя репу на костре и ответил самнитам, что репа ему дороже их золота.

Дни Катилины, дни, сгоревшие в войне... — Под Катилиной здесь следует понимать графа Роберта Лестера, покушавшегося на республиканские свободы в Нидерландах так же, как Катилина покушался на них в древнем Риме.

⁶ *Когда твою главу главарь бесчестил главный*... — Т. е. статхаудер Мауриц Оранский.

... *велеречивцу Нейю*... — В 1607 г. священник Ней (Ян Нейсп) от имени Испании открыл переговоры о перемирии с Нидерландами. Ней умер в 1612 г.

⁸ *Пиратам Дюнкерка*... — т. е. каперам, грабившим голландские суда поблизости от Дюнкерка. Виселицы, на которых оставляли висеть тела пойманных и повешенных каперов, ставились в Волевейке, возле устья Эя.

⁹ *Когда бы жил Катон*... — Катон, Марк Порций (234—149 гг. до н. э.) — римский писатель и государственный деятель, приверженец строгой гражданской морали.

¹⁰ ... *враги опередили*... — Т. е. английские конквенты на море.

В сатире Хейгенса... — Имеется в виду сатира Константейна Хейгенса (1596—1687) «Драгоценная глупость» (1622). Вондел очень рано оцепил несомненную и универсальную гениальность своего младшего современника — поэта, драматурга, композитора, дипломата.

Царит излишество... (и далее до ст. 122) — Непосредственным поводом к написанию «Скробницы» послужил судебный процесс, который велся в 1625—1626 гг. против шести членов роттердамского адмиралтейства. Сущность предъявленного обвинения изложена Вонделом в данных шести строках.

...и шлет врагу товары... — В поставках врагам товаров (сыра и масла) был уличен бывший обер-бургомистр Рейнир Пау (см. о нем примеч. 1 к «Новой песне Рейнтъе-миса» и примеч. 25 к сатире «Развратники в курятнике»).

¹⁴ *Из целых три нашлось...* — Вондел намекает на казнь Олденбарневелта, но по цензурным соображениям оставляет «острую тему» недоговоренной. *На Йориса де Би.* — «Би» — по-нидерландски «пчела»; Йорис де Би (ум. 1628) на протяжении 42 лет был генеральным казначеем Гааги и прославился своей честностью.

ГАРПУН

Стихотворение датируется 1630 г., работа над ним закончена в мае, после чего почти сразу оно было издано отдельным оттиском, где тексту предпосылались эпиграфы из Лукреция, Вергилия и Ювенала. «*Йонкер Ландеслот, господин Фрейбурга*» — лицо вымышленное. Буквальный перевод этого имени — «Йонкер Замок Страны, господин Свободного Города» — иначе говоря, Вондел обращается непосредственно к главе нидерландского правительства, статхаудеру Фредерику Хендрику. В 1630 г., когда был написан «Гарпун», Фредерик Хендрик и правительство Объединенных Провинций обсуждали вопросы церковного самоуправления и веротерпимости в Нидерландах.

... *ваш пастырь, Миротвор...* — Вымышленный Вонделом «добрый проповедник», чуждый жажды марксовской власти.

... *сократить учет пустым потребам...* — В 1628—1629 гг. в Амстердаме имели место беспорядки, из-за которых городские власти, опасаясь мятежа, ввели в городе содержание постоянного военного гарнизона.

По — пастырь Волчегнев... — Антипод «Миротвора», вымышленный Вонделом «сварливый проповедник», сеюший своими делами только вражду.

4 *Сей Кристиан...* — «Пастырь Волчегнев» лицемерно присваивает себе имя, намекающее, что уж он-то христианин.

Здесь принести хвалу ван Схагену пристало... — Речь идет, по всей вероятности, о северонидерландском дворянине Йоане ван Схагене, эвергичном стороннике Олденбарневелта. П. К. Хофт писал в письме от 28 мая 1630 г., что, по его мнению, ван Схаген заслуживает той славы, которую доставил ему Вондел упоминанием в «Гарпуне».

Так Рифмача корил Вильгельм... — «Рифмач» — Петр Датен, нидерландский религиозный деятель, оставивший после себя книгу рифмованных переложений библейских псалмов. Когда Вильгельм Оранский Молчаливый пытался ввести в Нидерландах веротерпимость, Петр Датен поднял против него восстание.

Вот, Фландрия была задета сей чумой... — Восстание Датена затронуло прежде всего Фландрию и привело ее к глубокому экономическому кризису. Об этом Роберт знал и славный Рулевой... — Роберт, граф Лестер, которого Вондел в «Скребнице» нелицеприятно назвал «Катилиной», Рулевой — Олденбарневелт, постоянный герой Вондела. Смысл строки: неустойчивость политического положения из-за религиозных распрей была видна любому политику, обладавшему достаточно широким кругозором, — положительному ли «герою», отрицательному ли.

- ⁹ ... Юнцам — и то плевать / Теперь на королей... — Речь идет о проповеди Адриана Смаута против Людовика XIII (о ней см. примеч. 7 к сатире «Развратники в курятнике»).
- ¹⁰ Я знаю неких Пап... — «Папой» в данном случае «будущий католик» Вондел именует кардинала герцога Ришелье, фактического правителя Франции при Людовике XIII. В 1628 г. Ла-Рошель, последний оплот французских кальвинистов (гугенотов), после затяжной осады была взята войсками Ришелье, и, таким образом, пал последний оплот Реформации во Франции.
- ¹¹ Так Люцифер алкал... — Снова и снова Вондел вводит в свою поэзию образ Люцифера. Здесь перед нами один из наиболее ранних эскизов будущей драматической трилогии.

ОЛИВКОВАЯ ВЕТВЬ ГУСТАВУ АДЛЬФУ

Впервые опубликовано в 1644 г., датируется 1632 г., когда войска Густава Адольфа вступили в Кёльн. Густав Адольф (1594—1632) — шведский король, командовавший шведской армией во время Тридцатилетней войны. Кёльн, как известно, был родным городом Вондела, родители которого, менновиты, бежали туда от религиозных преследований.

- ¹ Я из фиалок пил росу востока. — Дом, в котором родился Вондел, носил название «Цур Фиолен» («У Фиалки»).
- ² Падежье стен незыблемого Тира... — Тир, торговый и культурный центр древней Финикии, был разрушен Александром Македонским в 332 г. до н. э.
- ³ В бою не устояв, спасенья ради... — Иерусалим сдался войскам Александра Македонского без боя.
- ⁴ Кедары — головные уборы иудейских первосвященников.
- ⁵ Хвалу холмам и пастырям Шалима. — Шалим — Иерусалим.
- ⁶ Короны три золотых в червленом поле. — Три короны в гербе Кёльна символизируют короны трех волхов, чьи легендарные останки представляют собою главную святыню Кёльна.

Тому, как бранный гнев / Пал на безвинных дев... — См. примеч. 6 оде «Рейн», наст. изд., с. 544.

⁸ *Творения Агриппы не коснется.* — Агриппа (ок. 63—12 г.г. до н. э.), римский полководец. Город Кёльн был основан как «Колония Агриппина» на месте германского поселения.

⁹ *Как Македонец — Пиндара жилище.* — Пиндар (VI—V в. до н. э.) древнегреческий поэт.

НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГУГО ГРОЦИЯ

Впервые опубликовано в 1644 г. Написано, почти перемешано, в 1632 г., когда Гроций провел несколько месяцев в Амстердаме и многократно встречался с Воцделом. Из довольно многочисленных стихотворений Воцдела, посвященных Гроцию, данное представляет наибольший интерес, ибо разрабатывает драматический сюжет бегства в 1621 г. Гроция из заключения — в ящике из-под книг. Как и в других подобных стихотворениях, Воцдел на сравнительно малом пространстве соединяет образы библейской и античной мифологии.

Когда спасла от произвола / Супруга верная Мелхола. — Младшая из дочерей Саула, Мелхола, полюбившая Давида, спасла жизнь Давида от подославших Саулом убийц (1-я Книга Царств, XIX, 11 и далее).

² *Так был спасен Липкей...* — Гипермнестра, единственная из 50 дочерей царя Даная, не послушавшись приказа отца, не убила в брачную ночь своего жениха Липкея.

НА ПОГРЕБЕНИЕ ДОЧЕРИ

В сентябре 1633 г. скончалась восьмилетняя дочь Воцдела, Сара. Тогда же было написано данное стихотворение, впервые опубликованное в 1644 г. Это стихотворение представляет собою один из довольно многочисленных у Воцдела образцов «погребальной поэзии».

¹ *Филане песню шля.* — Нидерландские комментаторы единодушно считают, что здесь речь идет о какой-то утраченной детской песенке.

УТЕШЕНИЕ АРДУ ФОССИО

Дионисий Фосс, сын выдающегося ученого Г. И. Фоссия (о нем см. подробно наст. изд., с. 522), скончался в октябре 1633 г., месяцем позже дочери Вондела. Стихи написаны тогда же, впервые опубликованы в 1644 г.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ ГОДА

Цикл написан в 1643 г., в 1644 г. опубликован в книге Вондела «Разные стихотворения». Картины, о которых здесь идет речь, находились в то время в замке Шляйсхайм возле Мюпхена. По этим картинам были сделаны гравюры (работы Я. Сёйдерхуфа, К. ван Далса, Р. Персейша, А. Халвейха и Я. Фалка); гравюры были воспроизведены в отдельном издании, сопровождались латинскими поэтическими подписями, сочиненными Каспаром ван Барле (1584—1648), известным членом «Мейденского кружка». Однако шестистишие Вондела ни в коей мере не перевод стихов ван Барле. Вондел, как это было принято в поэтической традиции XVII в. (особенно в северных странах), употребляет не латинские, а народные названия месяцев. Ср. подобный цикл Якоба Катса в кн.: Из поэзии Нидерландов XVII века. Л., 1983, с. 39—41.

НА ПОРАЖЕНИЕ УРЕЦКОГО ФЛОТА

Впервые опубликовано в 1649 г. Написано незадолго до того, по поводу победы, одержанной венецианским флотом (к которому присоединились несколько нидерландских кораблей) под командованием адмирала Джакомо Ривы весной 1649 г.

На Кандию... — т. е. на Крит, которому угрожала турецкая оккупация.

² *И конницу сей флотовод / На Польшу двинул в яри...* — В 1649 г. Польша оказалась почти целиком оккупирована турками. «Сарматский» для Вондела означало «польский».

Викторны картаулы... — См. примеч. 22 к ст. 154 «Похвалы Мореходству».

⁴ *Воинственных агарян.* — Агаряне — потомки Агаря, матери Измаила, собственно — все исламские народы (и турки в частности).

ЧУДОВИЩА НАШЕГО ВЕКА

Написано в начале 1650-х годов, полностью опубликовано посмертно, в 1682 г.

Для матери ее великой... — Имеется в виду бывшая королева Франции Мария Медичи.

В Британии под смех и крики... — Описана казнь английского короля Карла I Стюарта (1649).

У сына, что тайком задушен... — Имеется в виду судьба наследника престола Священной Римской Империи, сына Фердинанда III, который должен был взойти на престол под именем Фердинанда IV, но стал жертвой придворной интриги. См. также примеч. 2 к «Люциферу».

А вот статхаудер Оранский... — Имеется в виду статхаудер Вильгельм II Нассау-Оранский; подробней о его попытке государственного переворота см. примеч. 2 к стихотворению «Блокгаузы Амстердама».

И древней Кандии... — см. примеч. 1 к стихотворению «На поражение турецкого флота».

БЛОКГЛУЗЫ АМСТЕРДАМА

Написано и опубликовано отдельным оттиском в 1650 г.

Когда троянский конь твердыню зла обрек... — Войска статхаудера Фредерика Хейдрика (1584—1647) в союзе с Францией, заключенном в 1635 г.,

Примечания

вели успешную войну с Испанией; Фредерик Хендрик подготовил заключение мира с Испанией (1648). «Троянский конь» здесь — войска Фредерика Хендрика.

² *Ровоам* — сын царя Соломона, ответил своим подданным, просившим облегчить возложенное на них бремя, что «отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3-я Книга Царств, XII, 11). Ровоамом в данном случае Вондел называет статхаудера Вильгельма II Нассау-Орацского (1626—1650), который в 1647 г., после смерти своего отца Фредерика-Хендрика, вступил в должность, ставшую с 1634 г. наследственной. По заключении Вестфальского мира (1648) он не распустил войска и принался сколачивать сильную аристократическую партию, готовя окончательный авторитарный захват власти в Нидерландах. После того, как ему не удалось захватить Амстердам, Вильгельм II продолжал борьбу, собирався в союзе с французами захватить Аптверпеп, но умер в 1650 г. Тогда же буржуазия во главе с Яном де Виттом упразднила статхаудерство (до 1672 г., когда оранжисты вновь захватили власть).

³ *Ваш долг беречь корову...* — Вондел объединяет мифы об Ио-корове и Амалтее-козе; последняя была кормилицей младенца Зевса на Крите. Случайно сломанный рог ее Зевс сделал рогом изобилия.

⁴ *Сто ратоборных лет...* — Исторически неверная, но характерная для Вондела деталь; поэт явно тяготел к «круглым» числам и датам («годом златым» в начале стихотворения Вондел тоже называет 1650 г. т. е. год, в окончании цифры которого содержится «золотая» цифра «50»). «Ста годами» он называет те немногие более чем 70 лет, прошедших к моменту написания стихотворения с провозглашения Нидерландской республики. Ср. с подобным же округленным (60 вместо 57) числа веков в ст. 1475 «Адама в изгнании».

ГЕРО И ЛЕАНДР

Данное самим Вонделом название стихотворения — «На мертвого Леандра в руках морских богинь, Рубенсом нарисованного, из Марино». Дата написания не установлена. Стихотворение представляет для нас интерес как едва ли не единственный образец обращения Вондела к творчеству его любимого художника — Рубенса, оказавшего заметное влияние на его драматургию, на «Люцифера» в частности. Стихотворение является весьма вольным переводом более короткого стихотворения выдающегося итальянского поэта Джамбатисты Марино (1569—1625), больше известного под псевдонимом «Кавальер Марино». Подпись к картине Рубенса взята из книги Марино «Галерея» (1619), представляющей собою собрание поэтических подписей к произведениям живописного искусства. Приводим перевод стихотворения Марино, ранее опубликованный в книге: Рубенс. Письма. Документы. М.: Искусство, 1977:

О дочери морей,
Безжалостные в жалости своей,
Куда от здешних мест
Песете хладный труп
Того, кто чистый огонь своей любовью
Истратил, ринувшись в валы седые
Необозримой, варварской стихии?
Увы, покинуть Сест
Он принужден, на небеса взойти,
С невестою расставшись раньше срока, —
Нет, даже смерть — и та не столь жестока.

(Перевод Е. Витковский)

СЧАСТЛИВОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ

Написано и опубликовано отдельным оттиском в 1653 г. Непосредственным поводом для написания этой оригинальной оды послужило трехдневное морское сражение, имевшее место в конце февраля—начале марта 1653 г. Вышедшую с острова Ре в Бискайском заливе флотилию голландских купеческих судов сопровождал небольшой военный эскорт под командо-

ванием М. Х. Тромпа; возле Портленда им встретился английский флот под командованием Блейка, Дипа и Монка. Тромпу, однако, удалось выиграть сражение, и флотилия купеческих судов, груз которой составляли французские вина, благополучно пришла в Голландию. В 1652—1654 гг. между Нидерландами и Англией шла так называемая «Первая морская война», чем и вызваны грубые антианглийские выпады Вондела; обращаем внимание читателя и на то, что как «Люцифер», так и «Ной» датами написания приходятся соответственно на периоды Первой (1652—1654) и Второй (1667—1669) Англо-Голландских морских войн. Поэтические инвективы в периоды этих войн были, впрочем, взаимными. В частности, известный английский поэт Эндрю Марвелл (1621—1678), с 1657 г., кстати, бывший помощником Джона Милтона, тогдашнего латинского секретаря в правительстве Кромвеля, написал, по всей видимости, наиболее грубое произведение в подобном жанре — «Поругание Нидерландов», которое мы, исторической и литературной беспристрастности ради, считаем нужным привести в нашем издании целиком. Чрезвычайно интересен тот факт, что «Поругание Нидерландов» написано Марвеллом по поводу того же самого морского сражения возле Портленда в конце февраля 1653 г., в котором, как пишет комментатор современного нам издания произведений Марвелла, «англичанами была одержана победа над голландцами». Как тут не вспомнить легендарный «Музей победы Карла XII в битве под Полтавой», по сей день существующий где-то в Швеции. «Их адмирал, пятачуга и задира» из ст. 114 сатиры Марвелла — это имел в виду Мартен Харперссон Тромп (1598—1653), нидерландский флотоводец, герой войны с Испанией и Англией; «Харперссон» — букв. «сын Гарпера» (ср. ст. 55 оды Вондела). Сатира «Поругание Нидерландов» была написана Марвеллом, по всей видимости, сразу после сражения, но не позднее июня того же года, когда умер адмирал Дип. Орывки из сатиры (ст. 1—100 и 145—152) были опубликованы анонимно в 1665 г., ни одна копия данного издания до наших дней не сохранилась. Это издание было повторено в 1672 г., когда сатира,

в связи с начавшейся Третьей Англо-Голландской войной (в которой на стороне Англии принимали участие также Франция и некоторые немецкие княжества), снова обрела злободневность. Полный текст сатиры впервые увидел свет в 1681 г., после смерти Марвелла, в книге «Разные стихотворения». Для нашего издания сатира впервые переведена В. Л. Топоровым по тексту авторитетного издания произведений Марвелла: Andrew Marvell. The Compleat Poems. London, 1972, p. 112—116.

ПОРУГАНИЕ НИДЕРЛАНДОВ

Голландия, размером с гулькип нос,
Есть лишь песка британского нанос,
Да та земля, что наши корабли
На мелководье днищем наскребли,
Да океаном выхаркнутый груз
Досок и щепок, устриц и медуз, —
Все, чем морская бездна погнушалась,
Голландцам во владение досталось.

Голландцы — раз у них теперь страна —
¹⁰ Взялись трудиться, словно бы спяна,
Изрыли все вокруг и вкривь и вкось,
Местами продырявили насквозь,
Настроили домишки там и тут, —
И ласточки так тесно не живут, —
И, подружась с навозными жуками,
В войючих порах жить решили сами.

Не грады, а ряды навозных куч
Голландцы воздвигают аж до туч
И зарывают основание в грязь,
²⁰ Куда вода пока не добралась,
И ярусы возводят Вавилона —
Не ввысь, а в направлении Альбиона.

- Но Океан, хранитель древних прав,
Своим напором строй опор поправ,
Идет на них волною величаво,
Опровергая их «морское право».
У них потоп сегодня и всегда:
Не разберешь, где суша, где вода;
Не разберешь, ухи они хлебнули
- ³⁹ Иль вместе с рыбой варятся в кастрюле, —
Недаром же у нежити морской
Сльвут голландцы жирною треской,
Ученые — копченою; лещами
Мещане, а дворяне — судаками.
Природа, Нидерланды породив,
Швырнула их, как камешки, в пролив.
У них есть государство, как ни странно;
Поскольку и Орде нельзя без хана,
Поскольку у пигмеев правит тот,
- ⁴⁰ Кто журавлю до гувки достает,
А у слепых кривой сидит на троне —
Постольку золотарь царит в затоне.
Не тот, кто знает правый путь вперед,
А тот, кто всех до нитки оберет;
Кто высосет до капли всех кругом,
Того зовут Опорой и Отцом.
Изобрели копторы и лопаты —
И землекопы вышли в магистраты,
Конторщяки глядят тузами пик;
- ⁵⁰ Все роют — но не выход, а туник,
Или точнее — выгребную яму,
Весь край уподобляя Амстердаму.
Соединенью Штатов — общий сток
Воистину — единственный залог.
В такой стране, при таком страданье,
Встает вопрос вероисповеданья.

- Среди святых немало рыбаков,
А разве сброд голландский не таков?
К тому же и прилив, и наводнение
60 Похожи на повторное крещение,
Хоть окунь не настолько голосист,
Чтоб вышел из него евангелист.
Пусть вера — госпожа не из монашек,
Но ей рожать не свойственно двойняшек,
А вера нидерландская — блудит
И вырождков десятками плодит.
 Воздвиглась Вера аркою небесной,
Восток и Запад слив дугой чудесной,
Но там, над Амстердамом, раскрошилась —
70 И каждый взял, что под ноги свалилось.
Язычники, еврей, мусульмане
Забултыхались в тамошней лохани,
В той банке веру принято менять,
В том банке всем менялам благодать;
Зовем свою религию единой,
А там единство стоит шиш с полтиной.
 А где у них столица? Да нигде!
В Гааге, то есть черт-те знает где.
В деревне! Собираешься в Гаагу,
80 Бери с собой мотыгу, а не шпагу!
 А как у них насчет военной славы?
В последний раз прославились батавы
В сраженье с Римом. А в который год?
С тех пор минуло тысяча шестьсот.
 Русалки — вот чем славен Амстердам.
Им курят и во храмах фимиами,
И воздают на перекрестках честь.
Русалок в Амстердаме не исчесть.
Повсюду, от зари и до зари.
90 Открыт гулякам доступ в алтари,

И если грявет где-нибудь хвала,
То это славят тучные тела.

А что за балаган простопародью,
Когда приволокло по мелководу
Корабль голландский малою волпой!
Идет, шатаясь, Геркулес пивной,
Идут его похабные матросы, —
Раздавшиеся в ширину колоссы, —
От головы до пят испещрены

¹⁰⁰ Картинками родимой стороны
(Ножом рисуют спьяну друг на дружке).

Но если так кончаются пирушки,
То догадайтесь, как себя ведет
В открытом море нидерландский флот.
Он не спешит на помощь христианам
И не стремится к чуждедальним страпам
За золотым песком. Да что там! Он
Тебе не салютует, Альбион.

Он взбунтовался — хоть представить трудно

¹¹⁰ Что восстает на боевое судно
Его же шлюпка. Нет, гнилой баркас,
Сам по себе тонувший — и не раз!

Не в этом ли «Закон войны и мира»?
Их адмирал, пьянчуга и задира,
Готовя грог, засыпал порох в ром —
А ну, как мы возьмем, да подожжем?
Пренебрегли Содружеством коварно?
А ну, как мы не будем благодарны?

Из сыра изготовили картечь —

¹²⁰ И о войне заводят с нами речь,
Грозят нам колбасой, как пистолетом. —
Да воды расхохочутся вслед им!
Оно, пожалуй, и от них напасть:
Когда на берег выбросило स्वाсть,

То можно наступить — и ушибиться.
 Таков их авангард. А флот томится,
 Зажатый льдом, среди родных болот,
 Покуда наш крепчает и растет —
 И лишь погоды ждет благоприятной,
¹³⁹ Чтоб указать голландцам путь обратный.
 Британцам рябь морская не страшна —
 Их плаванью способствует она,
 К тому ж волшебные очищает воду —
 Все, что прогвило, топчет в непогоду, —
 Но каждый год выходит на простор
 Вещаться с морем гордый «Бакештор»,
 Сразиться, как молодой Геракл, готовый
 С провинций гидрою семиголовой.
 Их черепаху панцирь не спасет,
¹⁴⁰ Сожжен или потоплен будет флот,
 И дальше, чередом неотвратимым,
 Их Карфаген разрушен будет Римом,
 Коль наш не заупрямится Сенат,
 Когда они о мире заскулят.
 Отчаянье пропало, страх исчез,
 Сильны мы силой моря и небес;
 С врагом суровы и честны друг с другом,
 Победы ожидаем по заслугам.
 Державный твой трезубец, Посейдон, —
¹⁵⁰ Дин, Мопк и Блейк — пад морем занесен,
 С небес глядит Юпитер благосклонно, —
 И только в преисподней чтут Плутона.

Если сопоставить «Поругание Нидерландов» с инвективными антианглийскими стихотворениями Вондела («Счастливым мореплаванием» и публикуемым ниже инвективным шестистишиям стихотворения «Лев морей на Темзе», отражающего события уже Второй Англо-Голландской войны), то становится видна вся острота военно-политического соперниче-

Примечания

ства Англии в Голландии на море во второй половине XVII в.

Примечания:

К ст. 26. ... *«морское право»*. — Искаженный вариант названия одного из главных трактатов Гуго Гроция (также см. примеч. к ст. 113).

К ст. 60. *Похожи на повторное крещение*. . . — Намек на широко распространенную в Нидерландах секту анабаптистов, «перекрещенцев».

К ст. 65. *А вера нидерландская — блудит*. . . — Намек на старинную легенду о пекоей нидерландской графине, родившей 365 детей в одни роды.

К ст. 79. *В деревне! собираешься в Гаагу*. . . — Гаага имела статус деревни вплоть до конца XVIII в.; еще К. Хейгенс именовал ее в своих «Голосах городов и деревень» (1625) «Деревня деревень!»

К ст. 82. *В последний раз прославились батавы*. . . — Имеется в виду битва батавов с римлянами в 69 г. (на эту тему написана драма Воцдела «Батавские братья», 1661).

К ст. 108. *Тебе не салютует, Альбион*. — В мае 1652 г. нидерландские суда дважды отказывались салютовать британским в британских же водах, что послужило формальным поводом к началу войны.

К ст. 113. ... *«Закон войны и мира»*. . . — Название главного юридического трактата Гроция, снова искаженное.

К ст. 124. *Когда на берег выбросило снасть*. — В ноябре 1652 г. голландцы разгромили британский флот на рейде, что, в частности, привело к отставке ряда высших британских офицеров после произведенного расследования (ср. ст. 133 — *«К тому ж волнение очищает воду»*).

К ст. 136. . . *гордый «Бакентор»*. . . — «Бакентор» (в русской традиции — «Буцентавр») — государственная галера Венеции, использовавшаяся в ежегодной церемонии Венеции с морем. Как англичане, так и голландцы чрезвычайно любили называть себя «второй Венецией» — или даже «Вдвойне Венецией», как

писал Хёйгенс об Амстердаме в тех же «Голосах городов и деревень».

К ст. 143. *Коль наш не заупрямится Сенат.* — Что в точности имел в виду Марвелл, затрудняются сказать даже английские комментаторы. Очевидна лишь аллюзия к Первой Пунической войне, после поражения в которой карфагеняне должны были просить мира, и намек на какие-то разногласия в английском парламенте.

НА ИЗОБРАЖЕНИЕ УТРЕХТА,
НАРИСОВАННОЕ ХЕРМАНОМ ЗАХТЛЕВЕНОМ

Написано в 1654 г. или немного позже. Впервые опубликовано полностью по черновику только в 1937 г., в юбилейном издании Вондела, подготовленном Албертом Вервеем.

Херман Захтлевен (или Зафтлевен, 1610—1685) — голландский пейзажист, с 1633 г. до самой смерти жил в Утрехте и писал главным образом пейзажи города и его окрестностей.

¹ *С британских берегов явился Виллиброрд...*

Св. Виллиброрд (658—739), происходивший из Нортумберленда в Англии; с 695 г. — епископ Утрехтский; известен обращением в христианство Франкской Фрисландии, также предпринял миссионерское путешествие в Данию; в Утрехте по сей день стоит конная статуя Виллиброрда. Одним из своих «святых патронов» считает Виллиброрда современное Великое Герцогство Люксембургское.

² *Вильгельм Великий, столь престольным Римом чтим...* — Вильгельм I Молчаливый (1533—1584), основатель независимого нидерландского государства, в раннем возрасте был наем при дворе императора Карла V, где воспитывался в католицизме. 22 лет от роду он получил звание наместника (статхаудера) Голландии, Зеландии и Утрехта, — Вондел указывает, что Вильгельм был правителем Утрехта еще до провозглашения в 1579 г. Утрехтской унии, положившей начало существованию Республики Соединенных провинций.

Примечания

⁸ *Адриан Шестой* (собств. Адриан Флорис Буйенс, 1459—1523) — папа римский (1522—1523), последний папа не-итальянского происхождения вплоть до наших дней (до смерти Иоанна—Павла I осенью 1978 г.); родился в Утрехте и жил там до 1475 г.

ПОСОШОК ИОАННА ВАН ОЛДЕНБАРНЕВЕЛТА

Стихотворение датируется 1657 г., когда вместе с двумя другими было опубликовано отдельным оттиском.

¹ *Кто нового Нерона...* — Новый Нерон (для Вондела) — статхаудер Мауриц Оранский.

ПЕСНЬ ДИКИХ ПТИЦ

Дата написания неизвестна, опубликовано в 1660 г.

ДОВОДЕТЕЛЬНАЯ ЯЩЕРИЦА

Датируется 1660 г., опубликовано тогда же.*

НА КОЛОКОЛЬНЫЙ ЗВОН АМСТЕРДАМА

Датируется 1661 г., впервые опубликовано посмертно, в 1682 г. В конце 1650-х годов происходила перестройка Амстердама. В 1658 г. знаменитый лютейщик Франсуа Хемони (1609—1667), выходец из Лотарингии (отсюда стих 44), окончателью сконструировал карильон для Старой Церкви (нид. «Ауде Керк») в Амстердаме. Франсуа Хемони и его брат Питер (Пьер) Хемони (ок. 1619—1680) отлили в Амстердаме того времени большинство колоколов, им же принадлежит честь изобретения карильона как такового — т. е. музыкального инструмента, в котором каждый колокол, звуча определенной нотой, дает возможность исполнять настоящую музыку. *Саломон Фербек* (1632—1685), которого упоминает Вондел в стихе 28,

был одним из первых карильонистов в Старой Церкви. Перестройка Амстердама, происходившая как бы под звуки новозобретенного инструмента, вызвала у Вошдела ассоциацию с мифом об Амфионе, который своей игрой на лире заставлял двигаться камни при постройке Фив, родного города Бахуса (Вакха) — отсюда стих 5.

ЛЕВ МОРЕЙ НА ТЕМЗЕ

Написано и опубликовано отдельным оттиском в 1667 г. Непосредственным поводом к написанию стихотворения послужили следующие события: в 1664 г. английская морская экспедиция захватила в Северной Америке голландскую колонию Новый Амстердам (нынешний Нью-Йорк), в ответ на что в январе 1665 г. Голландией была объявлена так называемая Вторая англо-голландская война. В июне 1667 г. голландская эскадра блокировала устье Темзы. Согласно мирному договору, заключенному в Бреде (31 июля 1667 г.), Новый Амстердам отошел к Англии, но Нидерландам был возвращен оккупированный в ходе войны Суринам (чья независимость была провозглашена лишь в 1975 г.). Первые три строфы стихотворения представляют собой как бы монолог английского короля Карла II. Собственно «Львом Морей» Вошдел называет адмирала М. де Рейтера.

Те, что орденом Подвязки. — М. де Рейтер одержал в ходе этой войны ряд побед, но упоминание в данном случае специфически английского ордена носит прощеский оттенок.

ГУГО ГРОЦИЙ
АДАМ ИЗГНАННЫЙ

Перевод трагедии Гуго Гроция «Адам изгнанный» выполнен по изданию: De dichtwerken van Hugo Grotius. Assen, 1970, представляющему собой фототипическое воспроизведение издания 1601 г. Sacra in quibus Adamus Exul; при работе над переводом учтен голландский перевод, помещенный в издании 1970 г.

¹ *προλογίζεσθαι* — «произносит пролог» (греч.).

² *Громовержца* — *Топанс*. Заимствованное из античной поэзии традиционное именование верховного бога; ср. ниже (ст. 2 и др.) «Тартар» и «пашть Аверна» (ст. 148) в качестве названий преисподней; «Титан» или «Феб» для обозначения Солнца (ст. 316, 323 и др.); «Олимп» как название небесного свода (ст. 242, 319), и т. п.

³ *Аврантиды прекрасной доли*... — Одна из плодороднейших областей Сирии — Хауран, или Авран (греч. *Αβρανίτις*); ср. Иезек. 47, 16, 18.

⁴ ...*Нармалка, что из недр полей бежит близ Сузианы, изобильных бделлием*. — В индексе к «Адаму», помещенному в издании 1601 г., Гроций разъясняет, что Нармалка соответствует Фисону Книги Бытия (2, 11); Сузиана — ныне Хузистан, провинция на юго-западе Ирана; *бделлий* (греч. *βδέλλιον*), в русском переводе Книги Бытия — бдолах; по Иосифу Флавию (Древности III, 1, 6) — род благовонной смолы; бдолах и золото, а также сардоникс, или опикс, в земле, омываемой Фисоном, упоминает Бытие, 2, 12: «И золотого той земли хорошее; там бдолах и камень опикс».

⁵ *Нарсарес Евфрат* соединился с Тигром рядом каналов; известны остатки капала, называемого Наар-Сарес; у Гроция, согласно его индексу, соответствует Гихону (Геову, Гиедиону). Бытие, 2, 13.

⁶ ...*служой мне будет гад*... (и далее до ст. 227). — Понимание змея Книги Бытия 3, 1 сл. («Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Гос-

подъ Бог. И сказал змей жепе...») как Сатааы оиирается на текст из Апокалипсиса, 12, 9: «И низвержен был великий дракон, древний змй, пазываемый днаволом и сатапою».

Природы лик перевернут был... (и далее до ст. 293). — Ср. Сенека. Флест, 813—875. *Киносура* («Песий хвост») — греческое название Малой Медведицы; *Жертвенник* — созвездие Южного полушария; *Аквилон* — северный ветер; *Гелика* («Вращающаяся») — греческое название Большой Медведицы, обращающейся вокруг полюса; *Нот* — южный ветер; *Козерог*, *Рак* — знаки зодиака; *Солнце* находится в знаке Козерога в день зимнего солнцестояния, а в знаке Рака — в день летнего солнцестояния. Гродий свободно владеет астрономической проблематикой не в последнюю очередь как издатель дидактической поэмы Арата из Сол «Явления» (ок. 270 г. до н. э.), выпущенной им за год до появления «Адама».

⁸ ... *бесстрашный борьбу воздвиг Михаил...* — Михаил — один из семи архангелов, стоящих перед Богом; Откровение, 12, 7—8: «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе».

⁹ ... *движенья — первый двигатель — не ведая.* — Представление о Боге как о неподвижном первом двигателе, приводящем все в движение силою любви, которую Он к себе вызывает (ср. Данте, Рай, XXXIII, 145: «Любовь, что движет и светила», пер. М. Лозинского), восходит к Аристотелю (Метафизика, XII, 7, 1072 а 20—1073 а 14).

та четверня... — Четыре элемента, стихии: огонь, воздух, вода, земля.

¹¹ *Литаясь всякий пропитаньем собственным...* (и далее до ст. 621). — Ср. Бытие, 1, 22.

¹² *О, творец всего, благодарный славит ум тебя небывалым гимном...* (и далее до ст. 841). — Хор представляет собой переложение 103 Псалма Давида о сотворении мира.

¹³ *Кавры* (Caurus, или Corus) — северо-западный ветер.

- ¹⁴ *Ты спокойно зришь врага...* (и далее до ст. 864). — Ср. Сенека. Флест, 491—507. *Скорей в небесных нивах злаки сжатые... вспять текущие...* Ср. Сенека. Федра, 572—596; Геркулес в безумии, 373—378; Октавия, 223—227; Флест, 477—483.
- ¹⁵ *Крустумерийских груш...* Крустумерий — сабинский город к северу от Рима на левом берегу Тибра; о крустумерийских грушах говорит, в частности, Колумелла (I в.), автор сочинения «О сельском хозяйстве» (5, 10, 18).
... *Евфрат... Нил... Тигр... Ганг...* — Четыре великие реки; в ряде толкований Книги Бытия принималось, что под Фисоном и Геоном следует понимать Нил и Ганг.
- ¹⁶ *Фарос* — остров близ Александрии, на котором в 299—279 гг. до н. э. был построен знаменитый маяк; у Гроция (по образцу Стация или Лукана) Фаросом метонимически называется Египет.
- ¹⁷ *Не верь, что только яблоко одно сорвав...* (и далее до ст. 1247). — В индексе к «Адаму» Гроций поясняет: «Души три: растительная, чувствующая... и рациональная — *ἀπάθητος* и бессмертная; одной четыре части поочередно осаждают Сатана: разумную, пылкую, возделывающую, чувства».
- ¹⁸ *Судьбы управляют всем...* (и далее до ст. 1081). — Стоический тезис, примеры развития которого дает тот же Сенека в «Эдипе», 989—994 и др.
Да и смерть черед извечный перемен бесчисленных. (и далее до ст. 1095). Ср. Лукреций. О природе вещей, I, 262—265; II 1002—1005.
... *души только действуют.* (и далее до ст. 1102). Представление о нематериальной неаффицируемой душе — истоке движения и самодвижном начале — было развито в традиции платонизма; совмещаемое с аристотелевским пониманием души как зителехми вошло в учение Фомы Аквината.
- ¹⁹ ... *быть и быть блажим — одно.* — Тезис, подчеркиваемый в философии Фомы Аквината.
- ²⁰ ... *Опасность не осилить без опасности...* — Перефразированная сентенция Публилия Спра (№ 420 Bickford—Smith).

- ²⁵ *сама с собою битвы не завязывай* (и далее до ст. 1243) — О необходимости доверять чувствам ср. Лукреций. О природе вещей, IV, 478 сл.
- ²⁶ *Так отчего же страх пронзил суставы мне...* (и далее до ст. 1263). — Ср. Сенека, Фiest, 985—995.
- ²⁷ *Смешно и глупо мерой грех вымеривать.* — Ср. Сенека. Агамемнон, 150.
- ²⁸ *...но также может от вины успех вины избавить...* — Ср. Сенека. Федра, 598.
- ²⁹ *Люби, когда он справедлив, а нет — терпи.* — Перефразированная сентенция Публилия Сира (№ 8): «Люби отца, коль справедлив, а нет — терпи».
- ³⁰ *Греха чуждаться — добродетель первая...* (и далее до ст. 1388). — Ср. Сенека. Агамемнон, 240—243.
- ³¹ *А того, чтоб муж любовь к супруге предпочел родительской, хотел не Бог ли?* — Ср. Бытие, 2, 24.
- ³² *Зарыдай, влеком круговратным горем...* (и далее до ст. 1529). — Хоры из сапфических и адонийских стихов у Сенеки в «Троянках» (815—860), «Эдипе» (110—153), «Геркулесе в безумии» (830—874), «Геркулесе на Эте» (1518—1606), «Фiestе» (546—622).
- ³³ *Нападет скуда, обессилит дряхлость.* (и далее до ст. 1515). — Ср. Левит, 26 (особенно ст. 16, 20), Второзаконие, 28 (особенно стихи 22, 27, 33, 59—61); ср. ниже, ст. 1599—1608, 2037—2040.
- ³⁴ *Все, что задумал, — удалось... до небес взнеслась.* — Ср. Сенека. Фiest, 885—886.
- ³⁵ *Кто я? Что сделал? Мчусь куда?* — Ср. Сенека. Геркулес в безумии, 1138.
- ³⁶ *Туда спасемся, где деревья частые...* (и далее до ст. 1989). — Ср. Бытие, 3, 8—24.
- ³⁷ К ст. 2012—2014 *«Таков он, свежеч свадебный.* Ср. Сенека. Троянки, 1053—1055.
- ³⁸ *Τοῖόντι ἀπέβη τὸς πρᾶγμα.* — «Так завершилось опое действие» (греч.).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Йост ван ден Вондел (фронτισпис)
Йост ван ден Вондел.
 Портрет работы Ф. де Коинка
 «Люцифер». Титульный лист
 «Адам». Заставка
 «Ной». Заставка
Великий пенсионарий Иоан ван Ольденбарневелт
Корнелис Патерс Хофт
Питер Корнелис Хофт
Константейн Хейгенс.
 Рисунок работы Христиана Хейгенса
Йост ван ден Вондел.
 Портрет работы Яна Ливенса
Февраль. Гравюра по рисунку Саандрарта
Август. Гравюра по рисунку Саандрарта
Блокгаузы Амстердама
Мартен Харперсон Тромп в аллегорическом виде
Гуго Гроций
Мария ван Рейгерсберг, жена Гроция
Вондел в глубокой старости.
 Рисунок Ф. де Коинка

СОДЕРЖАНИЕ

ЙОСТ ВАН ДЕН ВОНДЕЛ. ТРАГЕДИИ

Перевод Е. Витковского

ЛЮЦИФЕР	5
АДАМ В ИЗГНАНИИ	108
НОЙ	188

ДОПОЛНЕНИЯ

ТИХОГОВОРЕНИЯ

Вечерняя молитва гёзов, или отходная для двадцати четырех судей. <i>Перевод Е. Витковского</i>	260
Похвала Мореходству. <i>Перевод Е. Витковского</i>	262
На смерть господина Корнелиса Питерса Хофта. <i>Перевод В. Швырлева</i>	277
Новая песня Рейптъе-лиса. <i>Перевод Е. Витковского</i>	277
Развратники в курятнике. <i>Перевод Е. Витковского</i>	281
Рейп. <i>Перевод Е. Витковского</i>	289
Скребница. <i>Перевод Е. Витковского</i>	295
Гарпун. <i>Перевод Е. Витковского</i>	301
Оливковая ветвь Густаву Адольфу. <i>Перевод Е. Витковского</i>	306

Содержание

На освобождение Гуго Гроция. <i>Перевод Е. Витковского</i>	308
На погребение дочери. <i>Перевод В. Швыряева</i>	310
Утешение Герарду Фоссию. <i>Перевод В. Швыряева</i>	311
Двенадцать месяцев года. <i>Перевод В. Летучего</i>	313
На поражение турецкого флота. <i>Перевод В. Летучего</i>	316
Чудовища нашего века. <i>Перевод В. Швыряева</i>	318
Блокгаузы Амстердама. <i>Перевод В. Летучего</i>	319
Геро и Леандр. <i>Перевод В. Швыряева</i>	321
Счастлирое мореплавание. <i>Перевод Е. Витковского</i>	322
На изображение Утрехта, парисованное Херманом Захтлевеном. <i>Перевод В. Летучего</i>	324
Поспнок Йоана ван Олденбарневелта. <i>Перевод В. Швыряева</i>	325
Песнь диких птиц. <i>Перевод В. Швыряева</i>	326
Добродетельная ящерица. <i>Перевод В. Летучего</i>	327
На колокольный звон Амстердама. <i>Перевод В. Летучего</i>	329
Лев морей на Темзе. <i>Перевод В. Швыряева</i>	331
ГУГО ГРОЦИЙ. АДАМ ИЗГНАННЫЙ <i>Перевод Ю. Шичалина</i>	334

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Н. И. Балашов</i> . Вондел в системе западноевропейской литературы XVII в.	409
<i>В. В. Ошис</i> . «Трагик хороший» (Творчество Вондела и нидерландская литература XVII века)	430
<i>Ю. А. Шичалин</i> . «Гроций — муж от рождения» («Адам изгнанный» — гуманистическая драма на ветхозаветный сюжет)	479

ПРИМЕЧАНИЯ

Обоснование текста. Составил <i>Е. Витковский</i>	496
Имена персонажей трилогии (Составил <i>Е. Витковский</i>)	498
Люцифер (Составил <i>Е. Витковский</i>)	511
Адам в изгнании (Составил <i>Е. Витковский</i>)	521
Ной (Составил <i>Е. Витковский</i>)	527
Стихотворения (Составил <i>Е. Витковский</i>)	535
Гуго Гроций. Адам изгнанный (Составил <i>Ю. А. Шичалин</i>)	566
Список иллюстраций	570

ИОСТ
ван дѢН
ВОНДЕЛ
ТРАГЕДИИ

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»
Академии наук СССР

Редактор
И. Г. Древянская
Художник
В. Г. Виноградов
Художественный редактор
Н. Н. Власки
Технический редактор
Л. Н. Золотухина
Корректор
И. А. Несмеева
ИБ № 36287

Сдано в набор 26.02.87.
Подписано к печати 28.08.87.
Формат 70 × 90^{1/16}.
Бумага типографская № 1
Гарнитура обывновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 21,72. Усл. кр.-отт. 22,89
Уч.-изд. л. 26
Тираж 50000 экз. Тип. зак. 1309
Цена 3 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»
ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:**

**ПЕДРО КАЛЬДЕРОН ДЕ ЛА БАРКА
ДРАМЫ**

В книгу входят шесть пьес Кальдерона в переводе К. Д. Бальмонта, изданных самим Бальмонтом, и четыре новооткрытых пьесы в машинописи 1919 г. в переводе Бальмонта, печатающиеся впервые. В разделе «Дополнения» публикуется пьеса «Жизнь есть сон» в переводе Д. К. Петрова. Переводы пьес Кальдерона представляют выдающееся явление русской культуры. Работа К. Д. Бальмонта над переводами отличается особой тщательностью. Им были отобраны для перевода произведения с глубокой философской и общественной проблематикой. Издание сопровождается научным аппаратом.

**ЛУИЗА ЛАБЕ
СТИХИ. ПРОЗА**

Творческое наследие французской поэтессы Луизы Лабе (ок. 1524—1566) невелико по объему, но ее роль в развитии французской поэзии очень значительна: Лабе завершила ранний этап французского Возрождения и во многом предвосхищала творческие открытия Ронсара и его школы. При жизни поэтесса пользовалась большой известностью и авторитетом. В настоящем издании публикуются все произведения Луизы Лабе, а также наиболее значительные стихотворения, посвященные ей современниками.

Издание сопровождается статьей и обстоятельными примечаниями.

3p. 40k

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»